

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

*75-годдзю Мінкага іняза –
сённяшняга МДЛУ
прысвячаеца*

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі

Мінск, 7 красавіка 2023 г.

Выпуск 22

Мінск
МДЛУ
2024

УДК 94(476+430).6
ББК 63.3(4 Бєи) + 63.3(4 Гєм)
Б43

Рэкамендаваны Рэдакцыйным саветам Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта. Пратакол № 4 (70) ад 19.10.2023 г.

Рэдакцыйная калегія: А. А. Каваленя (*адказны рэдактар*), С. Я. Новікаў (*намеснік адказнага рэдактара*), У. В. Здановіч, У. К. Коршук, А. М. Кушнярэвіч, А. М. Літвін, М. В. Стралец

Рэцэнзенты: доктар гістарычных навук, прафесар А. П. Жытко (БДПУ імя М. Танка); кандыдат педагагічных навук, дацэнт М. А. Краснова (Інстытут гісторыі НАН Беларусі)

Канферэнцыя праводзіцца ў рамках Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг. «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя).

Падпраграма 1.5 «Гісторыя». Заданне 2.5. «Беларусь у гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў і першае пасляваеннае дзесяцігоддзе: гістарыяграфія і крыніцы» (навуковы кіраўнік – доктар гістарычных навук, прафесар А. М. Літвін); 2.7. «Палітыка, практыка і наступствы нацысцкага эканамічнага генацыду на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. (на матэрыялах нямецкіх трафейных дакументаў НАРБ)» (навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт С. Я. Новікаў)

Б43 **Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 7 крас. 2023 г. Вып. 22 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2024. – 260 с.**

ISBN 978-985-28-0241-3

У выданні змешчаны матэрыялы выступленняў, у якіх аўтары на аснове дакументальных і гістарыяграфічных крыніц асвятляюць асобныя старонкі гістарычнага мінулага і сучаснасці Беларусі і Германіі.

Адрасаваны навукоўцам, выкладчыкам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй беларуска-германскіх адносін.

УДК 94(476+430).6
ББК 63.3(4 Бєи) + 63.3(4 Гєм)

Электронная версия издания доступна
в электронной библиотеке МГЛУ
по ссылке e-lib.mslu.by или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0241-3

© УА «Мінскі дзяржаўны
лінгвістычны ўніверсітэт», 2024

ПРЫЎІТАЛЬНАЕ СЛОВА
ПРАРЭКТАРА ЎНІВЕРСІТЭТА ПА НАВУКОВАЙ ПРАЦЫ
ВОЛЬГІ УЛАДЗІМІРАЎНЫ ЛУШЧЫНСКАЙ

Шаноўныя ўдзельнікі і госці канферэнцыі! Паважаныя калегі!

Дазвольце ад імя аргкамітэта канферэнцыі і яе старшыні – рэктара ўніверсітэта Н. Я. Лапцевай – сардэчна вітаць вас на XXII міжнароднай навуковай канферэнцыі “Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць”, прысвечанай 75-годдзю стварэння Мінскага ініаза – цяперашняга МДЛУ. Адразу ж заўважу, што для мяне гэта першая магчымасць адкрыць сустрэчу ў лінгвістычным універсітэце на гістарычную тэматыку і пазнаёміцца з яе ўдзельнікамі.

Арганізацыйна сустрэча праводзіцца ў камбінаваным фармаце (он- і офлайн). Аб сваім удзеле ў ёй заявілі больш за 40 даследчыкаў з Беларусі, Расіі і Францыі. Мы вельмі рады гасцям, сярод якіх французскі даследчык Марыс Панцье, расійскі гісторык Дзмітрый Папоў і аспірант Арэнбургскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта Дзінар Хісамутдзінаў. Беларускія гісторыкі прадстаўляюць універсітэты і навукова-даследчыя арганізацыі з Брэста, Магілёва, Мінска і Полацка.

Канферэнцыя арганізавана сумесна з Цэнтрам ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі і адбываецца ў рамках выканання (падпраграма «Гісторыя») Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг. «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» (навуковы кіраўнік – акадэмік НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя). Навукоўцы кафедры гісторыі і сацыяльных навук разам са студэнтамі факультэта нямецкай мовы нашага ўніверсітэта забяспечваюць выкананне тэмы НДР «Палітыка, практыка і наступствы нацысцкага эканамічнага генацыду на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. (на матэрыялах нямецкіх трафейных дакументаў НАРБ)».

Знаёмства з праграмай канферэнцыі дае магчымасць адзначыць таксама той важны факт, што ў фокусе асабістых навуковых пошукаў і калектыўных даследчыцкіх праектаў знаходзіцца праблематыка, датычная гісторыі Беларусі перыяду Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў.

Упэўнена, што новыя ідэі, высновы і ацэнкі, да якіх вы прыйдзеце ў выніку абмеркавання пастаўленых праблемных і дыскусійных пытанняў, не застануцца толькі ў сферы акадэмічнай навукі, але паўплываюць на вырашэнне надзённых выхаваўчых задач у нашым грамадстве, асабліва ў справе патрыятычнага выхавання і прафесійнай падрыхтоўкі студэнцкай моладзі ўніверсітэта ў святле выкладання новай вучэбнай дысцыпліны “Гісторыя беларускай дзяржаўнасці”.

Шаноўныя калегі, госці і сябры МДЛУ! Дазвольце аб’явіць адкрытай XXII міжнародную навуковую канферэнцыю “Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць” і пажадаць вам поспехаў.

БЕЛАРУСЬ У ПАЧАТКУ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ: ДАКУМЕНТАЛЬНЫ НАРАТЫЎ І ДАСЛЕДЧЫЦКІЯ ПАДЫХОДЫ

У. В. Здановіч

ГІСТАРЫЯГРАФІЧНАЕ ВЫВУЧЭННЕ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ ПЕРЫЯДУ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ Ў 1990-я – ПАЧАТКУ 2000-х гг.: ДАСЯГНЕННІ І ПЕРСПЕКТЫВЫ

Адной з неабходных умоў распрацоўкі гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны з’яўляецца гістарыяграфічны аналіз прац па праблеме, што будзе садзейнічаць далейшаму паглыбленню, сістэматызацыі навуковай інфармацыі пра мінулую вайну. Далейшыя дасягненні гістарычнай навукі ў значнай меры залежаць ад інтэнсіўнасці гістарыяграфічнага даследавання.

У савецкі перыяд гістарыяграфічная тэматыка займала даволі сціплае месца ў беларускай гістарычнай навучы. Як правіла, гэта былі гістарыяграфічныя ўводзіны да манаграфічных выданняў і гістарыяграфічныя раздзелы спецыяльных дысертацыйных даследаванняў па тэме, якія мелі бібліяграфічна-апісальны характар. Абароненыя кандыдацкія дысертацыі А. В. Сямёнавай і Н. П. Жук, прысвечаныя замежнай ваеннай гістарыяграфіі, падрыхтаваныя ў рэчышчы тагачаснай гістарыяграфічнай сітуацыі, кардынальна сітуацыю не мянялі [1; 2].

У незалежнай Беларусі гістарыяграфічнае асэнсаванне гісторыі Вялікай Айчыннай вайны падымаецца на якасна новы ўзровень. Пацвярджаннем таму з’яўляюцца канферэнцыі, непасрэдна прысвечаныя гістарыяграфіі, крыніцазнаўству, у рабоце якіх прымалі ўдзел і ваенныя гісторыкі рэспублікі. Вывучэнне праблемы гістарыяграфіі ўяўляе асаблівую даследчую цікавасць, таму што адбылося вылучэнне, афармленне і развіццё ўласнай беларускай гістарыяграфіі.

У дадзеным выступленні будзе звернута ўвага на асноўныя гістарыяграфічныя працы, якія ўбачылі свет у 1990-я – 2000-я гг. Наогул, усе даследаванні, якія з’явіліся ў разглядаемы перыяд, умоўна можна падзяліць на некалькі груп.

Да першай групы адносяцца калектыўныя выданні. На жаль, у незалежнай Беларусі падрыхтавана толькі адна гістарыяграфічная праца такога кшталту – выдадзеная ў 1999 г. кніга “Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства”, у якой упершыню ў гістарычнай навучы Беларусі зроблена спроба падвесці вынікі напрацовак айчынных даследчыкаў па ваеннай гісторыі рэспублікі [3]. У сувязі з тым, што на аўтарскім узроўні тэма была завершана яшчэ ў 1991 г., прааналізавана пераважна гістарыяграфія савецкага перыяду. Несумненнай заслугой аўтарскага калектыву з’яўляецца выдзяленне праблем ваеннай гісторыі Беларусі, якія патрабуюць дадатковага паглыбленага вывучэння.

Не адбылося істотнага прарыву ў выданнях асобных аўтараў. Па сутнасці, па айчыннай гістарыяграфіі гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны маюцца толькі манаграфіі У. В. Здановіча, у якіх у цэласным выглядзе разгледжаны працэс навуковага вывучэння гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны, прааналізаваны напрацоўкі айчынных навукоўцаў па праблеме пачатковага перыяду вайны, эвакуацыйных працэсаў у Беларусі ў 1941 г., формаў барацьбы насельніцтва на акупіраванай тэрыторыі, супрацоўніцтва беларускага насельніцтва з акупацыйнымі ўладамі, ідэалагічнага супрацьстаяння варагуючых бакоў, удзелу ўрадженцаў Беларусі на франтах вайны і еўрапейскім руху Супраціўлення, раскрыты працэс падрыхтоўкі кадраў даследчыкаў [4; 5]. Адзначым, што яны сталі асновай доктарскай дысертацыі аўтара.

Сярод прац выдзелім манаграфіі С. Я. Новікава, якія маюць не толькі гістарыяграфічны, але, што вельмі важна, і крыніцазнаўчы характар. Яшчэ адной асаблівасцю выданняў аўтара з'яўляецца аналіз нямецкамоўных гістарычных і гістарыяграфічных крыніц. У працы “Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі ў 1941–1944 гг.: агляд крыніц германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў” у першым раздзеле даецца агульная характарыстыка нямецкамоўных крыніц, выяўленых аўтарам у Федэральным ваенным архіве (г. Фрайбург) і Федэральным архіве Германіі (Берлін-Ліхтэрфельд), Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, Расійскім дзяржаўным ваенным архіве і, што з'яўляецца крокам наперад у вывучэнні нямецкіх дакументаў, праводзіцца археаграфічны аналіз асобных першакрыніц. Другі раздзел прысвечаны германскай гістарыяграфіі 1990-х гг. [6].

Другая кніга даследчыка “Беларусь у кантэксце германскай гістарыяграфіі гісторыі Другой сусветнай вайны”, выдадзеная праз два гады пасля вышэй адзначанай, хоць і складаецца таксама з дзвюх частак, мае іншае напавенне [7]. У прыватнасці, у ёй адсутнічае крыніцазнаўчы складнік і значна пашыраны гістарыяграфічны аналіз. У першай частцы ў сціслай форме даецца агляд айчыннай, англа-амерыканскай, нямецкамоўнай, польскай нямецкамоўнай, германскай гістарыяграфіі гісторыі Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў, вызначаюцца асноўныя этапы і тэндэнцыі іх развіцця, важнейшыя навуковыя канцэпцыі. У другой частцы падведзены вынікі нямецкіх даследаванняў па наступных праблемах: Беларусь напярэдадні германскай агрэсіі; характар “германа-савецкай вайны”; акупацыйная палітыка, якая мела значынны характар і была накіравана на вынішчэнне (органы кіравання, ліквідацыя яўрэяў, ваеннапалонных, тэрор у дачыненні да мясцовага насельніцтва, калабарацыя, прымусовая праца, остарбайтэры); партызанскі рух; вызваленне Беларусі.

Аднак у 2014 г. С. Я. Новікаў вярнуўся да ідэі спалучэння гістарыяграфіі і крыніцазнаўства. Пры гэтым спалучэнне паднялося на новы ўзровень і набыло характар гістарыяграфічнай і крыніцазнаўчай кампаратывістыкі. У манаграфіі “Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні

баявых дзеянняў”, перавыдадзенай з дапаўненнямі ў 2015 г. у Смаленску, баявыя дзеянні паказаны на падставе параўнальна-гістарычнага аналізу гістарыяграфічных і гістарычных крыніц, у першую чаргу дакументальных, савецкага і нямецкага паходжання [8]. Дадзены метадалагічны падыход дазволіў аўтару па-новаму паказаць баявыя дзеянні на тэрыторыі Беларусі летам 1941 года.

У 2006 г. убачыла свет манаграфія К. І. Козака “Германский оккупационный режим на территории Беларуси. 1941–1944 гг.: историография и источники” [9]. Выбраны аўтарам падыход не даў магчымасці правесці грунтоўны аналіз і прац беларускіх гісторыкаў. У манаграфіі, якая налічвае 268 старонак, 138 старонак (са 130 па 267) складае “Спіс ваенна-паліцэйскіх гарнізонаў, участкаў, апорных пунктаў на тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг.”. На гістарыяграфічны аналіз замежнай і беларускай літаратуры адведзена 77 старонак.

У новай манаграфіі К. І. Козака “Германские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944): анализ и итоги потерь” выдзелены спецыяльны раздзел “Гістарыяграфія і крыніцы даследавання”, у якім аналізуюцца працы нямецкіх даследчыкаў, некаторых англамоўных гісторыкаў, вучоных з Расіі, Украіны, прыбалтыйскіх краін, а таксама беларускіх навукоўцаў [10]. У асобных падраздзелах даецца кароткая характарыстыка айчынных і замежных крыніц, раскрываецца метадалогія вызначэння страт, асаблівасці іх падлікаў.

Адметнай асаблівасцю постсавецкай гістарыяграфіі з’яўляецца аналіз літаратуры па асобных аспектах выбранай праблемы. Дасягненні беларускіх гісторыкаў у даследаванні пытанняў патрыятычнага руху моладзі, станаўлення і развіцця камсамольска-маладзёжнага падполля, яго ролі па прыцягненні юнакоў і дзяўчат у партызанскую барацьбу, удзелу падростаючага пакалення Беларусі ў прагерманскіх маладзёжных саюзах і арганізацыях раскрыты ў працах А. А. Кавалені. Адзначаючы поспехі айчынных навукоўцаў у вывучэнні пытанняў, звязаных з дзейнасцю моладзі ў партызанскай і падпольнай барацьбе, авангарднай роляй у дыверсійных аперацыях, аўтарытэты гісторык выдзяляе маладаследаваныя аспекты акрэсленай тэмы: падрыхтоўка моладзі да ўзброенай барацьбы з ворагам, дзейнасць юнакоў і дзяўчат у пачатковы перыяд вайны, псіхалагічныя аспекты патрыятызму і гераізму [11].

Стан і перспектывы навуковай распрацоўкі праблемы супрацоўніцтва насельніцтва акупаваных фашыстамі краін са службамі і ведамствамі гітлераўскай Германіі, дзейнасці антысавецкіх ваенна-паліцэйскіх фарміраванняў на тэрыторыі Беларусі ў перыяд Другой сусветнай вайны вызначыў А. М. Літвін [12].

Гістарыяграфічныя раздзелы маюцца практычна ва ўсіх калектыўных выданнях: фундаментальным двухтомным выданні беларускіх гісторыкаў “Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.” [13], “Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.” [14],

“Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.” [15], “Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне” [16], “История белорусской государственности” [17].

У другой частцы кнігі “Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память” маецца спецыяльны раздзел “Вклад Беларуси в победу над фашизмом в отражении документов национального архивного фонда, отечественной и зарубежной историографии”, у якім змешчаны артыкулы У. В. Здановіча, С. Я. Новікава, Я. П. Бязлепкіна [18]. У артыкулах гэтых даследчыкаў раскрываюцца дасягненні і вызначаюцца нявырашаныя пытанні беларускай праблематыкі 1941–1945 гг. у айчыннай, германскай і англамоўнай гістарыяграфіі ЗША і Вялікабрытаніі

Наступны блок гістарыяграфічных прац складаюць дысертацыйныя даследаванні, якія прадстаўляюць аснову гістарычнай навукі і найбольш яскрава адлюстроўваюць узровень яе развіцця ў той ці іншы перыяд. Асабліва дадзенай групы крыніц з’яўляецца акадэмічнасць выкладання матэрыялу і адносна недаступнасць шырокаму колу чытачоў. Падрыхтоўка кадраў даследчыкаў, у першую чаргу дактароў і кандыдатаў навук, – важнейшая ўмова паспяховага вырашэння задач па вывучэнні гістарыяграфіі гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны.

Аднак і на гэтым напрамку дасягненні беларускай гістарычнай навукі не ўраджаюць. Абаронена толькі адна доктарская дысертацыя У. В. Здановіча “Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945 гг.) у адлюстраванні айчыннай гістарыяграфіі”, аснову якой, як адзначалася раней, склалі манаграфіі аўтара “Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1944 гг.) у адлюстраванні айчыннай гістарыяграфіі” і “Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Агляд крыніц і айчыннай гістарыяграфіі” [19].

Кандыдацкая дысертацыя С. А. Сіткевіча прысвечана канкрэтнай праблеме – аналізу айчыннай і польскай гістарыяграфіі дзейнасці польскага падполля на тэрыторыі Беларусі ў гады Другой сусветнай вайны [20].

У кандыдацкай дысертацыі Я. П. Бязлепкіна “Гістарыяграфія ЗША і Вялікабрытаніі па гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны” прааналізаваны асноўныя падыходы даследчыкаў ЗША і Вялікабрытаніі да вывучэння праблем на тэрыторыі рэспублікі ў перыяд нацысцкай акупацыі [21].

Праведзены аналіз паказаў, што ў беларускіх даследчыкаў маюцца пэўныя дасягненні ў гістарыяграфічным вывучэнні гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны. Падрыхтаваны, хоць і ў нязначнай колькасці, калектыўныя выданні і манаграфіі асобных аўтараў, абаронены адна доктарская і дзве кандыдацкія дысертацыі. Аднак гэта не адпавядае агульнаму стану гістарычнай навукі Беларусі на сучасным этапе. На жаль, у рэспубліцы адсутнічае гістарыяграфічная традыцыя. Не склалася і гістарыяграфічная школа. Для выпраўлення сітуацыі неабходна ў першую чаргу падрыхтоўка доктарскіх дысертацый па гістарыяграфіі. Ад наяўнасці дактароў навук залежыць не толькі агульны ўзровень навуковых даследаванняў, але і ўзровень падрыхтаваных кандыдацкіх дысертацый.

ЛІТАРАТУРА

1. *Семенова, А. В.* Фальсификация истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны современной реакционной историографией США : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Семенова ; Ин-т истории АН БССР. – Минск, 1967. – 26 с.
2. *Жук, Н. П.* Партизанское движение Белоруссии периода Великой Отечественной войны в отражении западногерманской буржуазной историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. П. Жук ; АН БССР, Ин-т истории. – Минск, 1991. – 31 с.
3. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства : зб. арт. / пад рэд. В. І. Марціновіча. – Мінск : Беларус. навука, 1999. – 253 с.
4. *Здановіч, У. В.* Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1944 гг.) у адлюстраванні айчыннай гістарыяграфіі : манаграфія / У. В. Здановіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя ; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2008. – 257 с.
5. *Здановіч, У. В.* Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Агляд крыніц і айчыннай гістарыяграфіі : манаграфія / У. В. Здановіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя ; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2012. – 283 с.
6. *Новікаў, С. Я.* Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі ў 1941–1944 гг.: агляд крыніц германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў / С. Я. Новікаў ; навук. рэд. Г. А. Космач ; Беларус. дзярж. лінгвіст. ун-т. – Мінск : МДЛУ, 2002. – 219 с.
7. *Новікаў, С. Я.* Беларусь у кантэксце германскай гістарыяграфіі гісторыі Другой сусветнай вайны / С. Я. Новікаў ; навук. рэд. Э. Р. Іофе. – Мінск : МДЛУ, 2004. – 284 с.
8. *Новікаў, С. Я.* Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С. Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – 300 с.
9. *Козак, К. И.* Германский оккупационный режим на территории Беларуси. 1941–1944 гг. : историография и источники / К. И. Козак ; под ред. А. А. Ковалени. – Минск : БГУ, 2006. – 268 с.
10. *Козак, К. И.* Германские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944) : анализ и итоги потерь / К. И. Козак. – Минск, 2012. – 374 с.
11. *Каваленя, А. А.* Моладзь Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / А. А. Каваленя // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства : зб. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; навук. рэд.: Я. С. Паўлаў, А. М. Літвін. – Мінск : Беларус. навука, 1999. – С. 123–162.
12. *Літвін, А. М.* Антысавецкія ваенна-паліцэйскія фарміраванні на тэрыторыі Беларусі ў Другой сусветнай вайне: стан і перспектывы даследавання / А. М. Літвін // Гіст. альм. – 2001. – Т. 4. – С. 87–100.

13. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў к. XVIII – пач. XXI стст. : у 2 кн. / рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – Кн. 2 / М. У. Смяховіч [і інш.]. – 654 с.
14. Беларусь в годы Великой Отечественной войны : 1941–1945 гг. / А. А. Коваленя (рук. авт. кол.) [и др.]. – Минск : БелТА, 2005. – 544 с.
15. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т історыі ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Кн. 2. – 335 с.
16. Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне / А. М. Литвин [и др.] ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 495 с.
17. История белорусской государственности : в 5 т. / А. А. Коваленя [и др.] ; Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т історыі. – Минск : Беларус. навука, 2018–2020. – Т. 4 : Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.). – 2019. – 567 с.
18. Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память : в 2 кн. / НАН Беларусі, Ін-т історыі ; редкол.: А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2010. – Кн. 2. – 358 с.
19. *Здановіч, У. В.* Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1944 гг.) у адлюстраванні айчыннай гістарыяграфіі : аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук : 07.00.09 / У. В. Здановіч ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2016. – 49 с.
20. *Ситкевич, С. А.* Деятельность польского подполья на территории Беларуси (1939–1954 гг.): историография проблемы : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / С. А. Ситкевич ; Ін-т історыі НАН Беларусі. – Мінск, 2002. – 20 с.
21. *Бязлепкін, Я. П.* Гістарыяграфія ЗША і Вялікабрытаніі па гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.09 / Я. П. Бязлепкін ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2014. – 25 с.

А. М. Литвин

УЧАСТИЕ БЕЛОРУСОВ В ОБОРОНЕ СТАЛИНГРАДА И СТАЛИНГРАДЦЕВ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ В БЕЛАРУСИ (1942–1944)

Общеизвестно, что в БССР и Республике Беларусь уделялось и уделяется большое внимание изучению и популяризации проблем истории Беларуси периода Великой Отечественной войны. Поэтому совершенно логичны является объявление 2022 года в Республике Беларусь – годом исторической памяти. Это значительно активизировало работу по сохранению памяти, мемориализации подвига и трагедии народа в годы Великой Отечественной войны. В этом плане 80-летие начала Сталинградской битвы

и 80-я годовщина ее завершения, которая будет отмечаться в 2023 году, приобретает особое значение. Юбилейная дата, подготовка к ее проведению дает возможность не только еще раз вспомнить об этой выдающейся битве и перечислить имена широко известных и прославленных героев, но и назвать новые имена неизвестных, но заслуживающих быть названными в пантеоне героев, еще раз почтить память всех безвременно ушедших – погибших и умерших от ран, отдавших свои силы и здоровье на достижение Победы над врагом. Это долг всех живых и у него нет срока давности. Пока мы их помним – они живы!

Отметим, что в годы Великой Отечественной войны на различных фронтах Великой Отечественной войны сражалось более 1,3 млн белорусов и жителей Беларуси. В последние годы мы узнали, что на фронтах Великой Отечественной войны сражалось более 400 генералов и адмиралов, белорусов и уроженцев Беларуси. Два из них командовали фронтами (Ф. И. Кузнецов и В. Д. Соколовский), пять являлись членами военных советов фронтов, 8 – начальниками штабов фронтов, 23 наших земляка командовали армиями, 52 – командовали корпусами, в том числе 8 – механизированными и танковыми. 152 человека командовали дивизиями и бригадами, 40 генералов-белорусов работали в Генштабе, свыше 50 возглавляли различные службы фронтов и армий [4, с. 12].

Значительный процент их входил в офицерский состав. Так, среди офицеров Военно-воздушных сил СССР к концу 1943 г., помимо русских, составляющих основную часть, служило: украинцев – более 28 тысяч, белорусов – 5 305, армян – 1079, татар – 1041, грузин – 800, чувашей – 405, мордвинов – 383, осетин – 251 и много представителей других национальностей. Среди офицеров бронетанковых войск и механизированных войск Красной армии, кроме русских, имелось 14 136 украинцев, 2490 белорусов, 830 татар, 270 грузин, 269 мордвинов, 250 чувашей, 136 казахов, 106 азербайджанцев, 109 башкир, 103 осетина, 75 узбеков и др. [31, с. 222].

Свыше 100 генералов и адмиралов – уроженцев Беларуси за умелое руководство войсками в сражениях, личное мужество удостоены полководческих орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Ушакова и Нахимова, 63 генерала-белоруса – звания Героя Советского Союза [19, с. 14].

Известно, что среди защитников Сталинграда были представители многих национальностей и народностей Советского Союза. Например, в легендарной 62-й армии генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова русские составляли 51,5 %, украинцы – 34,4 %, татары – 3,9 %, казахи – 2,4 %, белорусы – 2,2 %, грузины – 1,4 %, башкиры – 1,3 %, узбеки – 0,4 %, представители других наций и народностей – 2,5 %. Воины этого многонационального формирования самоотверженно сражались и ярко демонстрировали боевое содружество народов.

При подготовке данной статьи нами использована научная и научно-популярная литература, энциклопедии, мемуары советских военачальников, принимавших участие в Сталинградской битве, газетные публикации белорусских центральных и районных газет, районные книги-хроники «Память»

([1; 2; 13; 18; 42; 43; 52; 53; 56] и др.). Знакомство с опубликованной литературой по данной теме, показывает, что научное исследование и осмысление участия белорусов и уроженцев Беларуси на фронтах Великой Отечественной войны, в том числе в Сталинградской битве, в силу ряда причин в отечественной историографии до последнего времени не осуществлялось. Поэтому в изданных в республике коллективных обобщающих работах, энциклопедических и справочных трудах приводились лишь одиночные примеры отличившихся в этих сражениях белорусов, главным образом Героев Советского Союза, а также фамилии видных военачальников, офицеров и рядовых солдат [5; 9; 16; 29; 30; 31; 32]. Положительным опытом является выпуск Государственной библиотекой БССР к юбилейным датам республики библиографических показателей «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне (1941–1945)» с перечнем работ отечественных и зарубежных авторов с краткой аннотацией их содержания по основным проблемам темы [6; 7; 8].

Знакомство с опубликованной литературой, информацией, содержащейся в районных книгах-хрониках «Память», в компьютерной сети Интернет, свидетельствует о том, что в историографии накоплен значительный пласт информации об участии наших соотечественников в боевых действиях на фронтах войны, в том числе и в Сталинградской битве. Вместе с тем, отдавая дань огромной работе проделанной отечественными учеными и краеведами по изучению, а тем самым и по увековечиванию подвига белорусского и в целом советского народа в Великой Отечественной войне, необходимо отметить, что несмотря на более чем 80-летний период изучения и освещения конкретный вклад в Победу наших земляков раскрыт еще недостаточно полно. Это касается и их участия в Сталинградской битве.

К сожалению, точная цифра общего числа белорусов, которые принимали участие в Сталинградской битве, пока не известна. Сегодня нет достоверных данных о количестве наших соотечественников, погибших и раненых в Сталинградской битве, о попавших в плен, о тех кто остался в живых, о количестве награжденных орденами и медалями, другими наградами командования. Эти и ряд других вопросов требуют изучения в будущем.

Главной целью данной статьи является обращение внимания исследователей и общественности к проблеме участия белорусов и уроженцев Беларуси в Сталинградской битве как представителей единого советского народа, героическими усилиями которого была достигнута Победа в Великой Отечественной войне. Обратит внимание на помощь боевых действий партизанскими формированиями Беларуси, осуществляемых в период проведения битвы, а также попытка, выявить уроженцев и жителей Сталинграда и Сталинградской области среди командно-политического состава партизанских формирований Беларуси и на их примере рассказать о вкладе в общую борьбу с врагом. Каждая из трех поставленных задач этой цели заслуживает специального монографического исследования. И если первые две задачи уже получили определенное освещение в историографии, то третья в такой постановке делается впервые.

Краткий обзор историографии. Необходимо отметить, что процесс накопления информации о конкретном участии наших соотечественников в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны, в том числе и в Сталинградской битве в частности начался уже в военные годы, когда имена отличившихся героев-белорусов широко популяризировались в белорусской периодической, в том числе подпольной, печати, а также по радио. Особенно он активизировался в БССР с начала 60-х годов, когда стали отмечаться юбилейные годовщины Победы и выдающихся сражений Великой Отечественной войны. Большое внимание изучению и популяризации проблем истории Беларуси периода Великой Отечественной войны уделяется в Республике Беларусь.

С обретением Республикой Беларусь независимости усилился интерес общественности к военной истории Беларуси, конкретному вкладу белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне. В изданных в последние десятилетия в Республике Беларусь обобщающих работах расширилось освещение участия наших соотечественников на фронтах Великой Отечественной и Второй мировой войн, в том числе в составе армий союзников [4; 14]. Особо необходимо отметить многолетний исследовательский труд белорусского историка Б. Д. Долготовича по поиску персонифицированных сведений о воинах-белорусах, который вылился в серию книг и статей об участии белорусов и уроженцев Беларуси в боевых действиях на фронтах войны, в том числе и в Сталинградской битве. Заслужено является введение в научный оборот уточненных биографических сведений о представителях высшего командного звена белорусах и уроженцах Беларуси: маршалах, генералах и адмиралах, командирах объединений и соединений, а также о награжденных полководческими и другими наградами Родины [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25].

Малоизвестные сведения об участии наших земляков-евреев в Сталинградской битве содержатся в справочных изданиях [26; 32], публикациях Ф. Д. Свердлова [50; 51], Я. И. Рабиновича [47], белорусского историка Э. Г. Иоффе [27; 28].

1. Белорусы и уроженцы Беларуси в сражениях на Волге. Сталинградская битва началась 17 июля 1942 года, длилась 200 дней и ночей и включала стратегическую оборону (17 июля – 18 ноября 1942 г.) и стратегическое наступление (19 ноября 1942 года – 2 февраля 1943 г.), в ходе которых была окружена и уничтожена 330-тысячная группировка противника. Победа под Сталинградом положила начало коренному перелому в Великой Отечественной войне и оказала определяющее влияние на ход всей Второй мировой войны. Противоборствующие стороны потеряли в ней более двух миллионов человек. Победа в Сталинградской битве стала триумфом советского военного искусства, мужества, стойкости и силы духа солдат и офицеров Красной армии.

Наши соотечественники принимали в этой битве участие на всех этапах, в составе всех родов войск и на различных уровнях: от рядовых бойцов

и далее по восходящей от командира отделения, взвода, роты, батальона, полка, бригады, дивизии, корпуса, армии, фронта и до Генерального штаба РККА. Уроженец Гродно, генерал армии (с 1943 г.) А. И. Антонов, в декабре 1942 г. назначен первым заместителем начальника Генштаба и начальником Оперативного управления Вооруженных сил СССР, а с февраля 1945 г. – начальником Генштаба и членом Ставки Верховного Главнокомандования. На этих постах непосредственно участвовал в разработке важнейших операций советских войск в войне и в руководстве их осуществлением. Единственный из генералов удостоен полководческого ордена «Победа» [4, с. 346; 19, с. 94].

Заместителем командующего Сталинградским фронтом был белорус генерал К. А. Коваленко. 23 августа 1942 г. он возглавил созданную в районе Котлубани ударную группу в составе 28-го танкового корпуса, 169-й танковой бригады и трех стрелковых дивизий. Ее задачей было нанесение контрударов по 14-му танковому корпусу противника, который вышел к Волге севернее Сталинграда, чтобы соединиться с войсками 62-й армии. Задача была выполнена. В период с 9 сентября 1942 г. генерал-майор К. А. Коваленко исполнял должность начальника штаба Сталинградского фронта, а 30 сентября переведен на должность заместителем командующего войсками Донского фронта. Уроженец м. Богушевичи нынешнего Березинского района Минской области Кирилл Алексеевич Коваленко (31.03.1891 – 14.08.1962 г.) звания Героя Советского Союза был удостоен 26.10.1943 г. [19, с. 36].

Уроженец г. Гомеля Герой Советского Союза (05.08.1941) генерал-майор А. И. Лизюков в июне 1942 г. под Воронежем стал командующим 5-й танковой армией, вместе со своими танкистами противостоял прорыву немецких войск на Сталинград. В конце июля 1942 г. погиб в схватке с врагом у села Медвежье Воронежской области [39, с. 302].

В период оборонительных боев 24-й армией командовал белорус генерал Марцинкевич Владимир Николаевич (с 15 июля по 6 августа), а ее штаб возглавлял генерал Верховлович Пётр Михайлович (с 3 октября 1942 по 20 апреля 1943 г.). Командир дивизии В. Н. Марцинкевич (22.03.1896–20.07.1944 г.) звание Героя удостоен посмертно 06.04.1945 г. [Там же, с. 336].

Еще один комдив-белорус, генерал-майор В. В. Скрыганов Звездой Героя Советского Союза посмертно был отмечен в апреле 1945 года. В январе 1945 г. стрелковая дивизия под его командованием прорвала укрепленную оборону противника западнее Сандомира, нанесла фашистам большие потери, за 11 дней прошла с боями 264 км, форсировала Одер. В этой схватке с врагом В. В. Скрыганов погиб.

62-й армией с 3 августа 1942 г. командовал генерал А. И. Лопатин, который 9 августа в боевой обстановке начал отход на левый берег с рубежа обороны Вертячее – Липячево, который завершил к середине августа, успев вывести сослуживцев из окружения на восточный берег Дона [39, с. 477].

Штаб 21-й армии Юго-Западного фронта возглавлял генерал Валентин Антонович Пеньковский (позже генерал армии).

Из белорусов, участников обороны Сталинграда, больше всего известны имена авиаторов – Героев Советского Союза. Среди них имя командующего 2-й воздушной, а непосредственно в Сталинградской битве – 17-й воздушной армией, генерала Степана Красовского (20.03.1898–21.04.1983), ставшего первым белорусом, заслужившим звание маршала авиации. Уроженец д. Глухи Быховского района Могилевской области генерал С. А. Красовский являлся командующим ВВС Брянского фронта, командовал войсками 2-й и 17-й воздушных армий, умело руководил соединениями 17-й воздушной армии, обеспечивая надежную поддержку с воздуха 5-й и 21-й танковых армий при прорыве обороны противника и его окружении [33, с. 133–153; 39, с. 268]. Нельзя также не вспомнить имя еще одного знаменитого белоруса, уроженца д. Сухополь Архангельского района Башкирии, командира звена, летчика-штурмовика Ивана Пстыго, во время сражения на Волге родоначальника уличных боев штурмовиков, а в послевоенные годы ставшего вторым белорусом маршалом авиации [45].

Многие летчики – представители белорусского народа самым достойным образом проявили себя в боях за Сталинград и были удостоены высоких государственных наград. Звания Героя Советского Союза были удостоены майор Ф. Ф. Архипенко [1], капитан Н. И. Абрамук, штурман эскадрильи Е. А. Алехнович, лейтенант Н. И. Столяров, старший лейтенант И. Г. Томашевский.

Когда началась война, уроженцу д. Барки (ныне Шкловского района) Н. А. Карначенку исполнилось всего лишь 18 лет. В 1941 г. он окончил Одесскую военную авиационную школу летчиков. До боев над Сталинградом уже совершил 349 боевых вылетов. Во время битвы на Волге он – командир звена истребителей 8-й воздушной армии. Молодому летчику в день приходилось совершать со своими боевыми друзьями по 6–7 вылетов. На счету Николая Карначенка десять сбитых вражеских самолетов, из них семь бомбардировщиков. К сожалению, 22 сентября 1942 г. летчик погиб в бою, через два месяца ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза [39, с. 216–217].

Уроженец д. Речки Ветковского района Григорий Васильевич Ксендзов (23.04.1916–01.11.2006), до призыва в Красную армию в 1937 г., окончил Гомельский сельскохозяйственный техникум и был призван на службу в РККА. В 1940 г. окончил Краснодарское военно-авиационное училище летчиков-наблюдателей и штурманов, а в июне Рязанскую высшую военно-авиационную школу штурманов. Участник обороны Москвы, Сталинградской битвы, прорыва блокады Ленинград, освобождения Беларуси, Украины, Польши, штурма Берлина. Совершил 255 боевых вылетов. Герой Советского Союза (15.05.1946) [41, с. 138–139].

В ходе боев Сталинградской битвы отличились летчики сформированной в начале декабря 302-й истребительной авиадивизии под командованием полковника Б. И. Литвинова, белоруса, уроженца г. Речица Гомельской области. Борис Иванович имел богатый военный опыт. В Красной армии –

с 1925 г., а в авиации – с 1926 г., участник Конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), боев на р. Халхин-Гол, Советско-финляндской войны. С февраля 1943 года дивизия воевала в составе 4-го истребительного авиакорпуса 2-й ВА Воронежского фронта и 5-й ВА Степного фронта [12, с. 655].

Заслуженный летчик СССР, генерал-майор авиации, минчанин Александр Сергеевич Шацкий в годы войны командовал авиаэскадрильей, воевал в Сталинграде в самое трудное время. В сталинградском небе он сбил 12 вражеских самолетов, пять лично и семь в групповом бою [54].

Полковник Лев Петрович Овсицер родился 14 декабря 1919 г. в местечке Богушевск Витебской области. В период боев в районе Сталинграда действовал в составе 271-й бомбардировочной авиадивизии 16-й воздушной армии, осуществлял ночные вылеты. Накануне окончательного разгрома немецких войск под Сталинградом капитан Овсицер выполнил уникальное задание командующего войсками Донского фронта Константина Рокоссовского: его самолет «зависал» на низкой высоте над расположением командного пункта генерал-полковника (затем фельдмаршала) Паулюса, и Л. П. Овсицер, зачитывал через громкоговоритель текст ультиматума. «Летающий парламентар» стал легендой Донского фронта. В качестве воздушного парламентаря он совершил 24 вылета и 70 раз передавал текст ультиматума советского командования штабу 6-й немецкой армии об условиях капитуляции. Всего за годы Великой Отечественной войны в качестве штурмана капитан Л. П. Овсицер произвел 600 боевых и специальных вылетов. Он был награжден орденами Красного Знамени, дважды – Отечественной войны 1-й степени, дважды – Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, многими медалями, в том числе медалью «За боевые заслуги» [28, с. 59–60].

Артиллерию Сталинградского фронта возглавлял уроженец г. Лунинца, человек уникальной судьбы Владимир Эрастович Таранович (25.11.1897–25.02.1983), генерал-полковник артиллерии (1944). Участник Первой мировой, Гражданской, Советско-финляндской, в годы Великой Отечественной войны командовал артиллерией армий, фронтов, участвовал в Смоленской, Московской битвах, обороне Ленинграда, Сталинградской битве, освобождении Украины, Румынии, Польши, в Советско-японской войне 1945 года [5, с. 229].

Артиллерией 65-й армии Донского фронта в Сталинградской битве командовал уроженец г. Витебска полковник Израиль Соломонович Бескин (25.11.1895–19.01.1964). Именно ему принадлежит инициатива применения в ходе боевых действий двойного огневого вала. [3, с. 271–272; 35, с. 56; 46, с. 31]. Звание генерал-майора артиллерии И. С. Бескину было присвоено в конце Сталинградской битвы – 27 января 1943 г., а генерал-лейтенанта артиллерии – 22 августа 1944 года. После Сталинграда он воевал с нацистами в качестве командующего артиллерией 70-й армии Центрального и 2-го Белорусского фронтов. 31 мая 1945 г. И. С. Бескин был удостоен звания Героя Советского Союза [4, с. 271–272; 39, с. 56; 47, с. 31].

В боях под Сталинградом отличился также командир 161-го отдельного гвардейского пушечного артиллерийского полка 7-й гв. армии, уроже-

нец г. Минска гвардии подполковник Иван Михайлович Богушевич (25.10.1902–14.08.1962). В Красной армии он с 1935 года. В 1936 г. окончил артиллерийские курсы усовершенствования командного состава. Участвовал в боях на реке Халхин-Гол в 1939 году. Сражался под Сталинградом, на Курской дуге, освобождал Румынию, Чехословакию, Венгрию, Австрию. Звания Героя Советского Союза удостоен 30.10.1943 года. До 1956 г. служил в Советской армии [39, с. 68].

15 сентября 1942 г. зенитные батареи 722 зенитно-артиллерийского полка, которым командовал уроженец Кобринского района А. Коновод, прицельным огнем сбили три «Юнкерса» противника. Командир полка был награжден орденом Красного Знамени [Там же, с. 296].

Младший брат командира 1-й танковой армии Александра Ильича Лизюкова, Пётр Ильич в начале 1942 г. был назначен на должность командира 651-го артполка 69-й легкоартиллерийской бригады. Принимал участие в Сталинградской битве, а в 1943 г. занимался организацией и обучением 46-й истребительно-противотанковой бригады. В Беларуси только в двух семьях – в семье Лизюковых г. Гомеля и семье Вайнрубов г. Борисова – два сына стали Героями Советского Союза.

Выпускник Военной академии им. М. В. Фрунзе Матвей Григорьевич Вайнруб прошел Великую Отечественную войну с первого и до последнего дня. В Сталинградской битве подполковник, а затем полковник М. Г. Вайнруб являлся заместителем командующего легендарной 62-й армией В. И. Чуйкова, командующим бронетанковыми и механизированными войсками. В предисловии к книге М. В. Вайнруба «Однополчане» Маршал Советского Союза В. И. Чуйков отмечал: «В трудные дни обороны Сталинграда противник прорвался к центральной переправе 62-й армии, захватил высокий дом на берегу. Прекратился подвоз боеприпасов, пополнения, продовольствия. Я вызвал заместителя начальника бронетанковыми войсками армии подполковника М. Г. Вайнруба, приказал ему с тремя танками атаковать и овладеть домом. С танками и 30 бойцами он атаковал этот каменный дом, в котором находилась большая группа фашистов, уже закрепившаяся в нем. Это была трудная задача, но надо было обеспечить переправу в Сталинград дивизии А. И. Родимцева. Я отдал ему последнюю роту охраны, хотя фашисты находились менее, чем в 500 метрах от командного пункта армии. Через три часа Вайнруб доложил: “Приказ выполнен. Переправа работает”. Как стало известно в дальнейшем, Матвей Григорьевич в головном танке повел за собой свой небольшой отряд. Смело атаковал превосходящие силы гитлеровцев, многих уничтожил, остальных заставил отойти. Но и половина отряда была в этом бою потеряна» [10, с. 3–4]. Об этом эпизоде упоминается и в фундаментальном труде академика А. М. Самсонова «Сталинградская битва», выдержавшем четыре издания. «14 сентября вошло в героическую эпопею Сталинградской битвы как один из критических дней обороны... Особенно ожесточенные бои развернулись в этот день в районе Мамаева кургана, на берегу Царицы, в районе элеватора

и на западной окраине Верхней Ельшанки... К 17 часам вражеские автоматчики завязали бои у вокзала Сталинград-1 (Центральный вокзал). Ценой больших потерь противник овладел господствующей над Сталинградом высотой 102,0 – Мамаевым курганом. Овладев вокзалом Сталинград-1 и заняв дома специалистов, немцы стали из автоматов и пулеметов простреливать берег и Волгу на участке центральной переправы, стремясь сорвать переброску подкреплений к 62-й армии на правый берег. Гитлеровцы находились в 800 м от командного пункта 62-й армии, но самым опасным было то, что они прорвались к центральной переправе. Чтобы отстоять переправу, В. И. Чуйков приказал бросить на усиление оборонявших ее воинов несколько танков из состава тяжелой танковой бригады последнего своего резерва. Первая группа в составе шести танков во главе с майором П. И. Зализюком получила задачу перехватить улицы, ведущие к вокзалу. Вторая группа во главе с подполковником М. Г. Вайнрубом была направлена к домам специалистов, из которых противник обстреливал Волгу и пристань огнем крупнокалиберных пулеметов. Немецкие автоматчики, прорвавшиеся к пристани, были оттеснены от переправы к вокзалу Сталинград-1» [48, с. 182–183]. Во время боев в Сталинграде танкисты 62-й армии уничтожили 600 танков, 500 орудий и около 26 тысяч немецких солдат и офицеров. 13 марта 1944 г. Матвею Григорьевичу было присвоено звание генерал-майора. 6 апреля 1945 г. командующему бронетанковыми и механизированными войсками 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта М. Г. Вайнрубом было присвоено звание Героя Советского Союза [39, с. 83–84].

Жизненный путь и военная биография уроженца деревни Большая Крушиновка Рогачевского района Гомельской области, крестьянского сына, Георгия Петровича Исакова (11.02.1896–04.02.1961) заслуживает пера военного романиста. В августе 1915 г. он был призван на службу в Витебский запасной полк и в декабре направлен в Тифлисское военное училище, после окончания которого в звании прапорщика направлен на фронт. Воевал на Юго-Западном и Западном фронтах. После Февральской революции избирался в состав полкового и дивизионного комитетов солдатских депутатов. В феврале 1918 г. демобилизован в чине штабс-капитана. С апреля 1918 г. в Красной армии – начальник школы комсостава при штабе 7-й армии, с сентября 1919 г. – начальник стрелкового отдела штаба армии, принимал участие в боях с войсками генерала Юденича и в обороне Петрограда. С января 1920 г. на польско-советском фронте – помощник командира и командир 68-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии, после прекращения боевых действий с поляками принимал участие в боях с частями С. Н. Булак-Балаховича. В марте 1922 г. демобилизован из армии по болезни. С апреля 1922 г. по 1940 г. – на советской и хозяйственной работе в БССР. В 1929 г. окончил Белорусский государственный университет, в 1930 прошел курс переподготовки запаса на Стрелково-тактических курсах усовершенствования комсостава РККА имени III Коминтерна «Выстрел», с 1932 г. – начальник управления заготовок Комитета заготовок при СНК БССР. Вто-

рично призван в Красную армию в феврале 1940 г., назначен командиром учебного батальона Витебских курсов усовершенствования комсостава запаса. Окончил заочно Военную академию РККА им. М. В. Фрунзе (1941). С 5 августа 1941 г. назначен командиром 811-го стрелкового полка 229-й стрелковой дивизии 20-й армии Западного фронта, участвовал в Смоленском сражении, 29 августа тяжело ранен. После выписки из госпиталя с 10 октября назначен командиром 19-й отдельной стрелковой бригады, принимал участие в Тульской, Калужской, Ржевско-Вяземской наступательных операциях. С февраля 1942 г. полковник Г. П. Исаков командовал 49-й стрелковой бригадой 20-й армии Западного фронта, с мая 1942 г. командир сформированной в Южно-Уральском военном округе 17-й отдельной истребительной бригады, которая с июня 1942 г. передана на Юго-Западный фронт и там вступила в бой в ходе начавшейся Сталинградской битвы. В конце августа 1942 г. полковник Г. П. Исаков – заместитель, а с 9 октября 1942 г. – командир 96-й стрелковой дивизии 21-й армии Донского фронта. Воины дивизии особо отличились в ходе операции по уничтожению окруженной группировки противника в районе Сталинграда. За успешные операции в этой битве, мужество и героизм личного состава дивизия в феврале 1943 г. была преобразована в 68-ю гвардейскую. В октябре 1943 г. Г. П. Исакову было присвоено звание Героя Советского Союза [5, с. 229].

Генерал-полковник И. И. Людников во время Сталинградской битвы командовал знаменитой 138-й стрелковой дивизии 62-й армии, которая в октябре 1942 – январе 1943 года героически сражалась с врагом в Сталинграде, удерживая территорию в районе заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь» (700 м по фронту и 400 м в глубину), получившую позже название «Остров Людникова», в своих мемуарах очень тепло и много страниц посвятил нашему земляку Владимиру Коноваленко, которого он в разгар боев назначил командиром 344-го стрелкового полка, вместо тяжелораненого полковника Д. А. Реутского, волевым решением повысив его в воинском звании. Приведем выдержку из книги И. И. Людникова: «Подполковник Шуба, пишите приказ, – обращаюсь к начальнику штаба. – “Допустить к исполнению должности командира 344-го стрелкового полка 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии капитана Коноваленко Владимира...”. – Я пока не капитан, – робко замечает Коноваленко. – В полк пойдешь капитаном! Две шпалы на гимнастерку даст комиссар, две шпалы на шинель – я. Ступай, капитан, а мы тут подготовим представление к новому званию, оформим приказ... Семь месяцев спустя в боях на Курской дуге (138-я дивизия именовалась тогда 70-й гвардейской, 344-й полк – 203-м гвардейским полком в составе 17-го гвардейского корпуса, а я командовал 15-м стрелковым корпусом в 13-й армии) мне удалось связаться по телефону с полковником Шубой. – Здравствуйте, Василий Иванович! Узнал, где вы находитесь и как здорово, по-гвардейски, воюете. Спасибо вам! – Рад слышать ваш голос, товарищ гвардии генерал-майор. Деремся, как на “Баррикадах”. – А как показал себя в бою Коноваленко?

– Не хватает слов, чтобы достойно оценить этого офицера. О Коноваленко, о делах его полка скоро узнаете.

Полковник Шуба имел в виду подвиг, о котором в “Истории Великой Отечественной войны Советского Союза” в главе, повествующей о Курской битве, сказано, что почти все солдаты и офицеры 203-го гвардейского стрелкового полка были представлены к правительственным наградам. В ту пору немногие удостаивались такой чести. Забегая вперед, хочу сказать, что и на Днепре, потом на Правобережье Украины гремела слава командира 203-го гвардейского полка Героя Советского Союза гвардии майора Владимира Коноваленко». Владимир Онуфриевич Коноваленко родился 22 апреля 1917 г. в д. Скребни Витебского района в крестьянской семье. В 1933 г. окончил Оршанский железнодорожный техникум. С 1937 г. в Красной армии. Принимал участие в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. В 1941 г. окончил Сухумское военно-пехотное училище. Во время Великой Отечественной на фронте с января 1942 г. С осени 1942 г. офицер-порученец при штабе 138-й стрелковой дивизии [38, с. 26–27, 30–31; 39, с. 252; 17, с. 506].

Общеизвестно, что нایتяжелейшие испытания в войне выпали на долю пехоты стрелковых войск. Мужественно и самоотверженно дрались в их составе и наши земляки. Имеется огромное число примеров, фактических свидетельств, подтверждающих это.

Широкую известность под Сталинградом получил расчет противотанковых ружей 84-го стрелкового полка, совершивший свой подвиг 23 июля 1942 г. в районе станицы Клетской. Русские А. Беликов, Г. Самойлов, украинец П. Болото и белорус П. Алейников (бывший рабочий Оршанского льнокомбината) дали решительный бой наступающим немецким танкам. Гвардейцы к концу подбили 15 танков и задержали противника [4, с. 350].

В Беларуси свято чтят подвиг радистки Елены Стемпковской. 26 июня 1942 г. во время выхода батальона из окружения около д. Зимовеньки Шебекинского района Белгородской области радистка Е. К. Стемпковская заменила погибшего корректировщика и вызвала огонь на себя, после чего в составе взвода прикрывала отход батальона. Попав в окружение, девушка прикладом разбила рацию и вела бой до последней возможности. В плену ее подвергли жестоким пыткам, требовали сведения о советских войсках, шифры, код, однако ничего не добились. Е. К. Стемпковская погибла. Посмертно она была удостоена звания Героя Советского Союза [5, с. 229].

В обороне Сталинграда особо отличилась 10-я стрелковая дивизия войск НКВД СССР под командованием А. А. Сараева. На счету дивизии свыше 15 тыс. уничтоженных солдат и офицеров противника и 24 пленных, подбито и сожжено до 100 танков, 8 бронемашин, 2 самолета, 38 автомашин, 3 цистерны с горючим, 6 орудий, 2 склада боеприпасов.

Потери дивизии составили 1227 человек убитыми и 2750 ранеными. Ратный подвиг бойцов был высоко оценен Родиной. Она была награждена орденом Ленина с присвоением наименования «Сталинградская». За героизм и мужество при защите Сталинграда два представителя дивизии – командир

дивизии полковник А. А. Сараев и автоматчик 272-го стрелкового полка А. Е. Ващенко также были награждены орденом Ленина, а 275 воинов дивизии были удостоены правительственных наград [49, с. 183].

Красноармейцу, белорусу, Александру Ващенко (1921–05.09.1942), уроженцу д. Воската Городокского района Витебской области, ко времени совершения своего подвига исполнилось 20 лет. Он был первым из белорусов, из 13 героев «доматросовцев», имена которых стали известны значительно позже подвига Александра Матросова. Как было отмечено в наградном листе: «5 сентября 1942 г. во время атаки под сильным огнём станкового пулемёта с криком “За Родину!” своим телом закрыл амбразуру дзота, дав возможность развить успех атаки роты. Личным самопожертвованием за Родину показал свою преданность и презрение к смерти. Пал смертью храбрых на глазах товарищей, воодушевив бойцов бесстрашием и преданностью Родине» [40, с. 362]. Подвигу А. Е. Ващенко была посвящена специальная листовка политотдела 10-й дивизии войск НКВД «Любите Родину – мать. Сражайтесь за ее свободу, честь и независимость, как герой-красноармеец Ващенко!» [Там же, с. 178–179].

Уроженец г. Осиповичи Зиновий Самуйлович Горелик (19.11.1904–14.12.1968) в конце июня 1941 г. был призван в ряды Красной армии и назначен командиром взвода в одну из кавалерийских дивизий на Южном фронте. В боях 1941 г. он был дважды ранен и выписался из госпиталя только летом 1942 г., продолжил службу командиром стрелкового взвода в Сталинграде. Взвод Горелика оборонялся в районе тракторного завода и удержал свою позицию. 30 октября 1943 г. за героизм и мужество при форсировании Днепра и закрепиение плацдарма старшему лейтенанту З. С. Горелику было присвоено звание Героя Советского Союза. [39, с. 124–125; 47].

Из активных участников боев 1942–1943 гг., проявивших себя в последующих боях по освобождению территории СССР и заключительном этапе войны, ставших в послевоенные годы видными советскими военачальниками выделяется имя В. Ф. Маргелова. В июле 1942 г. он возглавил 13-й гвардейский стрелковый полк 3-й гвардейской стрелковой дивизии Сталинградского фронта, который особо отличился в боях против танков группы «Гота» в период с 19 по 24 декабря 1942 г., не дав противнику прорваться на соединение с войсками Паулюса [Там же, с. 232].

Во время Сталинградской битвы Николай Маркович Шпайер, уроженец м. Глубокое Витебской области, возглавлял ветеринарный отдел Юго-Западного и Донского фронтов. В годы Гражданской войны возглавлял ветеринарную часть 1-й Конной армии, являлся одним из организаторов и руководителем ветеринарной службы РККА. Генерал-майор (с апреля 1943 г.), генерал-лейтенант (с июля 1945 г.) ветеринарной службы, доктор ветеринарных наук (1948), профессор. Начальником ветеринарного отдела армии, начальником ветеринарного отдела Юго-Западного и Волховского фронтов был уроженец г. Туров генерал-майор ветеринарной службы Лев Соломонович Гоберман [19, с. 219–222].

Малой родиной активного участника Сталинградской битвы, Героя Советского Союза старшего лейтенанта Исаака Федоровича Ваксмана был г. п. Краснополье Могилевской области. На фронт он прибыл в 1942 г. 20-летним юношей после окончания курсов младших лейтенантов и свой боевой путь начал в октябре 1942 г. под Сталинградом, где в одном из стрелковых полков принял батарею легких 45-миллиметровых орудий. И. Ф. Ваксман отличился уже в первых боях, смело выдвигая орудия вперед и метким огнем уничтожая огневые точки, что обеспечило продвижение пехоты. За боевые успехи он был награжден орденом Красной Звезды и произведен в лейтенанты. Он погиб в ноябре 1943 г. в боях при форсировании Днепра, а 22 февраля 1944 г. посмертно удостоен медали «Золотая Звезда». Его имя присвоено школе и улице в Краснополье [36, с. 18]. Уроженец г. Гомеля командир минометного расчета Евгений Абрамович Бирбраер (1912–06.10.1943), участник Советско-финляндской войны и с первых дней Великой Отечественной. После окончания в августе 1942 г. командных курсов «Выстрел» назначен командиром минометной роты. Принял активное участие в оборонительном сражении под Сталинградом. Поддерживая своим огнем стрелковые подразделения, Бирбраер часто обеспечивал удержание ими своих позиций. В ходе дальнейшего контрнаступления минометная рота лейтенанта Е. А. Бирбраера, не отрываясь от пехоты, уничтожала огневые точки противника и его живую силу. Отличился в сентябре 1943 г при форсировании Днепра. Погиб в бою 06.10.1943 г. Звание героя Советского Союза присвоено посмертно 26.10.1943 г. [39, с. 58].

Бесстрашно действовала рота танкистов, которой командовал уроженец деревни Березки Гомельского района Василий Федорович Мартехов (19.02.1918–12.07.1943). 26 января 1943 г. рота Василия Мартехова первой соединилась с танкистами 62-й армии в Сталинграде. На личном его боевом счете 14 уничтоженных вражеских танков, 22 орудия, 19 минометов, 16 автомашин, 7 пулеметных точек и более 800 германских солдат и офицеров. Погиб в бою на Курской дуге, 26 октября 1943 г. ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза [Там же, с. 334–335].

В Сталинграде хорошо известна фамилия легендарного белоруса, уроженца Горецкого района Могилевской области, командира 91-й отдельной танковой бригады, а впоследствии маршала Советского Союза Ивана Игнатьевича Якубовского. В музее-заповеднике «Сталинградская битва» хранится осколок немецкого снаряда, которым во время наступления в январе 1943 года был пробит полушубок Ивана Игнатьевича. Такой трофеей дважды Герой Советского Союза пронес с собой через всю войну.

Достоинный вклад в героическую оборону Сталинграда внесли моряки и офицеры Волжской военной флотилией, заместителем командующего которой был уроженец Пинска Павел Алексеевич Трайнин [26, с. 523].

Уроженец Чериковского района М. Н. Лисиков встретил войну в период службы в минно-торпедном отделе Северного флота, в должности корабельного минера. В июле 1942 г., после приказа Ставки ВГК о форми-

ровании отдельных частей морской пехоты для обороны Сталинграда, принимал в составе одной из таких частей в уличных боях в городе, осенью участвовал в штурме и занятии вокзала станции Сталинград-Товарная. Как вспоминал сам М. Н. Лисиков, «это были дни без сна и отдыха, тяжёлых потерь боевых товарищей, с которыми начинал войну. Так, в одном из боёв осколком ранило в живот командира взвода, башкира. Вблизи не оказалось ни одного из бойцов, и я кинулся на выручку командиру, вынес его с поля боя» [44, с. 483].

Уроженец г. Могилёва Ефим Львович Минкин (22.01.1922) свой боевой путь полного кавалера ордена Славы начал добровольцем с начала 1942 года. Будучи студентом Московского гидрометеорологического института, он был признан «ограниченно годным» к военной службе по зрению. Участвовал в Сталинградской битве. Был тяжело ранен в обе ноги. Отказавшись от демобилизации, продолжал служить разведчиком механизированной бригады. К концу войны Е. Л. Минкин стал кавалером ордена Славы всех трех степеней. 24 июня 1945 г. он участвовал в Параде Победы [28, с. 59; 26, с. 373–374].

Нет возможности перечислить всех белорусов, отличившихся в битве за Сталинград. Необходимо отметить, что не менее 60 наших земляков, принимавших участие в Сталинградской битве, получили звание Героя Советского Союза или стали полными кавалерами ордена Славы, сражаясь позже на других фронтах [14, с. 75].

2. Деятельность белорусских партизан в период Сталинградской битвы. В историографии достаточно полно отражена деятельность белорусских партизан в период проведения Сталинградской битвы. Впервые наиболее полно она была изложена в работах П. П. Липило [34] и коллективных трудах белорусских исследователей [14, с. 4; 17, с. 15; 29, с. 30].

Нами также был опубликован ряд статей [35, с. 27–43; 36, с. 18–24; 37, с. 131–141], в которых был сделан вывод о том, что во время Сталинградской битвы, партизанский фактор приобрел стратегическое значение, чему способствовали мероприятия по централизации руководства, планированию, подготовке и активизация боевых действий на вражеских коммуникациях. Разрушение дорог, устройство завалов и засад, уничтожение мостов не только нарушали воинские перевозки противника к фронту, но и являлись одним из средств, способствовавших вытеснению оккупантов из удаленных от коммуникаций районов. Враг терял живую силу, боевую технику, горючее, боеприпасы. Значительная часть средств снабжения и боевого обеспечения не доходила вовремя к месту назначения либо уничтожалась в пути. Это оказывало деморализующее влияние на солдат противника, вело к подрыву военно-экономического потенциала захватчиков. Прямым следствием все учащавшихся ударов по путям сообщений было отвлечение боеспособных частей на охрану железных и шоссейных дорог. Диверсии партизан вынуждали оккупантов привлекать значительное количество инженерно-технического персонала, квалифицированной рабочей силы, средств, строительных материалов для восстановительных работ. Стремясь подавить партизанское

движение, Гитлер в директиве № 46 от 18 августа 1942 г. потребовал привлечь к борьбе с партизанами все имевшиеся в наличии силы войск СС, дивизий вермахта, как охранных, так и полевых, наземного состава ВВС, военных школ, учебных и резервных частей. В целях обеспечения безопасности железнодорожного движения гитлеровцы повсеместно провели вырубку леса и кустарников вдоль дорог, разместили крупные гарнизоны, построили ДОТы и ДЗОТы. Для усиления охраны коммуникаций в Беларуси они перебросили в тыловые районы группы армий «Центр» 19 учебных батальонов общей численностью 19 тыс. солдат и офицеров, а также ряд учреждений и подразделений ВВС. Кроме того, для этой цели привлекались железнодорожники, лесничие, личный состав тыловых служб и работники фашистской оккупационной администрации.

Исключительно большую роль в срыве перевозок противника играли специальные боевые операции по взрыву крупных железнодорожных мостов. К их числу относится подрыв 4 августа 1942 г. 110-метрового железнодорожного моста через р. Дрисса на дороге Полоцк – Даугавпилс. Эта операция была осуществлена объединенными силами 5 отрядов из бригады «За Советскую Белоруссию», действовавших в Освейском, Дриссенском и Россонском районах Витебской области (всего более 320 человек, вооруженных 4 станковыми и 13 ручными пулеметами, 3 противотанковыми пушками). Операция, которой руководил комбриг А. И. Петраков, прошла успешно. Два пролета моста общей длиной 50 м были разрушены, в результате движение по важной магистрали прервалось на 16 суток, несмотря на ремонт гитлеровцами моста, пропускная способность дороги снизилась с 60 до 8 эшелонов в сутки.

В качестве примера удачного планирования и осуществления операции в оперативной глубине противника можно привести операцию по разрушению железнодорожной магистрали Полоцк – Витебск, подготовленную по решению Северо-Западной опергруппы ЦК КП(б), которая была утверждена 4 августа 1942 года командующим 4-й ударной армии В. В. Курасовым и членом Военного совета армии, секретарем Витебского обкома КП(б) И. А. Стуловым. Для проведения операции была создана сводная группа партизан под руководством С. И. Казанцева в количестве 118 человек: 90 человек из состава Белорусской диверсионной бригады особого назначения, взвод инструкторов учебного центра под командованием старшего лейтенанта П. А. Романюка, группа саперов 4-й ударной армии. Сводный отряд действовал в тесном контакте со штабом партизанского движения Полоцкой зоны, партизанскими бригадами А. Я. Марченко и С. М. Короткина. Выполняя разработанный план операции, партизаны в районе станций Горяны, Оболь, Ловша подорвали 13 вражеских эшелонов с боеприпасами, горючим, продовольствием, запасными частями к танкам и бронемашинами. Партизаны Брестской области с помощью минеров группы Западного фронта под руководством И. Ф. Топкина 10 октября 1942 г. на магистрали Брест – Москва подорвали два воинских эшелона, в связи с чем перегон Нехачево –

Ивацевичи не действовал 5 суток. Во второй половине октября 1942 г. Отряды, подчиненные И. Ф. Топкину, пустили под откос три эшелона и разрушили 95-метровый железнодорожный мост через Ясельду на шоссе Хомск – Старомлины.

Удачную операцию на железной дороге Брест – Лунинец – Гомель провели 30 октября 1942 года пинские партизаны отрядов А. П. Савицкого и М. И. Герасимова, разрушив у ст. Сенкевичи 70-метровый железнодорожный мост через р. Лань.

Огромное значение имела операция белорусских партизан по выводу из строя железнодорожного моста через р. Птичь на линии Брест – Калинин – Гомель в начале ноября 1942 года. В ней, под общим руководством Р. Н. Мачульского, принимали участие 11 партизанских отрядов общей численностью 1300 человек. 3 ноября 1942 г. в 5 часов 30 минут утра партизаны начали операцию. Через 30 минут группы прикрытия подорвали железнодорожное полотно и нарушили проводную связь слева и справа от моста. После уничтожения охраны партизаны уложили под мост свыше 300 кг взрывчатки и подорвали его. Стратегически важная для врага железная дорога была выведена из строя на 18 суток, а с учетом уничтожения моста через р. Лань движение на ней прервалось на 3 недели. Известно, что до взрыва моста по магистрали проходило по 25–30 поездов в сторону фронта. Таким образом более 500 эшелонов не смогли пройти до фронта [15, т. 1, с. 410–411; 16, т. 1, с. 444–445].

Отчетные документы партизан Беларуси свидетельствуют о том, что за период с июня по декабрь 1942 г. под откос было пущено 948 вражеских поездов и бронепоездов, подорвано, сожжено и повреждено 311 паровозов, более 7 000 вагонов, много цистерн, платформ с живой силой, горючим и техникой, разрушено 168 железнодорожных и 412 мостов на шоссе и грунтовых дорогах, уничтожено более 60 танков и бронетранспортеров, 1340 автомашин, много живой силы врага, Боевые операции на автомагистралях сочетались с выводом из строя телефонно-телеграфных линий связи, в том числе и кабеля, связывавшего ставку Гитлера со штабом группы армий «Центр». Еще более внушительными были цифры потерь на железных дорогах Беларуси в период с декабря 1942 по март 1943 г., когда партизанами было подорвано и пущено под откос 873 эшелона с войсками и техникой противника [15, т. 1, с. 413–414, 421; 16, т. 1, с. 17–18].

Как бы критически не относились к этим сведениям историки и публицисты, несомненно одно – на территории Беларуси врагу был нанесен огромный материальный и моральный урон, постоянно нарушалась ритмичность работы железнодорожного и автомобильного транспорта, гитлеровское командование вынуждено было для охраны коммуникаций и борьбы с партизанами выделять значительные силы. Этим самым народные мстители республики оказали существенную помощь Красной армии в разгроме немцев под Сталинградом.

3. Сталинградцы – участники партизанского движения на территории Беларуси. Среди партизан Беларуси было много уроженцев и жителей Сталинграда и Сталинградской области. В данной статье мы коснемся судеб только нескольких из них. Свое повествование о сталинградцах – участниках партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, мы начнем с рассказа о человеке, чей жизненный путь является типичным для поколения выросшего при советской власти, которая дала им всё для их жизни и которую они мужественно и стойко защищали, пройдя все тяготы и невзгоды военного лихолетья. Он родился в 1916 году в селе Салтынь Хоперского района, Сталинградской области. В 1940 г. он приехал в БССР, с которой связал свою судьбу на четыре года. Окончил школу младших политруков в Полоцке. Летом 1941 г. младший политрук Георгий Алексеевич Шубин сражался в Полоцком укрепленном районе. В июле 1941 г. раненым попал в плен. Весной 1942 г. с тремя товарищами совершил побег из лагеря военнопленных в Восточной Пруссии. Оттуда они устремились на Родину. До Липичанской пуши они добрались в июле 1942 г. и там присоединились к партизанской группе лейтенанта Николая Коноплева из отряда старшего лейтенанта Б. А. Булата. В конце августа 1942 г. был назначен комиссаром отряда «Победа» (командир Б. А. Булат, отряд носил номер 3649). К осени 1942 г. в отряде числилось около 300 бойцов, на вооружении имелись бронемашина, танк, орудие, несколько станковых и ручных пулеметов, автоматы, более 200 винтовок. С декабря 1942 г. по май 1943 года Г. А. Шубин был комиссаром бригады «Победа», а с сентября 1943 по июнь 1944 г. – начальником штаба Ленинской партизанской бригады (командир Ф. М. Синичкин). После эвакуации в советский тыл раненого Ф. М. Синичкина бригадой в июне – июле 1944 года командовал Г. А. Шубин [55, с. 192–201]. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1 степени, медалями. После войны жил и работал в Волгограде. Защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Возглавлял кафедру истории КПСС Волгоградского сельскохозяйственного института. Автор первой обобщающей монографии о всенародной борьбе против оккупантов в западных областях Беларуси.

Летом и осенью 1941 года в Бытенском и Слонимском районах из военнослужащих Красной армии, оказавшихся в окружении и местных жителей сформировались партизанские группы, которые позже объединились и в начале 1942 г. образовали два отряда – им. Н. Щорса (Пронягин) и отряд И. А. Зайцева. Отряд был организован в декабре 1942 г. в Слонимском районе из групп И. А. Зайцева и М. Л. Лапина, действовавших с лета 1942 года. До июня 1943 г. отряд имел название 31-й отряд, а затем ему было присвоено имя П. К. Пономаренко. До января 1944 г. действовал самостоятельно, а с января 1944 г. в составе бригады им. К. К. Рокоссовского. Командовал отрядом с декабря 1942 г. до января 1944 г. И. А. Зайцев. Иван Александрович Зайцев родился в 1914 г. в г. Сталинграде. Член ВЛКСМ. Принимал участие с 1939 г. в боевых действиях на финском фронте и с первых дней Великой Отечественной войны в оборонительных боях на территории Беларуси.

Командиром партизанского отряда им. С. М. Будённого 100-й Глусской бригады с апреля 1942 по июнь 1944 г. был Борис Митрофанович Цыкунков (1910, ст. Серебряковская, Михайловский р-н, Сталинградской обл. – 1983 (1984), г. Челябинск), русский, в РККА с 1932 г., участник Советско-финляндской войны. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «Партизану Отечественной войны I степени».

Более высокий пост в партизанском табеле о рангах занимал еще один житель Сталинграда Александр Иванович Невский. Он родился в 1920 году. После окончания средней школы в 1939 г. призван на военную службу в 474-й особый радиодивизион в Минске. 30 декабря послан на учебу в Гомельское пулеметное училище, которое окончил 15 июня 1941 г. и был назначен на должность начальника штаба 14-го пулеметно-артиллерийского батальона в Западной Беларуси. Оказавшись в окружении с группой бойцов, пробираясь на восток. С марта 1942 г. по ноябрь 1942 г. – в партизанском отряде Бумажкова, командир взвода. С ноября по март 1943 г. – начальник штаба отряда Рощина. Участвовал в операции по подрыву моста через р. Птичь 3 ноября 1942 года. С мая 1943 по август 1943 г. – заместитель начальника штаба соединения партизанских отрядов Полесской области. С августа 1943 по апрель 1944 г. начальник штаба отдельного штабного отряда (командир Г. И. Барьяш) Полесской области, с апреля по июль 1944 г. – начальник штаба соединения партизанских отрядов Полесской области. Награжден орденом Красного Знамени, медалью Партизану Отечественной войны I степени. После войны защитил кандидатскую диссертацию, возглавлял кафедру истории КПСС в Саратовском политехническом институте.

Подводя краткий итог, отметим, что даже четыре приведенных примера свидетельствуют о несомненном вкладе сталинградцев в развитие партизанского движения на территории Беларуси. Они говорят о том, как много еще предстоит сделать для персонификации подвига нашего народа. К этому нас призывает и извечный лозунг послевоенных поколений «Ничто не забыто и никто не забыт!».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипенко, Ф. Ф.* Я начал войну на «Чайке». Записки летчика-истребителя / Ф. Ф. Архипенко. – М., 2007. – С. 106.
2. *Батов, П. И.* В походах и боях / П. И. Батов. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 1974.
3. *Батов, П. И.* В походах и боях. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во ДОСААФ, 1984. – 511 с.
4. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авт. кол.), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко [и др.]. – Минск : БелТА, 2005. – 544 с.
5. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыклапедыя. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 679 с.

6. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне Савецкага Саюза (1941–1945) / склад.: Э. І. Ляўко [і інш.] ; навук. рэд. А. М. Літвін. – Мінск, 1990. – 296 с.
7. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне (1941–1945) / склад.: З. А. Сядая, Р. С. Собаль ; навук. рэд.: А. М. Літвін, В. І. Ермаловіч. – Мінск, 1990. – 435 с.
8. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне (1941–1945) / склад. В. П. Паўлаў. – Мінск, 1996. – 108 с.
9. Белорусская ССР : краткая энцикл. : в 5 т. / редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бел. сов. энцикл. им. П. Бровки, 1981. – Т. 5 : Биографический справочник. – 740 с.
10. *Вайнруб, М. Г.* Однополчане / М. Г. Вайнруб. – Киев : Молодь, 1982. – 182 с.
11. Великая Отечественная. Командармы : военный биографический словарь. – М. : Воениздат, 2005. – 246 с.
12. Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь / В. П. Горемыкин. – М., 2013. – Т. 2 : Командиры авиационных дивизий ВВС и ВМФ, командующие дивизионами. – 992 с.
13. Великая Победа на Волге / под ред. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. – М. : Воениздат, 1965. – 526 с.
14. Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне / А. М. Литвин [и др.] ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 495 с.
15. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / редкол.: А. Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983–1985.
16. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : док. и материалы : в 3 т. – Минск : Беларусь, 1978. – Т. 2 : Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны (июль – декабрь 1943 г.). – 814 с.
17. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – Т. 4 : Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.). – 640 с.
18. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.] ; рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. – 613 с.
19. *Долготович, Б. Д.* Военачальники земли белорусской : энциклопед. справ. / Б. Д. Долготович. – Минск : БелЭн, 2005. – 288 с.
20. *Долготович, Б. Д.* Почетные граждане белорусских городов : биограф. справ. / Б. Д. Долготович. – Минск : Беларусь, 2008. – 368 с.
21. *Долготович, Б. Д.* Твои сыновья, Беларусь: маршалы, генералы (адмиралы) – белорусы и уроженцы Беларуси в годы Великой Отечественной войны : биограф. справ. / сост.: Б. Д. Долготович, А. А. Коваленя. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 475 с.
22. *Долготович, Б. Д.* Сыны Беларусі – кавалеры полководческих (флотоводческих) орденов / Б. Д. Долготович, В. В. Шеин. – Минск, 2019.

23. Долготович, Б. Д. Сыны и дочери Беларуси в боях за города-герои / Б. Д. Долготович. – Минск : Колорград, 2020. – 224 с.
24. Долготович, Б. Д. Подвиг длиною в жизнь : биограф. справ. о почетных гражданах белорусских городов / Б. Д. Долготович, Ю. В. Солонович. – Минск : Колорград, 2020. – 700 с.
25. Долготович, Б. Комиссар флота: О контр-адмирале, белорусе П. Бондаренко, в годы войны начальник политотдела Волжской военной флотилии // Политический собеседник. – 1990. – № 1. – С. 43–44.
26. Еврейская военная энциклопедия / И. М. Левитас. – Киев : Сталь, 2007. – 704 с.
27. Иофе, Э. Лёс журналіста / Э. Иофе // Літаратура і мастацтва. – 2007. – 9 сак.
28. Иоффе, Э. Г. Участие евреев в Сталинградской битве // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. конф., Мінск, 6 крас. 2018 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2019. – Вып. 17. – С. 55–62.
29. История Белорусской ССР : в 2 т. / ред.: Т. С. Горбунов, Н. В. Каменская, И. С. Кравченко. – Мінск, 1961. – Т. 11. – 700 с.
30. История Белорусской ССР. – Минск : Навука і тэхніка, 1977. – 632 с.
31. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941– 1945 : в 6 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Отдел истории Великой Отечественной войны. – М. : Воен. изд-во, 1960–1965. – Т. 3 : Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 – декабрь 1943 гг.). – 1961. – 662 с.
32. Их именами названы... : энциклопед. справ. о людях, в том числе участниках Великой Отечественной войны, именами которых в Белоруссии названы населенные пункты, промышленные предприятия, улицы и др. / редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минска : БелСЭ, 1987. – 711 с.
33. Красовский, С. А. Жизнь в авиации / С. А. Красовский. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Минск : Беларусь, 1976. – 320 с.
34. Липило, П. П. КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / П. П. Липило. – Минск : Госиздат БССР, 1959. – 250 с.
35. Литвин, А. М. Советское партизанское движение как стратегический фактор Великой Отечественной войны: на примере Беларуси / А. М. Литвин / Этот день мы приближали как могли : Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны (Минск, 7–8 мая 2015 г.) : в 2 ч. / редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2016. – Ч. 1. – С. 27–43.
36. Літвін, А. М. Актывізацыя партызанскага фактару як складаючай часткі савецкай стратэгіі вядзення вайны напярэдадні і падчас Сталінградскай бітвы 1942–1943 гг. / А. М. Літвін // БГЧ. – 2013. – № 2. – С. 18–24.
37. Литвин, А. М. Партизанское движение на территории Беларуси в период Сталинградской битвы: вопросы стратегического и оперативного исполь-

- зования партизанских сил / А. М. Литвин // Сражения в России: Дон и Сталинград. Взгляд через 75 лет : материалы междунар. науч. конф. / под ред. С. И. Филоненко. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр ВГПУ, 2017. – С. 131–141.
38. *Людников, И. И.* Дорога длиною в жизнь / И. И. Людников. – М. : Воениздат, 1969. – 180 с.
 39. Навечно в сердце народном / гл. ред. И. П. Шамякин. – 3-е изд., доп. и испр. – Минск : Беларус. сов. энцикл., 1984. – 607 с.
 40. Память : Внутренние войска МВД Республики Беларусь : ист.-докум. хроника / А. М. Литвин (рук. авт. кол.) ; под общ. ред. В. Г. Рожнева. – Минск : ФУ Аинформ, 2008. – 449 с.
 41. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Веткаўскага р-на. – Мінск : Белта, 1998. – Кн. 2. – 461 с.
 42. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Гарадоцкага р-на. – Мінск : Беларусь, 2004. – 892 с.
 43. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Кобрынскага р-на. – Мінск : БелТА, 2002. – 623 с.
 44. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Чэрыкаўскага р-на. – Мінск : Выш. шк., 1994. – 659 с.
 45. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А. Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.
 46. *Пстыго, И. И.* Труженики неба / И. И. Пстыго. – М., 1994. – 469 с.
 47. *Рабинович, Я. И.* Еврейский народ в круговороте истории : в 3 кн. / Я. И. Рабинович. – М., 2003. – Кн. 3. – 613 с.
 48. *Самсонов, А. М.* Сталинградская битва / А. М. Самсонов. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 1989. – 630 с.
 49. *Сараев, А. А.* Стояли насмерть / А. А. Сараев. – Волгоград : Нижне-Волж. кн. изд-во, 1976. – 192 с.
 50. *Свердлов, Ф. Д.* В строю отважных : очерки о евреях – Героях Советского Союза (в т.ч. и уроженцах Белоруссии) / Ф. Д. Свердлов. – М. : Книга и бизнес, 1992. – 304 с.
 51. *Свердлов, Ф. Д.* Евреи – генералы Вооруженных Сил СССР : краткие биографии / Ф. Д. Свердлов. – М., 1993. – 302 с.
 52. Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Н. И. Алабин [и др.]. – М. : Воениздат, 1968. – 450 с.
 53. *Шамрай, В. А.* Воронежский фронт и Сталинградская битва / В. А. Шамрай // Сражения в России : Дон и Сталинград. Взгляд через 75 лет : материалы междунар. науч. конф. / под ред. С. И. Филоненко. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр ВГПУ, 2017. – С. 250–254.
 54. *Шиманский, М.* Сталинградское единство / М. Шиманский // Народная газета. – 2012. – 20 дек.

55. *Шубин, Г. А.* Мы – из Ленинской / Г. А. Шубин // За край родной: Воспоминания партизан и подпольщиков Барановичской области / сост. А. И. Залесский [и др.]. – Минск : Беларусь, 1978. – 286 с.
56. *Шубин, Г. А.* Из истории всенародной борьбы против немецко-фашистских оккупантов в западных областях Белоруссии (июнь 1941 – июль 1944 гг.) / Г. А. Шубин. – Волгоград : Нижне-Волж. кн. изд-во, 1972. – 312 с.

А. Е. Долговский

**ХОЛОКОСТ НА ВИЛЕЙЩИНЕ:
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ
«НЕОБЫЧНО КРУПНОГО ДЕЛА» И ЛОКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПАМЯТИ**

В ходе подготовки передвижной немецко-белорусской выставки «Лагерь смерти Тростенец. История и память»¹ и особенно ее экспонирования в Беларуси сотрудники Исторической мастерской в рамках диалога со свидетелями войны, краеведами и музейными сотрудниками на локальном уровне собрали документы, свидетельства преступлений региональных подразделений немецкой полиции безопасности и службы безопасности (СД). Данные подразделения не только являлись ответственными за массовые убийства в провинции, но и принимали участие в уничтожении евреев Минского гетто и депортированных евреев из Западной Европы в 1942 г. в урочище Благовщина. В частности, были собраны документы о преступлениях Вилейской СД. В свою очередь в рамках сопроводительной программы к Тростенецкой выставке в Вилейке были изучены и задокументированы ландшафты насилия, трансформированные в советское/постсоветское время в места памяти: а именно, осенью 2020 г. сотрудниками Исторической мастерской были посещены места массовых убийств евреев Вилейской СД в Илье, Куренце, Долгиново и Радошковичах с целью документации локальной культуры памяти Холокоста, который координировался из Минска – Риги – Берлина и имел как ряд сходств, так и отличий с уничтожением евреев в Минском гетто и Тростенце.

Историю Вилейки и ее окрестностей в период оккупации характеризуют типичные для оккупированной национал-социалистами Беларуси пики

¹ Выставка «Лагерь смерти Тростенец. История и память» – немецко-белорусский пилотный проект, отдающий дань памяти жертвам и одновременно показывающий, какими способами и в каких местах в Беларуси, Германии, Австрии и Чехии чтят память убитых. В нем также рассматривается топография убийств и преступники. Его цель – закрепить Малый Тростенец в общественном восприятии как европейское место преступления и памяти. Инициаторами выставки выступили Международный образовательный центр в Дортмунде и Минский международный образовательный центр имени Йоханнеса Рау. Значительную роль в его создании сыграли Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны и берлинский фонд «Памятник убитым евреям Европы». Выставка финансировалась Министерством иностранных дел Германии. Каталог выставки был издан по поддержке фонда «Память, ответственность и будущее» (См. подробнее: Лагерь смерти Тростенец. История и память. – Берлин : IBB Dortmund/IBB Minsk/Stiftung Denkmal für die ermordeten Juden Europas, 2016. – 246 с.).

насилия: уничтожение еврейских общин и советских военнопленных в 1941–1942 гг., сожженные деревни в ходе карательных операций в 1942–1944 гг.¹ [2]. Вместе с тем данный регион имел и ряд особенностей. К началу национал-социалистической оккупации в Вилейке проживало около 7 000 человек, около 1000 из которых составляли евреи. В первые дни нападения нацистской Германии на Советский Союз немногим из них удалось эвакуироваться на Восток, а уже 12 и 30 июля 1941 г. айнзацкоманда 9-й айнзацгруппы «В» расстреляла свыше 400 евреев Вилейки, включая женщин и детей. Таким образом, в этом небольшом населенном пункте мы имеем дело с заметно ранним включением женщин и детей в массовое уничтожение на территории оккупированной Беларуси.

Вследствие замедления немецкого наступления мобильные карательные подразделения преобразовывались в стационарные службы безопасности. После создания первой таковой в декабре 1941 г. в Минске стали организовываться ее отделения в Барановичах, Вилейке, Ганцевичах, Слониме, Глубоком и Лиде. Именно с организацией Вилейской СД 4 февраля 1942 г. так называемое окончательное решение еврейского вопроса стало системным. Данный карательный орган, находящийся в подчинении начальника полиции безопасности и службы безопасности в Минске включал в себя свыше 20 немецких и австрийских служащих на руководящих и административных должностях. Они доукомплектовывались направленными в Generalkommissariat Weißruthenien частями айнзацгруппы «А» и персоналом войск СС (Waffen-SS). Также в подчинении СД в Вилейке находился латышский взвод и часть 13-го белорусского батальона с еще большим количеством служащих, в связи с чем ряд свидетелей называли Вилейскую СД «белорусской».

Исследовательский интерес представляет механизм включения местных жителей в систему насилия данного карательного органа. Так, следуя свидетельским показаниям, многие из них первоначально выполняя различные работы по ремонту и обслуживанию инфраструктуры СД, со временем оформлялись как регулярные служащие. В новые их обязанности первоначально входили охранные функции. Вместе с тем они, несомненно, внесли свой активный вклад в массовое уничтожение евреев на Вилейщине. Личный состав при этом нередко менялся, вместе с тем был и ряд служащих, кто оставался вплоть до расформирования Виленской СД в июле 1944 года. Командовал же ей вплоть до своей смерти в мае 1944 г. Рудольф Граве². Массовые акции уничтожения происходили в координации с полицией безопасности и службой безопасности г. Минска, активное участие в них оказывала местная жандармерия, а также нередко вермахт и военно-строительная организация Тодта.

¹ С 25 мая по 17 июня 1944 г. в районе Вилейка – Борисов – Минск проводилась карательная операция «Корморан».

² Командир Вилейской СД Граве был балтским немцем, который жил на территории СД в непосредственной близости к тюрьме, гетто и расстрельному месту. В июне 1944 г. подорвался на бричке, захоронен на кладбище СД в Тростенце.

Главными категориями жертв в период оккупации стали: евреи; советские военнопленные; подозреваемые в сопротивлении; заложники из местного населения¹ [4] и рома² [5]. Пиком массовых убийств стал 1942 год, когда было уничтожено большинство еврейских общин Вилейщины: среди прочих в Вилейке, Радошковичах, Илье, Ракове, Воложине, Долгинове, Вишнево, Куренце, Кривичи и в ряде других населенных пунктах.

Во время всех акций имела место быть селекция с целью получения принудительных рабочих. Таким образом, после акций уничтожений в населенных пунктах оставались, как правило, лишь специалисты нередко с их семьями, отобранные для принудительных работ. К примеру, в Вилейке было сформировано одно гетто для евреев-специалистов в непосредственной близости к СД, одно близ гебитскомиссариата и одно около железнодорожного вокзала. Эти гетто пополнялись евреями из других населенных пунктов. Уничтожение принудительных рабочих из числа еврейских специалистов с их семьями и последних гетто прошло в 1943 году. Крупнейшей акцией, в которой принимала участие Вилейская СД, в 1943 году стало уничтожение гетто в Красном, а также в Глубоком³.

В общем числе Вилейской СД было уничтожено по разным оценкам от 11 000 до 13 000 евреев. Акции уничтожения, как правило, сопровождались спланированным разграблением имущества евреев. Характерной особенностью массовых расстрелов было одновременное сокрытие следов преступлений, а именно, сжигание трупов с помощью горючих средств. Местные жители вспоминают о большом количестве евреев до войны, об их массовом убийстве и спасении единиц, которые после войны покинули родные места. В 2009 году количество евреев от общего числа населения Вилейки составляло 0,04 процента. В настоящее время евреев практически в Вилейке не осталось.

Тематикой исследования проекта «Холокост на Вилейщине: транснациональное юридическое расследование и локальная культура памяти» станет послевоенное юридическое расследование преступлений на Вилейщине, инициатором которого стал Херберт Фрёзе, директор окружного суда Бохума земля Северная Рейн-Вестфалия при прокуратуре Дортмунда. Он завел дело на ряд немецких служащих отделения полиции безопасности в Вилейке, в ходе которого в конце 1960-х – начале 1970-х гг. вступил в интенсивную переписку с советской прокуратурой, запрашивая юридическую помощь. Директор окружного суда Бохума добился проведение повторных допросов, инициировал поиск новых свидетелей, приглашал их

¹ К примеру, около 30 мужчин и женщин деревни Илиневичи по причине несвоевременного выхода на охрану дороги от партизан были убиты в связи с подрывом командира Вилейской СД Рудольфа Граве в июне 1944 года.

² В период оккупации в Вилейке проживало несколько семей рома, в 1943 г. их расстреляли, одна беременная женщина была убита с ребенком в 1943 г. за забором старой тюрьмы на территории Вилейской СД.

³ 19 марта 1943 г. было убито свыше 2300 евреев в Красном, 20 августа 1943 г. около 3000 в Глубоком, в ходе уничтожения в Глубоком для подавления сопротивления Вермахт применял тяжелое вооружение.

в 1971 г. для очной ставки в земельный суд Бохума, в конечном итоге сам выезжал на допросы в Минск, Ригу и Израиль. Несмотря на контекст времени холодной войны, в процессе расследования преступлений на Вилейщине имел место интенсивный обмен документами. Ввиду включения все новых случаев массового уничтожения, инициированное расследование было охарактеризовано Хербертом Фрёзе как «необычно крупное дело». В результате следственного процесса образовался богатый корпус таких документов, как акты судебных процессов над преступниками в СССР, показания свидетелей преступлений, выживших в Холокосте на Вилейщине; протоколы допроса начала 1970-х годов жителей Вилейки, Красного, Радошкович. Документы процесса архивированы в Мюнстере, часть из них передана в Центральное управление по расследованию преступлений национал-социализма в Людвигсбурге.

Проектным результатом должно стать исследование по данной тематике, в которой будет проанализирована юридическая проработка преступлений, влияние ее на культуру памяти и оценка ее современного состояния. Для электронного архива Исторической мастерской, а также для будущего информационного центра, посвященного Минскому гетто на базе Исторической мастерской, будет составлено нескольких биографий, как жертв, так и преступников. Целью также могло бы стать инициирование неинвазивного исследования и мемориализации одного из центральных расстрельных мест в Вилейке – так называемой Лысой горы.

С. Я. Новікаў

ХАТЫНСКАЯ ТРАГЕДЫЯ Ў НАРАТЫВАХ ГІСТОРЫІ, НАВУКІ І ПАМЯЦІ

80-я ўгодкі хатынскай трагедыі з’яўляюцца не толькі круглай датай у гісторыі, колькі чарговым этапам для новага асэнсавання асобай важнасці правядзення аб’ектыўнага навуковага даследавання гісторыі знішчэння адной з самых вядомых беларускай вёскі разам з яе 149 жыхарамі. У час мітынг-рэквіема, праведзенага ў мемарыяльным комплексе Хатынь 22 сакавіка 2023 г., Кіраўнік дзяржавы з асобай сілай падкрэсліў, “Хатынь – гэта наш боль, наша памяць” [1, с. 2].

З новых даных Генеральнай пракуратуры Рэспублікі Беларусь, выяўленых у ходзе расследавання крымінальнай справы аб генацыдзе мірнага насельніцтва на тэрыторыі Беларускай ССР у гады Вялікай Айчыннай вайны і агучаных на мітынг-рэквіеме вынікае, што размова павінна ісці ўвогуле аб 10 961 вёсцы, якія пацярпелі ў Беларусі ў час нацысцкай акупацыі [2, с. 3]. У новым музеі, адкрытым у мемарыяльным комплексе, з’явілася сімвалічная карта спаленых і не адроджаных пасля вайны 216 беларускіх вёсак, якія раздзялілі трагічны лёс Хатыні [3, с. 7].

Асобным радком у пераліку падзей, прысвечаных хатынскай трагедыі, неабходна назваць прэзентацыю, якая напярэдадні 80-х угодкаў з гэтай

гістарычнай даты адбылася ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь. Шырокай грамадскай быў прадстаўлены ўнікальны зборнік дакументаў і матэрыялаў “Хатынская трагедыя” [4], падрыхтаваны да друку беларускімі архівістамі і гісторыкамі пад кіраўніцтвам вядучага навуковага супрацоўніка аддзела публікацый В. Д. Селяменева. Важна адзначыць, што ў чарговы раз беларускі чытач атрымлівае магчымасць для больш паглыбленага знаёмства з гістарычнымі падзеямі 22 сакавіка 1943 г. [5; 6], а таксама гісторыяй мемарыялізацыі тых падзей у пасляваенны перыяд дзякуючы публікацыі 195 тэматычна падабраных і сістэматызаваных унікальных дакументаў і матэрыялаў, у тым ліку дакументаў партызанскай брыгады “Дзядзькі Васі” і партызанскага атрада “Мсцівец”, дакументаў злачынцаў (карнага батальёна Дзірлевангера) і 118-га паліцэйскага ахоўнага батальёна, дакументаў Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі, а таксама паказанняў сведак і злачынцаў; дакументаў розных устаноў па ўвекавечанні памяці аб загінуўшых у час хатынскай трагедыі [4].

Гэта азначае, што трагедыя мірных жыхароў вёскі Хатынь і памяць пра іх застаецца ў цэнтры ўвагі шырокай грамадскай, музейных і архіўных работнікаў, даследчыкаў. Аднак з навуковага пункту погляду выданне саміх зборнікаў дакументаў, на вялікі жаль, не вырашае галоўнай задачы – паказу чытачам вынікаў даследавання цэлага комплексу розных фактаў і аб’ектыўнага раскрыцця самых розных, у тым ліку малавядомых аспектаў гістарычнай трагедыі ў вёсцы Хатынь. Як сведчыць навуковая практыка, увядзенне ў шырокі ўжытак зборнікаў дакументаў з багатай крыніцазнаўчай базай толькі часткова набліжае да вырашэння галоўнай даследчыцкай задачы – правядзення аб’ектыўнага вывучэння гістарычных падзей на падставе гэтых і іншых дакументальных крыніц. У выніку атрымліваецца, што па цяперашні час у беларускай гістарычнай навуцы адсутнічае спецыяльнае навуковае праца ці дысертацыйнае даследаванне, якое б давала абгрунтаваныя адказы на шматлікія пытанні, у тым ліку даволі прынцыповыя. Напрыклад, аб назве 118-га паліцэйскага ахоўнага батальёна, які ў апошні час усё часцей называецца выключна як “118-ы ўкраінскі паліцэйскі батальён” [7], яго штатным раскладзе, нацыянальным складзе, баявым укамплектаванні, пераліку злачынных карных акцый і іх трагічных вынікаў і г.д. Па цяперашні час беларускія гісторыкі не зрабілі гэтага важнага кроку па дэталёвым вывучэнні самых розных аспектаў хатынскай гісторыі, высвятленні ўсіх фактаў гісторыі і людскай трагедыі, дзе апроч 75 спаленых дзяцей былі загублены столькі ж дарослых, у тым ліку – мужчыны і жанчыны, юнакі і дзяўчаты, пра якіх размова часцей за ўсё не вядзецца. Больш таго, у апошні час беларускай грамадскай прапануецца падыход, калі не праводзіцца спецыяльнае навуковае даследаванне па ўстанаўленні дакладнай лічбы панесеных людскіх ахвяр сярод мірнага насельніцтва на тэрыторыі Беларусі, а ідзе пошук адказу на пытанне аб вызначэнні памераў фінансавай шкоды, нанесенай нашай краіне ў гады Вялікай Айчыннай вайны [8, с. 2].

Таму хацелася б нагадаць чытачу словы судзі Ваеннага трыбунала Беларускай ваеннай акругі В. В. Глазкова, які выносіў судовы вырак аднаму

з адыёзных забойцаў Хатыні – былому начальніку штаба 118-га паліцэйскага ахоўнага батальёна Васюру, які пачынаў вайну старшым лейтэнантам Чырвонай арміі. У ходзе вядзення судовага працэсу, па якім было падрыхтавана 14 тамоў судовых дакументаў і матэрыялаў, падпалкоўнік юстыцыі прыйшоў да важнай высновы: “у гэтай страшнай трагедыі не павінна быць белых плям” [9]. Аўтар гэтых радкоў цалкам падзяляе такую думку, больш таго, прытрымліваецца тэзы аб надзвычайнай важнасці аб’ектыўнага паказу не толькі самой хатынскай трагедыі на прыкладзе раскрыцця маштабаў злачынстваў, але і высвятлення яе галоўных прычын, устанаўлення ўсіх фактаў той гістарычнай падзеі, вынікам якой стала забойства няўзброеных жыхароў вёскі, у якой на момант правядзення карнай акцыі знаходзіліся дзве роты партызан атрада “Мсцівец” партызанскай брыгады “Дзядзькі Васі”.

У сувязі з мерапрыемствамі, якія ў гэтым годзе адбыліся на дзяржаўным узроўні ў вёсцы Хатынь, хацелася б знайсці адказы на важныя пытанні, напрыклад: чаму ў дачыненні да сусветна вядомай беларускай вёскі, якую ў савецкі час штогод наведвала звыш мільёна турыстаў, у айчынай гістарыяграфіі да гэтага часу не праведзена спецыяльнае навуковае даследаванне, прысвечанае комплекснаму вывучэнню хатынскай трагедыі; якую мэту праследуюць сёння прыхільнікі аднабаковага падыходу і такім чынам наўмыснай фальсіфікацыі падзей у Хатыні на момант яе поўнага знішчэння з мірнымі жыхарамі вёскі; чаму да гэтага часу адсутнічае доступ да ўсіх матэрыялаў судовай справы над злачынцамі Хатыні – не толькі над начальнікам штаба Васюрам і паліцыянтамі 118-га ахоўнага батальёна, але не зроблены захады па пошуку дакументаў у нямецкіх архівах аб трагедыі мірных жыхароў у вёсцы Хатынь 22 сакавіка 1943 г. і удзелу ў іх загубе нямецкіх карнікаў; чаму не толькі працягваецца, але і набірае моц савецкая гістарыяграфічная тэндэнцыя па замоўчванні асобных фактаў з гісторыі хатынскай трагедыі; чаму новая музейная канцэпцыя не абмяркоўвалася з музейнымі спецыялістамі і шырокай грамадскасцю; чаму, у рэшце рэшт, помнік сусветнага значэння выводзіцца з рэспубліканскай уласнасці і перадаецца ў падпарадкаванне Мінскай вобласці і г.д.

Выкарыстанне навуковага тэрміна “наратыў” для аўтара гэтых радкоў прадыхавана сутнасцю расповедаў, якія склаліся аб гісторыі хатынскай трагедыі без уліку навуковых крытэрыяў. Інакш кажучы, размова ідзе пра створаныя ў пасляваенны час апісанні гэтай гістарычнай падзеі, якая падаецца ў значнай ступені з элементамі суб’ектыўнасці, аднак не навуковай аб’ектыўнасці. Сутнасцю такога расказу (наратыву) з’яўляецца жаданне самога апавядальніка прымусіць слухача пачуць, зразумець і задумацца аб нечым ці некім дзякуючы аўтарскаму аздабленню толькі некаторых момантаў гістарычнага факта, або яго ўтойвання ці наўмыснага скажэння, або адыходу ад крытычных ацэнак мінулага. Інакш кажучы, наратыўны апавядзецца скрозь прызму выключна асабістых поглядаў, ацэнак і інтэрпрэтацый падзей мінулага, а не выкарыстання ўведзенай у апошні час значнай дакументальнай базы.

Зварот да яе на цяперашні час дазваляе знайсці адказы на шматлікія, але не ўсе, даследчыцкія пытанні. Як вынікае з уведзеных у апошні час дакументаў і матэрыялаў, беларускай грамадскасці на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў казалі толькі тое, што датычылася выключна нямецкага ўдзелу ў знішчэнні Хатыні і яе жыхароў, абыходзячы пры гэтым маўчаннем фактычныя прычыны хатынскай трагедыі і прамую паслядоўнасць падзей, звязаных са злачынным знішчэннем вёскі з мірным насельніцтвам у сувязі з дзейнасцю партызан. Гэту думку пацвярджае дакумент № 3 [4, с. 16–17], пакінуты камандным саставам партызанскай брыгады «Дзядзькі Васі». На працягу пасляваеннага часу афіцыйная прапаганда канцэнтравала ўвагу грамадскасці на злачыннай дзейнасці нямецка-фашысцкіх карнікаў у вёсцы Хатынь, пакідаючы па-за рамкамі пошукаў гісторыкаў рэальныя прычыны разгортвання хатынскай трагедыі, не надаючы значэння паказу канкрэтнага складу выканаўцаў злачыннага загалу аб знішчэнні вёскі і яе мірных жыхароў, а таксама строга хаваючы ад людзей нацыянальную прыналежнасць непасрэдных злачынцаў. Зразумела, што ў савецкі час не маглі быць атрыманыя поўныя адказы на шматлікія пытанні, паколькі даследчыкі карысталіся толькі абмежаваным колам дакументаў, прапушчаных скрозь сіта ідэалагічнай цэнзуры.

Практычна не ўдалося ўзбагаціць навуковыя веды аб трагедыі ў в. Хатынь 22 сакавіка 1943 г. і ў другой палове 1980-х гадоў, калі ў Мінску праходзіў закрыты судовы працэс над былым начальнікам штаба 118-га карнага паліцэйскага батальёна Васюрам. Хаця ў час перабудовы і галоснасці беларуская грамадскасць рабіла пэўныя захады па дадатковым асвятленні асобных аспектаў сакавіцкай трагедыі ў Хатыні (гл.: *Рошчін В.* Неизвестная Хатынь // Рабочая трибуна. 1990. 10 ноября; *Глазков В.* Хатынь сожгли полицаи // Во славу Родины. 1990. 20 ноября; *Горячий пепел Хатыни* // Советская Белоруссия. 1991. 22 марта і інш.). Аднак тыя захады, галоўным чынам публіцыстычнага кшталту, не прывялі да галоўнага: не была сказана ўся праўда пра Хатынь. Пасля завяршэння судовага працэсу ў дамінуючую ідэю быў аформлены судовы вырак ў дачыненні толькі да аднаго начальніка штаба 118-га ахоўнага паліцэйскага батальёна, які аддаваў загады па ліквідацыі вёскі і забойстве яе мірных жыхароў, у той час як у Хатыні знаходзіліся нямецкія камандзіры, хто непасрэдна мог прымаць і прыняць злачыннае рашэнне аб знішчэнні вёскі Хатынь разам з яе мірнымі жыхарамі.

Вырашальны крок у гэтым напрамку быў зроблены толькі ўкладальнікамі новага дакументальнага выдання, дзякуючы якому ў беларускага чытача з'явіліся ў рэшце рэшт дакументы і матэрыялы для больш грунтоўнага асэнсавання доўгі час для многіх закрытай тэмы. Заўважым, што першае дакументальнае выданне пабачыла свет амаль 15 гадоў таму назад [5], у якім былі сабраны 150 дакументаў і матэрыялаў, аднак тады яны не сталі падмуркам для падрыхтоўкі спецыяльнага навуковага даследавання.

Зразумела, што факты, якія ўтрымліваюць згаданыя дакументальныя матэрыялы, патрабуюць узважанага аналізу, крытычнага падыходу і грунтоўнага даследавання рознымі спецыялістамі. Увядзенне ў навуковы ўжытак

новых архіўных матэрыялаў можа быць важным у тым выпадку, калі гісторыкі здолеюць улічыць самыя разныя аспекты трагічных падзей сакавіцкага дня і наблізіцца да рэальна існуючай сітуацыі, а затым на іх падставе стварыць аб’ектыўную карціну хатынскай трагедыі. На нашу думку, выданне зборніка закладвае трывалы падмурак для напісання праўдзівай гісторыі не толькі вёскі Хатынь, але і яе бліжэйшых ваколіц у панядзелак 22 сакавіка 1943 года. Цяпер будзе шмат залежаць ад даследчыкаў, у якой ступені праўдзівасці грамадства наблізіцца да доўгі час меўшых месца “белых плям” хатынскай трагедыі.

Такая выснова азначае ні што іншае, як ацэнку патэнцыяльнай магчымасці для пачатку падрыхтоўкі навуковых прац на аснове ўведзеных у шырокі ўжытак дакументальных крыніц, якія істотна пашыраюць і паглыбляюць нашы веды аб Хатыні. Аднак не ўсе ўведзеныя матэрыялы раўназначны: на падставе адных магчыма аднавіць гістарычныя падзеі, пры гэтым дакладна паказаць як прычыны, так і наступствы, тады як увядзенне асобных дакументаў спрыяе толькі іх апісанню. У першую чаргу гэта датычыцца выяўлення іх навуковай рэпрэзентатыўнасці, г. зн. крыніцзнаўчай базы для далейшай адбудовы самых розных сюжэтаў з гістарычных падзей у вёсцы Хатынь. Гэта праца звязана з назапашваннем і ўвядзеннем новых фактаў, а таксама асвятленнем раней не прыцягнутых да ўвагі тэм і пытанняў. На другім месцы знаходзяцца спробы адыходу ад сакральных палажэнняў замацаванага з савецкага часу беларускага наратыву, вынікам якога павінна стаць навуковая канцэпцыя гістарычных падзей, звязаных з хатынскай трагедыяй. Не менш важнай нам бачыцца і задача па крытычным падыходзе да новых ацэнак, якія ўсё часцей гучаць у апошні час, але пабудаваных на ідэалагічных догмах, а не навуковых высновах.

Кажучы пра чарговы складнік нашага падыходу, а менавіта “наратыву памяці”, неабходна адзначыць факт таго, што “новым месцам памяці і смутку” ў мемарыяльным комплексе “Хатынь” пасля яго адкрыцця названы музей, дзе ў шасці залах створана эмацыянальная прастора, якая павінна “рваць сэрца” [3, с. 6]. Выхаваўчы патэнцыял музейнай экспазіцыі пакуль поўнасьцю не вывучаны, тады як пэўнае ўражанне пасля яго наведвання застаецца, асабліва пасля знаёмства з новай лічбай “сясцёр Хатыні” на карце Беларусі, а таксама з лічбай людскіх страт у нашай краіне – кожнага трэцяга. Аднак гэта лічба не знаходзіць замацавання ў дакументах, прадстаўленых за тыдзень да 80-х угодкаў хатынскай трагедыі ў вышэйзгаданым зборніку [4]. Такая метамарфоза азначае, што для наведвальніка будуць існаваць дзве паралельныя музейныя прасторы: адна – гістарычны дакумент самой вёскі, як пра гэта казалі аўтары яе мемарыялізацыі ў савецкія часы, а другая – новая музейная прастора, штучна створаная, а таксама часам далёкія да гэтай важнай тэмы экспанаты. Як яны будуць працаваць у прасторы памяці, у якой ступені замацоўваць адны і тыя ж факты гісторыі Хатыні, а таксама агульныя маштабы трагедыі беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны? Гэтыя і іншыя пытанні пакуль застаюцца адкрытымі. Час дасць на іх дакладныя адказы.

Пэўны адказ на пытанне мемарыялізацыі трагедыі беларускага народа ў Хатыні даюць 195 дакументальных матэрыялаў, сабраных у новым зборніку. Паводле дакументаў першай часткі зборніка, жудасная гісторыя хатынскай трагедыі пачалася са зверстваў 118-га паліцэйскага батальёна, які размяшчаўся ў Плешчаніцах, у дачыненні да 26 мірных сялян-лесарубаў з суседняй вёскі Казыры: яны былі забітыя па падазрэнні ў сувязі з партызанамі на 57 км шашы Мінск – Плешчаніцы, дзе з раніцы 22 сакавіка 1943 г. згодна з загадам старасты вялі ачыстку 200-метровай прыдарожнай паласы. З дакументальных матэрыялаў вынікае, што расправа над мірнымі жыхарамі суседняй вёскі з’яўлялася пралогам трагічных падзей у вёсцы Хатынь Каменскага сельсавета Плешчаніцкага раёна.

Зборнік пачынаецца 11 дакументамі, абагульненымі пад рубрыкай “Дакументы партызан” (с. 15–22). З журнала баявых дзеянняў партызанскага атрада “Мститель” брыгады “Дяді Васи” (з верасня 1942 г. брыгада “Народные мстители” пад камандаваннем В. Т. Варанянскага) вынікае, што 20.03.1943 1-я і 3-я роты ў поўным складзе адпраўлены ў засаду на шашу Лагойск – Плешчаніцы, дзе знішчылі адну легкавую машыну, забілі двух жандармскіх афіцэраў, аднаго камандзіра ўкраінскага батальёна і тры ўкраінцы, восем украінцаў і паліцэйскіх паранілі. Пасля адыходу з месца засады роты размяшчаліся ў вёсцы Хатынь (с. 20). У пратаколе нарады каманднага складу партызанскай брыгады “Дяді Васи” ад 29 сакавіка 1943 г. зафіксавана: «Прысутнічалі: к-ры атрадаў “Катоўскі”, “Суворова”, “Мститель”, сакратар Лагойскага РКП і штаб брыгады. Парадак дня: інфармацыя аб палітычным становішчы і перспектывах баявых дзеянняў брыгады. Маёр Варанянскі... Спыніць начоўку і прыпыненне партызан у вёсках, хаця б адзіночак, бо гэта цягне за сабой варварскія здзекі ворага над нашым насельніцтвам. Шмат прыкладаў, якія можна прывесці, нават у нас выпадак – спалена 184 чал. (так у дакуменце. – С. Н.) і вёска Хатынь» (с. 17).

У другой рубрыцы “Дакументы катаў” (с. 23–30) прадстаўлена 7 матэрыялаў, сярод якіх асобы інтарэс выклікае “Данясенне камандзіра 118-га паліцэйскага батальёна начальніку СС і паліцыі Барысаўскага ўезда аб нападзенні партызан на батальён ля в. Губа і знішчэнні в. Хатынь” (с. 27–30). На падставе звестак, атрыманых ад сваіх падначаленых камандзір батальёна, маёр Э. Кёрнер выкладае другі бок падзей, звязаных з ліквідацыяй Хатыні.

Паводле данясення, а палове на 10-ю гадзіну раніцы 22.03.1943 для аднаўлення пашкоджанай партызанамі сувязі паміж Плешчаніцамі і Лагойскам былі накіраваны два ўзводы 1-й роты 118-га паліцэйскага батальёна пад камандаваннем гауптмана Вельке. Прыкладна каля 900 м за в. Губа яны патрапілі пад моцны кулямётны і ружэйны агонь, адкрыты партызанамі атрада “Мститель”. У распачатай перастрэлцы былі забіты гауптман Вельке і тры ўкраінскія паліцаі, а таксама паранены два паліцаі. Паколькі ўласных сіл для працягу акцыі было недастаткова, згодна з загадам камандзіра першага ўзвода Мялішкі бой быў спынены, пры гэтым былі арыштаваны жыхары в. Казыры, якія займаліся высяканнем лесу недалёка ад месца засады.

У данясенні адзначаецца, што з мэтай праследавання праціўніка былі накіраваны больш буйныя сілы, у тым ліку з Лагойска прыбыла частка батальёна “Дзірлевангер”, а з Пleshчаниц падраздзяленні 118-га паліцэйскага батальёна за выключэннем другой роты. Арыштаваныя сяляне-лесарубы, пабачыўшы набліжэнне калоны з паліцаямі, вырашылі, што гэтыя сілы выкліканы для іх расстрэлу, пачалі разбягацца. Карнікі адкрылі стральбу, падчас якой былі забіты 23 (так у дакуменце. – С. Н.) жыхары в. Казыры, некаторыя атрымалі раненні, а двум удалося збегчы. Тыя, хто застаўся, былі дастаўлены ў Пleshчаницы, адкуль праз некаторы час былі адпушчаны ў сувязі з адсутнасцю доказаў аб сувязях з партызанамі. Пасля расправы пад жыхарамі в. Казыры паліцэйскія і эсэсаўцы накіраваліся ў Хатынь, куды прайшлі ў другой палове дня. Вёска была акружана і атакаваная з усіх бакоў. Паводле данясення, падчас захопу вёскі “праціўнік вёў упартае супраціўленне з усіх хат вёскі, так што нават давялося прыцягваць цяжкую зброю, як процітанкавыя гарматы і цяжкія мінамёты (с. 30). Партызаны вымушаны былі адысці пад ціскам пераўзыходзячых сіл праціўніка. З партызанскіх дакументаў вынікае: у ходзе бою загінулі 3 партызаны, 4 былі паранены (с. 18). Карнікі не сталі іх праследаваць, а распачалі расправу над ні ў чым не вінаватымі мірнымі жыхарамі Хатыні.

На наш погляд, аналізуючы дакументы рубрыкі, неабходна звярнуць асаблівую ўвагу на «Загад начальніка ахоўнай паліцыі і СД Беларусі аб карнай аперацыі “Дзірлевангер”» (дакумент № 13, с. 24–25). Як вынікае з дакумента, з 3 сакавіка 1943 года да гэтага батальёна дадавалася каманда СД пад кіраўніцтвам “гауптштурмфюрара СС Вільке” (так у дакуменце. – С. Н.), у якую ўваходзілі 4 чалавекі з латышскай добраахвотнай роты (с. 25). Апрача таго, з іншых айчынных публікацый вядома, што існуе асабісты дзённік “Вільке”, у якім знайшлі храналагічнае адлюстраванне асобных сакавіцкіх падзеі, праведзеныя ў рамках выканання загаду аб карнай аперацыі на Лагойшчыне. У гэтай сувязі звернем увагу чытача ў першую чаргу на прозвішча, якое блізкае па гучанні да прозвішча Вельке (Woellke). Выкажам думку, што падабенства гэтых прозвішчаў не азначае таго факта, што камандзірам першай роты 118-га паліцэйскага батальёна і гауптштурмфюрарам СС у батальёне Дзірлевангера з’яўляўся адзін і той жа чалавек – алімпійскі чэмпіён 1936 г. у штурханні ядра капітан паліцыі Вельке. Для пераканання чытача ў абгрунтаванасці нашых сцвярджэнняў звернемся да дакумента, які па нейкіх прычынах не ўключаны ў гэтую рубрыку, хаця на цяперашні час захоўваецца ў фондах НАРБ, таму добра вядомы спецыялістам. Гаворка ідзе пра асабістую справу “гауптмана паліцыі” (!) Ганса Вельке (Hans Woellke). З “даведкі” камандзіра 118-га паліцэйскага батальёна Кёрнера вынікае, што капітан “не меў якой-небудзь прыналежнасці да СС”, як і не валодаў асабістым нумарам СС. Прычым у даведцы стаіць асобны пункт: “не ўваходзіць у склад вермахта і часцей СС”. Па-другое, беларускаму чытачу будзе надзвычай цікава даведацца, што 10 сакавіка 1944 г. быў выдадзены ўказ за подпісамі Гітлера і Гімлера, якім гауптману Вельке пасмяротна прысвойвалася

з уступленнем у сілу з 01.03.1943 званне “маёра паліцыі”. І па-трэцяе, алімпійскі чэмпіён і адначасова кат беларускага народа быў пахаваны, як ні дзіўна гэта гучыць, паводле неапублікаванага, аднак вядомага ўкладальнікам зборніка дакумента, на могілках у Мінску.

Наступныя 56 дакументаў першай часткі сабраныя пад рубрыкамі “Дакументы Надзвычайнай Дзяржаўнай Камісіі” (с. 30–33), “Паказанні сведак” (с. 34–54), “Паказанні катаў” (с. 55–126). Важна адзначыць, што вялікая колькасць матэрыялаў прадстаўлена з фондаў Цэнтральнага архіва КДБ Рэспублікі Беларусь. Дзякуючы ўвядзенню гэтых дакументаў у шырокі ўжытак упершыню створана магчымасць для крытычнага аналізу падзей, якія мелі месца ў дачыненні да сялян-лесарубаў в. Казыры і мірных жыхароў в. Хатынь.

Надзвычайны інтарэс выклікаюць пратаколы допытаў, якія ў 1960-я–1980-я гады следчым аддзелам КДБ пры СМ БССР вяліся ў дачыненні, з аднаго боку, да сведак Хатынскай трагедыі, а з другога – катаў мірных жыхароў в. Казыры і в. Хатынь. Пачынаецца матэрыял паказаннямі І. І. Камінскага, увекавечанага ў вобразе Няскоранага чалавека ў мемарыяльным комплексе Хатынь. Паводле дакумента, “Хатынь была спалена нямецкімі карнымі войскамі” (с. 34). У ходзе адказаў на пытанні следчага І. І. Камінскі неаднаразова ўказвае на той факт, што “немцаў тады ў в. Хатынь было мала, а астатнія гаварылі, якіх я бачыў у сваім доме, на вуліцы і каля згаданага хлява, на рускай і ўкраінскай мовах” (с. 35). Карнікі палілі хлеў і расстрэльвалі ў ім людзей гадзін у 5–6 дня. Цалкам дагарала Хатынь вечарам 22 сакавіка 1943 года. На другім допыце, праведзеным 2 лютага 1961 г., І. І. Камінскі ў прысутнасці следчага і сведак правёў лакалізацыю падзей на мясцовасці, указаў на месца-знаходжанне вясковых хат і хлява, у якім былі расстраляны і спалены мірныя жыхары, зрабіўшы схематычны план былой в. Хатынь і яе ваколіц (с. 37). Сярод іншых дакументаў прыведзены пратаколы допытаў непасрэдных сведак трагедыі ў в. Хатынь – В. А. Яскевіча, А. І. Бараноўскага, В. П. і А. П. Жэлабковічаў – былых хатынскіх хлапчукоў, якія цудам засталіся жывыя.

З успамінаў У. А. Яскевіча, якому на той час было 12 гадоў, вынікае і такі цікавы факт: “адбегшы ад вёскі метраў на 300 у напрамку в. Мокрусь, я схваўся ў яму, дзе раней захоўвалі бульбу. Праз некаторы час да ямы падышлі 2 немцы. Ubачыўшы мяне, адзін немец наставіў аўтамат і хацеў страляць. Аднак пагаварыўшы паміж сабой на нямецкай мове, яны пакінулі мяне і пайшлі” (с. 43). З паказанняў Віктара Жэлабковіча, якія ён даваў у чэрвені 1986 г., складваецца наступная карціна падзей у в. Хатынь 22 сакавіка 1943 г.: партызаны часта наведваліся ў вёску з мэтай папаўнення запасаў харчавання і адпачынку (с. 46). Старэйшы брат Віктара Аляксандр згадвае наступнае: “Раніцай 22 сакавіка партызаны, якія напярэдадні прыйшлі ў вёску і пераначавалі ў ёй, пайшлі на аперацыю ў бок шашы Плешчаніцы – Лагойск. Сам я з’яўляўся правадніком у партызан. Не даходзячы да шашы партызаны пакінулі групу рэзерву, разам з якой застаўся. Як пры вяртанні з

задання гаварылі партызаны, яны падарвалі на шашы дзве грузавыя і адну легкавую аўтамашыны. Прыкладна да абеду праваднік разам з партызанамі вярнуўся ў вёску і лёг спаць. Прачнуўся ад шуму. Мама казалася, што на вёску наступаюць нямецкія карнікі, таму выправіла яго верхам на кані ў лес, адкуль Аляксандр паехаў у в. Замосце да цёткі. Там хлапчук убывыў клубы чорнага дыму над Хатынню” (с. 53).

Упершыню чытач можа самастойна пазнаёміцца з матэрыяламі рубрыкі “Паказанні катаў”, сярод якіх служачых 118-га паліцэйскага батальёна (с. 77–126). Зазначым, што сярод матэрыялаў сустракаюцца пратаколы сведак, абвінавачаных і падсудных. Падрабязнае знаёмства з дакументальнымі звесткамі дае чытачу магчымасць для самастойнага рэканструявання практычна ўсіх падзей, якія на працягу панядзелка 22 сакавіка 1943 г. разгортваліся ў бліжэйшых ваколіцах і ў самой в. Хатынь. Агульная карціна аб злачыннай дзейнасці карнікаў 118-га паліцэйскага батальёна вынікае з матэрыялаў судовага пасяджэння Ваеннага трыбунала КБВА, што праходзіў у Мінску 13 мая 1975 г., калі адбыліся слуханні паказанняў аднаго з падсудных – былога камандзіра першага ўзвода 1-й роты 118-га паліцэйскага батальёна Мялешкі (с. 122–124). Як відавочна гібелі алімпійскага чэмпіёна па штурханні ядра 1936 г. гаўптмана Вельке, які служыў камандзірам першай роты, Мялешка выказаў думку аб тым, што “вёску Хатынь спалілі ў якасці адплаты за забойства партызанамі немца капітана Вельке” (с. 124). Як вынікае з апублікаваных дакументаў, 2 сакавіка 1943 г. начальнікам паліцыі і СД Беларусі Штраухам быў аддадзены загад аб карнай аперацыі “Дзірлевангер”. Карнаму батальёну давалася спецыяльная група СД пад кіраўніцтвам гаўптштурмфюрара СС Вільке ў складзе некалькіх чалавек з легкавой і грузавой аўтамашынамі, штатным узбраеннем (с. 25). Гібель шэфа роты Вельке адбылася на вачах Мялешкі, які ехаў з кулямётчыкам Шнайдэрам (з фольксдойчэ) і шафёрам у легкавой аўтамашыне, а астатнія паліцэйскія – ззаду на трох грузавіках. Велька займаў месца побач з шафёрам. Мэтай паездкі было правядзенне работ па аднаўленні лініі тэлефоннай сувязі, парушанай партызанамі. Вельке быў забіты не адразу. Спачатку ён быў паранены ў правую руку, але спрабаваў дастаць пісталет з кабуры, чаго так і не змог зрабіць. Потым ён пабег па адкрытым месцы, дзе яго напаткала другая куля (с. 122). Усяго на Хатынь наступалі 150–160 паліцэйскіх 118-га паліцэйскага батальёна і 100 эсэсаўцаў з батальёна “Дзірлевангер”. Па вёсцы Хатынь і партызанах, якія беглі, вёўся моцны агонь з усіх відаў зброі, у тым ліку станкавых і ручных кулямётаў, мінамётаў. На допыце Мялешка адзначаў, што расправа над в. Хатынь пачалася ў пасляабедзенны час і завяршылася ўвечары (с. 125).

Новыя дакументы, якія прадстаўлены ў рэцэнзуемым зборніку, патрабуюць ад чытача крытычнага падыходу. Для іх поўнага асэнсавання патрэбны час. Вынікае, што без уведзеных дакументаў нельга сказаць праўду пра хатынскую трагедыю. У такім аспекце мы падзяляем думку ваеннага пракурора В. В. Глазкова, які старшынстваваў на пасяджэннях Ваеннага трыбунала КБВА над апошнімі катамі Хатыні ў Мінску ў снежні 1986 г. Ваенны

пракурор падпалкоўнік юстыцыі кіраваўся пры гэтым правілам: “аб мінулым трэба ведаць усю – не палову, не большую частку, а ўсю праўду, якой бы горкай і непрыемнай яна не была” (Глазков В. Хатынь сожгли полицаи // Во славу Родины. 20 ноября 1990 г.).

У другую частку зборніка ўвайшлі 65 дакументаў, якія цалкам адпавядаюць задачы па ўвекавечанні памяці аб ахвярах хатынскай трагедыі. Упершыню ідэя аб манументальным увекавечанні памяці загінуўшых жыхароў в. Хатынь была дакументальна аформлена ў снежні 1965 года. 17 студзеня 1966 г. Прэзідыум ЦК КП Беларусі прымае рашэнне аб ўстанаўленні мемарыяльных знакаў на месцы спаленай вёскі і адкрыцці там філіяла Беларускага дзяржаўнага музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны (с. 127).

З першых дзён праектавання і будаўніцтва хатынскага мемарыяла курыраваў першы сакратар ЦК КПБ П. М. Машэраў. На працягу амаль чатырох гадоў быў пройдзены шлях ад ідэі па стварэнні “помніка-музея” да “мемарыяльнага комплексу”. Як вынікае з дакументаў органаў партыйнага і савецкага кіраўніцтва БССР, паводле пастановы ЦК КПБ “Аб 25-й гадавіне вызвалення Беларускай ССР ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў” ад 3 лютага 1969 г. Мінскаму абкаму КПБ і аблвыканкаму даручалася да 20 чэрвеня б. г. закончыць узвядзенне другой чаргі мемарыяльнага комплексу ў вёсцы Хатынь, у аснову якога былі пакладзены ідэі архітэктараў Ю. М. Градава, В. П. Занковіча і Л. М. Левіна (с. 147). Пастановай Савета Міністраў БССР № 77 “Аб узвядзенні другой чаргі мемарыяльнага комплексу памятна-музея ў в. Хатынь Лагойскага раёна”. У рамках выканання прынятых рашэнняў спачатку ствараецца асобны помнік “Могілкі неадроджаных вёсак”. На іх пахаваны ўрны з зямлёй 185 вёсак Беларусі, якія раздзялілі лёс Хатыні. 186-й неадроджанай вёскай з’яўляецца сама Хатынь. Іншыя 433 беларускія вёскі, якія перажылі трагедыю Хатыні, але пасля вайны былі адноўлены і працягнулі жыццё, увекавечаныя на “Сімвалічным дрэве жыцця”.

Месцы масавага вынішчэння людзей у Беларусі ў перыяд германскай акупацыі былі ўвекавечаны ў асобнай “Сцяне Памяці”, 66 ніш якой утрымлівалі назвы канцлагаў і месцаў масавага вынішчэння людзей з указаннем колькасці ахвяр. Завяршальны элемент другой чаргі мемарыяла – “Вечны агонь”. На чорным пастаменце бачны чатыры паглубленні, у трох з якіх растуць бярозкі, якія сімвалізуюць жыццё на беларускай зямлі. Чацвёртай бярозкі няма, як няма і кожнага чацвёртага жыхара Беларусі. У памяць аб кожным чацвёртым, хто быў знішчаны ў гады Вялікай Айчыннай вайны, гарыць у Хатыні Вечны агонь – сімвал неўміручай народнай памяці (с. 164).

З іншых дакументаў бачна, што ў наступныя гады працягваліся работы па ўдасканаленні мемарыяла: удакладняліся спісы спаленых вёсак, месцаў масавага вынішчэння людзей на тэрыторыі Беларусі, вяліся работы па архітэктурна-мастацкім аздабленні асобных элементаў мемарыяла і ўпарадкаванні яго тэрыторыі (с. 226–236).

Да 60-й гадавіны вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў па даручэнні Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка праведзена

рэканструкцыя і рэстаўрацыя элементаў мемарыяльнага комплексу “Хатынь”. Яна з’яўлялася часткай шырокамаштабнай кампаніі па аднаўленні гістарычных помнікаў і была паспяхова завершана да 25 чэрвеня 2004 г. (с. 243).

Завяршаецца другая частка новага зборніка “Зваротам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь да суайчыннікаў у сувязі з 79-й гадавінай Хатынскай трагедыі” 22 сакавіка 2022 г. (с. 259).

Хроніка будаўніцтва мемарыяльнага комплексу Хатынь знайшла адлюстраванне таксама ў дзённікавых запісах Л. М. Левіна (с. 260–266), інтэрв’ю Ю. М. Градава (с. 266–267) і ўспамінах В. П. Занковіча (с. 267–169). У заключнай частцы чытач сустрэне цікавы ілюстрацыйны матэрыял, сабраны ў якасці дадаткаў (с. 271–303). Гэта азначае, што новы зборнік дакументаў і матэрыялаў чакае не толькі свайго зацікаўленага чытача, але і крытычнага даследчыка.

Аб важнасці выкарыстання крытычнага падыходу сведчыць і экспазіцыя новага музея ў Хатыні. Новы ўнікальны музей у Мемарыяльным комплексе “Хатынь”... Што гэта ў кантэксце сучасных канцэпцый мемарыялізацыі і нацыянальнай культуры памяці? Або насамрэч гэта толькі чарговая музейная экспазіцыя на тэму вайны, якая стварае дадатковыя магчымасці для паглыблення ведаў аб генацыдзе мірнага насельніцтва Беларусі, або новая прастора для эмацыянальнага ўздзеяння на наведвальніка, які праз наглядныя і гукавыя эфекты адчуе на сабе боль і жах вайны, усвядоміць маштаб гора, якое прынесла нацысцкая акупацыя жыхарам толькі адной з беларускіх вёсак. Якую ролю выконваюць шэсць залаў музея, кожная з якіх вырашае сваю пазнавальную задачу, пагружаючы наведвальніка ў спалучэнне разрозненых, а не тэматычна знітаваных вобразаў, аб’ектаў, фактаў як гісторыі, так і памяці?

Чаму ж насамрэч службыць экспазіцыя першай залы “Дрэва гісторыі”, якая раскрывае гісторыю канфліктаў, пачынаючы з X стагоддзя і даводзячы іх да асабліва крывавага XX стагоддзя, у той час як экскурсант мэтанакіравана прыехаў на месца трагедыі хатынцаў 22 сакавіка 1943 года? Другая зала “Пачатак вайны” пагружае наведвальніка ў атмасферу пачатку Вялікай Айчыннай вайны, але не паказвае пры гэтым рэлігійны, нацыянальны, прафесійны склад жыхароў вёскі Хатынь як напярэдадні, так і ў першыя дні ваеннага ліхалецця. Наступная зала “Акупацыя” раскрывае тэму акупацыі, лагераў смерці, масавых расстрэлаў і выжывання мірнага насельніцтва на захопленай тэрыторыі Беларусі, аднак пакідае экскурсантаў без гістарычных звестак аб саміх жыхарах вёскі Хатынь, іх колькасным удзеле ў Чырвонай арміі ці партызанскім руху, а галоўнае – не знаёміць наведвальніка са стратэгіямі выжывання жыхароў адной з мірных беларускіх вёсак. Чацвёртая зала “Спаленыя вёскі” прысвечана вёскам, знішчаным за гады вайны ў ходзе шматлікіх карных акцый супраць мірнага насельніцтва. У цэнтры залы знаходзіцца карта Беларусі, дзе чырвонымі вугалькамі тлеюць 216 спаленых вёсак, якія раздзялілі лёс Хатыні: а ці даведаецца экскурсант аб трагедыі беларускіх вёсак у нацыянальным вымярэнні, ці ўбачыць колькасць “сясцёр Хатыні”

ў дачыненні да кожнага раёна і воблаці, ці даведаецца пра агульную лічбу тых, хто быў спалены разам са сваімі вёскамі? Пятая зала “Ідзі і глядзі” перадае тэму памяці, увасобленай у назвах населеных пунктаў, якія пацярпелі ад захопнікаў, аднак не прадстаўленых у колькасці людскіх ахвяр, панесеных у кожным з гэтых месцаў трагедыі беларускага народа. Аднак і тут наведвальнік не пачуе, не ўбачыць і не знойдзе адказу на пытанні аб агульнай колькасці мірнага насельніцтва, знішчанага за гады вайны на акупаванай тэрыторыі Лагойскага раёна, Мінскай вобласці, рэспублікі ў выніку правядзення карных акцый супраць партызан. Па кім званіць звон на белай столі?.. Ці даведваецца наведвальнік у ходзе экскурсіі і ці зразумее, што галоўнай застаецца памяць не столькі пра колькасць спаленых вёсак, разбураных ці пацярпелых збудаванняў, колькі пра маштабы людскіх трагедый у кожным з гэтых 216 месцаў. Заключная зала “Памяць” дэманструе асобныя гістарычныя рэлікты, якія не толькі перадаюць трагедыю вайны, але і служаць справе захавання памяці аб гісторыі стварэння мемарыяльнага ансамбля “Хатынь”, у той час як памяць пра хатынцаў адсоўваецца на задні план, асабліва ў вымярэнні асноўных сацыяльных груп самой вёскі, іх роду заняткаў, узросту, палавога складу, веравызнанняў, прафесійных інтарэсаў і інш. [3, с. 6–7]. Інакш кажучы, ці будзе ў новай музейнай экспазіцыі надалей спрыяць захаванню трывалай памяці ў розных груп наведвальнікаў стварэнне штучных, а не гістарычных вобразаў? І ў выніку ці не прывядзе гэта да падмены памяці аб трагедыі хатынцаў памяццю толькі пра лічбавую статыстыку вайны.

У практычным плане перад кожным наведвальнікам Мемарыяльнага комплексу “Хатынь” стаіць вельмі няпростая задача: або пазнаёміцца з новай экспазіцыяй, адкрытай на ўваходзе ў комплекс, пасля чаго прайсці па прасторы памяці на гістарычным месцы спаленай вёскі Хатынь. Або аддаць перавагу адной з гэтых прастор памяці? Да ўсяго ў наведвальніка ўзнікаюць пытанні, сярод якіх галоўнае пра тое, як жа суадносяцца гэтыя прасторы памяці. Ці думалі стваральнікі новага музея аб важнасці спалучэння канцэпцый мемарыялізацыі новай экспазіцыі і існуючага месца памяці? Наколькі яны служаць галоўнай мэце – захаванню памяці пра ахвяр хатынскай трагедыі, увекавечанню кожнага з тых, хто загінуў у час карнай акцыі супраць мірных жыхароў вёскі Хатынь 22 сакавіка 1943 года? Гэтыя і іншыя пытанні паўстаюць не толькі ў наведвальнікаў, але і экскурсаводаў. Адным з цэнтральных пытанняў тут нам бачыцца наступнае: ці стане новы музей “жывым сэрцам памяці” [10] у існуючай нацыянальнай святыні беларускага народа? Пошук адэкватных адказаў на пастаўленыя пытанні, прычым абгрунтаваных гістарычнымі дакументамі і практычным досведам, на сёння адна з важных задач па захаванні памяці аб трагедыі беларускага народа ў гады вайны.

У якасці аднаго з варыянтаў такога адказу звернемся да вопыту мемарыялізацыі трагедыі спаленай вёскі Хатынь у канцы 1960-х гадоў. Мажліва назапашаны тады досвед можа дапамагчы наведвальніку вызначыць аснову надзвычай вялікага інтарэсу ў дачыненні да сусветна вядомага месца памяці

пад назвай спаленай вёскі Хатынь, ператварыць гэтыя месцы ў новую прастору калектыўнай памяці і не будзе садзейнічаць яе трансфармацыі ў штучныя вобразы вайны?

Звернемся да філасофскай канцэпцыі памяці, замацаванай у архітэктурна-скульптурных вобразах на месцы спаленай вёскі Хатынь і побач з ёй. У якасці адказу працытуем адно з выказванняў архітэктара Л. М. Левіна. Шукваючы агульную ідэю стварэння кампазіцыі помніка, ён адзначаў: “Мы разам з Юрыем Градавым і Валянцінам Занковічам сядзелі і думалі, філасофствавалі, малявалі. Кожная ідэя прымалася і складвалася ў агульную скарбонку. Гэты працэс цяжка апісаць. Мы паставілі перад сабой задачу паказаць трагедыю беларускай вёскі, перанесці нашы адчуванні, пачуцці так, як гэта не было зроблена раней” [12, с. 5]. Пры гэтым ведаючы гісторыю ўзнікнення гэтага месца памяці архітэктарамі агучвалася думка пра тое, што Хатыні магло і не быць [13, с. 32].

Разважаючы пра трагедыю Хатыні і хатынцаў, Л. М. Левін неаднаразова паўтараў, што адзін з галоўных успамінаў яго жыцця – асабістая сустрэча з Юсіфам Юсіфавічам Камінскім у Хатыні вясной 1967 г., калі ў памяці архітэктара пачаў складвацца вобраз пра трагедыю вёскі, яе жыхароў, кожнага хатынца. Менавіта тады была сфарміравана ідэя агульнай кампазіцыі – паказаць усю вёску, вуліцы, кожны дом, месца, дзе жыхары Хатыні былі спалена, і месца, дзе іх пахавалі. На думку Л. М. Левіна, вельмі важнай была ідэя зрубаў з комінамі. Ідэя не новая, але архітэктары ўбачылі яе па-іншаму, зрабілі падсечаную вертыкаль коміна, якая гаварыла, што дом быў знішчаны, спалены. Пра гэта казалі і расчыненныя веснічкі. Як вядома, у беларускіх вёсках людзі раней не закрывалі дамы, не вешалі замкоў, таму веснічкі расчынены... Але прыйшлі тыя, хто ўварваўся ў гэтыя дамы [12, с. 5].

Як успаміналі Ю. М. Градаў і Л. М. Левін, асаблівае хваляванне выклікала ідэя званоў на комінах, якія павінны былі “размаўляць” з кожным наведвальнікам, каб чалавек пачуў голас і загінуўшых, і голас сваёй душы. Паводле слоў Ю. М. Градава, архітэктары шукалі альтэрнатыву званам, але на той час знайсці яе не змаглі [14]. Таму званы сталі тым сродкам, праз які атрымалася ажывіць Хатынь, стварыць яе гукавы вобраз, асабліва кранальны і памятны для кожнага наведвальніка.

Наступным важным аб’ектам помніка в. Хатынь павінен быў стаць сімвалічны абпалены дах, які планавалася ўзняць на месцы гумна. Насупраць яго, на месцы брацкай магілы жыхароў Хатыні ўздымаецца сімвалічны Вянок памяці: на адным баку белага мармуровага Вянка памяці былі змешчаны словы сімвалічнага звароту загінуўшых хатынцаў да нашчадкаў, на адваротным – адказ нашчадкаў хатынцам.

Як пісаў у аўтабіяграфічнай аповесці Л. М. Левін, скульптура старога з хлопчыкам на руках – гэты збіральны вобраз няскоранага чалавека, які ў намаляваных эскізах прыкметна адрозніваўся ад таго, як зрабіў скульптар С. І. Селіханаў [11]. З пад яго рук Няскораны чалавек выйшаў крыху іншым, але менавіта ён выдатна перадаваў ідэю трагедыі, канцэптuallyна замыкаў прастору трагедыі і памяці.

Адкрыццё мемарыяльнага ансамбля “Хатынь” адбылося 26 снежня 1968 г. напярэдадні 50-годдзя БССР. Тады ж першы намеснік старшыні Савета міністраў СССР К. Т. Мазураў прапанаваў надаць мемарыялу больш вобразнае гучанне – праз ідэю адной вёскі паказаць трагедыю ўсяго беларускага народа. Як лічыць Ю. М. Градаў, так у ансамблі, не парушаючы яго гармоніі, з’яўляюцца сімвалічныя могілкі беларускіх вёсак, вечны агонь з трыма бярозкамі ў памяць аб тых, хто загінуў у вайне [14]. Але галоўным у гэтай справе з’явіўся наўмысны адыход аўтараў ад агульнапрынятых на той час архітэктурных рашэнняў на карысць выкарыстання простае мовы архітэктурны і скульптурнай пластыкі ў перадачы гістарычных артэфактаў самой вёскі Хатынь. Як адзначаў Ю. М. Градаў, мы нічога не змянялі ў “помніку-дакуменце”. Прататыпам для скульптуры “Няскоранага чалавека” з паміраючым сынам на руках стаў Іосіф Камінскі, які цудам выжыў. Там, дзе праходзілі вясковыя вуліцы, захавалі дарожкі-падыходы, там, дзе стаялі 26 хат, паставілі вянцы зрубаў с пячнымі комінамі, дзе была адрына, у якой зажыва згарэлі жыхары вёскі, паставілі абрынуты дах. Проста прымусілі загаварыць кожны гістарычны элемент мовай блізкага і зразумелага ўсім наведвальнікам вобраза. Дах спецыяльна зрабілі масіўны, каб перадаць абрынутую на краіну бяду. Веснічкі пакінулі адкрытымі ў знак гасціннасці беларусаў. Пячныя вертыкалі завяршылі званамі [15, с. 266].

Тады Л. М. Левін успамінаў, што аўтары адкрытага ў 1968 г. мемарыяльнага ансамбля “Хатынь” доўга думалі, перш чым вырашылі пачаць ствараць другую чаргу мемарыяльнага комплексу. Узнікла ідэя зрабіць могілкі вёсак, спаленых цалкам, якія паўтарылі трагічны лёс Хатыні. Апроч таго, нарадзілася ідэя 433 вёсак, якія былі знішчаны, аднак адраділіся пасля пажару вайны.

Архітэктару прыйшла ідэя паказаць наглядна бясконцую сцяну ахвяр, прысвечаную ахвярам месцаў масавага знішчэння мірнага насельніцтва і ваеннапалонных у Беларусі. Гэты вобраз быў выкананы ў выглядзе Сцяны Жалобы, Сцяны Памяці даўжынёй у 9 800 см, дзе былі зроблены 66 ніш памяці аб дзіцячых лагерах смерці, лагерах смерці ваеннапалонных, месцах масавага знішчэння беларускіх грамадзян, вёсак, населеных пунктаў, гарадоў.

Аднак цэнтральнай у гэтым праекце была ідэя Вечнага агню Хатыні. На думку Л. М. Левіна, неабходна было згадаць кожнага чацвёртага жыхара Беларусі, які загінуў падчас Вялікай Айчыннай вайны. Архітэктары шукалі арыгінальнае рашэнне. Таму з’явілася ідэя паказаць гэта на чорнай пліце з чатырма адтулінамі. У трох з іх – будуць беларускія бярозкі, тры жыцці, якія захаваліся нават ва ўмовах германскай акупацыі Беларусі. А ў чацвёртай, праз разарваныя краты, агонь – агонь Вечнай памяці, кожнаму чацвёртаму, які загінуў. Успамінаючы пра гэты момант, Л. М. Левін адзначае, што на этапе падрыхтоўкі П. М. Машэраў наведваў майстэрню, дзе яму першапачаткова быў прапанаваны макет традыцыйнага “Вечнага агню”. Тагачасны першы сакратар паглядзеў макет, паслухаў тлумачэнні, а потым сказаў: «Тое, што зрабілі вы, мог зрабіць і я. Не веру. Проста не веру, што ў вас няма

арыгінальнага рашэння “Вечнага агню”, “Вечнага агню Хатыні”. І мы паказалі наш праект. Тры бярозкі і “Вечны агонь”. Машэраў маўчаў. Усе прысутныя маўчалі. А потым Пётр Міронавіч сказаў: “Вось тое, што трэба. Тое, менавіта тое. Думаю, што вы знайшлі вобраз, які стане сімвалам Беларусі. Сімвалам нашых страт і нашага жыцця» [8, с. 8]. Так няпроста нараджалася ідэя вечнага агню Хатыні, які пасля яго адкрыцця стаў адным з сімвалаў трагедыі Беларусі, сімвалам страт і подзвігу беларускага народа. На думку Л. М. Левіна, «з завяршэннем тэмы “Вечнага агню” стварэнне ідэі мемарыяльнага комплексу “Хатынь”, якая адлюстроўвала трагедыю беларускага народа, была цалкам завершана. Вечны агонь Хатыні стаў сімвалам трагедыі беларускага народа» [12, с. 8].

На думку Л. М. Левіна, адкрыты летам 1969 г. мемарыяльны комплекс “Хатынь” стаў Народным Храмам Памяці. У ім удалося праз трагедыю Хатыні перадаць трагедыю ўсяго беларускага народа. Больш таго, у кожным архітэктурным вобразе ўвасоблены ўвесь той жах, той боль, тое гора беларускага народа, што прыйшлося яму перажыць на працягу трох гадоў германскай акупацыі Беларусі 1941–1944 гадоў.

Кажучы пра Хатынь, Л. М. Левін адзначае, што яна стала ўвасабляць Беларусь. Так, прэзідэнт ЗША Рычард Ніксан пасля візіту ў Мінск у 1974 годзе сказаў, што для яго Беларусь – гэта мемарыяльны комплекс “Хатынь”, вакальны ансамбль “Песняры” і алімпійская чэмпіёнка па спартыўнай гімнастыцы Вольга Корбут [Там жа, с. 8]. У сваім інтэрв’ю архітэктар зрабіў вельмі важную выснову аб тым, што калі гаварыць пра памяць, пра трагедыю беларускага народа, пра народнае гора, то менавіта ў Хатыні быў створаны своеасаблівы Дом памяці, які трымаецца на чатырох вуглах – Хатынь, Трасцянец, Курапаты і Яма. Знакаміты майстар перакананы, што неабходна захоўваць памяць пра трагедыю беларускага народа. І ў ёй Хатынь адлюстроўвае душу нашага народа, будзе заставацца Храмам, беларускім храмам памяці пад адкрытым небам, Народным Храмам Памяці.

Сярод архітэктурных рашэнняў, вядомых у той час, згадваўся і “Музей зверстваў фашызму”. Як успамінаў В. П. Занковіч, дзе быць гэтаму музею як не ў Хатыні. Згодна з задумай Музей сустракае ўсіх, хто прыехаў у Хатынь пакланіцца ахвярам нацызму, і праводзіць усіх з воклічам – ПОМНІ!!! Менавіта таму важна яго размясціць пры ўваходзе ў ансамбль і на выхадзе з яго. І менавіта дах адрыны, у якой спальвалі хатынцаў, павінен уздыбіцца над “Музеям зверстваў фашызму” як зварот з клічнікам да ўсяго чалавецтва: “Не! Не! Не!” [16, с. 269].

Пастаўленыя сёлета ўвесну пытанні чакаюць сваіх адказаў. Калі разглядаць памяць як мадэль сённяшняга жыцця, як пра гэта пісаў французскі даследчык П’ер Нора яшчэ ў мінулым стагоддзі, тады яе носбітамі павінны выступаць людзі, якія не дазваляць ёй знікнуць на прасторах гісторыі і захоўваюць гістарычную памяць пра Вялікую Айчынную вайну ў сучасным і будучых пакаленнях.

ЛІТАРАТУРА

1. *Канюта, В.* Пасля мітынгу-рэквіема, прысвечанага 80-годдзю трагедыі ў Хатыні, Аляксандр Лукашэнка адказаў на пытанні журналістаў / В. Канюта // Звязда. – 2023. – 23 сак. – С. 2–3.
2. *Канонович, Е.* Место силы белорусского народа / Е. Канонович, Д. Умпирович // СБ. Беларусь сегодня. – 2023. – 23 марта. – С. 2–3.
3. *Горбатенко, И.* Чтобы сердце рвало / И. Горбатенко // СБ. Беларусь сегодня. – 2023. – 23 марта. – С. 6–7.
4. Хатынская трагедия. Документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : Издатель Р. М. Цымберов, 2023. – 342 с.
5. Хатынь. Трагедия и память : документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2009. – 272 с.
6. Хатынь. Трагедия и память : документа и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.] ; предисл.: Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменев, В. В. Скалабан. – 2-е изд., перераб. – Минск : НАРБ, 2014. – 272 с.
7. Убийцы Хатыни: 118-й украинский батальон охранной полиции в Белоруссии, 1943–1944 гг. Сборник документов / сост.: И. А. Валаханович, А. Р. Дюков, Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменев. – М. : Пятый Рим ; Фонд «Историческая память», 2018. – 480 с.
8. *Канюта, В.* Генпракурор інфармуе Нацыянальны сход... / В. Канюта // Звязда. – 2023. – 23 лют. – С. 1–2.
9. *Глазков, В. В.* Не хочу, чтобы тайны Хатыни ушли вместе со мной / В. В. Глазков [Электронны рэсурс]. – Рэжым допуску: <https://sputnik.by/20200316/1023834943.html>. – Дата допуску: 09.09.2023.
10. *Нора, П.* Проблематика мест памяти / П. Нора [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://mipt.ru/education/chair/philosophy/upload/бес/nora1-arph7asf0ow.pdf>. – Дата доступу: 09.09.2023.
11. *Левин, Л. М.* Хатынь : автобиографическая повесть / Л. Левин. – Минск : Асобны Дах, 2005. – 280 с.
12. Народны Храм Памяці. Інтэрв’ю намесніка галоўнага рэдактара “Беларускага гістарычнага часопіса” Максіма Гальпяровіча з архітэктарам Леанідам Мендэлевічам Левіным // БГЧ. – 2009. – № 7. – С. 3–9.
13. *Левин, Л.* «Хатыни могло не быть» / Л. Левин // Женский журнал. – 2009. – № 5. – С. 32–35.
14. *Градов, Ю. М.* Память в камне [Электронны рэсурс] / Ю. М. Градов. – 2018. – Рэжым доступу: <https://www.sb.by/articles/pamyat-v-kamne.html>. – Дата доступу: 09.09.2023.
15. Из интервью с Ю. М. Градовым от 21 марта 2019 г. // Хатынская трагедия. Документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : Издатель Р. М. Цымберов, 2023. – С. 266–267.
16. Из воспоминаний В. П. Занковича // Хатынская трагедия. Документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : Издатель Р. М. Цымберов, 2023. – С. 267–269.

А. Я. Паўлава

**АДЛЮСТРАВАННЕ ПАДЗЕЙ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ
Ў МАТЭРЫЯЛАХ ФОНДАЎ БДАМЛМ
(асабістыя фонды паэта А. Куляшова і крытыка А. Кучара)**

Традыцыйна асноўнымі інстытутамі сацыяльнай памяці – захавальнікамі матэрыялаў аб падзеях Вялікай Айчыннай вайны ў нас лічацца Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь і Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. Між тым асабістыя фонды прадстаўнікоў культуры, што захоўваюцца ў Беларускім дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва ўтрымліваюць вялікую колькасць сведчанняў, рукапісаў твораў і публіцыстыкі пра падзеі 1939–1945 гг.

У асабістых комплексах прадстаўлены крыніцы аб сітуацыі на акупіраванай тэрыторыі (становішча ў Мінску, палітыка генацыду, барацьба супраць акупантаў), нататкі аб франтавых падзеях, матэрыялы па тэме “Дзеці і вайна”, аб працы літаратараў у якасці франтавых карэспандэнтаў, аб асэнсаванні ўрокаў вайны. Гэта справаздачныя дакументы партызан, акты Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі па расследаванні злачынстваў, здзейсненых нямецка-фашысцкімі захопнікамі на тэрыторыі Гомельскай вобласці, выданні ваенных і пасляваенных СМІ, успаміны ахвяр нямецкага генацыду і ўдзельнікаў барацьбы супраць захопнікаў, літаратурныя, драматургічныя і публіцыстычныя творы.

Беларускія літаратары ваявалі на франтах і ў складзе партызанскіх фарміраванняў, працавалі ў франтавых газетах. У асабістым зборы А. Кучара захоўваюцца нататкі ваеннага часу пад назвай “Як пісьменнікі трапілі ў армію” [15, арк. 26; 16 арк. 69–71]. Іхняе адлюстраванне падзей надае матэрыялам і дакументам аб ваенным часе дадатковую эмацыйную афарбаванасць. Звернемся да матэрыялаў фондаў.

Аркадзя Куляшова пачатак вайны застаў у Мінску. Ён пешшу прайшоў да Оршы, потым дабраўся да Калініна. Пад Ноўгарадам скончыў ваенна-палітычнае вучылішча і быў накіраваны ў вайсковую газету «Сцяг саветаў», дзе служыў да 1943 года, пасля чаго – у Беларускім штабе партызанскага руху (БШПР).

Да ваеннага перыяду ў фондзе літаратара маюць дачыненне тры тэматычныя блокі матэрыялаў. Асабісты збор дазваляе прачытаць некалькі нумароў франтавой газеты “Знамя Саветаў”. У гэтых нумарах утрымліваюцца франтавыя зводкі Савецкага інфармацыйнага бюро аб абарончым перыядзе маскоўскай бітвы, парады байцам аб лепшай падрыхтоўцы да адпору ворагу, аповеды пра герояў, вершы, фотаздымкі. Перамога савецкіх войск пад Масквой садзейнічала з’яўленню франтавой сатыры. У нумары за люты 1942 г. цэлую старонку займае сатырычная падборка «Тралішэр тарабахтэр» [12, арк. 1–5].

Другі блок ваеннай часткі фонду складаюць вершы. У гады вайны А. Куляшоў пісаў вершы як на беларускай, так і на рускай мовах. Так, у нумары за 14.10.1941 змешчаны верш А. Куляшова “Разгром”, дзе прысут-

нічаюць вельмі актуальныя для сённяшняга маладога пакалення радкі: “И все они – вчера простые люди, их всех героями сегодня чтут” [12]. У вершах паэта вельмі ярка перадаюцца пачуцці байцоў, якія бачаць пакуты і ахвяры мірнага насельніцтва. У газеце за 16.10.1941 надрукаваны пранізлівы верш “Прысуд бацькі” пра салдата, якому незнаёмы хлопчык нагадаў сваіх дзяцей, верагодна, трапіўшых пад акупацыю. Ці верш 1945 г. “У баку ад шумлівага свята” пра ўбачаня салдатамі-пераможцамі ахвяры дзяцей, якіх нацысцкія акупанты выкарыстоўвалі ў якасці донараў. У складзе фонду зберагаюцца вершы “Разведчыкі”, “Справа майстра баіцца”, “Разгром фашысцкага штаба” і г.д. [11, арк. 7–23]. З самых вядомых паэм літаратара для даследчыкаў на бягучы момант даступны толькі два варыянты аўтографа “Прыгоды цымбал” [9; 10]. Паэмы “Балада аб чатырох заложніках” і “Сцяг брыгады” пакуль у чытальную залу не выдаюцца.

Да матэрыялаў аб ваенных падзеях можна далучыць і рукапіс А. Р. Давыдзенкі “Магілёўшчына ў агні” (1968) пра баявую дзейнасць 45-га асобнага партызанскага атрада “За Радзіму” пад кіраўніцтвам У. І. Маркава. У гэтых успамінах апавядаецца аб операцыі па разгроме чыгуначнай станцыі Клімавічы летам 1943 г. [14, арк. 1–53].

Цікавасць для даследчыкаў прадстаўляе і ліставанне А. Куляшова. Гэта перапіска з былымі калегамі па франтавой журналісцкай працы. Аднак сярод ліставання ўвагу прыцягвае ліст ад былога партызана 5-й Клетнянскай партызанскай брыгады, атрада “За савецкую Беларусь” Рыгора Янчанкі. Гэтая крыніца сведчыць, што ўдзельнікі руху супраціву нацыстам у пасляваенны час прыкладалі актыўныя намаганні, каб ушанаваць памяць сваіх загінуўшых таварышаў па партызанскай барацьбе. Аўтар уносіць ідэю звярнуцца ў Вярхоўны Савет БССР з прапановай перайменаваць населеныя пункты: вёску Трускі (дзе стварыўся атрад) – у Скандзілава ў памяць пра загінуўшага камандзіра (М. І. Скандзілава) і Брацькавічы (там гераічна загінуў камандзір узвода Ф. Лапацін) – у Лапаціна [13, арк. 10].

Больш багаты на ваенную тэматыку збор літаратурнага крытыка і драматурга А. Кучара, які ў гады вайны працаваў у газетах «За Савецкую Беларусь», «За свабодную Беларусь» і ў БШПР. Асобнае месца ў гэтым комплексе належыць творчым матэрыялам аб франтавой рабоце. Як адзначыў стваральнік фонду, у армію сышоў увесь саюз пісьменнікаў БССР на чале з М. Лыньковым: “У тую чэрвеньскую раніцу горкі вецер вайны перавярнуў апошнюю старонку незавершаных рукапісаў. Пісьменнікі пайшлі разам са сваім народам... Зараз мы працуем у армейскіх газетах. Прыкладаем намаганні словам дапамагчы нашым воінам у іх вялікай вайне” [12, арк. 69–71].

Сярод гэтых матэрыялаў захаваны рукапісны “Баявы лісток” аднаго з франтавых падраздзяленняў за ліпень 1943 г. Асноўная тэма выпуска – “Авалоданне ваенным майстэрствам” з мэтай навучыцца біць ворага так паспяхова, як атрымалася ў сцен Масквы і пад Сталінградам [21]. У складзе фонду змешчаны аўтографы нарысаў аб вынаходлівай разведчыцы “Валя” і аб ролі снайпераў для поспеху аперацый на фронце [16, арк. 38–44].

У пачатку 1942 г. рашэннем Галоўнага палітупраўлення Савецкай арміі была створана франтавая газета “За свабодную Беларусь”. У складзе рэдакцыі пад кіраўніцтвам пісьменніка І. Гурскага разам з А. Кучарам працавалі літаратары П. Панчанка, П. Глебка, М. Вішнеўскі. Газета выдавалася ў спецыяльным цягніку на вывезеным з прадпрыемства “Палесдрук” абсталяванні. Потым яе з самалётаў лётчыкі скідвалі на акупіраваную тэрыторыю БССР. А. Кучар стаў ініцыятарам і аўтарам сатырычнага дадатку да газеты “Партызанская дубінка”. Нарыс аб рабоце рэдакцыі ў складаных ваенных умовах “Каб пачулі народныя мсціўцы” захаваны ў асабістым комплексе [18, арк. 1–6].

Вельмі каштоўнымі з’яўляюцца дакументальныя матэрыялы. У фондзе літаратурнага крытыка захаваліся 245 аркушаў дакументаў аб рабоце Надзвычайнай абласной камісіі па расследаванні злачынстваў, здзейсненых немецка-фашысцкімі захопнікамі на тэрыторыі Гомельскай вобласці – па кожным раёне і 10 тэматычных актаў па абласным цэнтры. У гэтых крыніцах прыводзяцца ўспаміны сведкаў трагічных падзей, а таксама спіс нямецкіх і савецкіх асоб, маючых дачыненне да гэтых злачынстваў [22; 23].

Разам з сакратаром ЦК КП(б)Б Б. Г. Эйдзінавым А. Кучара накіравалі ў партызанскія фарміраванні Віцебскай вобласці. У складзе фонду захаваліся нататкі А. Кучара пра дзейнасць Першай беларускай брыгады і яе камандзіра – нязломнага бацьку Міня: нарысы “Беларусь ваюе” і “Не лезце ў наш край партызанскі” [15, арк. 1–4; 17, арк. 61–67]. Першы матэрыял А. Кучара пад назвай “Баявыя справы партызанаў бацькі Міхала” быў выдадзены яшчэ да сустрэчы з праслаўленым партызанскім камандзірам. Крытык і драматург не раз сустракаўся з гераічным камбрыгам і пасля вайны напісаў пра М. Шмырова гістарычную тэатральную драму “Закладнікі” і кнігу “На партызанскай зямлі”.

Падчас знаходжання ў Віцебскай вобласці А. Кучар сабраў багаты матэрыял аб барацьбе беларускіх партызан. Гэта аповеды аб баявой і дыверсійнай дзейнасці, гераічных подзвігах байцоў, нататкі “Як я стала партызанкай” [19, арк. 1–56; 20, арк. 1–49]. Гэтыя запісы пасля заканчэння вайны літаратар выкарыстаў пры стварэнні кнігі “На партызанскай зямлі” (чарнавыя накіды частак кнігі знаходзяцца ў фондзе) [15, арк. 1–62].

Увагу даследчыкаў партызанскага руху прыцягне падборка матэрыяла пра брыгаду У. Гіля-Радыеўнава. Перш за ўсё гэта рукапіс самога стваральніка фонду. Гэтыя нататкі дапаўняюць матэрыялы, што захоўваюцца ў НАРБ, і распавядаюць аб абставінах пераходу гарнізона У. Гіля-Радыеўнава на бок партызан, карнай аперацыі акупантаў супраць мірнага насельніцтва вёскі Азерцы і першай баявой аперацыі 1-й антыфашысцкай брыгады – разгроме гарнізона ў Крулеўшчызне [26, арк. 1–7]. Карыснымі для даследчыкаў партызанскага руху будуць успаміны Героя Савецкага Саюза Івана Цімчука “Павінную галаву-меч не сячэ”. Нататкі І. Цімчука ўдакладняюць разуменне асабістых абставін У. Гіля-Радыеўнава пасля таго, як ён трапіў у нямецкі палон. Успаміны дапаўняюць апавед аб пераходзе брыгады на савецкі бок і баявым шляху гэтага партызанскага фарміравання. З матэрыялаў вынікае,

што адзінай ідэяй У. Гіля-Радзіёнава пры стварэнні сваёй дружыны было арганізаваць ўзброенае фарміраванне і перайсці да савецкіх партызан, каб разам граміць агульнага ворага [26, арк. 36–53].

Свой статус горада-героя Мінск заслужыў не толькі як сталіца гераічнай рэспублікі-партызанкі, але і як горад, у якім актыўнае супраціўленне нацысцкім акупантам пачалося амаль адразу пасля ўваходу войск Вермахта ў горад. Матэрыялы асабістых фондаў дзеячаў культуры і публіцыстыкі багатыя на дакументальныя сведчанні і ўспаміны аб дзейнасці мінскага падполля. Найбольш багатыя звесткі па гэтай тэме сабраны ў фондзе І. Р. Новікава. Але цікавыя для ваенных гісторыкаў матэрыялы і публікацыі СМІ захоўваюцца ў асабістых зборах іншых пісьменнікаў і публіцыстаў. Так, сцэнар тэлеперадачы аб гераічнай барацьбе з удзелам былых падпольшчыц А. Матусевіч, В. Мацюшка і Л. Ларынай адклаўся ў фондзе вядучага перадачы, былога ўдзельніка спецгрупы “Мсцівец” пісьменніка У. Б. Карпава [8].

У зборах архіва-музея сабраны шматлікія ўспаміны аб сітуацыі ў Мінску і барацьбе патрыётаў супраць захопнікаў. Калі чытаеш гэтыя нататкі, уражае, што ўсе ўдзельнікі барацьбы пачыналі свае ўспаміны з апісання даваеннага квітнеючага Мінска. У гераічную эпапею мужнай барацьбы яскравай ніткай упісаны імёны медыкаў. У зборы А. Кучара захаваліся ўспаміны дырэктара НДІ фізіялогіі і неўралогіі Д. А. Маркава – “Аповесць пра цяжкія гады”. Мэтай стварэння нататак было жаданне аўтара “ў якасці жывога сведкі тых падзей... распавесці аб тым, што бачыў і ведаў аб працы медыцынскага персаналу па абслугоўванні насельніцтва (пра стан здароўя якога найменш за ўсё клапаціліся акупанты)”, пра дапамогу медыкаў партызанам, аб думках і настроях партызан, якімі тыя шчыра дзяліліся з мінскімі дактарамі. На старонках успамінаў захаваліся эмацыйныя ўражанні пра наступствы бамбардзіроўкі горада Мінска 24 чэрвеня 1941 г.: “Цэнтр Мінска пераўтварыўся ў суцэльнае мора агню. Кругом усё гарэла, едкі дым слаўся па зямлі, сляпіў вочы слязьмі. Ляжаць можна было толькі з мокрай анучай на твары”. Найбольшую частку ўспамінаў складае аповед аб барацьбе медыкаў супраць захопнікаў. Як вынікае з тэксту, медыкі аказвалі дапамогу ваеннапалонным і акружэнцам падчас выхаду да партызан, перадавалі народным мсціўцам медыкаменты. Д. А. Маркаў сведчыў, што калі газеты акупантаў і іх памагатых павялі ўзмоцненую прапаганду аб працаўладкаванні ўсіх працаздольных асоб, нашы дактары (у тэксце прыводзіцца больш за 10 прозвішчаў) спецыяльна, не дамаўляючыся паміж сабой, перашкаджалі вывазу насельніцтва ў фашысцкае рабства. Дзеля дапамогі насельніцтву Мінска людзі ў белых халатах выдавалі грамадзянам фіктыўныя даведкі аб наяўнасці інваліднасці, эпілепсіі, туберкулёзу. На жаль, дзейнасць на карысць сваёй Радзіме скончылася для Д. А. Маркава арыштам і адпраўкай у канцлагер Неумаркт. Нарыс успамінаў паведамляе звесткі і аб гэтым месцы прымуковага ўтрымання насельніцтва. Цікавай заўвагай медыка можна назваць ягоны аповед пра разважанні нямецкіх медыкаў з “чырвонымі” прафесарамі.

Пасля вызвалення з канцлагера, Д. А. Маркаў некаторы час заставаўся ў Германіі і лячыў былых вязняў [25, арк. 1–110; 27, арк. 1–25]. Збор А. Кучара дазваляе пачытаць успаміны мінскіх падпольшчыц А. Ф. Верамейчык і Х. Пруслінай [24; 25].

Увагу даследчыкаў тэмы “Дзеці і вайна” прыцягне артыкул Х. Пруслінай “Дзе мая дачка?”. Гэты артыкул – сапраўдны мацярынскі крык душы аб пошуках свайго дзіцяці. З тэксту можна ўявіць, праз якія выпрабаванні праходзілі жанчыны, пакуль шукалі сваіх вывезеных дзяцей.

У час акупацыі сямігадовую дачку падпольшчыцы Зінаіду разам з іншымі беларускімі дзецьмі вывезлі за межы рэспублікі ў Літву. Там у дзіцячым доме “СС Гаймшулле” нацысты сабралі 300 дзяцей ва ўзросце ад 2 да 14 гадоў. Падчас завяршальнага этапу вайны 56 дзяцей вывезлі на тэрыторыю Германіі – у горад Бельцыг правінцыі Брандэнбург. Да моманту напісання артыкула прайшло некалькі гадоў, як Х. Прусліна шукала сваю дзяўчынку і праводзіла асабістае расследаванне. Аўтарка звяртаецца да нямецкіх, французскіх, англійскіх і амерыканскіх жанчын, каб яны падтрымалі савецкіх мацярэў і дапамагалі ў пошуках і вяртанні дзяцей бацькам. Х. Пруслінай пашчасціла: яна знайшла сваю дачку на савецкай тэрыторыі ў Куйбышаве (зараз Самара) [24, арк. 1–5]. Тэму можна працягнуць і далей праз асэнсаванне пачуццяў мацярэў, чые сыны і дочки сталі на шлях барацьбы супраць акупантаў. Усю гэтую шматгранную палітру мацярынскіх пачуццяў А. Кучар добра перадае ў апавяданні “Расказ маці” [15, арк. 28–30]. Тэма маці заняла значнае месца і ў дылогіі А. Адамовіча “Партызаны”.

Вывучаючы тэму Вялікай Айчыннай вайны, нельга абысці асабісты архіўны фонд выбітнага літаратара і сцэнарыста Алеся Адамовіча, які, будучы падлеткам, ваяваў у складзе партызанскага атрада імя Кірава 37-й брыгады імя Пархоменкі Мінскага злучэння.

Усю спадчыну Адамовіча на ваенную тэматыку можна падзяліць на шэраг груп: творчыя матэрыялы да кніг, кінасцэнарыі, дакументальны матэрыялы да твораў. У зборы гэтага ўтваральніка фонду змешчаны 11 рэдакцый “Хатынскай аповесці” (больш за 65 спраў), шмат варыянтаў частак дылогіі “Партызаны” (“Людзі ідуць скрозь вайну”, “Вайна пад крышамі”), 27 спраў з варыянтамі напісанай сумесна з Д. Граніным “Блакаднай кнігі”.

У перыяд напісання “Хатынскай аповесці” публіцыст сам аб’ездзіў шматлікія вёскі роднай Беларусі і запісаў сведчанні відавочцаў і ахвяр трагедый. Частка гэтых запісаў сабрана ў папцы пад гаворачай назвай “Запісы бясед з жыхарамі ўбітых вёсак”. Асэнсаванні гэты матэрыял, аўтар прыйшоў да высновы, што неабходна стварыць твор, большы за традыцыйныя літаратурныя. Таму значнае месца ў спадчыне А. Адамовіча займаюць матэрыялы і рэдакцыі створанай у суаўтарстве з Я. Брылём і У. Калеснікам кнігі “Я з вогненнай вёскі” [1; 2]. Калі чытаеш рукапісныя запісы і машынапісныя варыянты кнігі, дзе разам са сведчаннямі жыхароў прыводзяцца справаздачы

выканаўцаў карных акцый, разумееш, што ў Хатыні не проста забівалі і знішчалі людзей. Як пазначае ў рукапісу А. Адамовіч, “псіхалогія вылюдкаў агаляецца да канца, калі параўнаць іх загады і справаздачы з успамінамі людзей – сведак і ахвяр гэтых трагедый”. У беларускіх вёсках “эксперы-ментавалі”, як лепей, зручней, спакойней і бяспечней знішчаць вёскі. У адной з архіўных папак да “Я з вогненнай вёскі” захаваліся выпісы А. Адамовіча з перакладу кнігі Эрыка Хэссэ “Савецка-руская партызанская вайна ў адлюстраванні нямецкіх баявых дырэктыв”, дзе прыводзяцца вытрымкі з усіх асноўных праграмных і дырэктывных дакументаў нацыстаў аб характары вайны на Усходзе” [2, арк. 57–86].

Значнае месца сярод архіўных дакументаў належыць пісьмовай і кіна-публіцыстыцы А. Адамовіча на ваенную тэму. Лічым неабходным спыніцца на гэтых матэрыялах.

Асноўнай у А. Адамовіча з’яўляецца думка аб неабходнасці асэнсавання ўрокаў вайны. Ключавыя тэмы тут – генацыд насельніцтва з боку германскіх нацыстаў і іх памагатых і партызанскі супраціў акупантам. Знаёмства з задумамі літаратара і публіцыста сведчыць, што аўтар аддаваў перавагу творам-даследаванням і творам-разважанням. Важныя для разумення кінематаграфічнай творчасці публіцыста ідэі, закладзеныя ў кінасцэнарыі, што захаваліся ў фондах. У пачатку 1980-х гг. А. Адамовіч накіраваў на “Беларусьфільм” творчую заяўку на 6-серыйны фільм “Партызаны” па матывах яго раманаў. Па стылістыцы аўтар жадаў зняць фільм-даследаванне. Мэтазгодна высветліць, якія ідэі і назвы планаваліся даць кожнай серыі. Для першай серыі была абрана назва “Нагнаныя бурай”. Наконт назвы для другой серыі А. Адамовіч вагаўся, што вызначыць галоўнай тэмай: “Мой дом – мая крэпасць” ці “Пра маці можна распавядаць бясконца”. Трэцяя і чацвёртая серыі падавалася лагічным прысвяціць партызанскай барацьбе і назваць “Дым над лесам”. Завяршальныя серыі кінаэпапеі павінны былі закрануць хатынскую тэму. Але ў творчай заяўцы засталіся без назвы [7, арк. 1–8].

Кінасцэнарыі пад назвай “Беларускія Лідзіцэ”, згодна з задумай аўтара, павінен быў паказаць розніцу ў маштабе трагедыі беларускіх вёсак на фоне адзінкавых еўрапейскіх падзей у французскай Орадур-сюр-Вайрс і чэшскай Лідзіцэ. А. Адамовіч меркаваў, асэнсоўваючы велізарныя маштабы трагедыі часоў мінулай вайны, паразважаць з філосафамі і сведкамі трагедый аб чалавечай агрэсіўнасці і магчымасці пазбегнуць новых падобных трагедый [3, арк. 1–9].

Сцэнары стужкі “Аўтобус едзе праз Хатынь” (заснаванай на сюжэце “Хатынскай аповесці”) паказвае, як з дапамогай колеру можна перадаць асноўную ідэю кінатвора. Логіка ідэі патрабавала перадаць увесь жах і жудасць трагедыі беларускіх спаленых нацыстамі вёсак менавіта праз колер. А. Адамовіч меркаваў зрабіць фільм каляровым. У чорна-белым варыянце планавалася вырашыць толькі дакументальныя расказы хатынскіх сведак. Памяць галоўнага героя Флёры (Фларыяна Пятровіча) прапаноўвалася зра-

біць каляровай, акрамя сцэны пажару [4, арк. 1–2]. Неабходна адзначыць, што гэтыя ідэі А. Адамовіча былі рэалізаваны рэжысёрам Э. Клімавым у стужцы “Ідзі і глядзі”, матэрыялы якой захоўваюцца ў фондзе кінастудыі “Беларусьфільм” (фонд 112 БДАМЛМ).

Публіцыстычны талент А. Адамовіча разам з эмацыянным вопытам ваенных часоў дазволіў яму стварыць вельмі пранікнёныя і кранаючыя душу артыкулы “Беларускія Хатыні і блакадны Ленінград” (для “Кур’ера ЮНЕСКА”) і “Жорсткая праўда Хатыней” [6, арк. 20–27; 5, арк. 6–10]. Высноў у артыкулах майстра дзве, і яны актуальныя і сёння. Першая – мы ўсё яшчэ перажываем вайну, пакуль жывы малетнія сведкі падзей, дзеці і ўнукі салдат-пераможцаў. І другая, увесь ваенны вопыт чалавецтва павінен дапамагчы людзям будаваць для ўсіх бяспечны і шчаслівы свет.

ЛІТАРАТУРА

1. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ). – Ф. 116 (Алесь Міхайлавіч Адамовіч). Воп. 1. Спр. 84.
2. БДАМЛМ. – Ф. 116. Воп. 1. Спр. 89.
3. БДАМЛМ. – Ф. 116. Воп. 1. Спр. 130.
4. БДАМЛМ. – Ф. 116. Воп. 2. Спр. 63.
5. БДАМЛМ. – Ф. 116. Воп. 2. Спр. 65.
6. БДАМЛМ. – Ф. 116. Воп. 2. Спр. 71.
7. БДАМЛМ. – Ф. 116. Воп. 3. Спр. 380.
8. БДАМЛМ. – Ф. 305 (Уладзімір Барысавіч Карпаў). Воп. 1. Спр. 320.
9. БДАМЛМ. – Ф. 411. Воп. 1. Спр. 2.
10. БДАМЛМ. – Ф. 411. Воп. 1. Спр. 3.
11. БДАМЛМ. – Ф. 411 (Аркадзь Куляшоў). Воп. 1. Спр. 7–23.
12. БДАМЛМ. – Ф. 411. Воп. 1. Спр. 44.
13. БДАМЛМ. – Ф. 411. Воп. 1. Спр. 294.
14. БДАМЛМ. – Ф. 411. Воп. 1. Спр. 539.
15. БДАМЛМ. – Ф. 446 Алесь (Айзік Евелевіч) Кучар. Воп. 1. Спр. 11.
16. БДАМЛМ. – Ф. 446. Воп. 1. Спр. 12.
17. БДАМЛМ. – Ф. 446. Воп. 1. Спр. 13.
18. БДАМЛМ. – Ф. 446. Воп. 1. Спр. 61.
19. БДАМЛМ. – Ф. 446. Воп. 1. Спр. 322.
20. БДАМЛМ. – Ф. 446. Воп. 1. Спр. 323.
21. БДАМЛМ. – Ф. 446. Воп. 1. Спр. 328.
22. БДАМЛМ. – Ф. 446. Воп. 1. Спр. 331.
23. БДАМЛМ. – Ф. 446. Воп. 1. Спр. 332.
24. БДАМЛМ. – Ф. 446. Воп. 1. Спр. 335.
25. БДАМЛМ. – Ф. 446. Воп. 1. Спр. 337.
26. БДАМЛМ. – Ф. 446. Воп. 1. Спр. 338.
27. БДАМЛМ. – Ф. 446. Воп. 1. Спр. 339.

И. Д. Попов

ХЕРРЕНХИМЗЕЙСКИЙ КОНВЕНТ КАК ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ПОДГОТОВКИ ОСНОВНОГО ЗАКОНА ФРГ

Шесть десятилетий назад, 10–23 августа 1948 г., эксперты в области конституционного права, управления и финансов, представлявшие все 11 западногерманских земель, собрались в Херренхимзейском дворце (Бавария) для разработки совместного конституционного проекта. С подачи председателя Баварской государственной канцелярии А. Пфайффера, данные заседания окрестили как Херренхимзейский конституционный конвент. Итоговая разработка, которую представил конвент, мыслилась в качестве «исходного документа Парламентскому совету» [1, S. 26]. Парламентский совет, являвшийся своего рода учредительным собранием будущего западногерманского государства, начал свою работу 1 сентября 1948 г. и структурировался по партийному принципу. В условиях предстоящих межпартийных переговоров важной миссией Херренхимзейского проекта являлось доведение до парламентариев видения конституционного устройства со стороны земельных правительств.

К середине 1948 г. земельные органы власти оказывали существенное воздействие на межзональную политику Западной Германии, являясь, по сути, единственными легитимными немецкими структурами управления, формируемыми в результате всеобщих выборов. Особое влияние имели межзональные конференции премьер-министров земель, на короткое время превратившиеся в основную переговорную площадку с оккупационными властями держав-победительниц. Именно на конференциях глав земельных правительств в Кобленце (8–10 июля 1948 г.) и Нидервальде (15–16, 21–22 июля 1948 г.) были согласованы принципиальные корректировки «Франкфуртских документов» западных союзников, в которых предписывалось учредить демократическое и федеративное западногерманское государство [2, с. 377–382, 387].

Херренхимзейский конвент также был организован премьер-министрами, которые еще до начала заседаний Парламентского совета стремились сформировать основную повестку для обсуждений и заложить наиболее принципиальные структурные основы (особенно касательно федеративного устройства) для будущей «боннской конституции». Главы правительств прекрасно осознавали, что в Парламентском совете конституционные принципы западногерманского государства станут предметом, прежде всего, межпартийных договоренностей, в которых представители региональной элиты смогут принимать лишь опосредованное участие. В этой связи предполагаемый конституционный проект необходимо было представить не только как результат компромисса между 11 землями, но и как юридически грамотный и выверенный документ, составленный профессионалами. Именно поэтому состав Херренхимзейского конвента был отобран преимущественно из экспертных, а не политических кругов [3, S. 29–30]. Кроме

того различная партийная принадлежность участников конвента позволяла позиционировать разработанный проект в том числе как межпартийный компромисс.

Отдельно стоит отметить также и то, что практика ключевого участия делегатов как экспертов от земельных правительств в составлении предварительного проекта общегерманской конституции вписывалась в традиции немецкой конституционной истории. Ровно за 100 лет до проведения Херренхимзейского конвента, подобный прецедент можно было наблюдать накануне созыва Франкфуртского национального собрания в 1848 г. и принятия Конституции Паульскирхе 1849 г. В марте 1848 г. по инициативе политического комитета Бундестага Германского союза правительствами германских государств был создан так называемый Комитет семнадцати для предоставления «экспертных консультаций с целью подготовки пересмотра федеральной конституции» [4, S. 72]. 26 апреля 1848 г. Комитет семнадцати, куда вошли признанные ученые-правоведы, историки и государственные деятели, разработал «Проект основного закона Германии» [6, S. 1, 9–16], который в мае 1848 г. был представлен Франкфуртскому национальному собранию. Впоследствии в самом собрании участники комитета получили большинство как в конституционном комитете, так и в ведущей фракции правоцентристов, а предложенный ими проект стал фактически первоосновой для Конституции Паульскирхе 1849 г. [6, S. 43]. Несмотря на отклонение этой конституции монархами германских государств, ее принципы легли в основу инициированного Пруссией Эрфуртского союза 1849 г. [7, S. 425], который смог объединить вокруг себя 26 немецких государств; однако в ноябре 1850 г. был распущен под давлением Австрии и России [8, S. 447–448].

Практика привлечения немецких правительств к определению принципов общенациональной конституции прослеживалась и во время объединения Германии. Перед обсуждением конституции Северогерманского союза в Рейхстаге О. фон Бисмарк предварительно собрал конференцию полномочных представителей северогерманских государств (15 декабря 1866 г. – 7 февраля 1867 г.), на которой было согласовано в общей сложности 18 поправок [Там же, S. 493]. Подготовка к созданию Германской империи также началась с непосредственных переговоров прусских властей и делегатов южногерманских правительств. В ходе них были согласованы дополнительные права присоединившихся монархий и подписаны договоры о включении в состав Северогерманского союза (Ноябрьские договоры 1870 г.), которые впоследствии были отражены в кайзеровской конституции 1871 г. [8, S. 515–525]. Перед созывом Национального собрания в Веймаре (1919 г.) Совет народных уполномоченных также неоднократно обсуждал с делегатами от земельных правительств принципы будущей общегерманской конституции. Именно на этих совещаниях были достигнуты первичные решения о парламентском принципе формирования Национального собрания и федеративном характере конституции [Там же, S. 582, 588].

Таким образом, организация Херренхимзейского конвента во многом следовала многолетнему опыту активного вовлечения земельных правительств уже на предварительном этапе разработки общенациональной конституции. Важно отметить, что и степень влияния земельных органов власти после окончания Второй мировой войны была значительно выше, чем после Ноябрьской революции 1918 г. Центральные государственные структуры Германии были упразднены, страна разделилась на оккупационные зоны (советскую, американскую, британскую и французскую), а предельным уровнем управления, который формировался самим немцами, был именно уровень земель. После принятия в американской и французской оккупационных зонах (конец 1946 г. – первая половина 1947 г.) земельных конституций власть ландтагов и земельных правительств вплоть до учреждения ФРГ являлась единственным легитимным проявлением немецкой государственности. Созданные в 1947 г. органы Бизонии также формировались из числа делегатов от земельных правительств и парламентов. Параллельно росло влияние межзональных конференций, с 1946 г. регулярно проводимых главами земельных правительств. Вплоть до учреждения ФРГ конференции премьер-министров были активно задействованы в принятии важных межзональных решений, а к середине 1948 г. и вовсе превратились в главного переговорного партнера военных администраций, достигнув апогея своего влияния [2, с. 377–382, 387].

По этой причине с одной из основных задач Херренхимзейского конвента стало закрепление этого влияния в процессе западногерманского конституирования. Наиболее значимой для земельной элиты (особенно в Баварии и южногерманских землях) являлась проблема федеративного устройства, по которой лидеры ведущих политических партий занимали чаще всего либо более централистские (как в ХДС и СвДП), либо откровенно централистские взгляды (как в СДПГ). В этой связи организаторы приложили определенные усилия, чтобы конвент был в значительной мере представлен экспертами, известными своими федералистскими убеждениями [9, S. 46; 3, S. 29]. Характерно, что и в качестве основы для обсуждения был выдвинут проект представителей Баварии (авторы – Й. Швальбер, К. Лойссер, Х. Кнойер, Х. Навяски) [10, S. 1–51], которая традиционно ставила вопрос о федерализме и правах земель во главу угла. Кроме того, участники активно использовали в качестве источников конституции различных германских земель: в общей сложности из 34 делегатов конвента 25 были непосредственно вовлечены в разработку земельных конституций [11, S. 186]. Тем самым Херренхимзейский конвент, по выражению историка А. Бауэр-Кирш, стал «резервуаром земельных конституций» [Там же, S. 189], одновременно сконцентрировав вокруг себя наиболее известные конституционные предложения, поступавшие ранее со стороны земельной элиты и ведущих политических партий.

14 дней работы Херренхимзейского конвента завершились публикацией отчета, в котором содержался в том числе предложенный проект

основного закона [12, S. 61–85]. Дискуссионные вопросы, по которым участники так и не пришли к единогласному решению, оформлялись в качестве 2-х или 3-х альтернативных предложений. Такие альтернативы были представлены в преамбуле, в статьях о государственной символике, управлении финансами, налоговом распределении, принципе формирования и полномочиях палаты земель, статусе главы государства (президент или президиум), возможности бундесрата влиять на назначение канцлера, а также в ряде заключительных положений, касающихся вступления в действие основного закона [Там же, S. 61, 63, 66, 70–74, 76–77, 80, 83]. К моменту открытия Парламентского совета политические партии весьма сдержанно оценили херренхимзейские разработки, представляя его, скорее, как инициативу региональных бюрократов. Лидер ХДС К. Аденауэр охарактеризовал проект как необязательный материал, подготовленный «в достойной уважения манере» [13, с. 114]. Социал-демократы были еще категоричнее: пресс-служба партии охарактеризовала работу конвента как выражение определенной группой «политических интересов», предложения которой можно «либо выбросить в корзину, либо извлечь <...> некоторые идеи» [14, S. 80]. От рекомендации Херренхимзейского проекта Парламентскому совету в этих условиях воздержались даже сами премьер-министры земель [15, S. 458–459]. Эти обстоятельства долгое время обуславливали достаточно слабый интерес к херренхимзейским разработкам даже среди историков.

В конце 1990-х гг. стали появляться первые осторожные оценки о высокой степени влияния Херренхимзейского проекта на обсуждения Основного закона ФРГ. Историк Б. Фаит указывала на «важную ориентационную помощь» проекта депутатам Парламентского совета, которые были «менее сведущи в конституционных вопросах» [3, S. 36]. Другой историк М. Фельдкамп отмечал практически идентичную структуру обоих документов, подчеркивая, что херренхимзейские разработки имели «функцию более чем просто прообраза» [16, S. 20]. О повсеместном влиянии проекта на текст Основного закона говорила и историк А. Бауэр-Кирш, которая в приложении к своей работе приводила таблицу сравнения схожих статей. Несмотря на то, что автор не сделала из этой таблицы выводов о конкретной степени влияния херренхимзейских предложений, сопоставление текстов дало недвусмысленно понять, что большинство статей Основного закона ФРГ имели либо дословный, либо схожий по смыслу аналог в Херренхимзейском проекте.

Схожими являются уже формулировки первого раздела, посвященного основным правам граждан [12, S. 61–63; 17, S. 1–3]. Была перенята и система органов государственной власти вместе с их полномочиями. Оба документа утверждали парламентскую республику, разделение властей, двухпалатный парламент, широкие полномочия Федерального правительства и Федерального канцлера, представительский характер власти Федерального президента; имелась схожесть компетенции Бундестага, системы судебных органов, контуров федеративного устройства. Довольно много пересечений обнару-

живается и в соотношении компетенции между центром и землями: те сферы, которые были отнесены к исключительной компетенции центра и к области конкурирующего законодательства, практически в таком же распределении перетекли и в Основной закон [12, S. 64–67, 75–78; 17, S. 3–5, 8–12].

Это позволяет сделать вывод, что в Парламентском совете в условиях сложности нахождения межфракционных компромиссов депутаты все-таки нередко прибегали к формулировкам Херренхимзейского проекта и отталкивались от них при составлении Основного закона. Помимо юридической грамотности, равноудаленности от различных политических сил и учета позиций земельных правительств, херренхимзейские предложения также не вызывали серьезных возражений со стороны оккупационных администраций [10, S. CXXXVI–CXXXVII]. Кроме того, консультантами парламентариев были в том числе участники Херренхимзейского конвента; некоторые из них стали депутатами Парламентского совета, в том числе главами двух крупнейших фракций: ХДС/ХСС (А. Пфайффер) и СДПГ (К. Шмид) [3, S. 36].

Херренхимзейский конвент являлся также первым межзональным опытом осмысления наиболее существенных конструктивных недостатков конституции Веймарской республики. Практически все конституционные механизмы Основного закона 1949 г., которые были направлены на предотвращение печального опыта крушения демократического порядка и узурпации власти в межвоенный период, берут свои истоки именно в Херренхимзейском проекте. Среди таких механизмов можно отметить следующие: 1) исключение возможности формирования правительства со стороны президента [15, S. 458]; 2) сокращение срока (с 7 до 5 лет) и объема президентских полномочий до представительных; лишение президента исключительных прав (включая издание чрезвычайных декретов и роспуск парламента); утверждение обеими палатами парламента заключенных президентом договоров и контрасигнатура канцлера на президентские постановления [2, S. 41–43, 72]; 3) институт «конструктивного вотума недоверия» (выражение недоверия канцлеру большинством Бундестага путем избрания преемника и обращения к Федеральному президенту с просьбой об отстранении) [Там же, S. 43–45, 74]; 4) запрет на внесение законопроектов, пересматривающих основные права и общие демократические принципы (ст. 108) [12, S. 22–23, 77].

При этом влияние Херренхимзейского проекта на обсуждения в Парламентском совете изначально имело свои объективные ограничения. Ведущими политическими партиями проект воспринимался, в первую очередь, как инициатива земельной бюрократии, заинтересованной в закреплении своего влияния и сокращении демократических механизмов. Мало того, сам Херренхимзейский проект не был лишен противоречий, хотя бы потому, что возникшие на конвенте спорные вопросы оформлялись в альтернативные предложения. Чаще всего итоговая редакция Основного закона ФРГ склонялась к одной из альтернатив (как, например, это было в случае с преамбулой, государственной символикой, порядком формиро-

вания и компетенцией Бундесрата, полномочиями Федерального президента, условиями прекращения действия Основного закона), однако в других случаях (порядок замещения должности Федерального президента, число членов Бундесрата от каждой земли, распределение налоговых источников и законодательной компетенции в отношении налогов) редакция статей «боннской конституции» не соответствовала ни одному из вариантов херренхимзейских разработок.

Кроме того, в результате сложных переговоров текст Основного закона постоянно корректировался в угоду интересам той или иной фракции: имели место изменения и упрощения формулировок и дополнительные вставки (к примеру, упоминание Бога в тексте преамбулы). Наконец, не стоит забывать и о том, что в ходе работы Парламентского совета, особенно на последнем этапе, были удалены нормы, которые парламентарии посчитали «излишними» [16, S. 37–38, 170]. Для того, чтобы сократить влияние земельных правительств были также урезаны отдельные механизмы их контроля над федеральной властью. К примеру, в текст «боннской конституции» не вошли некоторые положения, наделяющие более широкой компетенцией Бундесрат, который как раз формировался делегатами земельных правительств. Было ликвидировано единогласное одобрение Бундесратом любого закона, «посредством которого происходит отступление от федеративного устройства» (ст. 107), а также согласие Бундесрата на передачу компетенции межправительственным учреждениям (ст. 24.3) и увеличение расходов федерального бюджета (ст. 124.4) [12, S. 64, 77, 81].

Таким образом, Херренхимзейский конвент представлял собой важный этап становления конституционных основ Федеративной республики Германия, а выработанный на его базе конституционный проект существенно повлиял на текст Основного закона 1949 г., став в структурном и содержательном плане фундаментом для большинства его норм и целых разделов. Впервые в рамках всех западногерманских земель были аккумулированы наработки наиболее авторитетных западногерманских экспертов по конституционному праву; была проведена масштабная ревизия веймарской конституции; были обобщены и обозначены ключевые альтернативы конституционного устройства, вокруг которых велись принципиальные споры как во время разработки Основного закона, так и после его принятия. Обращение к Херренхимзейскому проекту в Парламентском совете было обусловлено рядом его достоинств, которые не были свойственны партийным конституционным инициативам: он содержал юридически грамотные формулировки, не вызывал отторжения со стороны оккупационных властей, учитывал интересы земельных правительств, был согласован экспертами, связанными со всеми ведущими политическими партиями Западной Германии. Вместе с тем при заимствовании херренхимзейских предложений депутаты Парламентского совета нередко старались сократить возможности влияния земельных властей на федеральную политику и делали выбор в пользу более централистских альтернатив и урезания компетенции земель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Der Parlamentarische Rat, 1948–1949 : Akten und Protokolle. Bd. 1, Vorgeschichte / bearb. von J. V. Wagner. – Boppard am Rhein : Boldt, 1975. – LXXXVII, 457 S.
2. Попов, И. Д. Конференции премьер-министров германских земель в 1948–1949 годах и их политическое значение / И. Д. Попов // Науч. диалог. – 2021. – № 1. – С. 371–391.
3. Fait, B. Potsdam – Herrenchiemsee – Bonn : Aspekte der politischen, gesellschaftlichen und staatlichen Entwicklung 1945–1948 / B. Fait // Auf dem Weg zum Grundgesetz : Verfassungskonvent Herrenchiemsee / Haus der Bayerische Geschichte ; Barbara Fait ; [Red. M. Treml u.a.]. – Augsburg : Haus der Bayerische Geschichte, 1998. – S. 7–37.
4. Fenske, H. Vormärz und Revolution : 1840–1849 / H. Fenske. – Darmstadt : Wiss. Buch, 1976. – XIV, 449 S.
5. Entwurf des deutschen Reichsgrundgesetzes : Von den XVII. Männern des öffentlichen Vertrauens bearbeitet und am 26. April (1848) der Bundesversammlung übergeben. – Leipzig : F. A. Brockhaus, 1848. – 16 S.
6. Kühne, J.-D. Die Reichsverfassung der Paulskirche : Vorbild und Verwirklichung im späteren deutschen Rechtsleben / J.-D. Kühne ; 2., überarb. und um ein Nachw. erg. Aufl. – Neuwied u.a. : Luchterhand, 1998. – 674 S.
7. Boldt, H. Erfurter Unionsverfassung / H. Boldt // Die Erfurter Union und das Erfurter Unionsparlament 1850 / hrsg. von G. Mai. Köln u.a. : Böhlau, 2000. – S. 417–431.
8. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949 // Bundesgesetzblatt. – 1949. – Nr. 1. – S. 1–20.
9. Morsey, R. Die Rolle der Ministerpräsidenten bei der Entstehung der Bundesrepublik Deutschland 1948/49 / R. Morsey // 50 Jahre Herrenchiemseer Verfassungskonvent – Zur Struktur des deutschen Föderalismus : Tagungsband zum wiss. Symposium vom 19. bis 21. August 1998 im Kloster Seeon / hrsg. vom Bundesrat. – Bonn : Sekretariat des Bundesrates, 1999. – S. 35–54.
10. Der Parlamentarische Rat, 1948–1949 : Akten und Protokolle. Bd. 2, Der Verfassungskonvent auf Herrenchiemsee / bearb. von P. Bücher. – Boppard am Rhein : Boldt, 1981. – CXXXV, 676 S.
11. Bauer-Kirsch, A. Herrenchiemsee. Der Verfassungskonvent von Herrenchiemsee Wegbereiter des Parlamentarischen Rates : Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn / A. Bauer-Kirsch. – Bonn : Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2005. – 264, CVII S.
12. Bericht über den Verfassungskonvent auf Herrenchiemsee vom 10. bis 23. August 1948 / Verfassungsausschuss der Ministerpräsidenten-Konferenz der Westlichen Besatzungszonen. – München : Pflaum, 1948. – 95 S.
13. Мурашов, М. А. Участие западногерманских политических партий в создании ФРГ (1948–1949 гг.) : дис ... канд. ист. наук : 07.00.03. – М., 2005. – 259 с.

14. Weichenstellung für Deutschland : der Verfassungskonvent von Herrenchiemsee / P. März, H. Oberreuter (Hg.). – München : Olzog, 1999. – 222 S.
15. *Treml, M.* Der Herrenchiemseer Verfassungskonvent vom August 1948 – die Wiege des Grundgesetzes / M. Treml // Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte. – 2018. – Bd. 81. Н. 2. – S. 447–473.
16. *Feldkamp, M. F.* Die Entstehung des Grundgesetzes für die Bundesrepublik Deutschland 1949 : eine Dokumentation. – Stuttgart : Reclam, 1999. – 228 S.
17. *Kotulla, M.* Deutsche Verfassungsgeschichte : vom Alten Reich bis Weimar (1495 bis 1934) / M. Kotulla. – Berlin ; Heidelberg : Springer, 2008. – 670 S.

Д. Р. Хисамутдинов

**МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ – ВЫПУСКНИКИ УЧИЛИЩ
И ШКОЛ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО ОБУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ
ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Победа в Великой Отечественной и Второй мировой войнах ознаменовала перевод народного хозяйства Советского Союза в мирное русло. Уже 4 сентября 1945 г. в связи с окончанием войны и прекращением чрезвычайного положения Государственный Комитет Обороны был упразднен, а все его дела переданы в ведение Совета Народных Комиссаров СССР [3].

Одним из важнейших последствий войны для советской экономики явилось разрушение довоенных производственных связей между предприятиями и промышленными районами, в первую очередь на разоренном западе и юге СССР. Вместе с тем эвакуация и строительство промышленных объектов на Урале, в Сибири, Казахской ССР, Среднеазиатских республиках и на Дальнем Востоке дали огромный импульс развитию промышленности (в первую очередь – тяжелой) на указанных территориях [1, с. 19].

Так, например, за годы Великой Отечественной войны в Чкаловскую (Оренбургскую) область было эвакуировано свыше 60 предприятий с рабочими, служащими и их семьями, из которых 30 объектов имели всесоюзное значение [2, с. 11]. К концу войны на территории Чкаловской области размещалось 74 крупных предприятия [10, с. 104].

Однако ни одно предприятие, стройка, железнодорожная станция и тому подобное не имеют ценности без трудовых ресурсов, способных обеспечивать их функционирование. Важным источником пополнения рядов квалифицированных рабочих кадров в годы войны и в послевоенный период являлась система государственных трудовых резервов.

Государственные трудовые резервы были образованы 2 октября 1940 г. в качестве организованной и централизованной системы подготовки молодых рабочих кадров в ремесленных и железнодорожных училищах (далее – РУ, ЖУ), а также в школах фабрично-заводского обучения (далее – школы

ФЗО) [9]. Государственные трудовые резервы находились в непосредственном распоряжении Совета Народных Комиссаров СССР. После преобразования Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР, в мае 1946 г. было образовано Министерство трудовых резервов СССР.

Система трудовых резервов позволяла государству полностью контролировать весь цикл подготовки и распределения молодых рабочих кадров.

Во-первых, исходя из государственного плана осуществлялся набор городской и сельской молодежи в возрасте 14–15 лет для направления на обучение в училища и 16–17 лет для направления на обучение в школы ФЗО.

Во-вторых, подростки получали профессионально-техническое образование и рабочую профессию исходя из типа учебных заведений. Срок обучения составлял: для училищ – 2 года, для школ ФЗО – 6 месяцев.

В-третьих, учебные заведения трудовых резервов функционировали на базе действующих предприятий, и как правило после проведения очередного выпуска базовое предприятие обеспечивалось новыми рабочими кадрами. Кроме того, Чкаловское областное управление Министерства трудовых резервов контролировало надлежащее использование молодых рабочих на предприятиях в соответствии с их специальностями.

Всего в период с 1941 г. по 1945 г. государственными трудовыми резервами Советского Союза было подготовлено свыше 2 480 тыс. человек, из них 47 633 человека прошли подготовку в РУ, ЖУ, школах ФЗО Чкаловской области [11, с. 172].

За 6 лет существования трудовых резервов, то есть с 1940 г. по 1946 г., в Чкаловской области было подготовлено квалифицированных кадров и направлено на предприятия промышленности и железнодорожного транспорта уже 53 194 человека, в том числе из ЖУ – 7 842 человека, РУ – 15 871 человек, школ ФЗО – 35 082 человека. В первом послевоенном году было подготовлено и направлено на предприятия 3470 человек, в том числе из РУ – 1048 человек, ЖУ – 610 человек, школ ФЗО – 1812 человек [4, л. 19].

По окончании учебных заведений системы трудовых резервов за каждым молодым рабочим сохранялся выданный при поступлении комплект обмундирования: полупальто, гимнастерка, брюки, ботинки, шапка, носки (2 пары), ремень, нательное белье (2 пары), полотенце (2 штуки), носовые платки (3 штуки), а на предприятии выдавался второй комплект (фуфайка, гимнастерка, брюки, ботинки и одна пара нательного белья).

Также производился полный денежный расчет за выполненные работы в процессе производственного обучения. Молодым рабочим выдавался аванс в размере 300 руб. с последующим удержанием из зарплаты в течение 6 месяцев.

Выпускникам выдавали аттестаты об окончании учебных заведений, паспорта или свидетельства, удостоверяющие возраст, и справки о снятии с довольствия [5, л. 16].

После распределения выпускников учебных заведений по предприятиям молодые рабочие начинали самостоятельную трудовую деятельность.

Как было указано ранее, в обязанности Областного управления трудовых резервов входило осуществление контроля за соблюдением трудового законодательства в отношении молодых рабочих, а также материально-бытовых условий жизни. Предоставление подобного рода полномочий безусловно связано с тем, что основными проблемами молодых рабочих – выпускников учебных заведений трудовых резервов – на производстве выступали: крайне низкий уровень материально-бытовых условий жизни, а также распределение и использование внутри предприятия не по специальности, что сказывалось на их заработной плате.

Несмотря на многочисленные правительственные запреты руководители предприятий часто либо занижали присвоенные молодым рабочим при выпуске производственные разряды, либо использовали рабочих не по специальности, а на подсобных работах с низкой оплатой труда. Перспектива роста для молодых рабочих при таких условиях была весьма неудовлетворительна, и все это в конечном итоге вызывало справедливые нарекания и недовольство выпускников. Многочисленные жалобы, обоснованные претензии молодых рабочих в части созданных для них плохих условий труда и бытового обслуживания руководителями предприятий редко принимались во внимание [6, л. 8].

Вышеуказанные проблемы порождали текучку кадров среди молодых рабочих. Некоторые выпускники училищ и школ ФЗО, несмотря на угрозу уголовного преследования и в нарушение п. 10 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР», согласно которому они должны были проработать 4 года подряд на государственных предприятиях, самовольно покидали место работы [9].

Плохую «славу» среди чкаловских молодых рабочих и учащихся приобрели такие предприятия, как завод «Коммунар», заводы № 47, 257, 314, Медногорская контора Ормедьстроя, трест «Бугурусланнефть», ремонтная база в Соль-Илецке и т. д. Характерны такие факты по данным за 1941–1946 гг.:

1) по тресту «Южуралникель» – за период 1941–1946 гг. было передано молодых рабочих 1725 человек, из них выбыло за 1944–1946 гг. по разным причинам 955 человек, или 55,3 %, в том числе самовольно ушли 82 человека, или 4,75 % [6, л. 7];

2) по тресту «Южуралтяжстрой» – за период с 1941 по 1946 г. передано молодых рабочих 2036 человек, из них уже выбыло по разным причинам 1038 человек, или 50,9 %, в том числе самовольно ушло 626 человек, или 30,5 %;

3) по Медносерному заводу – передано на предприятия 473 человека, из них выбыло по разным причинам 240 человек, или 50,7 %. По неполным данным с заниженными разрядами на вышеуказанных предприятиях работало 480 человек. Выполняли норму в среднем на 112 % – 91,3 % работающих молодых рабочих;

4) по ВРП ст. Абдулино Куйбышевской железной дороги – из 188 выпускников ЖУ № 2 работало по специальности с заниженным разрядом 20 человек. Средняя зарплата – 300 рублей в месяц;

5) по заводу «Коммунар-Саракташ» – средний заработок за октябрь 1946 г. молодых рабочих – 140 руб. в месяц. Жилищно-бытовые условия были совершенно неудовлетворительными. С завода дезертировало 40 выпускников;

б) на заводе № 314 г. Медногорск работали не по специальности выпускники РУ № 7 – 41 человек [6, л. 6, 8].

Из вышеизложенного следует, что половина направленных на указанные предприятия выпускников не смогли там закрепиться. Кроме того, треть из них самовольно покинули место работы. Одна из основных причин несерьезного отношения к молодым рабочим со стороны руководства предприятий заключалась в юном возрасте выпускников трудовых резервов. Средний возраст выпускников училищ составлял 16–17 лет, школ ФЗО – 17–18 лет. В послевоенный период и в ходе демобилизации Красной армии руководители предприятий предпочитали брать на работу взрослых мужчин, нежели заниматься «воспитанием» молодых рабочих.

Кроме того, руководство большинства предприятий не особо заботилось о материально-бытовых условиях жизни выпускников трудовых резервов. Так, например, в общежитиях для молодых рабочих завода «Коммунар» в январе 1946 г. было холодно, отсутствовали столы, табуретки, тумбочки, зимние одеяла и другое необходимое оборудование. Общежития находились в антисанитарном состоянии. На протяжении 4 месяцев молодые рабочие не могли пользоваться баней, нательное и постельное белье менялось нерегулярно.

Вследствие плохого оборудования столовой, низкого качества приготовленных обедов и высокой их стоимости значительная часть молодых рабочих в столовой не питались и готовили себе пищу непосредственно в общежитиях. Такие материально-бытовые условия жизни способствовали самовольному оставлению завода значительной группой выпускников трудовых резервов. Из 251 человека молодежи, направленной на завод из школ ФЗО и РУ, за 11 месяцев 1945 г. самовольно оставили завод 20 человек [7, л. 12].

Часто выпускникам школ ФЗО и училищ на предприятиях не создавали необходимых условий для проживания, в результате чего они вынуждены были переходить на другие предприятия. Так, выпускники школы ФЗО № 9 (г. Новотроицк), направленные на Никелькомбинат, и выпускники школы ФЗО № 16 (г. Новотроицк), направленные в трест Южуралтяжстрой, в 1946 г. вынуждены были возвратиться в Новотроицк и устроиться на работу в тресте Орскметаллургстрой, так как на указанных предприятиях им не были предоставлены места в общежитии [8, л. 194–195].

Вместе с тем Областное управление трудовых резервов всячески старалось улучшить положение своих выпускников. В случае если предприятие, получившее выпускников государственных трудовых резервов, не реагиро-

вало на требование начальника Областного управления трудовых резервов об исправлении ситуации с материально-бытовыми и трудовыми условиями молодых рабочих на предприятии, по согласованию с Госпланом СССР выпускники отзывались и передавались на другие предприятия.

Помимо методов контроля за использованием молодых рабочих на предприятиях, в целях борьбы с дезертирством отдел кадров Областного управления трудовых резервов следил за тем, чтобы молодежь, окончившая школы ФЗО и ЖУ, направлялась на работу на предприятия по месту жительства их родителей, что способствовало некоторому снижению количества фактов дезертирства среди молодежи [7, л. 94].

Таким образом, система государственных трудовых резервов в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период смогла быстро насытить народное хозяйство страны квалифицированными рабочими кадрами. Однако на некоторых предприятиях выпускников училищ и школ ФЗО зачастую использовали на низкооплачиваемых работах не по специальности. Кроме того, уровень материально-бытовых условий жизни выпускников был крайне низок, что сильно влияло на текучесть кадров и дезертирство молодых рабочих.

ЛИТЕРАТУРА

1. История советского рабочего класса : в 6 т. / гл. редкол.: С. С. Хромов (гл. ред.) [и др.] ; [предисл. С. С. Хромова]. – М. : Наука, 1987. – Т. 4: Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945–1960 гг. / [В. Б. Тельпуховский и др.] ; редкол.: В. Б. Тельпуховский (отв. ред.) [и др.]. – 519 с.
2. Место эвакуации – Чкаловская область / под общ. ред. С. М. Муромцевой. – Оренбург : Печатный дом «Димур», 2010. – 312 с.
3. Об упразднении Государственного Комитета Оборона: [указ принят Президиумом Верховного Совета СССР 04 сентября 1945 г.] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1945. – № 61.
4. Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее – ОГАОО). – Ф. 371. Оп. 10. Д. 441.
5. ОГАОО. – Ф. 2458. Оп. 1. Д. 10.
6. ОГАОО. – Ф. 2458. Оп. 1. Д. 22.
7. ОГАОО. – Ф. 371. Оп. 10. Д. 477.
8. ОГАОО. – Ф. 371. Оп. 10. Д. 478.
9. О государственных трудовых резервах СССР: [указ принят Президиумом Верховного Совета СССР 02 октября 1940 г.] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1940. – № 37.
10. Федорова, А. В. Промышленное развитие Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны / А. В. Федорова // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 1. – С. 99–105.
11. Хисамутдинов, Д. Р. Создание системы государственных трудовых резервов и ее развитие в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале

(1940–1945 гг.) : монографія / Д. Р. Хисамутдинов ; М-во образования Рос. Федерации, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Оренбург. гос. ун-т», Науч.-исслед. ин-т истории Юж. Урала и казачества России. – Оренбург : РИК ГОУ ОГУ, 2004. – 177 с.

А. Г. Цымбал

**ПРАЦОЎНЫЯ РЭСУРСЫ БЕЛАРУСКАЙ ВЁСКІ
Ў ПЕРЫЯД НАЦЫСЦКАЙ АКУПАЦЫІ
ПАВОДЛЕ ТРАФЕЙНЫХ ДАКУМЕНТАЎ НАРБ**

Трафейныя дакументы германскага паходжання, што захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (НАРБ) маюць выключную важнасць для аналізу палітыкі, практыкі і наступстваў нацысцкага эканамічнага генацыду на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Палітыку акупантаў адносна сельскай гаспадаркі і сельскіх жыхароў, у першую чаргу ўсходняй часткі Беларусі, раскрывае фонд 412 НАРБ (Гаспадарчая інспекцыя групы армій “Цэнтр”).

Матэрыялы фонду змяшчаюць пастановы, дырэктывы, загады, распараджэнні, цыркуляры, інструкцыі гаспадарчага штаба Остланд, гаспадарчай інспекцыі і гаспадарчага кіраўніка пры Галоўным ваенным камандаванні групы армій “Цэнтр”. Сярод дакументальнай спадчыны акупацыйных гаспадарчых структур знаходзяцца справаздачы, статыстычныя дадзеныя, перапіска аб стане і развіцці тэкстыльнай прамысловасці, ходзе аднаўлення і рабоце тарфяных заводаў, папяровых фабрык і прадпрыемстваў тэкстыльнай прамысловасці, забеспячэнні іх сыравінай і палівам, выкананні вытворчай праграмы, памерах ворных і лугавых земляў па раёнах Беларусі, пасевах азімых, яравых і тэхнічных культур, стане саўгасаў і колькасці працоўнай сілы ў калгасах. Сярод дакументаў утрымліваюцца карткі вытворчых магутнасцей і спісы дзеючых прадпрыемстваў, а таксама ўказы, інструкцыі і іншыя дакументы адносна арганізацыі эксплуатацыі рэсурсаў акупаванай Беларусі ў галіне сельскай гаспадаркі і выкарыстанні працы беларускага сельскага насельніцтва.

У даследаванні акцэнт зроблены на тэрыторыю ўсходняй Беларусі, што абумоўлена наяўным дакументальным матэрыялам фонду Гаспадарчай інспекцыі групы армій “Цэнтр”. Інфармацыя крыніц уяўляе сабой дастаткова фрагментаваны масіў, які патрабуе абагульнення і ўвядзення ў навуковы зварот вялікага аб’ёму новага фактычнага матэрыялу.

Трафейныя дакументальныя матэрыялы германскага паходжання даюць уяўленне аб шматлікіх аспектах арганізацыі кіравання аграрным сектарам і яго трансфармацыі, здзейсненай акупацыйнымі ўладамі, якія, сутыкнуўшыся з правалам “маланкавай вайны”, былі вымушаны пераходзіць да вырашэння задачы доўгатэрміновага выкарыстання рэсурсаў Беларусі, у тым ліку сельскай гаспадаркі, якая адыгрывала вялікую ролю ў забеспячэнні харчаваннем вермахта і адміністрацыйнага апарату.

Адно з ключавых пытанняў было вырашэнне праблемы выкарыстання мясцовых працоўных сіл. Паводле інфармацыі крыніц на беларускіх тэрыторыях Гаспадарчай інспекцыі “Цэнтр” па стане на 20 сакавіка 1942 г. колькасць жыхароў складала 3 998 288 чалавек. У пачатку акупацыі тэрыторыя ўваходзіла ў тры зоны дзейнасці гаспадарчых каманд (Віцебск, Орша і Бабруйск), на стане на канец 1943 г. – васьмі (Бабруйск, Барысаў, Віцебск, Гомель, Клімавічы, Магілёў, Орша, Полацк) [1, арк. 9].

Адносіны да мясцовага насельніцтва з боку акупацыйных улад з цягам часу былі змененыя. Калі першапачаткова, як вядома, у канцэптуальных разліках генацыдальнай вайны нацысцкай Германіі на Усходзе $\frac{3}{4}$ насельніцтва падлягалі фактычнаму знішчэнню, то рэальнасць вайны супраць СССР і правал стратэгіі “бліцкрыгу” вымусілі германскія ўлады змяніць стаўленне да беларусаў. Мясцовыя работнікі разглядаюцца як выключна важны рэсурс для забеспячэння вермахта ўсім неабходным. У выніку акупацыйных ўлад былі вымушаны арганізоўваць забеспячэнне работнікаў, што працуюць у інтарэсах нямецкіх службаў, неабходнымі рэчамі і харчаваннем. Гэтай праблеме прысвечана адпаведная інструкцыя № 58 ад 3 верасня 1942 г. [2, арк. 24]. Неабходна было захаваць рабочую сілу “рускага” насельніцтва, таму сельскагаспадарчыя службы павінны былі забяспечваць іх пэўнымі сельскагаспадарчымі прадуктамі.

Пастанова раздзяляла два галоўныя носьбіты патрэбы: па-першае, нямецкі вермахт, па-другое, “рускае” грамадзянскае насельніцтва, якое неабходна было карміць. Ваенная пошліна на хлеб, крупы і бульбу, уведзеная ў супольных гаспадарках, ужо ўключала пэўную долю ў рацыёне харчавання груп грамадзянскага насельніцтва.

Для рэгулявання пытання харчавання ў вайсковай акрузе “Цэнтр” вызначалася наступнае. Да 33 % прадукцыі Аддзела VII камандавання вайсковым раёнам “Цэнтр” або ведамстваў, якім ён даручыў яе размеркаванне (палявая камендатура, мясцовая камендатура), магло быць выкарыстана кіраўнікамі сельскагаспадарчых угоддзяў.

У абавязкі гэтых органаў уваходзіў збор, належнае захоўванне, забеспячэнне і размеркаванне прадстаўленай прадукцыі сярод асоб, якія мелі патрэбу ў ёй. Гэтымі носьбітамі патрэбы вызначаліся:

- працоўнае гарадское насельніцтва, якое працуе на вермахт або арганізацыі, якія ўдзельнічаюць у аперацыях на ўсходзе, а таксама казарменныя;
- іх сваякі;
- непрацаздольныя асобы, чые сваякі знаходзіліся ў Германіі.

Дастаўкі з сельскагаспадарчых угоддзяў павінны былі ажыццяўляцца ў службы, якім даручана размеркаванне, толькі пасля прад’яўлення дазволу, выдадзенага камандуючым раёна “Цэнтр” або, адпаведна, службаў, ім упаўнаважанымі.

1. Каб адпавядаць нормам прадукцыйнасці працы, усе асобы, якія мелі права на сацыяльнае забеспячэнне, павінны былі атрымліваць базавае харчаванне. Яно ўключала: жыта – 1105 гр. у тыдзень, проса, грэчка ці пярловыя крупы – 175 гр., бульба – 2500 гр., мяса, сала, абястлушчанае малако,

гародніна размяркоўваліся ў залежнасці ад атрымання і дазволу вермахта, а таксама з асаблівай увагай да працоўных.

2. Дзеці тых, хто мае права на сацыяльнае забеспячэнне, да 14 гадоў атрымлівалі палову ад гэтага.

3. Зыходзячы з таго, што узровень прыхільнасці і працаздольнасці ў працоўных моцна адрозніваўся, лічылася неабходным увесці падзел рацыёну на тры групы. Група I, напрыклад, асобы жаночага полу, якія выконваюць лёгкую працу па хаце і г. д. [2, арк. 24].

Выдадзеная інструкцыя патрабавала ўдакладненняў і каментарыяў. Ужо 10 кастрычніка 1942 г. акупацыйнымі ўладамі былі прапанаваны тлумачэнні па ўкараненні дадзенай інструкцыі [Там же, арк. 35].

Удакладненні да інструкцыі падпісвалі, што кіраўнікі сельскагаспадарчых угоддзяў павінны былі пакрываць агульныя патрэбы мясцовага (не задзейнічанага ў сельскай гаспадарцы) грамадзянскага насельніцтва за кошт бягучых паставак жыта, грэчкі і проса (але не бульбы), выдзяляць і трымаць напагатоў неабходныя колькасці. Тым не менш неабходна было ўлічваць і надзённыя патрэбы войск. Для гэтага лідары групы аддзела кіравання камандавання сельскай гаспадаркай у тыле павінны былі звязацца з інтэндантамі рэзервовых дывізіяў і ў вайсковым раёне з оберкватэрмайстрам войск, вызначыць і разгалінаваць гэтыя надзённыя патрэбы войск. Неабходна было ўлічваць інтарэсы грамадзянскага насельніцтва і ўзброеных сіл. Аднак заўсёды сыходзіць з таго, што пастаўкі павінны былі ў першую чаргу задавальняць патрэбы германскай арміі. Пасля вызначэння сапраўды надзённых патрэб вермахта камітэты павінны былі паведаміць акруговым або раённым кіраўнікам сельскагаспадарчых угоддзяў, якую колькасць неабходна вылучыць для грамадзянскага насельніцтва і якую – для вермахта. Што тычыцца бульбы, у першую чаргу, яна была прызначана для задавальнення патрэб вермахта. Але ў выпадку добрага ўраджаю і дастатковых паставак прадугледжвалася магчымасць адначасова задаволіць і надзённыя патрэбы грамадзянскага насельніцтва.

Гарадам, распараджэннем № 26 камандуючага групай армій “Цэнтр”, на аснове дадзеных аб колькасці насельніцтва неабходна было разлічыць патрэбы гарадскога насельніцтва ў прадуктах харчавання адразу на месяц. Пры гэтым у аснову павінны былі быць пакладзены стаўкі, устаноўленыя ў тэхнічнай інструкцыі нумар 58 ад 3 верасня 1942 г. Разлічыць неабходную колькасць прадуктаў харчавання на 1 год (год пастаўкі) на аснове разлічанай штомесячнай патрэбы і зарэгістравацца ў кіраўнікоў сельскагаспадарчых угоддзяў праз мясцовую камендатуру інструкцыі [2, арк. 36].

Акупацыйныя ўлады разумелі, што ў большасці сельскіх абшчын ёсць пэўныя групы людзей, якія не займаюцца сельскай гаспадаркай (рамеснікі, настаўнікі і г. д.). Асаблівую ўвагу трэба было надаваць сельскім жыхарам, якія працуюць на нямецкіх прадпрыемствах першай неабходнасці і не забяспечваюць сябе самі. Гэтых людзей і іх сваякоў, калі іх харчаванне не забяспечана якім-небудзь іншым спосабам, неабходна было таксама кар-

міць у адпаведнасці з нормамі рацыёну, дзеючымі для гарадскога насельніцтва. Якія муніцыпалітэты варта разглядаць як сельскія муніцыпалітэты, вызначалася сумесна кіраўніком сельскагаспадарчых угоддзяў і мясцовай камендатурай. Праз мясцовую камендатуру мэры прадстаўлялі кіраўніку сельскагаспадарчых угоддзяў спісы людзей, якія павінны быць улічаны. Кіраўнік сельскагаспадарчых угоддзяў разам з адказным за гэта мясцовым камендантам правяраў гэтыя спісы і, па ўзгадненні з апошнім, вызначаў, якія асобы атрымліваюць прадукты харчавання. Акупацыйныя ўлады ажыццяўлялі і маніторынг выдачы прадуктаў харчавання і рэалізацыі дадзенай інструкцыі [2, арк. 38].

Кіраўнік сельскагаспадарчых угоддзяў павінен быў штомесяц выдаваць неабходную гарадскому насельніцтву колькасць прадуктаў харчавання згодна з пісьмовым дазволам, накіраваным у адзел харчавання. Адзел харчавання мусіў штомесяц прадстаўляць яму праз мясцовую камендатуру дакладныя справаздачы аб пачатковых запасах, доступе, выдачы і канчатковых запасах на гарадскіх складах з разбіўкай па асобных відах прадуктаў. Тым самым мясцовая камендатура і кіраўнік сельскагаспадарчых угоддзяў павінны былі атрымліваць інфармацыю аб вывазе, выдачы і інвентарызацыі адпаведна. Кіраўнік сельскагаспадарчых угоддзяў павінен быў па магчымасці замест жыта і грэчкі прадстаўляць спажыўцам муку або крупы, але лепш за ўсё хлеб. Гаспадарчыя каманды, група адзела кіравання, а таксама кіраўнікі абласных і раённых угоддзяў павінны былі зрабіць усё, што ў іх сілах, для дасягнення гэтай мэты [Там жа, арк. 40].

Пытанне рэгулявання забеспячэння прадукцыяй для задавальнення патрэб грамадзянскага насельніцтва заставалася вельмі вострым і ў далейшым. Неабходнасць забеспячэння вермахта ў першую чаргу вымушала акупацыйныя ўлады неаднаразова звяртацца да гэтага пытання. Ужо 9 снежня 1942 г. быў выдадзены цыркуляр № 19, які закранаў праблему [3, арк. 8–8b].

Каб мець магчымасць у пэўнай ступені ўлічыць неабходнасць у задавальненні вайсковых патрэб з непасрэдным размеркаваннем сярод вайскоўцаў, пра якую неаднаразова выказвалася гаспадарчае кіраўніцтва інспекцыі, галаўная група “Гаспадарка” зноў звярнулася да оберкватэрмайстра групы арміі “Цэнтр” і прыйшла да пагаднення, што 10 % прадукцыі, якая належыць раёну інспекцыі, магло быць непасрэдна размеркаваны па войсках і 15 % – грамадзянскаму насельніцтву.

Кантроль за выкарыстаннем рабочай сілы ажыццяўляўся пастаянна на працягу акупацыі. Дакументы Гаспадарчай інспекцыі “Цэнтр” паказваюць наступнае вырашэнне гэтай праблемы з боку нацыстаў. 16 мая 1943 г. было выдадзена арганізацыйнае распараджэнне, у якім сцвярджалася, што эканомія рабочай сілы з’яўлялася зладзённым пытаннем для акупацыйнай адміністрацыі [Там жа, арк. 18–19]. Неабходнасць вызваліць любую працоўную сілу, якая хоць як-небудзь была даступна ў тэрміновым парадку для ўласных гаспадарчых патрэб або працы ў рэйху, паставіла на парадак дня пытанне аб пераглядзе планаў яе выкарыстання і ўдакладнення папярэдніх метадаў працы.

Для паказальнага прывядзення выкарыстання рабочай сілы ў адпаведнасць з патрабаваннямі напружанага становішча, кантроль прадпрыемстваў гаспадарчай інспекцыі “Цэнтр” ускладаўся на зондэркаманду. У яе склад уваходзілі капітан Люттэрот, які раней камандаваў гаспадарчым кіраўніцтвам 207 у якасці кіраўніка, і акруговы адміністрацыйны рэфэрэнт д-р Дэген з гаспадарчай каманды 208 (Бабруйск) у якасці эксперта па пытаннях выкарыстання рабочай сілы.

Да зондэркаманды ў якасці падначаленага персаналу праз гаспадарчую інспекцыю “Цэнтр”/штаб прымацоўваюцца пісар і шафёр з легкавым аўтамабілем. Каманда эканамічна прымацоўваецца да гаспадарчага кіраўніцтва, адказнага за адпаведны ўчастак аперацыі, і забяспечваецца ім апэратыўным матэрыялам. Па запыце гаспадарчае кіраўніцтва павінна даць ёй перакладчыка на час знаходжання.

Зондэркаманда ў супрацоўніцтве з гаспадарчымі кіраўніцтвамі павінна была:

- а) праверыць правядзенне работ на прадпрыемствах з пункту гледжання рацыянальнага выкарыстання сіл;
- б) вызначыць неабходную патрэбу ў кваліфікаваных работніках і дапаможным персанале;
- в) выявіць залішнюю рабочую сілу, у прыватнасці, занятую не па спецыяльнасці, і накіраваць яе ў распараджэнне аддзелаў па пытаннях працы для іншага тэрміновага працаўладкавання;
- г) урэгуляваць замену кваліфікаваных работнікаў некваліфікаванымі, мужчын – паўінвалідамі і жанчынамі, незамужніх – замужнімі;
- д) прапанаваць для вываду з эксплуатацыі прадпрыемствы гаспадарчай інспекцыі “Цэнтр”, якія ўстарэлі і працуюць нерацыянальна;
- е) хадайнічаць аб зліцці або аб’яднанні прадпрыемстваў з мэтай найбольш поўнага выкарыстання іх працоўных рэсурсаў і тэхнікі для максімальнага павелічэння прадукцыйнасці;
- ж) кансультаваць прадпрыемствы па пытаннях здзельнай аплаты працы, а таксама стымуляваць вытворчае і сацыяльнае паляпшэнне.

Мэтай дзейнасці зондэркаманды было:

- 1) вызваленне паўнаважнай рабочай сілы для надзённых уласных патрэб або выкарыстання ў рэйху;
- 2) забеспячэнне максімальнай прадукцыйнасці прадпрыемстваў з астатняй рабочай сілай пры выкананні мер па рацыяналізацыі, згаданых у пункце 2 [3, арк. 19].

З мэтай уліку працоўнай сілы, неабходнай як для забеспячэння вермахта на ўсходнім фронце, так і вывазу ў Германію, акупацыйныя ўлады збіралі статыстыку і ўлічвалі мясцовых работнікаў. Такі перапіс насельніцтва быў завершаны 15 мая 1943 г. [5, арк. 5–6]. Былі ахоплены наступныя пытанні:

- 1) агульная плошча сялянскіх супольных гаспадарак;
- 2) сельскагаспадарчыя ўгоддзі сялянскіх супольных гаспадарак;

3) мужчынскае і жаночае насельніцтва ў разбіўцы па ўзроставых катэгорыях да 16 гадоў, ад 16 да 30 гадоў, ад 30 да 45 гадоў і больш за 45 гадоў.

Зыходзячы з колькасці насельніцтва, шэф-група Адзела кіравання падлічыла, колькі працоўнай сілы неабходна для належнага кіравання існуючымі сельскагаспадарчымі ўгоддзямі кожнага ўнітарнага муніцыпалітэта з улікам працаёмкасці вырошчвання культур. На кожныя 2–3 гектары сельскагаспадарчых угоддзяў прыходзілася па адной поўнай працоўнай сіле. Прадукцыйнасць аднаго паўнаватаснага работніка (мужчыны альбо жанчыны) прыраўноўвалася да дапамогі 1 хлопчыка ці дзяўчынкі ва ўзросце ад 16 да 18 гадоў, або 1 старога, або 2 дзяцей, старэйшых за 12 гадоў.

У выніку перапісу ўлады пераглядалі падыходы да вызначэння, як адзначалася ў крыніцах, паўнаватасных работнікаў, якімі лічыліся:

а) адна асоба мужчынскага або жаночага полу ва ўзросце ад 14 да 50 гадоў;

б) 1 стары;

в) 2 дзяцей ва ўзросце ад 10 да 13 гадоў.

У асобных выпадках ад гэтай нормы можна было адхіляцца ў большы або меншы бок у залежнасці ад фізічнай працаздольнасці.

Асобная ўвага надавалася тэрыторыям, дзе назіралася партызанская актыўнасць, ці як пісалі акупанты, “заражаных” бандамі ўнітарных муніцыпалітэтах, у якіх, на іх погляд, у большай колькасці мелася свабодная працоўная сіла. Адзначалася, што з гэтых раёнаў павінна было быць вывезена ўсё насельніцтва. Захоп і вывад гэтых сіл ажыццяўляўся ў адпаведнасці з загадам групы армій “Цэнтр” з 14 ліпеня 1943 г. Паводле германскіх дакументаў пасля завяршэння “збору ўраджаю” 1925/26 года, пад чым меўся на ўвазе вываз насельніцтва згаданых гадоў нараджэння, прыкладна ў сярэдзіне кастрычніка 1943 года адказныя за гэта групы А і Іа падаюць сумесную заяву ў адпаведныя камандныя органы для збору і перадачы залішніх сіл у зборныя лагеры бюро па працаўладкаванні з указаннем унітарных муніцыпалітэтаў, аб якіх ідзе гаворка. Меркавалася, што за кошт удзелу раённых гаспадарак павінны быць задаволены патрэбы сельскай гаспадаркі.

Уся працоўная сіла, якая не была запатрабавана сельскай гаспадаркай і не выкарыстоўвалася ў іншых мэтах, павінна была быць неадкладна зарэгістравана на месцы ў выглядзе спісу. Спісы ўтрымлівалі: месца жыхарства, раён, прозвішча, імя бацькі, імя, дату нараджэння, вуліцу і нумар дома, і павінны былі быць неадкладна адпраўлены ў адпаведнае бюро па працаўладкаванні.

Найбольш яскрава сітуацыя з выкарыстаннем мясцовай працоўнай сілы апісана ў паведамленні аб выніках праверкі ў розных вёсках Крупянскага раёна ад 6 лютага 1944 г. [5, арк. 2]. Прадстаўнікамі акупацыйных улад была здзейснена інспекцыйная паездка з мэтай высвятлення праблемы кіравання сельскай гаспадаркай, у якой павінна было застацца дастаткова сіл, каб мець магчымасць выконваць тыя ж задачы ў рамках вытворчасці. З іншага боку,

немцы адчувалі абсалютную неабходнасць вызваліць новую працоўную сілу для прымусовага вывазу ў Германію. У выніку адбываўся жорсткі кантроль за чалавечай працоўнай сілай, якая знаходзіцца ў іх распараджэнні, у дачыненні да рэальнай патрэбы ў ёй. Былі зроблены наступныя высновы.

1. Рабочая сіла, якая не з'яўляецца неабходнай для выкарыстання ў сельскай гаспадарцы, за выключэннем асобных выпадкаў, занята ў іншых месцах або ўжо знаходзіцца ў рэйху.

2. Далейшы вывад рабочай сілы ў адпаведнасці з пунктам (в) больш немагчымы.

3. Прымусовыя канфіскацыі для пазіцыйнага будаўніцтва прывялі да таго, што 25 % уладальнікаў ферм былі прыцягнутыя да гэтай працы, паколькі больш не было сіл, якія не былі б неабходны для вядзення сельскай гаспадаркі. Перад акупантамі паўстала пытанне аб тым, ці вернуцца гэтыя сілы пасля таго, як пазіцыі будуць здадзены, альбо яны будуць адасланы без нагляду ў рэйх. Рабіўся вывад, што тутэйшая сельская гаспадарка не можа вытрымаць такога вываду працоўнай сілы.

4. Калі пагадненне па пункце (в) будзе цалкам выканана, будзе магчыма, не падвяргаючы сур'ёзнай небяспецы гаспадарчыя інтарэсы, перадаць у рэйх 10 % саміх уладальнікаў ферм у форме выправаджвання тых, хто за кошт пакінутай сямейнай маёмасці (12–14-гадовыя) можа падтрымліваць сваю гаспадарку ў працоўным стане. Прапагандысцкі негатыўны эффект гэтай меры ў параўнанні з яе неабходнасцю не мае значэння.

5. Лічылася, што Германія зможа атрымаць работнікаў для рэйха ў пацыфікаваных раёнах, а таксама праз дзеянні на тэрыторыях, што кантралююцца партызанамі і правяраючы ўсе мясцовыя службы.

6. Канчатковае рашэнне аб вывадзе рабочай сілы з сельскагаспадарчага сектара магло быць прынята толькі армейскім эканамічным аддзелам упраўлення працы і аддзелам кіравання [5, арк. 2].

Акрамя выкарыстання працы мясцовых жыхароў, улады імкнуліся выкарыстаць і бежанцаў, якія асабліва масава пачалі з'яўляцца пасля пералому ў баявых дзеяннях на карысць Чырвонай арміі і пачатку вызвалення тэрыторыі СССР і БССР. 27 верасня 1943 г. улады адзначалі масавы наплыў бежанцаў, што ставіла пытанні аб іх размяшчэнні і накіраванні на працу [4, арк. 51–52]. Пад час спецыяльнай нарады акупанты звярталі ўвагу на сітуацыю, якая склалася і патрабавала прыняцця неадкладных мер па накіраванні патоку бежанцаў, які даходзіў да Мінска, у правільным кірунку. Таксама варта было чакаць перамяшчэння прадпрыемстваў, у тым ліку рабочых і служачых. Немцы прагназавалі, якія і колькі прадпрыемстваў будуць сюды перанесеныя і колькі людзей прывязуць з сабой. Тым не менш людзі, якія прыбывалі сюды па чыгунцы, на аўтамабілі або ў так званых калонах бежанцаў, павінны былі быць размешчаныя або неадкладна накіраваныя да пэўнага пункта прызначэння, тым больш што чыгунка патрабавала, каб вагоны, якія прыбываюць сюды, разгружаліся за некалькі гадзін

і не блакавалі шляхі. У ходзе абмеркавання высветлілася, што толькі Мінскі аддзел па пытаннях працы або аддзел Генеральнага камісара маглі адказваць за прыём ці перасылку гэтых людзей.

Паведамлялася, што ў Лясной пад Баранавічамі ўжо існаваў лагер на 8 000–10 000 чалавек, планавалася будаўніцтва другога лагера на 3 000–4 000 чалавек. Такім чынам, у гэтых лагерах маглі размясціцца максімум 12 000 чалавек. Далейшы нелегальны правоз і прапусканне адбываліся ў адпаведнасці з прынцыпамі генеральнага ўпаўнаважанага па працаўладкаванні. Асноўная праблема, на думку немцаў, заключалася толькі ў тым, дзе пакінуць людзей, непрыдатных да службы, якія складалі вялікі працэнт (старыя, інваліды, дзеці і г. д.). Іх размяшчэнне было немагчыма звычайным спосабам і, паводле слоў урадавага саветніка Шульца, магло быць вырашана толькі праз Рыгу. Напрыклад, з 10 000 бежанцаў, якія прайшлі праз Лясную, больш за 4 000 аказаліся непрыдатнымі для працы.

Такім чынам, акупацыйныя ўлады надавалі сельскай гаспадарцы выключна важнае значэнне як крыніцы забеспячэння харчаваннем вермахта і акупацыйных структур. У сувязі з гэтым першаснай задачай для акупацыйнай адміністрацыі з'яўлялася выкарыстанне мясцовай працоўнай сілы на прадпрыемствах сельскай гаспадаркі. Матэрыялы нямецкіх трафейных дакументаў даюць уяўленне аб арганізацыі працы беларускага насельніцтва. Акупантамі праводзіўся ўлік працаздольнага насельніцтва з мэтай выкарыстання як на лакальнай вытворчасці, так і для вывазу ў Германію. Паводле дакументальных крыніц на беларускіх тэрыторыях толькі Гаспадарчай інспекцыі “Цэнтр” па стане на 20 сакавіка 1942 г. колькасць жыхароў складала каля чатырох мільёнаў чалавек. Але нацысты сутыкнуліся з выразным недахопам работнікаў. У выніку акупацыйныя ўлады былі вымушаны арганізоўваць забеспячэнне мясцовага персаналу, што працаваў у інтарэсах нямецкіх службаў неабходнымі рэчамі і харчаваннем. Патрэбна было захаваць рабочую сілу “рускага” насельніцтва, таму сельскагаспадарчыя службы павінны былі забяспечваць іх пэўнымі сельскагаспадарчымі прадуктамі. У выніку выдачы прадзільных вырабаў мясцовым работнікам, занятым у гаспадарцы, на думку акупантаў, даваўся асаблівы стымул для павышэння іх прадукцыйнасці ў ваенна-гаспадарчых інтарэсах. Таму ў першую чаргу лічылася неабходным забяспечыць асабліва руплівых работнікаў, якія добра сябе зарэкамендавалі.

Матэрыялы Гаспадарчай інспекцыі групы армій “Цэнтр” уяўляюць сабой дастаткова фрагментаваны масіў інфармацыі, які з цяжкасцю паддаецца абагульненню і генералізацыі. Тым не менш увядзенне ў выніку праведзенага даследавання новага факталагічнага масіву ў гістарычную навуку дазваляе паставіць тэарэтычныя пытанні адносна метадалагічных падыходаў і навуковых схем аналізу акупацыйнага перыяду. Выяўленыя дакументальныя крыніцы акрэсліваюць задачу па далейшым даследаванні праблемы выкарыстання германскімі акупацыйнымі ўладамі мясцовага насельніцтва

ў якасці працоўнай сілы з улікам новых навуковых падыходаў, заснаваных на характарыстыцы паўсядзённых вытворчых узаемаадносін на акупаваных беларускіх тэрыторыях. На падставе ўведзеных ў навуковы абарот крыніц, а таксама сучасных метадалагічных падыходаў варта звярнуцца да аналізу стратэгіі выжывання насельніцтва ў розных умовах трохгадовай германскай акупацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 412. Воп. 1. Спр. 58.
2. НАРБ. – Фонд 412. Воп. 1. Спр. 53.
3. НАРБ. – Фонд 412. Воп. 1. Спр. 68.
4. НАРБ. – Фонд 412. Воп. 1. Спр. 70.
5. НАРБ. – Фонд 412. Воп. 1. Спр. 198.

Т. М. Агеенка

ДАКУМЕНТЫ СЕЛЬСКІХ, РАЁННЫХ І ВАЛАСНЫХ УПРАЎ ЯК БІЯГРАФІЧНЫЯ КРЫНІЦЫ

З кожным годам узрастае цікавасць людзей да вывучэння гісторыі сваёй сям’і, роду. Аднак часта прыходзіцца сутыкацца з праблемамі ў пошуку звестак за перыяд Вялікай Айчыннай вайны. Канешне, тое, што тычыцца ўдзелу ў партызанскім руху на Беларусі, амаль не выклікае складанасцей: існуе картатэка, працуе сайт «Партызаны Беларусі». Больш праблем узнікае, калі патрэбна знайсці звесткі аб пражыванні на акупаванай тэрыторыі Беларусі, гібелі, знаходжанні на прымусовых працах і інш. На жаль, большасць пошукаў па дадзенай тэме па фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ) застаецца безвыніковай у сувязі з дрэннай захаванасцю дакументаў. Для выяўлення дадатковых крыніц па тэме ў 2012 г. аддзелам выкарыстання дакументаў і інфармацыі НАРБ на аснове фондаў партызанскіх, падпольных і камсамольскіх органаў, ЦК КП(б)Б, Інстытута гісторыі партыі быў створаны імяны паказальнік «Грамадзянскае насельніцтва, якое пражывала на часова акупаванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны». У яго ўвайшлі спісы жыхароў вёсак, грамадзян, якія здавалі сродкі ў фонд абароны, спісы грамадзянскага насельніцтва, якое пражывала ў сямейных лагерах партызанскіх атрадаў, спісы бежанцаў, працоўных нямецкіх акупацыйных устаноў і інш. У перспектыве плануецца напаўненне паказальніка дакументамі фонда 1569 «Калекцыя лічбавых копій на правах арыгінала дакументаў Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі па ўстаўленні і расследаванні злачынстваў нямецка-фашысцкіх захопнікаў і іх памагатых і прычыненага імі ўрону грамадзянам, калектыўным гаспадаркам (калгасам), грамадскім аб’яднанням, дзяржаўным прадпрыемствам і ўстановам СССР (НДК) па БССР, перададзенага з Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі», перададзенымі ў НАРБ у 2019 г.

У той жа час у фондах архіва яшчэ застаюцца справы, якія таксама могуць быць выкарыстаны пры напаўненні дадзенага паказальніка, – гэта дакументы сельскіх, раённых і валасных упраў, якія захоўваюцца ў архіўным фондзе Беларускага штаба партызанскага руху (БШПР) (Ф. 1450. Воп. 2. Спр. 1343–1360, 1366, 1367).

Якім чынам дакументы акупацыйных устаноў патрапілі ў фонд БШПР? Часцей за ўсё ў выніку баявых аперацый партызан па разгроме ўпраў і гарнізонаў праціўніка. Адтуль пасля вывучэння накіроўваліся ў партархіў ЦК КП(б)Б. Аднак варта ўлічваць, што часта пры разгроме акупацыйных устаноў гінулі і іх дакументы. Аб гэтым, напрыклад, узгадваецца ў стэнаграме гутаркі з камандзірам партызанскага атрада І. І. Пятровым: «Мы вошли в м. Иоды и подошли к дому, где была размещена гмина. Там нами были сожжены все

документы по учету военнообязанных и другие разные документы» [1, л. 83]. Чаму гэта важна ўлічваць? Бо пры звароце ў архіў людзі лічаць, што не можа такога быць, каб нейкія дакументы былі страчаны.

Сярод матэрыялаў БШПР захаваліся звесткі па некаторых управах Віцебскай, Гомельскай, Мінскай і Магілёўскай абласцей. Ступень іх захаванасці і інфарматыўнасці розная.

Матэрыялы ўпраў прадстаўлены ў першую чаргу загадамі, указаннямі, інструкцыямі, аб'явамі акупацыйных уладаў і г.д. Многія дакументы фіксуюць імкненне весці строгі ўлік не толькі матэрыяльнай маёмасці, але і грамадзян, пахаванняў і г.д. Напрыклад, існавалі спецыяльныя распараджэнні аб прадстаўленні звестак аб магілах салдат (з указаннем, у якіх вёсках ёсць адзінкавыя і брацкія пахаванні, могількі нямецкіх салдат) і даглядзе за імі; вызначалі парадак іх упарадкавання: над кожнай магілай планавалася ўстанавіць крыж і абнесці агароджай вышынёй у 30 см з сасновых ці бярозавых калкоў. За іх утрыманне бургамістрам вёсак абяцалі аказваць дапамогу [2, л. 3].

У сакавіку 1943 г. бургамістрам валасцей Магілёўскага раёна было дадзена ўказанне прадставіць звесткі аб пазашлюбных дзецях, «якія належаць Германскай арміі ці дзяржаве», па наступнай форме: прозвішча, імя, імя па бацьку маці, імя дзіця, месца жыхарства дзіця і маці, дата нараджэння дзіця, яго нацыянальнасць, прозвішча, імя, імя па бацьку бацькі, паштовы нумар і адрас бацькі на радзіме і «краткие доказательства отечества принадлежащего Германской армии» [2, л. 232]. У той жа час выявіць самі вышэй азначаныя спісы пакуль не атрымалася.

З прыходам акупацыйных улад усё мясцовае насельніцтва падлягала ўліку і рэгістрацыі. Складаліся шматлікія спісы, якія знайшлі адлюстраванне ў дакументах: жыхароў населеных пунктаў, асоб, якія не заплацілі падатак, саматужнікаў, грамадзян, якія былі падвергнуты спагнанню за адмову ад выразання і вывазкі дроў, грамадзян вёсак, якія завербаваліся ў Германію, настаўнікаў, служачых валасцей, зубных урачоў, дзяцей школьнага ўзросту і г.д.

Акрамя таго, для ўліку ўсяго насельніцтва ў гады вайны праводзіліся перапісы. Так, у дакументах Вайхонскай валасной управы Гарадокскага раёна за верасень 1941 г. указвалася на неабходнасць скончыць перапіс да 15 верасня 1941 г. Для гэтага былі прыцягнуты рахункаводы калгасаў і настаўнікі. Спісы складаліся ў трох экзэмплярах і ўтрымлівалі наступныя звесткі: прозвішча, імя, імя па бацьку, месца жыхарства, год нараджэння, прафесія, нацыянальнасць, дадатак [3, л. 75]. Аднак у дакументах упраў спісы не выяўлены.

У канцы 1942 г. усім бургамістрам валасцей Кіраўскага раёна было разаслана ўказанне аб правядзенні перапісу насельніцтва ў разрэзе абшчын на 1 студзеня 1943 г. Пытанні былі аналагічнымі з папярэднімі, але дадзены звесткі аб адукацыі, сямейным стане, веравызнанні, звесткі аб месцы, адкуль чалавек прыбыў [4, л. 119]. У шэрагу выпадкаў захаваліся спісы насельніцтва, якое было перапісана па кароткай форме. Так, напрыклад,

у спісе (233 пазіцыі) абшчыны Юзафін Паўловіцкай воласці пералічаны ўсе члены сям'і з указаннем года нараджэння: Баравік Фёдар Кузьміч, 1885 г. н., Баравік Ірына Стэфанаўна, 1888 г. н., Баравік Лідзія Фёдараўна, 1919 г. н., Мартючэнка Аляксандр Вікенцьевіч, 1938 г. н. [4, л. 131]. Акрамя таго, у дакументах маглі фіксавацца іншыя звесткі. Так, насупраць прозвішча М. Тамары Мікалаеўны, 1925 г. н., было запісана – выбыла ў Германію па вярбоўцы [4, л. 132].

Асабліваму ўліку падлягалі былыя чырвонаармейцы і ваеннапалонныя, якія лічыліся найбольш небяспечнымі і непажаданымі для новага рэжыму. Іх рэгістрацыя праводзілася прадстаўнікамі ўпраў у наступнай форме: прозвішча, імя, імя па бацьку, год нараджэння, адрас, прычыны, па якіх ваеннапалонны знаходзіцца на волі. У апошняй графе неабходна было ўказаць, калі ваеннапалонны быў прызваны на вайсковую службу, калі і куды з'явіўся пры мабілізацыі, куды накіраваны, у якую часць і ў якасці каго быў залічаны. На практыцы ж у шэрагу выпадкаў звесткі запісваліся коратка. Дадзеная катэгорыя дакументаў захавалася ў невялікай колькасці. Так, па Паўловіцкай воласці маюцца спісы ваеннапалонных за некаторыя месяцы 1942 г., з якіх бачна, што тут пражывалі ваеннапалонныя беларусы, грузіны, рускія, татары, украінцы.

Некалькі слоў неабходна сказаць пра тыя магчымасці, якія даюць дакументы ўпраў. Праілюструем гэта на прыкладзе звестак пра Трушкова Васіля Гардзеєвіча, 1915 г. н. Так, на сайце «Партызаны Беларусі» маецца асабісты лісток па ўліку партызанскіх кадраў, дзе ўказаны адрас сям'і: в. Залессе Чачэрскага раёна, тут жа запісана, што ў партызаны прыбыў 31 сакавіка 1943 г. з в. Скрыпліцы Кіраўскага раёна [5]. Праз сайт «Память народа» можна прасачыць яго далейшы лёс: у ліпені 1944 г. з партызанаў накіраваны ў Чырвоную армію, 22 ліпеня 1944 г. пахаваны ў в. Волпа Беластоцкага раёна [6]. У той жа час застаецца пытанне: дзе В. Трушкоў быў з чэрвеня 1941 г. па сакавік 1943 г. Адказ на гэта пытанне знаходзім у матэрыялах Паўловіцкай воласці. Так, у спісе ваеннапалонных, прыбыўшых пасля 22 чэрвеня 1941 г., па калгасу «Барэцкі» Паўловіцкай воласці за 22 красавіка 1942 г. прадстаўлена пяць асоб, сярод якіх указаны Трушко Васіль Гардзеєвіч з в. Залессе Чачэрскага раёна. На ўсіх уключаных у спіс дадавалася характарыстыка: «Все пять человек работают в ко-зе Борецкий поведение хорошее, никаких замечаний нет, работают хорошо и добросовестно, что и подписует» [4, л. 141]. Такім чынам, дакументы ўправы дапамаглі цалкам прасачыць лёс В. Г. Трушкова падчас Вялікай Айчыннай вайны.

Абавязковай рэгістрацыі падлягалі выпадкі нараджэння, смерці і шлюбаў грамадзян, якія ў сельскай мясцовасці фіксаваліся бургамістрамі, у гарадах – ЗАГСамі [7, с. 71]. Праводзіліся яны па раней існаваўшым формам і правілам. Захаваліся запісы актаў аб нараджэнні, шлюбе і смерці па Паўловіцкай воласці Кіраўскага раёна за некаторыя месяцы 1941, 1942 і 1943 гг.

Звярнуўшыся да запісаў аб нараджэнні, якія захаваліся, можна атрымаць цікавыя звесткі аб жыцці насельніцтва таго часу. Напрыклад, самая

вялікая колькасць дзяцей – 11 (бацькам па 42 гады); самым узроставым бацькам з’яўляўся 72-гадовы мужчына (яго жонцы 44 гады); самая вялікая розніца ў сямейнай пары, дзе жонка старэйшая на 9 гадоў (ей 40, яму 32 гады), дзе муж старэйшы за жонку на 30 гадоў (яму 56, ёй 27 год). У запісах аб смерці звяртаюць на сябе ўвагу прычыны смерці: запаленне лёгкіх, запаленне галаўнога мозга, гангрэнічнае запаленне ступні, параліч сэрца, рэўматызм, старасць (у т. л. запісана ў 62-гадовага мужчыны), язва страўніка і інш. [4].

Каштоўнай знаходкай з’яўляецца выяўленне запісаў актаў аб заключэнні шлюбу, заяў аб рэгістрацыі шлюбу, даведак аб адсутнасці запісаў аб шлюбе і інш. па Бабруйскім раёне за 1930–1932 гг. (22 запісы за 1930 г., 18 – за 1931 г., 19 запісаў – 1932 г.). У адным з выпадкаў ёсць паметка, што шлюб скасаваны 31 красавіка 1932 г. (зарэгістраваны 16 мая 1931 г.). Пустыя старонкі бланкаў былі выкарыстаны ў жніўні 1941 г. для запісу 5 актаў аб шлюбе.

У матэрыялах упраў можна сустрэць і дакументы персанальнага характару. Сярод іх пасведчанні асобы, пашпарты і выпіскі з іх, пасведчанні аб шлюбе і нараджэнні, аўтабіяграфіі. Апроч гэтага, мясцоваму насельніцтву выдаваліся шматлікія даведкі: аб працы ў калгасе, пацвярджэнні месца пражывання ці, напрыклад, Г. М. Міткевічу аб тым, што ён «нуждаецца в покупке койки с матрасом, шкафа» [4, л. 66].

Нешматлікую групу складаюць дакументы маёмаснага характару, з якіх можна атрымаць цікавыя звесткі аб жыцці насельніцтва. У якасці прыклада прывядзём акт ад 5 сакавіка 1942 г. аб раздзеле маёмасці грамадзяніна Мікалая Е. з вёскі Барсукі, які памёр у пачатку 1942 г., між дачкой Вольгай, сынамі Пятром і Трафімам, з другога боку – другой жонкай Лідзіяй і яе двума дзецьмі Рыгорам і Соф’яй. У акце пералічана, што каму пераходзіць: Вользе – трохсцен, сарай, цёлка, парася, швейная машынка; Лідзіі – дом (без трохсцена), карова, сарай малы; кажух вялікі Пятру, маленькі – Лідзіі, паддзёўка – Вользе. Гародчык і двор пераходзілі ў агульнае карыстанне. Прадукты харчавання былі падзелены па душах, акрамя таго, Вользе на пабудову выдзялялася дадаткова 50 кг. Лідзія павінна была даваць літр малака ў дзень для дзіцяці Пятра [4, л. 123]. Такім чынам, з гэтых дакументаў можна атрымаць звесткі аб складзе сям’і і некаторых падрабязнасцях іх маёмаснага стану.

У вялікай колькасці захаваліся заявы, якія змяшчаюць звароты і просьбы і адлюстроўваюць штодзённасць і надзённыя праблемы таго часу, а таксама некаторыя падрабязнасці біяграфій заяўнікаў. Напрыклад, у заяве Івана Іосіфавіча Р. бургамістру Чарназёмаўскай сельскай абшчыны, датаванай 16 кастрычніка 1941 г., запісана: «я родзіся на Украіне в г. Ворошилово Ворошиловской области в 1907 г. 24 декабря. В 1920 г. пошел в начальную школу в г. Ворошилова, которую и окончил в 1924 г. С 1924 г. по 1927 г. окончил неполную среднюю школу в том же городе, в 1930 г. — Киевский педагогический техникум. После чего был назначен на педагогическую ра-

боту, но ввиду того, что отца раскулачили, вынужден был уехать из Украины и поступить на работу в Денежновскую неполную среднюю школу Ржевского района Калининской области, где проработал в качестве педагога до мобилизации в армию 29 июня 1941 г. В армии не служил ввиду того, что отец был репрессирован. В плен попал 20 июля под Могилевом. При обыске у меня был изъят паспорт». У заключенные заяўнік прасіў узяць яго на ўлік у сельскую абшчыну [2, л. 74].

У матэрыялах упраў захаваліся дакументы, якія ілюструюць адносіны акупацыйных уладаў да сваякоў партызан. Так, напрыклад, 1 студзеня 1943 г. складзены акт аб канфіскацыі ў грамадзянкі в. Таранкі Сутокскай воласці Варвары Д. каня, паколькі яе муж добраахвотна пайшоў у партызаны і яна з'яўлялася «членом сям'і грабителя». Конь быў перададзены паліцыі Сутокскай воласці [8, л. 165]. Таксама складаліся і спісы партызанскіх сем'яў.

Акрамя таго, шэраг спраў прадстаўляе гістарычную каштоўнасць і цікавасць з пункту гледжання таго, на чым яны напісаны. Гаворка ідзе аб дакументах, аформленых на чыстых адваротах створаных раней дакументаў. У гады вайны дэфіцыт паперы адчуваўся не толькі ў партызанскіх фарміраваннях, але і ў органах акупацыйнай адміністрацыі. Таму для дакументавання дзейнасці выкарыстоўваліся чыстыя адваротныя бакі нямецкіх прапагандысцкіх лістовак і плакатаў, этыкетак (напрыклад, ад згушчанага малака). Актыўна выкарыстоўвалі матэрыялы савецкіх устаноў даваеннага перыяду. Напрыклад, на адвароце некаторых дакументаў можна знайсці спісы выбаркі дадзеных аб падатках са спісаў на сельскую гаспадарку на 1928/1929 гг., дзе запісаны прозвішча, імя, імя па бацьку плацельшчыкаў, дакументы сістэмы народнага камісарыята юстыцыі (прадстаўлены абрыўкамі спраў).

Зыходзячы з аналізу дакументаў упраў, можна зрабіць выснову, што яны валодаюць вялікім патэнцыялам пры правядзенні біяграфічных даследаванняў, у той жа час для спрашчэння пошуку інфармацыі неабходна іх распрацоўка і сістэматызацыя.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 644.
2. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 2. Спр. 1343.
3. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 2. Спр. 1344.
4. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 2. Спр. 1350.
5. Трушков Василий Гордеевич [Электронный ресурс] // Партизаны Беларуси. – Режим доступа: <https://partizany.by/partisans/178207/>. – Дата доступа: 04.04.2023.
6. Трушков Василий Гордеевич [Электронный ресурс] // Память народа. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie3984873/?backurl=memorialchelovek_donesenie3984873. – Дата доступа: 04.04.2023.

7. Гребень, Е. А. Система регистрации и учета населения оккупированной Беларуси (1941–1944) / Е. А. Гребень // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : [зборнік навуковых артыкулаў] / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Мін. дзярж. лінгвіст. ун-т, Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск: МДЛУ, 2009. – Вып. 7. – С. 68–75.
8. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 2. Спр. 1354.

А. Л. Барановский

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СУДЬБАХ СОТРУДНИКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ БЕЛАРУСИ 1922–1944 годов

В сентябре 2022 г. широко отмечался 100-летний юбилей Национальной библиотеки Беларуси (НББ; до 1992 г. Государственная библиотека БССР им. В. И. Ленина) – главного книгохранилища страны, научного и культурного центра, известного архитектурного символа Республики Беларусь.

К сожалению, до наших дней одним из «белых пятен» истории учреждения является период Великой Отечественной войны, в первую очередь судьбы сотрудников довоенного времени.

Впервые предпринятый в 2021 г. автором данного исследования кропотливый архивный поиск позволил восстановить имена и частично биограммы забытых, малоизвестных и неизвестных до настоящего времени не только историкам, краеведам, но и библиотечным специалистам участников войны, партизан и подпольщиков, погибших на фронтах и в тылу, пропавших без вести, убитых фашистами в гетто, блокадников Ленинграда, а также кавалеров боевых орденов и медалей, работников, награжденных медалями за труд в тылу.

Кроме этого, что немаловажно, удалось визуализировать найденные материалы – выявить также фотографии многих из них, в том числе редкие, которые никто не видел последнее столетие, а также предпринять полевые исследования и разыскать неизвестные ранее места захоронений, что в свою очередь позволило продолжить поиск, уточнить и дополнить факты биографий этих людей.

Цель работы – дань памяти сотрудникам НББ, которые стояли у истоков создания первых каталогов и картотек, организации фондов и инфраструктуры, становления материально-технической базы учреждения, в чьи жизни и судьбы вмешалась война.

Источниковая база исследования: документы Архива НББ (здесь выявлены личные дела **39** сотрудников довоенного периода, которые вернулись на работу в библиотеку после войны), Национального архива Республики Беларусь, Архива Государственной публичной библиотеки России, Центрального архива Министерства обороны Республики Беларусь, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, семейных архивов Куровых, Дьяконовых–Сакольчик, Симановских–Василевских, рукописные и неопубликованные источники, воспоминания, материалы полевых исследований автора.

Ниже на основе данных архивных источников, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот, приводятся краткие сведения о судьбах сотрудников НББ довоенного периода – результаты нашего исследования.

С первых дней организации библиотеки штат составлял всего несколько десятков сотрудников. С возведением нового современного здания в 1932 г. штат значительно расширился и к началу войны составил **182** человека, из них **132** библиотечных работника. В июне–июле 1941 г. книжные фонды в количестве **2** млн экземпляров (после освобождения Минска в июле 1944 г. осталось всего **323** тыс. экземпляров, самое ценное было разграблено и вывезено в Третий рейх, остальное сгорело вместе со зданием [23, с. 32–33]) и каталоги, документацию эвакуировать на восток не успели, кроме того, часть сотрудников по разным причинам, в том числе семейным обстоятельствам, состоянию здоровья, остались в Минске, а некоторые, начав эвакуацию, были вынуждены возвратиться в столицу.

Так, педагог, заведующий библиотекой Белорусского политехнического института, старший библиотекарь читальни научного работника Мария Григорьевна (Давидовская) Дубовик (1895–1986) с 1941 по 1945 гг. работала воспитательницей Детского дома-приемника № 1 г. Минска, где содержались в том числе дети арестованных и расстрелянных оккупантами членов Минского подполья; уроженка Смоленска, педагог, библиотекарь, методист Зоя Владимировна Дьяконова (1912–1996), жена пропавшего без вести в 1941 г. красного командира, имея на руках маленького ребенка, недолгое время, до закрытия партизанами школы, работала учительницей, занималась сельским хозяйством, ее имя занесено в “Книгу Народной Славы” библиотеки (1972) [3; 12]; уроженец г. Новозыбкова Черниговской губернии, участник Первой мировой, Гражданской и Советско-польской войн, завхоз библиотеки Сергей Федорович Макушников (1896–1965) в годы оккупации проживал в Минске, нигде не работал; старший библиотекарь отдела комплектования Вера Николаевна Мацкевич (1896–1956?) работала машинисткой в различных учреждениях Минска; библиотекарь отдела обработки и каталогов Наталья Михайловна (Зубкович) Татарина (1890–1969) проживала в столице у брата, минского подпольщика, расстрелянного фашистами в концлагере Тростенец, в 1943 г. за связь с партизанами арестовывалась органами СД, вдова, ее сын – участник Великой Отечественной войны, в 1943 г. погиб на Ленинградском фронте, она самая старшая по возрасту из всех перечисленных в данной работе [2; 6].

По нашим предварительным подсчетам, со дня основания 15 сентября 1922 г. и по 3 июля 1944 г. – дня освобождения столицы Беларуси от немецко-фашистских захватчиков – всего в учреждении на различных должностях и с разной продолжительностью времени работало **537** человек. В том числе установлены фамилии **4** специалистов во главе с директором, уроженкой Киева Зоей Константиновной Ивановой (1892–?), которые трудились до войны и в годы оккупации с 1941 по 1944 гг.: один из самых первых сот-

рудников, библиотекарь книгохранилища Вера Михайловна Белорецкая (1878–1963), старший библиотекарь отдела обработки и каталогов Нина Антоновна Данилевич (1886–1957), помощник библиотекаря Александра Брониславовна Шевчик (1908–1989). После войны все, кроме З. К. Ивановой, осужденной на длительный срок за сотрудничество с оккупантами, вернулись на работу в библиотеку [8; 23, с. 31–32].

В качестве любопытного факта отметим, что перед войной в библиотеке работала уроженка немецкого города Ополе Ида Неуховна Готлиб (1909–?), а также **5** немцев: уроженки Гамбурга сестры Франтишка Францевна (1920–?) и Эня Францевна Госсар (1923–?), Бруно Луневич Граф (1895–?), уроженец Санкт-Петербурга Константин Оттокарович Зейдлиц (1868–?) и уроженка Одессы Валентина-Римма Леоновна Ройзен (1919–?) – их судьбы остались неизвестными [2; 6].

В результате архивно-поисковой работы из общего числа сотрудников были выявлены следующие категории (сведения неполные): **42** участника Великой Отечественной войны (из них **7** женщин); **12** партизан и подпольщиков (в т. ч. **8** женщин); **2** блокадника Ленинграда. Кроме того, по воспоминаниям коллег, **5** человек погибли в Минском гетто; **2** женщины были угнаны на работу в Третий рейх, **1** сотрудник находился в немецком плену, **1** сотрудница – в немецком концлагере, **13** сотрудников (из них **12** женщин) удостоены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», из которых **7** работников занесены в «Книгу Народной Славы» библиотеки (1972), среди них легендарная личность – уроженец Бобруйска Иосиф Бенцианович Симановский (1892–1967), переводчик, литературовед, педагог, организатор библиотечно-библиографической работы, первый директор, кавалер 2 орденов Працоўнага Чырвонага Сцяга (1932, 1949), Заслуженный деятель культуры Белорусской ССР (1957). В июне 1941 г. он был эвакуирован в г. Сталинград, позже работал в Саратове и Москве, а уже в 1943 г. приступил к восстановлению библиотечных фондов, инфраструктуры учреждения, подбору кадрового состава [5; 8; 12].

Приведем также следующие дополнительные сведения: из всех вышеуказанных категорий **19** работников – уроженцы столицы Беларуси, более **25** человек – члены КП(б)Б, вступившие в ее ряды до и после войны [2; 6; 11].

Рассмотрим судьбы периода военного лихолетья отдельных сотрудников библиотеки, от технического, обслуживающего персонала до руководителей – заведующих отделами, директоров и их заместителей – белорусов, русских, евреев, литовцев. К сожалению, изученные архивные данные фрагментарны, а заданный объем работы не позволяет привести расширенные биограммы.

Среди кавалеров орденов Красной Звезды и Отечественной войны военных лет и боевых медалей – директора библиотеки, офицеры Александр Савельевич Куров (1902–1960), уроженец г. Новозыбкова Черниговской губернии, русский, участник Гражданской войны и Советско-польской войны, после войны он курировал восстановление промышленности Минска, зани-

мал должности начальника ГАИ Барановичской области, начальника строительства водохранилища «Минское море» [2; 4; 6; 7; 8; 24, л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3, 3 об., 4, 4 об., 7, 7 об.] и Роман Макеевич Козунов (1902–1961), уроженец деревни Веробьевка Гомельского уезда Могилевской губернии, белорус, партийный работник, участник польского похода 1939 г. и Советско-финляндской войны, участник обороны Москвы [2; 6; 8; 14]; сотрудники, офицеры, сержанты и рядовые – историк, краевед, библиограф, военный врач Иосиф Иванович Барановский (1903–1969), белорус, в 1925–1927 гг. в составе Библиографической комиссии он готовил к печати «Бібліяграфію па беларусазнаўству» за 1917–1927 гг., прошедший всю войну с первого до последнего дня в должности хирурга полевых госпиталей; заведующий книгохранилищем, в 1942–1945 гг. вольнонаемная зенитно-артиллерийского полка Слава Абрамовна Гринштейн (1902–1976), награждена медалью «За оборону Кавказа»; печатник, библиограф справочно-библиографического отдела Арон Менделевич Дукор (1905–1989), прошел войну с первого до последнего дня, награжден медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», Персональный пенсионер (1969); сотрудник, вольнонаемная в составе 17-й Воздушной армии Нина Ивановна Рудяк (1914–?), награждена медалью «За боевые заслуги»; сотрудник АН БССР, библиограф, научный работник библиографического сектора, рецензент «Крытыка-бібліяграфічнага бюлетэня» Дина Израилевна Руманова (1899–?), служила в санитарном эвакуационном госпитале № 377, награждена медалью «За оборону Кавказа»; шофер Николай Филиппович Федоренко (1906–1985); политработник 16-й Литовской стрелковой дивизии подполковник Иван Александрович Ядогальвис (1907–?).

Всего **16** участников Великой Отечественной войны награждены орденами, среди них: заместитель заведующего общей читальней, заведующий кабинетом марксизма-ленинизма Мария Давидовна Карантаер (1911–1988); гардеробщик Иван Ильич Лепеш (1922–?); электромонтер Лев Самуилович Рутенберг (1911–?); подсобный рабочий, партизан Михаил Максимович Скавинский (1922–?) [20; 22].

Ряд известных людей – деятелей науки и культуры Беларуси и России впервые упоминаются здесь в качестве работников НББ, среди них белорусы, участники Великой Отечественной войны, награжденные орденами и медалями: библиотекарь автопередвижки, офицер, кандидат философских наук, историк философии Николай Остапович Алексютрович (1921–1967); библиотекарь отдела комплектования, экскурсовод Государственного Эрмитажа, искусствовед, лектор, блокадник Ленинграда, в 1942–1943 гг. начальник охраны Эрмитажа Павел Филиппович Губчевский (1909–1989), награжден медалью «За оборону Ленинграда», автор более 30 книг и альбомов по искусству; писатель, литературовед, фольклорист, ответственный секретарь «Крытыка-бібліяграфічнага бюлетэня» Иосиф Васильевич Зазеко (1907–1977); филолог, литературовед, критик, педагог, кандидат филологических наук (1936), внештатный библиограф, рецензент, консультант библиографи-

ческого сектора, член Союза советских писателей БССР (1939), заведующий библиотекой Белорусского государственного университета, офицер Михаил Григорьевич Ларченко (1907–1981) [2; 6; 9; 10; 24, л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3 об., 4, 4 об., 7 об., 9, 9 об.] (смотреть также ниже раздел «Мартиролог Национальной библиотеки Беларуси»).

Среди участников войны также блокадница Ленинграда – библиотечкарь отдела обработки и каталогов Нина Исаковна Голубь (1923–2004), в 1943–1945 гг. – старшина зенитно-артиллерийского полка; уроженец Одессы, заведующий отделом комплектования Зиновий Павлович Люкимов (1895–1978) [20].

Отметим здесь уникальный случай – уроженец деревни Углы Минского уезда Минской губернии, известный белорусский библиограф, педагог, автор школьных учебников по географии Адам Антонович Сакольчик (1896–1983) в качестве младшего офицера прошел нелегкими дорогами четырех войн – Первой мировой, Гражданской, Советско-польской и Великой Отечественной! А. А. Сакольчик – кавалер ордена Св. Станислава с мечами и бантом (1917), награжден советскими медалями. Был в польском плену, бежал. До войны научный работник, после войны он возглавлял Книжную палату при НББ, затем – кабинет белорусской литературы и библиографии, автор-составитель фундаментальных указателей, вошедших в золотой фонд белорусской библиографии: «Периодическая печать Белоруссии, 1817–1916 гг.» (1960), «Русская дореволюционная книга о Белоруссии (1802–1916 гг.)» (1964), «Бібліяграфія па гісторыі Беларусі: феадалізм і капіталізм» (1969), «Дооктябрьская книга на русском языке о Белоруссии (1768–1917 гг.)» (1976), над которыми работал, будучи в статусе пенсионера [2; 3; 6].

4 партизана и подпольщика награждены медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й и 2-й степени: библиотечкарь справочно-библиографического отдела Анна Ивановна Бондарь (1918–?); библиотечкарь абонемента, медсестра Галина Филипповна Денскевич (Скабей) (1918–?); заведующий общим читальным залом, библиограф справочно-библиографического отдела, секретарь комитета комсомола Бася Ильинична Ципина-Минахина (1905–1979), вместе со своим вторым мужем она воевала в партизанском отряде в Червеньском районе Минской области, награждена также медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», ее имя занесено в «Книгу Народной Славы» библиотеки (1972). Библиотечкарь книгохранилища, партизанка, военный врач, офицер Таисия Станиславовна Шатковская (1919–?) удостоена высокого звания «Заслуженный врач БССР» (1968) [21]. Отметим здесь также уроженку Рязанщины Ольгу Александровну Малинину (1878–1945), старейшего сотрудника, заведующего отделом обработки и каталогов, справочно-библиографическим отделом, медицинского работника, члена минской подпольной группы известного врача, профессора, Героя Советского Союза Е. В. Клумова, награжденную посмертно медалью «За боевые заслуги» (1965), ее имя занесено в «Книгу Народной Славы» библиотеки (1972). Библиотечкарь книгохранилища Елена Ипполи-

товна Василевская (1922–?) до вступления в партизанский отряд принимала участие в подпольном движении в Минске, была арестована гестапо, являлась узницей немецкого концлагеря в деревне Боровляны Минского района.

Библиотекарь общего читального зала Варвара Николаевна Выходцева (1914–?) в 1942 г. из г. Павловска Ленинградской области была угнана на работу в Германию, работала чернорабочей, а библиотекарь книгохранилища, отдела обработки и каталогов Рита Григорьевна (Рубенчик) Савчук (1907–?) в 1943 г. – в Великое Герцогство Люксембургское, до этого она успела поработать грузчиком на 4 (!) кирпичных заводах в оккупированном Минске, а на чужбине трудилась истопником в столовой для восточных рабочих, грузчиком на железной дороге, ее мать и двое малолетних детей были убиты фашистами. После войны обе женщины вернулись на прежнее место работы.

Участник Первой мировой и Гражданской войн, контролер Юльян Иванович Сухолет (1898–1973), в годы оккупации проживал в Минске и Слуцке, позже рядовой 635-го стрелкового полка 143-й стрелковой дивизии Красной армии, с 1944 по 1945 г. находился в немецком плену на территории Польши и Германии, был освобожден военнослужащими армии Великобритании, в 1945 г. вернулся в Минск, с 1946 по 1949 г. работал в библиотеке вахтером и пожарным.

Известные, малоизвестные и забытые сотрудники, награжденные медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»: педагог, библиограф, один из первых сотрудников библиотеки Юлия Иосифовна Бибило (1897–1974), в годы войны вместе с коллегами из Научной библиотеки Саратовского университета принимала участие в возведении локальных оборонительных сооружений, дежурстве в подразделениях противовоздушной обороны и больницах, делала обзоры и сообщения для раненых солдат, офицеров, врачей и медперсонала госпиталей, участвовала в разработке коллективной темы «Читательские интересы в дни Великой Отечественной войны», соавтор библиографических указателей «Литература по военной медицине за 1941 год», подготовила доклад «Справочно-библиографическая работа в дни войны», ее имя занесено в «Книгу Народной Славы» библиотеки (1972); педагог, научный работник, библиограф справочно-библиографического отдела, лектор Высших библиотечных курсов при библиотеке Мария Лазаревна Борухина (1903–198?), в 1942–1943 гг. – лаборант кафедры военно-санитарной подготовки Ташкентского медицинского института, ее родители и дочь погибли в во время оккупации [1, л. 46–75]; известный литературовед, библиограф, в 1942–1945 гг. заведующий библиотекой Эвакогоспиталя № 1701 Нина Борисовна Ватаци (1907–1993), Заслуженный деятель культуры Белорусской ССР (1963), ее имя занесено в «Книгу Народной Славы» библиотеки (1972), член Союза писателей БССР и СССР (1979); уроженка Варшавы, историк, библиограф, заведующий справочно-библиографическим отделом, доцент Вера Ивановна Денисюк (1907–?) [14]; заведующий кабинетом рабочего читателя, общей читальной Пая Львовна

Иомтова (1904–1978) [18]; заведующий Библиографическим институтом, ученый секретарь, заместитель директора по науке Нина Варфоломеевна Коляда (1903–1983); заведующий читальным залом техники Фаина Ароновна Мерина (1911–?), в 1942–1944 гг. – старший библиотекарь библиотеки Ленинградской академии военно-морского флота им. К. Е. Ворошилова, эвакуированной в г. Самарканд; педагог, заведующий справочно-библиографическим отделом Фаня Иосифовна Мильчина (1905–1979); уроженка Киева, библиотекарь, библиограф, ученый секретарь, педагог, библиотековед Марьяна Ильинична Мосенжник (1899–1983), кавалер ордена «Знак почета» (1949), ее имя занесено в «Книгу Народной Славы» библиотеки (1976); библиограф справочно-библиографического отдела, позже библиограф библиотеки Дома Красной армии в Минске, директор библиотеки Минского политехнического института Фаня Борисовна Песина (1903–1975?); педагог, заведующий отделом спецхрана, секретарь партийного бюро библиотеки Бася Рувимовна Романовская (1902–?), Персональный пенсионер союзного значения (1957), ее имя занесено в «Книгу Народной Славы» библиотеки (1972); заведующий абонементом Ревекка Исааковна Штильман (1911–198?) [2; 6; 9; 11; 12; 15; 17].

Более 24 специалистов библиотеки в 1941–1944 гг. находились в эвакуации в различных регионах СССР – от Москвы, Поволжья, Урала до Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока, среди которых: педагог, переводчик, библиотекарь белорусского отдела, библиограф Мария Александровна Василевская (1905–1993), 2-я супруга директора И. Б. Симановского [5]; библиотекарь отдела комплектования, вольнонаемная железнодорожного полка войск НКВД Анастасия Ивановна Зинина (1911–?); заместитель директора по библиографической работе, заведующий отделением при Доме правительства БССР (с 1938 г. – Правительственная библиотека БССР им. А. М. Горького, первый директор) Семен Осипович Ошеревич (1903–1982); известная белорусская поэтесса, библиограф Книжной палаты Евгения Эргардовна Пфлямбаум (1907–1896), до войны она работала корректором, редактором в Оборонном государственном издательстве в Москве, в годы войны служила в противовоздушной обороне столицы; заведующий отделами абонемента, книгохранения Миля Моисеевна (Аускер) Рутенберг (1910–?); София Федоровна Сергеева (1893–1973), библиотекарь краеведческого отдела, позже директор библиотеки Минского государственного медицинского института, директор Республиканской научной медицинской библиотеки; педагог, переводчик, научный работник, заведующий польским отделом Франтишка Давидовна Фришман (1898–?); педагог, заведующий белорусским краеведческим отделом Елизавета Давидовна Цвейфель (1902–1965) [2; 6].

Мартиролог Национальной библиотеки Беларуси

Погибли на фронтах и в тылу: белорусский поэт, прозаик, переводчик, педагог, библиограф Змитрок Астапенко (1910–1944), в 1930-е гг. он был репрессирован; заместитель директора, офицер Борис Хаимович Брук (1909–

1943); шофер Николай Алексеевич Бурак (1911–1944); курсирующий книгохранилища, секретарь Минской подпольной комсомольско-молодежной организации, соратник Героя Советского Союза Н. А. Кедышко Александр Никанорович Велюжин (1924–1943), он самый младший по возрасту из всех перечисленных в данной работе; переплетчик переплетной мастерской Самуил Ехиелевич Гутин (1909–1943); историк, научный работник, библиограф, офицер Иосиф Фадеевич Лочмель (1907–1942); научный работник, библиограф Иван Иванович Медведев (1904–1944), в 1930-е гг. он был репрессирован [19, л. 27, 27 об., 28]; заведующий Могилевским филиалом, подпольщица Марина Михайловна Ненашева (1899–1943); уроженец Лондона, еврейский поэт, библиотекарь Рувим Соломонович Рейзин (1910–1942); сотрудник, офицер Павел Иванович Рыбак (1917–1943); библиотекарь краеведческого отдела Хася Мордуховна Фридман (1898–1941?) [19, л. 55]; шофер Николай Опанасович Ходоркович (1907–1944).

Пропали без вести: библиотекарь отдела комплектования Владимир Петрович Вдовин (1923–1943); фольклорист, литературовед, критик, библиограф библиографического сектора, офицер Эдуард Вячеславович Голубок (1906–1942/1943); техник-строитель, офицер Михаил Матвеевич Гудович (1908–1941); белорусский поэт, библиограф Алесь Дорошевич (1900–1943), в 1930-е гг. он был репрессирован [16]; сотрудник Герасим Константинович Коваленко (1905–1944); библиотекарь книгохранилища Владимир Иванович Павловец (1921–1941); аспирант, научный работник, библиограф Александр Иосифович Савченко (1901–1942), участник Гражданской войны, в 1930-е гг. он был репрессирован, муж Н. Б. Ватаци [19, л. 134, 134 об.]; филолог, аспирант АН БССР, библиограф Книжной палаты Иван Иванович Юрашкевич (1923–1942) [13].

Погибли в Минском гетто: заведующие справочно-библиографическим отделом Шейна Гершоновна Бирг (1901–194?) и Фаня Лазаревна Лившиц (1896–194?); библиографы Т. Зеликман (?–194?), Блюма Абрамовна Плискина (1908–194?) и научный работник того же отдела Шифра Давидовна Зеликман (1904–194?) [6; 10; 23, с. 35, 40].

Приведенные в данной работе неизвестные ранее факты можно использовать при составлении и редактировании справочных и энциклопедических изданий, для пополнения электронных информационных ресурсов и баз данных, а также, безусловно, проведения дальнейших архивных поисков.

Сотрудники НББ внесли достойный вклад в победу над врагом в Великой Отечественной войне на фронтах и в тылу, вечная память погибшим, будем помнить своих коллег, друзей, родных и близких – наших соотечественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Государственной публичной исторической библиотеки России (Москва). – Оп. 2. Д. 339. Борухина Мария Лазаревна : личное дело (1944–1971 гг.).

2. Архив Национальной библиотеки Беларуси. – Ф. 546. Оп. 2 л/с. Д. 02–07. Д. 04–05. Документы по личному составу за 1938, 1944–1968 гг.
3. Архив семьи Дьяконовых – Сакольчик, г. Минск.
4. Архив семьи Куровых, г. Минск.
5. Архив семьи Симановских – Василевских, г. Минск.
6. *Бараноўскі, А. Л.* Дзяржаўная бібліятэка і Бібліяграфічны інстытут БССР імя У. І. Леніна : біябібліяграфічны даведнік персанальнага складу [Рукапіс] / А. Бараноўскі. – Мінск, 2023. – 175 с. : іл., фот.
7. *Барановский, А. Л.* Забытое имя в истории города Минска : Александр Савельевич Куров [Рукопись] / А. Барановский. – Минск, 2022. 8 с. : ил., фот.
8. *Барановский, А. Л.* Национальная библиотека Беларуси : директорский корпус (1922–1941 гг.) [Рукопись] / А. Л. Барановский. – Минск, 2022. – 8 с. : ил., фот.
9. *Барановский, А. Л.* Неизвестные страницы истории Национальной библиотеки Беларуси: сотрудники учреждения (1922–1941 гг.) [Даклад] / А. Л. Барановский // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 955-годдзя горада) : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 9–10 верасня 2022 г.
10. *Барановский, А. Л.* Чтобы помнили... Национальная библиотека Беларуси в биографиях сотрудников : неизвестные страницы истории (1921–1941 гг.) / А. Л. Барановский // Матэрыялы XVIII Міжнар. кнігазнаўчых чытаньняў, Мінск, 28–29 красавіка 2022 г. / [склад.: Т. У. Карнілава, Г. У. Кірэева; рэдкал.: А. Ю. Кніжнікава (старш.) і інш.]. – Мінск, 2022. – С. 14–23.
11. Беларуская бібліяграфія ў асобах : біябібліяграфічны даведнік [Рукапіс] / Нацыянальная бібліятэка Беларусі. – Мінск, 2022.
12. Кніга Народнай Славы [Дзяржаўнай бібліятэкі і Бібліяграфічнага інстытута БССР імя У. І. Леніна] [Тэкст рукапісны, фота]. – [Мінск, 1976].
13. Мемориал : Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс] / М-во обороны Рос. Федерации. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru>. – Дата доступа: 07.04.2023.
14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 2. Д. 2589. Козунов Роман Макеевич : личное дело; Оп. 87. Д. 417. Денисюк Вера Ивановна : личное дело.
15. НАРБ. – Ф. 205. Оп. 3. Личные дела студентов и сотрудников Белорусского государственного университета.
16. НАРБ. – Ф. 206. Оп. 1. Д. 732. Дорошевич Александр Фёдорович : личное дело.
17. НАРБ. – Ф. 546. Оп. 1. Д. 2. Д. 3. Д. 6а. Д. 7. Д. 10. Д. 11. Д. 17. Д. 23а. Д. 27. Д. 31а. Оп. 2. Д. 1. Документы Национальной библиотеки Беларуси (1932–1941 гг.; 1921–1941 гг.).
18. НАРБ. – Ф. 746. Оп. 2. Д. 2111. Иомтова Пая Львовна : личное дело.
19. НАРБ. – Ф. 1398. Оп. 2. Д. 6. Медведев Иван Иванович; Д. 6. Фридман Хася Мордуховна; Д. 59. Савченко Александр Иванович.

20. Память народа 1941–1945 : Государственная информационная система [Электронный ресурс] / М-во обороны Рос. Федерации. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru>. – Дата доступа: 07.04.2023.
21. Партизаны Беларуси : Спецпроект Издательского дома «Беларусь сегодня» и Национального архива Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://partizany.by>. – Дата доступа: 07.04.2023.
22. Подвиг народа 1941–1945 : Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс] / М-во обороны Рос. Федерации. – Режим доступа: podvignaroda.ru. – Дата доступа: 07.04.2023.
23. С любовью о библиотеке : (история библиотеки в воспоминаниях) : к 80-летию Национальной библиотеки Беларуси / Национальная библиотека Беларуси ; авт.-сост. Л. М. Михальчук, Л. И. Курилина. – Минск : НББ, 2002. – 144 с.
24. Центральный архив Министерства обороны Республики Беларусь. – Ф. 4526. Оп. 93599. Д. 1107. Куров Александр Савельевич : личное дело офицера; Д. 1145. Ларченко Михаил Григорьевич : личное дело офицера.

Е. А. Гребень

ОДНО ИНТЕРВЬЮ – ДВА ИНФОРМАНТА (ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ О ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1944 гг.)

Воспоминания очевидцев являются важным источником, дополняющим документы эпохи, отражающим конкретные исторические события в человеческом измерении. Результат интервьюирования всегда непредсказуем. Потенциальный информант может как согласиться на интервью, так и отказаться, не желая погружаться в травматичные воспоминания. Степень информативности зависит от индивидуальных особенностей памяти человека, его пола, возраста на момент описываемых событий, размещения населенного пункта (партизанская зона или уверенно контролируемая оккупантами территория, западная или восточная часть Беларуси). Если же во время интервьюирования информантов оказывается двое (соседи, супруги), степень полноты информации о событиях в регионе возрастает. Можно предположить, что, поскольку оба информанта проживали в одном или соседних населенных пунктах, в одинаковых политических и социально-экономических реалиях, их рассказы будут идентичны, однако практика интервьюирования показывает, что на восприятие оккупационной действительности влияло множество факторов: нахождение населенного пункта в партизанской зоне или на территории, контролируемой оккупационными властями, наличие в семье трудоспособных членов, скота, инвентаря, земли и т.д. В практике интервьюирования автор сталкивался с воспоминаниями одновременно двух информантов трижды.

Так, в д. Велевщина Лепельского района 10 июля 2009 г. были записаны воспоминания гражданок (соседки) 1924 и 1934 годов рождения.

Первый информант достаточно подробно характеризует оккупационную повседневность до карательной операции и захвата их немцами: мобилизация мужчин, раздел колхозной земли, контакты с партизанами, быт семьи («траву всякую мешали в хлеб (канюшына)», «палілі лучыну»), походы в Лепель на рынок, размещение в деревне подразделения украинского полицейского батальона. Второй информант в годы войны была значительно моложе, поэтому оккупационную повседневность практически не характеризует. Обе очевидицы и их семьи были захвачены в ходе карательной операции, отправлены на сборный пункт и далее на работу в Германию. Пребывание в чужой стране, принудительный труд обе описывают детальным образом. Этот период характеризуется более подробно, чем жизнь в родной деревне в условиях оккупации [1].

Воспоминания второй пары информантов (супруги, мужчина 1929 и женщина 1932 годов рождения) были записаны 13 августа 2017 г. в д. Груздово Поставского района. В годы войны проживали в соседних деревнях: Груздово (мужчина) и Дащенко (женщина).

Рассказ мужчины типичен для жителя подконтрольной оккупационной администрации деревни, которая позднее попала в так называемую «серую зону» (населенный пункт, уверенно не контролируемый постоянно ни оккупантами, ни партизанами). Земли у семьи не было, отец батрачил по деревням. Информант один год ходил в школу. В деревне некоторое время размещался пост полиции (один полицейский был односельчанином, другие из окрестных деревень), имелось арестное помещение. Полицейские характеризуются исключительно негативно: «одеты кое-как», «даже дети боялись» (вспоминает избиение детей резиновой палкой). Через некоторое время полицейский пост был ликвидирован партизанами; немцы приезжали в деревню sporadически, на заготовку продуктов. Оценка партизан очень вариативна.

Женщина проживала в деревне, контролируемой партизанами. Одно время в ней размещался партизанский отряд «калининцев»; в их доме жили разведчики. Партизаны оцениваются чаще негативно, как местные, так и чужие, поскольку производили реквизиции одежды и обуви. От служившего ранее в польской армии отца информанта требовали отдать униформу. Во время блокады района жители деревни были принудительно перемещены карателями в д. Груздово, скот и продукты питания изъяты, окрестные деревни сожжены [2].

Воспоминания третьей пары информантов (также супруги) были записаны 11 мая 2019 г. в д. Янковичи Россонского района. Информанты 1928 г.р., проживали в годы оккупации в соседних деревнях: Грибово и Яцинов Двор. Мужчина помнит эвакуацию колхозного стада (так и узнали, что началась война), самолеты над деревней, красноармейцев, идущих по одному, по двое на восток, просивших у матери поесть, ворвавшихся в деревню немецких мотоциклистов, похороны местными жителями убитых советских солдат. Оккупационная власть функционировала недолго. В первую осень в деревне был староста, который организовывал сдачу немцам урожая с колхозных полей. С 1942 г. деревня контролировалась партизанами.

Упоминается встреча с П. М. Машеровым, оценка которого исключительно позитивная, мобилизация мужчин партизанами за линию фронта (из 18 вернулось двое). Информант возил для партизан отряда «Неуловимые» военные грузы, сброшенные парашютами. Помощь партизанам оказывалась добровольно, и имелась возможность помогать. Раздел колхозной земли описывает как «брали сколько хотели». Несмотря на отсутствие в семье отца и старших братьев (информант к 1942 году стал главным работником), материальное положение оценивает как нормальное. При этом в воспоминаниях присутствует традиционное описание военного быта (освещение лучиной, использование углей для розжига печи), а также перманентный страх перед немцами, когда по сигналу партизан об их приближении бежали в лес, где были выкопаны землянки. Карательную экспедицию пережили в лесном лагере на три семьи, взяв с собой три коровы, лошадь и продукты.

Его супруга из первых дней войны запомнила немецкий самолет-разведчик («Рама»), бомбежку аэродрома в Селявщине, отступающих солдат, живших в лесу, которым семья помогала продуктами. Партизан оценивает не так однозначно положительно, как супруг, в основном, из-за необходимости кормить проживавших в их доме, тогда как в семье не хватало продуктов (мать информанта грозила суицидом). В итоге партизаны выдали парашютную ткань, которую информант и ее мать меняли в других деревнях на продукты. Рацион семьи описывается как скудный («не дай бог, что мы ели»), хоть также имели поделенную колхозную землю. Конь был закреплен за пятью дворами. Во время отступления немцев семья скрывалась в лесу. Мать с сестрой были схвачены немцами и с другими пойманными отправлены в Литву работать в крестьянском хозяйстве. Информанту с другой сестрой (позднее тоже разлучились) удалось спрятаться, несколько дней сидели под деревьями в снегу. Услышала голос петуха и пошла в ту сторону, наткнулась на лагерь беженцев, в котором скрывалась семья ее будущего мужа [3].

Таким образом, практика интервьюирования двух информантов уникальна. Она позволяет с высокой долей достоверности реконструировать оккупационную действительность в конкретном микрорегионе. С одной стороны, воспоминания двух информантов взаимно дополняют друг друга (каждый запоминает определенные подробности), создают полноту картины, с другой стороны, они иллюстрируют специфику повседневности в населенных пунктах, существовавших в разных реалиях (подконтрольных немцам или партизанам), уникальные практики выживания отдельных семей, вариативность судеб людей, спасавшихся в лесах от карателей.

ИСТОЧНИКИ

1. Воспоминания Тарасевич Валентины Филипповны, 1924 г.р., Подобед Надежды Дмитриевны, 1934 г.р.; записаны 10 июля 2009 г. в д. Велевщина Лепельского района. Аудиозапись (1 час 11 минут на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.

2. Воспоминания Альфер Антона Степановича, 1929 г.р., Альфер Юлии Юлиановны, 1932 г.р.; записаны 13 августа 2017 г. в д. Груздово Поставского района. Аудиозапись (1 час, 12 минут на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
3. Воспоминания Кондратьева Франца Францевича, 1928 г.р., Кондратьевой Надежды Антоновны, 1928 г.р.; записаны 11 мая 2019 г. в д. Янковичи Россонского района. Аудиозапись (1 час 48 минут на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.

В. Л. Гуцько

ГАБІТУС БЕЛАРУСАЎ У ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ: АГУЛЬНАЕ І ПРЫВАТНАЕ

Тэма вызначэння габітусу звязана з сімвалічным усведамленнем гістарычнай памяці, што адпавядае асноўнай тэндэнцыі сучаснай культуры. Габітус набывае рысы катэгорыі, якая ўзбагачае этнапсіхалагічнае разуменне культуры і павышае статус міжкультурнай камунікацыі ў сучасных умовах развіцця грамадства. Даследаванне габітусу беларусаў на акупаванай тэрыторыі часоў Вялікай Айчыннай вайны прадстаўляе магчымасць вылучыць найбольш вострыя праблемы, якія недастаткова прыкметныя ў мірны час.

Распрацоўка катэгорыі габітусу мае асновай работы П'ера Бурдзье, якія з'явіліся ў другой палове XX стагоддзя на падставе пераасэнсавання катэгорыі этнічнай культуры. Паняцце габітусу разыходзіцца з тэрмінамі *нацыянальнасць* і *этнас*, але мае з імі агульныя прыкметы. Бурдзье вызначаў габітус як агульныя паўсядзённыя практыкі людзей, якія адносяць сябе да адзінай суполкі і звычайна пражываюць на адной тэрыторыі. Паўсядзённыя практыкі кожнага чалавека ў адной суполцы, нават ў сям'і, адрозніваюцца, не маюць агульных паўтораў, але сэнсавая нападуняльнасць змяшчае важныя і грунтоўныя канстанты, якія складана прасачыць за інфармацыйным шумам, што суправаджае культуру паўсядзённасці. «Габітус як набытая сістэма ўзноўленых схем робіць магчымым вольнае нараджэнне разнастайных думак, успрыманняў і дзеянняў у межах, уласцівых спецыфічным умовам праяўлення дакладных паводзін, і толькі ім» (пераклад наш. – В. Г.) [2, с. 45].

Падкрэслім, што габітус не можа атаясамлівацца з катэгорыямі нацыянальнасці і самаідэнтычнасці, гэта не толькі паводзіны, але магчымы ход мыслення, які абагульняе схаваныя структуры разумення і дзейнасці, каштоўнасці, якія ўздзейнічаюць на чалавека настолькі глыбока, што не паддаюцца агульнаму схематычнаму ўяўленню, паколькі пастаянна ўзнаўляюцца ў межах паўсядзённых практык і сацыяльнага дзеяння.

Дэфініцыя габітусу з пазіцыі П. Бурдзье набліжае да асэнсавання асабістага самапаразумення чалавека, выяўлення спецыфікі грамадства і культуры на аснове вызначэння схаваных механізмаў, вынікаючых чого выступаюць паўсядзённыя практыкі і сацыяльнае дзеянне.

Метадалогія даследавання пабудавана на сяміятычным падыходзе, які вызначае глыбінныя трансакцыі паўсядзённых практык у гістарычнай рэтраспектыве.

Разгледзім паўсядзённыя практыкі трох асоб, якія ў перыяд германскай акупацыі Беларусі (1941–1944 гг.) апынуліся ў экзістэнцыяльных абставінах выбару паміж жыццём і смерцю і загінулі ад рук нямецкіх акупантаў. Гэта Мікалай Хільтоў, Галіна Магілеўчык, Ульяна Бобрык. Пералічаныя асобы не былі знаёмымі паміж сабой. Агульнае, што іх аб'яднала, – гібель у гады Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі.

Біяграфіі Мікалая Хільтова і Галіны Магілеўчык добра вядомыя, паколькі яны надрукаваны ў навуковых і навукова-папулярных выданнях. Біяграфія Ульяны Бобрык будзе апублікавана ўпершыню.

Першай, якую мы прааналізуем з пазіцыі паўсядзённых практык, з'яўляецца біяграфія праваслаўнага айца Мікалая Хільтова – настояцеля Іаана-Прадцечанскай царквы вёскі Блячын¹.

Мікалай Хільтоў (1903 – 1944)

Біяграфія Мікалая Хільтова занатавана ў калектыўнай манаграфіі «Летапіс Іаана-Прадцечанскай царквы сяла Блячына Мінскай епархіі Слуцкага павета (1903–1943 гг.)» (Мінск, 2016) [1]. У гады акупацыі Беларусі нямецка-фашысцкімі войскамі святар Мікалай супрацоўнічаў з партызанамі. Сяляне ведалі, што бацюшка хавае партызан у сваім доме. Партызаны, якія з ім трымалі сувязь, пастаянна прапаноўвалі яму пайсці разам са сваёй сям'ёй у лес, у партызанскі лагер, але ён заўсёды адмаўляўся пакінуць свой дом, нягледзячы на перспектывы бяспечнага на першы погляд жыцця ў партызанах. Бацюшка ігнараваў данясенні аб небяспецы.

За сувязь з партызанамі фашысты схапілі Мікалая Хільтова і адправілі ў Калдычэўскі лагер смерці каля Баранавіч. Гібель Мікалая Хільтова адбылася ад рук нямецкіх катаў, якія палілі яму грудзі калёным жалезам. Адзіная яго просьба перад смерцю прагучала да блізкіх людзей – жонкі і сваякоў, якія знаходзіліся побач ў зняволенні, — пахаваць яго з крыжом на магіле.

Дом для Мікалая Хільтова атаясамліваўся з канцэптам царквы – асновы разумення і захавання жыцця, праваслаўнай хрысціянскай веры. Ён быў адданы Богу і пры гэтым упэўнены, што той уратуе яго і сям'ю. Таму прыналежнасць да дома-царквы як месца сілы стала падмуркам для вызначэння яго жыццёвай пазіцыі і адносін – быць заўсёды пад абаронай дома і царквы. Царква ўяўляецца не ўмоўнай, а пачуццёвай, дакладнай дэсцінацыяй.

Галіна Захараўна Магілеўчык (1924 – 1943)

Біяграфічныя звесткі, якія тычацца Галіны Захараўны Магілеўчык, сустракаюцца ва ўспамінах яе брата – Аляксандра Захаравіча Магілеўчыка [3]. У далейшым біяграфія Галіны ўзнаўляецца згодна з аповедам яе брата, без новых сведчанняў, якія б значна ўдакладнілі акалічнасці яе жыцця і гібелі [4; 5]. Жыццё Галіны Магілеўчык падчас акупацыі Беларусі звязана з пад-

¹ Царква адзначыла трыста год з нагоды заснавання ў 1926 годзе. Вёска Блячын была перайменавана ў вёску Садовая, зараз адносіцца да Клецкага раёна Мінскай вобласці.

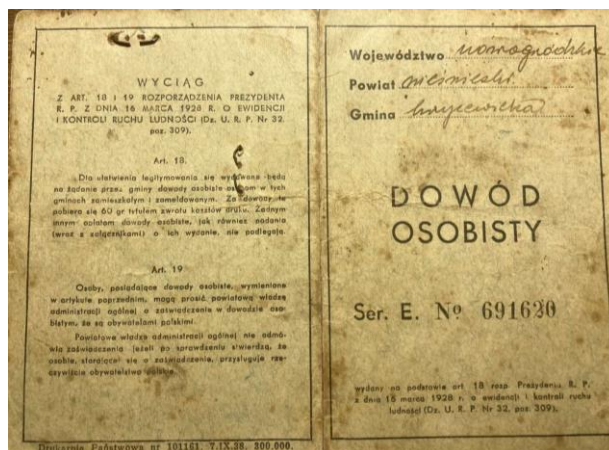
польнай дзейнасцю. Маладая дзяўчына разам з родным братам Аляксандрам Магілеўчыкам рабіла ўсё магчымае, каб не трапіць на прымусовыя работы ў Германію. Перад вайной Галіна скончыла сярэднюю школу і планавала паступаць у Мінскі медыцынскі інстытут, дзе працаваў яе бацька і навучаўся брат на чацвёртым курсе. На пачатку вайны бацькі хутка эвакуіраваліся ў Яраслаўль. Дзецям, якія апынуліся ў акупацыі, давялося трымацца адзін аднаго. Спачатку яны заставаліся ў Мінску, затым пераехалі ў Вілейку. Магілеўчыкі аказвалі дапамогу партызанам медыкаментамі, пашпартнымі фармулярамі. Калі ў горадзе стала зусім небяспечна, Галіна і Аляксандр сышлі ў партызанскі лагер, дзе аказвалі дапамогу параненым. Галіна загінула ў 1943 годзе падчас фашысцкай аблавы ў лясах, дзе яны схаваліся з маладым савецкім афіцэрам, які распачаў перастрэлку з немцамі. Адаленасць ад брата стала ракавой для Галіны. Падчас гібелі ёй споўнілася 20 год.

Ульяна Бобрык (1904–1941)

У асабістым архіве сям’і Бобрыкаў захаваўся пашпарт Ульяны Бобрык. Згодна з дакументам, Ульяна Бобрык (1904–1941) – замужня сялянка, хатняя гаспадыня, якая мела дваіх дзяцей (дачку 1924 г.н. і сына 1926 г.н.) і пражывала ў вёсцы Цапэрка Грыцэвіцкага гміна Нясвіжскага павета Навагрудскага ваяводства (фота 1, 2) [6].

Фота 1. Пашпарт Ульяны Бобрык
(старонкі 2, 3)

Фота 2. Пашпарт Ульяны Бобрык
(старонкі 1, 4)

Апісанне дакумента. Пашпарт зроблены з мяккага кардону бела-жоўтага колеру, выдадзены 23 лютага 1939 года польскай уладай. Запіс у дакуменце сведчыць, што Бобрык Ульяна нарадзілася 20 снежня 1904 года. Ёсць падставы меркаваць, што ў пашпарце было фота, таму што пячатка бачная толькі на палове паперы, як быццам штамп быў пастаўлены і на фота. На месцы для фота пакінуты разрэзы, якія можна лічыць магчымасцю для ўстаўкі фотапаперы. З апісання знешняга выгляду жанчыны вынікае, што Ульяна Бобрык была сярэдняга росту, валасы мела светлыя, вочы блакітныя. Тэкст напісаны пяром з чарнілам на польскай мове. Асабісты подпіс Ульяны сведчыць, што яна ведала свой подпіс, але не мела магчымасці карыстацца

навыкамі пісьма пастаянна. З тэксту на знешняй вокладцы (знешняга выгляду) пашпарта можна зразумець, што дакумент выдаваўся для абмежавання руху жыхароў.

Зараз вёска Цапэрка адносіцца да Клецкага раёна Мінскай вобласці. Біяграфічныя звесткі былі атрыманы ад сына Ульяны Бобрык – Бобрыка Антона Арцёмавіча (1926–2005). Пачаткам ланцуга трагічных падзей стаў пажар у доме, дзе жыла яе сям’я – яна, муж і двое дзяцей. Падчас пажару людзі засталіся ў жывых, але шмат рэчаў папсавалася ад агню. Ульяна Бобрык прыняла ракавое рашэнне адправіцца ў горад Клецк, каб узяць побытавыя рэчы, пакінутыя ў дамах яўрэйскіх сямей, паколькі яны засталіся пустымі пасля адпраўлення іх гаспадароў і дамачадцаў у лагер. З такіх пакінутых дамоў шмат сялян забіралі побытавыя рэчы для далейшага выкарыстання ў сваім ужытку. У Клецку Ульяну Бобрык затрымліваюць нямецкія салдаты, і яна падпадае пад знішчэнне разам з вялікай колькасцю клецкіх яўрэяў. Усім палонным спачатку загадалі капаць вялізную яму каля высокага абрыву ля клецкіх могілак, затым людзей пачалі расстрэльваць, засыпаючы зямлёй не толькі загінулых, але і жывых. Пашпарт Ульяны Бобрык застаўся як напамін аб яе заўчаснай гібелі.

На аснове прадстаўленых біяграфій асоб вызначым агульныя паўсядзённыя практыкі, характэрныя для кожнай з іх: грунтоўная змена сацыяльных інтэракцый парушыла культуру паўсядзённасці беларусаў. Кожны з разгледжаных герояў не меў магчымасці ажыццяўляць звычайныя паўсядзённыя практыкі. Чалавек згубіў пачуццё трываласці, спакою, якія спадзяваўся знайсці ў доме, у сямейным побыце, у веры да Бога.

Атаясамленне дома ў кожнай з прадстаўленых асоб адбывалася на ўзроўні царквы, Боскай веры, сям’і, жылля, побыту, ахопліваючы ўсё – ад свету рэчаў да абстрактных катэгорый. Знішчэнне дома стала прычынай ланцуга памылак, якія прывялі да гібелі разглядаемых асоб.

Вызначым сінтэз агульнага і прыватнага ў габітусе беларусаў падчас акупацыі тэрыторыі БССР у гады Вялікай Айчыннай вайны:

- адсутнасць праяўлення яўнай агрэсіі супраць ворагаў;
- падтрымка і выратаванне блізкіх – асноўная інтэракцыя ў кожнага з герояў;
- выкананне жыццёвай місіі нягледзечы на складаныя абставіны, вернасць паўсядзённым абавязкам, жаданне застацца на роднай зямлі;
- жаданне захаваць паўсядзённы побыт у непрыстасаваных умовах жыцця.

Абумоўленасць існавання: героі аповедаў былі пазбаўлены свайго дома і не маглі абапірацца на традыцыйную свядомасць, звыклую рацыянальнасць, што прывяло іх да памкнення ўзнавіць абставіны знаёмых умоў – жаданне мець крыж на магіле як веры ва ўзнаўленне нябеснага дома (Мікалай Хільтоў), стварэнне новай сям’і (Галіна Магілеўчык), узнаўленне побытавых рэчаў (Ульяна Бобрык) – выйсця, якое асобы шукалі інтуітыўным шляхам, але падобнымі спосабамі. Такім чынам, габітус беларусаў падчас акупацыі ў

гады Вялікай Айчыннай вайны быў накіраваны на ўзнаўленне культуры паўсядзённасці, якая існавала ў мірны час, нягледзячы на змены ва ўмовах акупацыйнага рэжыму нямецка-фашысцкіх захопнікаў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Блінец, А. У.* Летапіс Іаана-Прадцечанскай царквы сяла Блячына Мінскай епархіі Слуцкага павета (1903–1943 гг.) / аўтары і адказ. склад. А. У. Блінец, У. Г. Кулажанка, Л. Я. Кулажанка ; [аўтар прадмовы У. Кулажанка]. – Мінск, 2016. – 95 с.
2. *Бурдые, Пьер.* Практический смысл / П. Бурдые ; пер. с фр.: А. Т. Бикбов [и др.]. ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с.
3. *Могилевчик, А. З.* Со скальпелем и автоматом / А. З. Могилевчик // Люди Нарочанского края. Воспоминания участников революционной борьбы и Великой Отечественной войны. – Минск : Беларусь, 1975. – С. 239–243.
4. *Усачев, О.* Партизаны Беларуси. Династия Могилевчиков [Электронный ресурс] / О. Усачев // СБ. Беларусь сегодня. – 2020. – 12 дек. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/esli-by-ne-voyna.html>. – Дата доступа: 12.12.2023.
5. *Хмурчик, Д. А.* Военная судьба семьи Могилевчиков [Электронный ресурс] / Д. А. Хмурчик, Е. В. Серак ; Белорусский государственный медицинский университет. – Режим доступа: <https://www.bsmu.by/novosti/novosti-pediatricheskogo-fakulteta/voennaya-sud-ba-sem-i-mogilevchikov/>. – Дата доступа: 15.02.2023.
6. Асабісты архіў сям’і Бобрыкаў.

С. В. Кулинок

НЕМЕЦКИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЦЕНТРЫ В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1942–1944)

В годы оккупации Беларуси одной из распространенных практик немецких спецслужб было создание стационарных учебных разведывательно-диверсионных центров (школ и курсов) в местах принудительного содержания (МПС). Под дефиницией «места принудительного содержания» понимаются учреждение (пункт, территория), куда нацисты помещали людей помимо их воли на определенный или неопределенный срок с причинением им нравственных и физических страданий, привлечением к тяжелому физическому труду. Это – гетто, тюрьмы, лагеря у переднего края немецкой обороны, лагеря гражданского населения, трудовые, рабочие, пересыльные, смешанные лагеря, арестные помещения, сборные пункты для отправки мирного населения на принудительные работы в Германию и др. [13, с. 3].

Такая практика была обусловлена рядом факторов:

- возможностью системной вербовки «на месте» агентуры. Тяжелейшие условия содержания заключенных (голод, холод, болезни, пытки) открывали немецким спецслужбам широкую возможность для проведения вербовочной работы;
- завербованные военнопленные не нуждались в такой глубокой и долгой подготовке, как гражданские лица;
- возможностью подготовки убедительной легенды (побег из лагеря, гетто, тюрьмы и т.д.).

Рассмотрим учебные разведывательно-диверсионные центры в МПС на территории Беларуси с запада на восток.

Вечерняя школа с 10-дневным сроком обучения размещалась на территории лагеря в м. Колдычево. Для понимания условий подготовки и вербовки агентуры приведем описание Колдычевского лагеря смерти, данное Б. Шерманом: «... Для содержания заключенных использовались холодные постройки (конюшни, гумна, сараи). В 2-этажном деревянном помещицком маентке разместились управление лагеря, каратели. На 2-м этаже была оборудована комната пыток. Была построена 2-этажная кирпичная тюрьма, бараки. Помещения не отапливались. Первыми заключенными Колдычевского лагеря в начале марта 1942 г. стали узники Барановичской и Столбцовой тюрем. Из этих тюрем доставили приблизительно по 200 человек, в основном советских активистов... Спали узники на нарах в 3–4 этажа, без всякой постели на тонком слое соломы... Три раза заключенных кормили похлебкой-«баладой» – заваренная на воде ржаная мука. То, что называлось хлебом, выдавалось по 150 г на человека, а позже в 1944 г. – по 140 г... Узники работали по 10–12 часов в сутки в сапожном, столярном, портняжном, кожевенном, бондарном, мыловаренном, кирпичном цехах» [14, с. 58–62].

В феврале 1944 г. в Колдычево прибыла группа агентов, которые были размещены в бараках. Петр Ломейко (курсант) сообщил о школе следующее: «согласно имевшихся списков, нас зачислили обязательно посещать в вечернее время с 19.00 до 21.00 школу по подготовке шпионов для засылки в партизанскую зону и отряды с задачей: установить местоположение отрядов и главных штабов, количество людей и вооружение, фамилии старших командиров партизан и т.д. В имении Колдышево мы пробыли до 10 дней, откуда были направлены в местечко Ганцевичи» [4, л. 160–160 об.].

На курсах преподавались следующие дисциплины: положение на фронтах и успехи немецкой армии; жизнь в Германии; помощь немецкой армией населению оккупированных территорий; пароли, ориентация на местности и исследование пути; выявление партизан и подозрительных лиц; методы вступления шпиона в партизанские отряды и поведение в отряде. Преподавателями были сотрудники гестапо из бывших польских разведшкол [7, л. 390].

На территории Брестской области (в современных границах) действовала еще одна школа, открытая на ст. Лесная. Это не был центр по подготовке разведчиков или диверсантов. Здесь готовили будущих пропагандистов. Первое, что необходимо отметить, это то, что по архивным материалам

невозможно точно локализовать эту школу. По одним данным она располагалась на территории шталага № 337 (ст. Лесная) [11, л. 58–60], по другим – в Барановичах [11, л. 56–56 об.], а в лагере проводилась лишь вербовка. Первую группу (6 человек, все с высшим образованием) отобрали в лагере на ст. Лесная еще в феврале 1942 г. В следующем году был осуществлен набор второй группы (6–8 человек). Обе группы готовились в Барановичах, в комендатуре шталага № 337 под руководством лейтенанта (капитана) Айхерна. Фольксдойче Иван Отт сообщил, что «в Лесной Айхерн подобрал две группы девчат из военнопленных, медработников, более красивых и подготовил для шпионской и террористической работы в партизанских отрядах... Их готовил Айхерн, зондерфюрер Форбах и трое офицеров из РОА. Последняя группа девчат уходила из шталага № 337 в партизаны совершенно открыто».

На следующем допросе Иван Отт сообщил: «Цель шпионской школы и выпускаемых шпионов главная – пропаганда. Выпускаемые шпионы ходили по деревням и вели пропаганду среди населения и в лагерях военнопленных, чтобы не идти в партизаны и не помогать партизанам... Перед отправкой меня в Слоним на шпионскую работу, мне было назначено 250 марок...» [11, л. 58–60].

Школа по подготовке агентуры располагалась и на территории лагеря смерти Тростенец. Ее работу курировала служба безопасности (СД) Минска. Подробные сведения о работе этого учебного центра сообщил разоблаченный агент М. И. Брейтман-Петренко, который там обучался летом 1942 г. В частности, он показал: «Школа состояла исключительно из людей, которые в чем-нибудь зависели от немецкого гестапо и уголовных преступников, к примеру, я обвинялся в том, что еврей, политрук. Я дал свое согласие поступить в эту школу под угрозой смерти, при предварительной обработке... В школе преподавали такие предметы как военная топография, виды и способы диверсий, индивидуальный и массовый способ террора, разведка и контрразведка, тактика немецкой армии, выработка стойкости и твердости характера, история национал-социализма, немецкий язык» [8, л. 130]. В процессе обучения курсанты обеспечивались питанием и обмундированием, а также получали по 56 марок за 10 дней.

Курсантов часто возили в город в тюрьмы для того, чтобы слушать допросы, которые проводились с задержанными и подозреваемыми в связях с партизанами. Это делалось для того, чтобы будущие агенты «видели, как беспощадно следователь гестапо выбивает показания и при этом спокойно курит сигару, иногда даже и кушает, в то время, как другой на его глазах постепенно теряет все признаки жизни. Это все было направлено на то, чтобы мы научились при любых условиях быть спокойными и хладнокровными, чтобы наши сердца были нечувствительны к мукам других» [8, л. 130–135]. По показаниям Брейтмана-Петречко было установлено, что курсанты жили вместе с караулом лагеря. Занятия проходили с 8.00 до 16.00, часто в лесу, в нескольких километрах от лагеря. Обучение длилось три месяца: с 1 августа по 24 октября 1942 г. Преподавателями в школе были обер-лейтенант Шульц и комендант лагеря унтершарфюрер СС Генрих Эйхе [9, л. 5–5 об.].

Еще одним МПС, где готовились агенты противника, была тюрьма в Минске. В феврале 1944 г. начальник Руденского райотдела НКВД Безуглов передал в БШПД список выявленных за 1943 г. агентов гестапо по городу Минску. Среди прочих в нем значился «Васильев Александр Михайлович. По профессии скрипач, с начала организации городской управы – помощник начальника полиции... С осени 1942 по март 1943 года работал как агент СД. В марте его арестовывают и сажают в тюрьму, а жене велят принести для мужа лучшую одежду и белье. В то время при тюрьме были организованы курсы по засылке шпионов в СССР» [3, л. 132]. Эти данные позволяют говорить о том, что как минимум с марта 1943 г. при тюрьме в Минске действовали курсы по подготовке разведчиков.

Об этом же на допросе сообщил разоблаченный агент немецкой разведки Александр Гут: «Вербовка происходила в Минской тюрьме в особых подвалах... Нас водили этажом выше в комнату, где проводили с нами занятия... Эти занятия я проходил в течение месяца, а после этого меня вызвал начальник отделения гестапо и завербовал меня». Выпуск группы агентов (5 человек) состоялся в ноябре 1943 г. Все они были вооружены наганями и имели при себе отравляющие вещества [5, л. 3, 6]. Александру Гуту было дано задание осуществить теракт в одном из партизанских отрядов – отравить пищу и воду. Вот что сказал по этому поводу сам шпион: «Да, я имел задание отравить группу, что и сделал, однако мне не удалось увидеть плоды своей работы. Я отравил соль раньше времени, в результате чего была сильная реакция, появился запах и изменился цвет. Это вызвало подозрение и разоблало меня» [10, л. 174–180].

С 1944 г. на базе Могилевской тюрьмы действовала школа по подготовке агентов различной квалификации. Начальник оперчекистской группы Могилевского подпольного обкома РК КП(б)Б Стельмах сообщал, что «в г. Могилеве при тюрьме, что находится в центре города, размещена школа гестапо, которая 15 февраля и в первых числах марта месяца произвела выпуск агентов. Школа готовит террористов для партизанских отрядов, диверсантов для заброски в советский тыл и разведчиков разных видов, как для засылки в партизанские отряды, так и в советский тыл. Набор в школу гестапо происходит в основном из числа заключенных и редко бывших полицейских и служащих немецких учреждений. Возраст для вступления в школу не ограничен, срок обучения в школе – от 10 дней до 2 месяцев». Начальником школы был следователь гестапо немец Бук, его заместителем – немец Ольгерт, они же являлись преподавателями. Кроме них лекции о методах работы среди партизан читал начальник Могилевского СД Андрей Лазаренко¹ и старшие агенты СД по имени Лиза и Шура [1, л. 76–77]. В документах указаны установочные данные на 37 агентов (из них 13 женщин), окончивших данную школу в марте 1944 г. [6, л. 16–17].

¹ Андрей Николаевич Лазаренко – шеф полиции, награжден немцами серебряной медалью «За отвагу». В январе 1944 г. Лазаренко подорвался на машине на mine, которую заложили партизаны, ему оторвало ноги и он умер от полученных ранений. – С.К.

Более подробные данные об этой школе сообщила на допросе Галина Янченко, бывшая партизанская связная, которая проходила там обучение. Она была завербована под угрозой расстрела за связь с партизанами, дала подписку о сотрудничестве, а ее родственники были взяты в заложники. Для курсантов школы на территории тюрьмы были созданы специальные условия для размещения. Вербовались в первую очередь заключенные, которые уже провинились перед немецкой властью. Учебное заведение отличалось разнообразностью – готовились шпионы, террористы и диверсанты [2, л. 9–11об.]. Например, из Г. Янченко готовили агента-фотографа. Разведчиков готовили 10 дней, диверсантов – 20. «Нам в школе гестапо преподавали в основном разведывательное дело и крепко агитировали за Гитлера. В разведку входило: разведка воинских частей Красной Армии, разведка по партизанским отрядам, вербовка людей на свою сторону, агитация среди населения на сторону немцев, диверсионная работа – отравление колодцев, продуктов питания и т.д. По части опознавания своей агентуры учили узнавать мимикой, жестами рук и другими движениями, как опознать агента по опознавательному знаку. Кроме этого учили агента гестапо быть преданным своему делу и не изменять немецкой власти. В случае измены – расстрел самого и родственников» [2, л. 9–11об.]. Также «агент в юбке» Янченко сообщила, что ей известно о трех выпусках данной школы, в том числе 25 февраля (32 человека) и 1 марта (37 агентов, из них 9 террористы). Предусматривалось оставление значительного числа агентов на освобожденной территории БССР [12, с. 88]. Агенты, окончившие школу и засланные в партизанские отряды, поддерживали связь с СД через специальных связных. Опознавательные знаки, выданные на руки каждому агенту, служили паролем при встрече со связными и документом для немецких властей. Лица, окончившие школу, засылались в леса под видом беженцев с окопных работ и спасающихся от немецкого террора.

Подводя итог, укажем, что на оккупированной территории Беларуси немецкими спецслужбами активно практиковалось открытие учебных центров по подготовке агентуры на территории МПС. К настоящему времени выявлено не менее пяти таких случаев. Указанный вопрос требует дальнейшего более глубокого изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 35.
2. НАРБ. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 56.
3. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 62.
4. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 401.
5. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1190.
6. НАРБ. – Ф. 1406. Оп. 1. Д. 64.
7. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.
8. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.

9. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1419.
10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 47.
11. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 137.
12. *Соловьев, А. К.* Они действовали под разными псевдонимами... / А. К. Соловьев. – Минск : Навука і тэхніка, 1994. – 200 с.
13. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 гг. / авт.-сост.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2001. – 158 с.
14. *Шерман, Б. П.* Барановичское гетто. Колдычевский лагерь смерти / Б. П. Шерман. – Барановичи, 1997. – 101 с.

А. А. Крыварот

ДАКУМЕНТЫ ФОНДУ 1450 НАРБ ЯК КРЫНІЦА ДАСЛЕДАВАННЯ ЎДЗЕЛУ ПАДПОЛЬНЫХ ОРГАНАЎ КП(Б)Б І ПАРТЫЗАН У РАЗЛАЖЭННІ ПАПРАЗДЗЯЛЕННЯЎ 2-й СЛАВАЦКАЙ АХОЎНАЙ (ПЯХОТНАЙ) ДЫВІЗІІ

У некалькіх вопісах фонду 1450 утрымліваецца нямала спраў аб дыслакацыі ў розных рэгіёнах Беларусі славацкіх падраздзяленняў – сатэлітаў вермахта. Найперш заслугоўвае ўвагі разгляд вопісу 4 – дакументаў па гісторыі ўзнікнення, арганізацыі і баявой і дыверсійнай дзейнасці партызанскіх фарміраванняў.

Падраздзяленні 2-й славацкай ахоўнай дывізіі сталі прыбываць на акупаваную тэрыторыю Беларусі ў сакавіку 1942 г. Месцам іх дыслакацыі сталі населеныя пункты Палескай вобласці. Гітлераўскім камандаваннем славакі былі прыцягнуты для аховы чыгуначных ліній: Хойнікі–Аўрамаўская–Васілевічы–Рэчыца, Старушкі–Калінкавічы, Калінкавічы–Мазыр–Оўруч. Акрамя таго, дывізія павінна была ўдзельнічаць у карных аперацыях супраць партызан і мірнага насельніцтва.

Звесткі аб з’яўленні славацкіх падраздзяленняў на тэрыторыі Палескай вобласці сустракаюцца ў дакументах партызанскіх фарміраванняў. Паводле інфармацыі, прадстаўленай у дакументах, можна адсачыць баі партызанскіх атрадаў з падраздзяленнямі праціўніка, у склад якіх уваходзілі і славакі, месцы дыслакацыі славацкіх падраздзяленняў, дзейнасць партыйных падпольных структур і партызанскага камандавання па разлажэнні воінскіх падраздзяленняў 2-й славацкай ахоўнай дывізіі.

Як вынікае з архіўных матэрыялаў, час прыбыцця славакаў у рэгіён прыпадае на сакавік 1942 г. У справе № 274 «Матэрыялы па баявой дзейнасці 130-й Петрыкаўскай брыгады» дата першага бою беларускіх партызан са славакімі падраздзяленнямі – 16 сакавіка 1942 г. У гэты дзень атрад Жулегі ўдзельнічаў у разгроме славацкага гарнізона ў вёсцы Перакалле, дзе было захоплены шмат падвод з амуніцыяй і боепрыпасамі, узяты ў палон два чалавекі [1, л. 2].

У гэтай жа справе паказаны месцы дыслакацыі славацкіх падраздзяленняў, іх колькасны склад і ўзбраенне. Так, у гарнізоне на станцыі Капцэвічы чыгуначнай лініі Лунінец – Калінкавічы знаходзілася 500 славакаў, што больш чым у два разы перавышала колькасць немцаў, мадзьяраў і паліцэйскіх разам узятых. На ўзбраенні ў праціўніка былі два лёгкія танкі, 3 гарматы, 5 батальённых і ротных мінамётаў. На раз'ездзе Аголіцкая Рудня размяшчалася 40 немцаў і 150 славакаў, на станцыі Старушкі – 70 немцаў, 150 мадзьяраў і славакаў, 40 паліцэйскіх. На ўзбраенні акупантаў на першым аб'екце мелася гармата 45 мм, два мінамёты і 9 кулямётаў, на другім – гармата 32 мм і два батальённыя мінамёты [1, л. 81б, 82].

У справе № 274 утрымліваецца спецыяльны раздзел пра работу партызан і падпольшчыкаў па разлажэнні фарміраванняў праціўніка, у якім абазначаны раён дыслакацыі славакаў – чыгуначная лінія Пціч – Старушкі, куды ў ліпені 1942 г. для яе аховы прыбыў 102-і (правільна – 101-ы) полк са штабам. Падкрэслена, што на маральны дух славакаў моцнае ўздзеянне аказвалі паспяховыя баявыя дзеянні атрадаў на чыгунцы і актыўная агітацыйная работа партызан і падпольшчыкаў, у якой праз лістоўкі і газеты заклікалі славакаў павярнуць зброю супраць немцаў. Адзначана, што работу ў гэтым напрамку праводзілі партызаны падраздзялення (камандзір І. Н. Глушко) пры дапамозе мясцовага насельніцтва, а адным з вынікаў дзейнасці стала разлажэнне гарнізона на станцыі Капцэвічы і жаданне часткі камандавання славацкага палка ўстанавіць сувязі з партызанамі. У дакуменце падрабязна зафіксаваны працэс перамоў: па-першае, названы прадстаўнікі ад партызан і камандавання палка, па-другое, указана месца і час перамоў і іх вынікі. Засведчана, што ад партызан на перамовах 27 ліпеня 1942 г. была дастаткова прадстаўнічая дэлегацыя: камандзіры атрадаў І. Н. Глушко і А. А. Жыгар, камісар атрада Ф. Д. Кудравец, прадстаўнік Мінскага падпольнага абкама КП(б)Б І. В. Скалабан. Са славацкага боку прысутнічаў начальнік штаба 101-га славацкага палка Ян Налепка («Рэпкін») і два афіцэры штаба [1, л. 120–120 аб].

Асабліваю цікавасць уяўляюць вынікі перамоў паміж партызанскім камандаваннем і афіцэрамі штаба 101-га славацкага палка. Па-першае, прадстаўнікі ад славакаў далі згоду не весці барацьбу з партызанамі і пры дзеяннях на чыгунцы іх не абстрэльваць; па-другое, прадстаўляць звесткі аб падрыхтоўцы немцамі акцыі супраць партызан і аб шпіёнах, якіх акупанты падбіралі для засылкі ў атрады. Са свайго боку, партызанскае камандаванне пагадзілася ўсіх салдат-славакаў пры здачы іх у палон не расстрэльваць, а прымаць у атрады; пры сустрэчы ў баі, калі славакі не будуць супраціўляцца, таксама браць у палон і пры іх згодзе пакідаць у партызанскіх атрадах [1, л. 120 аб].

Пра эфектыўнасць работы па разлажэнні 101-га славацкага палка сведчыць той факт, што з яго падраздзяленняў да партызан перайшлі да 100 салдат і афіцэраў. Акрамя таго, славакі аказвалі дапамогу партызанам падчас правядзення аперацый на чыгунцы. Дзякуючы спрыянню славацкіх салдат

у снежні 1942 г. (у дакуменце памылкова названы месяц лістапад) атрадамі Мінскай і Палескай абласцей быў падарваны мост на рацэ Бобрык на лініі Лунінец – Калінкавічы, а ваеннаслужачыя з аховы аб’екта самі перайшлі на бок партызан. У дакуменце згадана, што ў сувязі з разлажэннем 101-га палка немцы адправілі асабовы склад у іншы рэгіён, некаторых ваеннаслужачых арыштавалі і адправілі ў канцлагер [1, л. 120 аб].

Некаторая інфармацыя пра ўзаемаадносіны партызан і славацкіх падраздзяленняў змешчана ў справе № 278 «Матэрыялы па баявой дзейнасці Ельскай партызанскай брыгады». Ёсць згадка аб першым сутыкненні Ельскага атрада са славакамі, якое адбылося 30 сакавіка 1942 г. У баі, які цягнуўся амаль гадзіну, быў забіты адзін славак-ваеннаслужачы і 6 былі паранены. Яшчэ ў адным дакуменце згадана аб удзеле 102-га славацкага палка ў карнай аперацыі «Бамберг» (20.03–04.04.1942 г.), падчас якой славацкая часць разам з 315-м паліцэйскім батальёнам вяла наступленне з поўдня на партызан у Акцябрскім раёне [2, л. 1, 9, 18].

У справе № 278 змешчана таксама некалькі звестак, якія датычацца дзейнасці партызан Ельскага раёна па разлажэнні славацкіх падраздзяленняў. Так, у данясенні З. Я. Чарнаглаза, сакратара падпольнага райкама КП(б)Б, адзначана, што праводзіцца вялікая работа па разлажэнні паліцэйскіх участкаў, чэхаславацкіх гарнізонаў, казачых часцей. Таксама ўстаноўлена пастаянная сувязь з афіцэрам славацкага палка «Каціным», які паведамляў партызанам аб размяшчэнні гарнізонаў, іх узбраенні, маральна-палітычным стане падраздзяленняў. У выніку работы па разлажэнні акупацыйных фарміраванняў у Ельскі атрад перайшло 17 славакаў, у тым ліку славацкі паручык са штаба дывізіі ў Мазыры, які камандаваннем атрада быў адпраўлены ў Маскву. У той самы час мелі месца баявыя сутыкненні з падраздзяленнямі праціўніка, у складзе якіх былі групы славакаў. У адным з дакументаў справы № 278 згадана, што 13 жніўня 1942 г. партызанамі Ельскага атрада з засады на дарозе Скароднае – Валаўская Рудня забіта 10 немцаў і славакаў, у тым ліку начальнік аднаго з гарнізонаў праціўніка [2, л. 5, 24].

Па дакументальных сведчаннях, галоўнай формай работы партызан па разлажэнні славацкага гарнізона ў Ельску была засылка праз сувязных лістовак і газет. Вынікам дзейнасці партызан і падпольшчыкаў стала тое, што гарнізон славакаў у складзе аднаго батальёна быў поўнасьцю разложаны. Частка камандавання батальёна і 10 салдат з узбраеннем, у тым ліку захопленым танкам, перайшлі на бок партызан, аднак дата такога мужага ўчынку славакаў не прыведзена [2, л. 71].

Дзейнасць Мінскага падпольнага абкама КП(б)Б па разлажэнні падраздзяленняў славацкай дывізіі і ўцягванні ваеннаслужачых у шэрагі партызан падрабязна асветлена ў дакладной запісцы Р. Н. Мачульскага сакратару ЦК КП(б)Б Калініну П. З., якая змешчана ў справе 190 «Матэрыялы па баявой дзейнасці злучэння Казлова». У дакуменце аналізуецца работа ў гэтым напрамку за перыяд з вясны 1942 г. да студзеня 1943 г. Аўтар дакладной указаў, што месцамі дыслакацыі падраздзяленняў 101-га славацкага палка сталі

Жыткавічы, Капцэвічы, Пціч, Капаткевічы, а ў якасці галоўнай задачы была вызначана ахова на ўчастку Мікашэвічы – Калінкавічы. Часам устанаўлення сувязі камандавання злучэння са славацкімі афіцэрамі – памочнікам камандзіра палка (начальнікам штаба) Налепкам і сотнікам Капцэвіцкага гарнізона Чамбалікам – названы ліпень – жнівень 1942 г. Такая сувязь была ўстаноўлена праз атрад А. А. Жыгара, а для сустрэч і перамоў з афіцэрамі славацкага палка быў накіраваны прадстаўнік штаба злучэння партызанскіх атрадаў Мінскай і Палескай абласцей І. В. Скалабан. У данясенні адзначана, што работа па разлажэнні славацкіх падраздзяленняў значна палепшылася пасля аперацыі па падрыве моста на рацэ Пціч, паспяховае правядзенне якой падвысіла аўтарытэт партызан у вачах ваеннаслужачых славакаў. Настроі ў славацкіх падраздзяленнях патлумачаны наступным чынам: па-першае, да канца 1942 г. большасць афіцэраў палка была супраць немецка-фашысцкіх захопнікаў, па-другое, салдаты пачалі адкрыта сустракацца з насельніцтвам, выказаць незадаволенасць германскімі захопнікамі. Сярод форм процідзеяння гітлераўскага камандавання пераходу славакаў да партызан, які пачаў паскарацца ў лістападзе–снежні 1942 г., названы забарона салдатам-славакам выходзіць са сваіх гарнізонаў, узмацненне начнога патрулявання гарнізонаў нямецкімі салдатамі, загад старастам вёсак пры з’яўленні там славацкіх салдат затрымліваць іх і дастаўляць у камендатуру. Гэтыя захавы нямецкае камандаванне прыняло ў сувязі з павелічэннем колькасці дыверсій на чыгуначным участку Мікашэвічы – Калінкавічы, які ахоўвалі славакі, сыходам у партызаны са станцыі Старушкі групы салдат на чале з Янам Мікулам і падрыхтоўкай славацкімі афіцэрамі пераходу ў атрад усяго палка з тэхнікай. У дакладной запісцы адзначана, што, нягледзячы на ўсе захавы з боку нямецкага камандавання, разлажэнне 101-га славацкага палка ўзмацнялася. На момант падрыхтоўкі дакумента (студзень 1943 г.) на бок партызан перайшло больш за 60 чалавек. Таму нямецкае камандаванне вырашыла накіраваць для аховы чыгункі свае войскі, а славацкі полк вывесці [3, л. 95–97].

Шматлікія звесткі аб дыслакацыі славацкіх падраздзяленняў і іх узбраенні ўтрымліваюцца ў справе № 271 «Матэрыялы аб баявой дзейнасці злучэння Палескай вобласці». Атрыманне такіх дадзеных дзякуючы дзейнасці партызанскай разведкі дапамагло падпольным партыйным структурам і камандаванню спланаваць работу па закладцы 2-й славацкай ахоўнай дывізіі. Буйныя гарнізоны славакаў былі ў Калінкавічах і ў Казенках пад Мазыром (у кожным па 300 чалавек), на раз’ездзе Лозкі стаяла рота славакаў. Адзначана, што на бок партызан у сакавіку 1943 г. перайшло 5 славакаў (без указання падраздзялення), а ў красавіку 1943 г. такая самая колькасць славакаў перайшла ў Ельскі атрад (камандзір А. С. Мішчанка) [4, л. 1, 3, 11, 17].

Важныя звесткі адносна дыслакацыі славацкіх атрадаў і вынікаў работы па разлажэнні славацкіх падраздзяленняў ёсць у разведзводках партызанскіх атрадаў Палескай вобласці. У дакуменце ад 15 красавіка 1943 г. указана, што штаб 2-й славацкай дывізіі размяшчаецца ў Казенках пад Мазыром, а колькасць славакаў там складае 1200 ваеннаслужачых. Па словах паручыка аперацыйнага аддзела дывізіі, які перайшоў у адзін з атрадаў, гэта злучэнне

плануюць перакінуць у Мінскую вобласць для барацьбы з партызанамі. Згодна з разведінфармацыяй, у Ельску размяшчалася 100 славакаў, у Калінкавіцкім гарнізоне з 3 тысяч славакаў было 120 [4, л. 17–17аб].

Архіўныя дакументы сведчаць аб актыўнай работе партызанскіх разведчыкаў з сувязнымі ў славацкіх падраздзяленнях з мэтай атрымання неабходных разведзвестак. У справаздачы ад 12 красавіка 1943 г. указана, што ў якасці галоўных задач, якія пастаўлены гітлераўскім камандаваннем перад адным са славацкіх падраздзяленняў, з'яўляюцца: ахова чыгункі Казенкі – Оўруч, абарона раёна дыслакацыі і акцыі супраць партызан. Месцам такой акцыі называўся ўсходні бераг Прыпяці на тэрыторыі Ломіж–Арэвічы, а для яе ажыццяўлення камандаванне славацкага палка ў Хойніках атрымала падмацаванне – адзін батальён з Юравіч. Згадана, што славацкі сувязны перадаў партызанам інфармацыю пра сітуацыю на савецка-германскім фронце пасля бітвы на Волзе і ўспрыняўце яе вынікаў нямецкім і славацкім камандаваннем [4, л. 19].

У разведзводцы № 4 ад 1 чэрвеня 1943 г., акрамя звестак пра дыслакацыю славакаў у гарнізонах Ельск (400 чалавек), Міхалкі (да 800 чалавек), Санюкі (150 чалавек), змешчана інфармацыя аб прыбыцці 7 мая 1943 г. з Жытоміра ў Оўруч дывізіі маладых славакаў ва ўзросце ад 15 да 16 гадоў, якіх пасля навучання планавалася адправіць на фронт [4, л. 32–32б].

У матэрыяле аб баявой, дыверсійнай і партыйна-палітычнай рабоце Палескага злучэння за май 1943 г. адзначана, што ў якасці адной з асноўных задач – работа сярод паліцэйскіх гарнізонаў, славацкіх часцей, іх разлажэнне і ўцягванне ў партызанскую барацьбу. У справаздачы паказаны формы масава-палітычнай работы партызан па разлажэнні славацкіх гарнізонаў Запрыпяцкай часткі Палескай вобласці, з якімі была наладжана цесная сувязь. У якасці асноўнага выніку ўздзеяння на славацкія падраздзяленні ўказана тое, што немцы сталі лічыць славацкія часці ненадзейнымі і таму знялі іх з аховы чыгункі [4, л. 23, 26б, 29, 30].

У справаздачах атрадаў, якія змешчаны ў справе № 273 «Матэрыялы па баявой дзейнасці 125-й Капаткевіцкай брыгады», ёсць інфармацыя аб кантактах партызан са славацкімі падраздзяленнямі. Атрад пад камандаваннем М. І. Баранава ў раёне вёсак Залессе – Млын захапіў славацкі асобны адроз 235 падвод і ўзяў у палон двух салдат. Прыведзена дакладная дата ўстанаўлення 125-м атрадам (камандзір І. Н. Глушко) сувязі са славакамі – 3 жніўня 1942 г. Кантакты са славацкімі падраздзяленнямі дазвалялі партызанам атрымліваць інфармацыю аб выніках дыверсій на камунікацыях. Славакі, якія ахоўвалі станцыю Пціч, паведамілі камандаванню Капаткевіцкага атрада, што пасля адной з аперацый партызан на чыгунцы было забіта 650 немцаў, а рух быў спынены на двое сутак. У данясеннях брыгады згадваецца, што славакі-партызаны прымалі ўдзел у баявых аперацыях падраздзялення пад камандаваннем Р. А. Такаева. Падчас дыверсіі 26 жніўня 1943 г. група славакаў-партызан Н. С. Густава на ўчастку чыгункі Капцэвічы – Старушкі абстраляла паравоз і вагоны воінскага эшалона, які перамяшчаўся на ўсход, з вінтовак і аўтаматаў запальнымі і бронезапальнымі патронамі. У выніку

праведзенай аперацыі былі забіты 4 і паранены 13 гітлераўцаў, а паравоз выведзены са строю пасля паражэння катла выстралам з процітанкавага ружжа. Адзначана, што ў камсамольска-маладзёжным дыверсійным атрадзе Р. А. Такаева адважна ваявалі славакі-партызаны Юзэф Баяна, Рудольф Вранскі, Ганко, Янжа, якія былі прадстаўлены да савецкіх узнагарод [5, л. 2, 6, 55, 63, 67].

У раздзеле «Гісторыя ўзнікнення, арганізацыі і баявой дзейнасці партызанскай брыгады 125-й» справы № 273 указана, што ў выніку разлажэння гарнізона ў Капаткевічах на бок партызан у 1942 г. перайшлі 40 славакаў з узбраеннем [5, л. 108].

У баявой справаздачы Мазырскай партызанскай брыгады ад 26 лютага 1943 г. да 28 студзеня 1944 г., уключанай у справу № 289, ёсць наступныя звесткі пра дыслакацыю славацкіх фарміраванняў: у ваенным гарадку Казенкі, дзе знаходзіўся штаб 2-й ахоўнай дывізіі, размяшчалася 1000 чалавек; на станцыі Мазыр і раз'ездзе Міхалкі немцаў і славакаў было ў агульнай колькасці па 300 салдат і афіцэраў; на раз'ездзе Мытва – немцаў і славакаў у агульнай колькасці да 250 акупантаў. Пры гэтым не ўказана, да якога часу адносяцца гэтыя звесткі [6, л. 29–29 аб].

Некалькі звестак аб узаемаадносінах партызан і сувязных-славакаў змешчаны ў справе № 292 «Дакументы па баявой дзейнасці 2-й Калінкавіцкай партызанскай брыгады імя Фрунзе». Так, праз сувязных разгортвалася работа па разлажэнні гарнізона славакаў у Юравічах. Падчас сустрэч з сувязнымі ў гарнізон было перададзена пяць зваротаў да ваеннаслужачых. У выніку праведзенай работы на бок партызан перайшлі 15 славакаў са зброяй. Рыхтаваўся пераход цэлай роты славакаў, аднак у сувязі з перадыслакацыяй гарнізона аперацыя не ўдалася. Аб цесным узаемадзеянні партызан і славакаў сведчыць той факт, што па просьбе партызанскага камандавання яны разбілі турму ў Юравічах, знялі паліцэйскіх-вартавых і вызвалілі тры партызанскія сям'і, пасадзілі іх на машыну і перавезлі ў лес да партызан. Адною з форм падтрымкі партызан з боку ваеннаслужачых-славакаў з'яўляўся сабатаж заданняў, пастаўленых перад імі немецкім камандаваннем. Напрыклад, пры выездзе на адну з аперацый супраць партызан славакі па прыбыцці да вёсак Агароднікі і Ужынец адбылі вызначаны час і вярнуліся ў гарнізон [7, л. 7аб].

Германскім акупантам і камандаванню 2-й дывізіі не ўдалося спыніць масавыя пераходы славакаў 101-га і 102-га палкоў да партызан Палескай вобласці, ізаляваць асабовы склад ад мясцовага насельніцтва. Да таго ж, славакі ў большасці сваёй сабатавалі ўдзел у аперацыях супраць беларускіх партызан, праяўлялі пасіўнасць пры ахове нямецкіх камунікацый і тылавых аб'ектаў. З гарнізонаў праз сувязных і падпольшчыкаў была наладжана сістэматычная перадача сакрэтных звестак камандаванню партызанскіх фарміраванняў. У такой сітуацыі гітлераўскае камандаванне разам з разгортваннем рэпрэсій супраць славакаў-антыфашыстаў ажыццявіла кардынальную рэарганізацыю славацкай дывізіі. Злучэнне істотна папоўнілі мабілізаванымі прызыўнікамі 1942 года, перайменавалі ў 2-ю пяхотную дывізію і перакінулі большую яе частку на тэрыторыю Мінскай вобласці.

Нягледзячы на перадыслакацыю большасці фарміраванняў 2-й славацкай пяхотнай дывізіі падпольныя партыйныя структуры і партызаны Міншчыны аператыўна разгарнулі работу па разлажэнні падраздзяленняў сатэлітаў гітлераўскай Германіі. Дзейнасць у гэтым напрамку адлюстравана ў дакументах партызанскіх брыгад і атрадаў Мінскай вобласці.

У справе № 169 «Дакументы аб баявой, дыверсійнай і палітмасавай дзейнасці, баявым і колькасным складзе партызанскай брыгады “Дзядзькі Колі” (справаздачы, дакладныя запіскі, данясенні, звесткі)» змешчана некалькі эпизодаў аб узаемадзеянні і ўзаемаадносінах са славакамі. У справаздачы аб разлажэнні гарнізонаў і агентурнай рабоце за перыяд з 1 верасня 1942 г. да 1 верасня 1943 г. паведамляецца пра пераход на бок партызан з нямецкай часці ўзвода славакаў на чале з лейтэнантам В. Шатара ў колькасці 22 чалавек з 4 кулямётамі, 30 веласіпедамі, 2 аўтаматамі, 17 вінтоўкамі. У сувязі з гэтым у партызанскім атрадзе “Камунар” быў створаны славацкі ўзвод. Адзначана, што з тымі, хто перайшоў з акупацыйных гарнізонаў, у тым ліку славакамі, камісары атрадаў і палітрукі ўзводаў арганізоўваюць заняткі, дзе даводзяць інфармацыю аб становішчы на франтах, перадаюць вопыт партызанскай барацьбы, рыхтуюць да прыняцця прысягі [8, л. 58, 60].

У баявых данясеннях камандавання брыгады “Дзядзькі Колі” камандзіру партызанскага злучэння Барысаўска-Бягомльскай зоны Р. Н. Мачульскаму ўтрымліваецца інфармацыя пра некалькі аперацый з удзелам славакаў. Група славацкага ўзвода атрада “Камунар” колькасцю 14 чалавек на чале з палітруком узвода Грыгарэнкам падарвала падземны кабель Берлін – фронт у трох месцах на ўчастку Смалявічы – Жодзіна і на гэтым жа ўчастку 13 кастрычніка 1943 г. знішчыла 400 м тэлеграфна-тэлефоннай сувязі. У той жа дзень група байцоў таго самага ўзвода падарвала грузавую машыну з жывой сілай (немцамі) на магістралі Мінск каля вёскі Багута, калі калона рухалася ў складзе 7 машын. Яшчэ ў адным баявым данясенні паведамляецца, што група славацкага ўзвода атрада «Камунар» 12 лістапада 1943 г. з засады на магістралі ў раёне Калюга – Крывая Бяроза разбіла грузавую машыну, а 23 лістапада 1943 г. дыверсійная група на чале з камандзірам аддзялення Р. Палцутам на магістралі Слабада – Дамашаны ў дзве гадзіны ночы высекла 4 кавалкі падземнага кабеля на ўчастку Берлін – фронт і разбурыла 4 пралёты тэлеграфна-тэлефоннай сувязі [8, л. 92, 106–107, 111].

Вялікая колькасць славакаў з акупацыйных гарнізонаў вакол Мінска перайшла ў атрады брыгады «Штурмавая», што зафіксавана ў архіўнай справе № 189. У выніку распаўсюджвання ў варажых гарнізонах 300 лістовак у атрад імя Жукава ў снежні 1943 г. перайшлі два славакі з аўтамашынай і зброяй. Пасля праведзенай работы разведчыкамі атрада «Штурм» са славацкімі салдатамі на бок партызан 22 верасня 1943 г. са зброяй і боепрыпасамі (адзін чэшскі кулямёт, 800 патронаў, 4 гранаты) перайшоў салдат Франт Фіало, які потым быў прызначаны на пасаду камандзіра аддзялення. Усяго за 1943 г. у склад брыгады перайшло каля 50 славакаў, 10 немцаў, 100 паліцэйскіх [9, л. 39, 94, 164].

На неабходнасць актыўнай дзейнасці ў акупацыйных гарнізонах звяртаў увагу і Беларускі штаб партызанскага руху (БШПР). Гэта знайшло адлюстраванне ў загадзе № 001 па партызанскай брыгадзе «Разгром» Мінскай вобласці (справа № 172). У дакуменце зафіксавана, што БШПР патрабуе шырока разгарнуць глыбокую агентурна-разведвальную работу, у тым ліку па разлажэнні гарнізонаў і часцей рускай вызваленчай арміі, славакаў, палякаў, французав і забяспечыць перавод іх на бок партызан для барацьбы з фашыстамі [10, л. 388].

Аналіз архіўных спраў партызанскіх брыгад фонду 1450, вопіс 4 паказвае, што падпольныя партыйныя органы і камандаванне партызанскіх фарміраванняў надавалі важнае значэнне разгортванню работы па разлажэнні акупацыйных гарнізонаў і ўцягванні ваеннаслужачых-антыфашыстаў у барацьбу супраць гітлераўскіх захопнікаў. Адным з асноўных напрамкаў такой дзейнасці было ўздзеянне на ваеннаслужачых 2-й славацкай ахоўнай дывізіі, густая сетка гарнізонаў якой была раскідана па тэрыторыі Палескай і Мінскай абласцей. У архіўных дакументах паказаны разнастайныя формы арганізацыйнай і агітацыйнай работы па разлажэнні падраздзяленняў славакаў, што спрыяла, па-першае, уключэнню ваеннаслужачых-славакаў у антыфашысцкую дзейнасць унутры фарміраванняў дывізіі, па-другое, іх актыўнаму пераходу на бок партызан.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ). – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 274.
2. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 278.
3. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 190.
4. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 271.
5. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 273.
6. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 289.
7. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 292.
8. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 169.
9. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 189.
10. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 172.

С. Г. Лютко

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПАРТИЗАН БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Мощным фактором победы советского народа в Великой Отечественной войне являлось партизанское движение в тылу оккупантов. Наиболее эффективным и массовым оно было именно на территории нашей Родины. Партизаны Беларуси громили вражеские гарнизоны, уничтожали их пособников-коллаборационистов, участвовали во всех этапах «рельсовой войны», спасали

от нацистского рабства тысячи советских граждан, вели идеологическую борьбу с захватчиками. Вместе с тем имелся ряд проблемных вопросов, связанных с организацией вооруженной борьбы в тылу немецко-фашистских войск, успешно решенных в ходе войны. Среди них едва ли не первое место занимала проблема материально-технического обеспечения партизанских формирований.

Первоначально снабжение партизан оружием и боеприпасами осуществлялось за счет захваченных трофеев и сбора их на местах боев. Так, в Директиве НКГБ СССР № 222 от 16 июля 1941 г. в отношении снабжения партизанских отрядов оружием и боеприпасами предписывалось помимо выделяемого количества при комплектовании отрядов также использовать возможность добыть их в прифронтовой полосе за счет брошенного немецкими и советскими войсками. Для сбора оружия и боеприпасов заблаговременно выделялись в прифронтовую полосу небольшие группы партизан с целью спрятать их в определенных местах [1].

В то же время в источниках отмечается крайне низкая обеспеченность первых забрасываемых летом 1941 г. в тыл противника групп, на базе которых создавались партизанские отряды. Например, первые направленные в оккупированную Беларусь диверсионно-разведывательные и организаторские группы не имели даже средств связи [2, с. 142]. В дальнейшем при организации партизанской борьбы подготовке организаторских групп и отрядов, их обеспечению всем необходимым стало уделяться больше внимания. В «Указаниях по формированию и обучению партизанских отрядов» от 23.04.1942 г. предписывалось организовать работу при создании партизанских отрядов с таким расчетом, чтобы в срок не более месяца опорный отряд превратился в партизанскую бригаду из 8–9 отрядов общей численностью 400–500 человек. При этом предписывалось в каждом партизанском отряде иметь запас боеприпасов, взрывчатых веществ, ракет, радиостанцию, фотоаппарат, а также сухой паек на 10 дней, считая с перехода линии фронта [3, л. 200].

Есть много примеров, когда, находясь в сложных условиях, партизаны создавали собственное кустарное производство и налаживали ремонт и восстановление стрелкового, а иногда и легкого артиллерийского вооружения. Посетители Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны могут видеть своими глазами образцы вооружения, созданного в партизанских мастерских.

Еще одним источником материально-технического обеспечения партизанских бригад и отрядов были подпольщики. Начиная с лета 1942 г., благодаря единой и разветвленной системе управления антигерманским сопротивлением, хорошо организованному взаимодействию партизан и подпольщиков, был налажен обмен разведанными, партизанские отряды и бригады стали получать от подпольщиков оружие, боеприпасы, пишущие машинки, радиоприемники.

Расширение партизанского движения, активная боевая деятельность партизанских отрядов, появившихся партизанских соединений, возрастающие потребности в оружии, боеприпасах, средствах связи, минно-взрывном

вооружении, позволявших партизанам добиваться эффективных результатов, не вступая в открытое непосредственное боевое соприкосновение с противником, – всё это вызвало необходимость создания в Центральном штабе партизанского движения (ЦШПД) отдела материально-технического снабжения. Отдел был создан 20 июня 1942 г., и с этого времени началось централизованное и планомерное снабжение партизанских формирований оружием, боеприпасами, минно-подрывной техникой, вещевым, медицинским имуществом и продовольствием.

По ходатайству ЦШПД для доставки партизанам боевых грузов, агитационной литературы, а также для эвакуации раненых и больных, детей, женщин и стариков решением Государственного Комитета Обороны (ГКО) летом 1942 г. в его распоряжение были выделены транспортные авиачасти. С августа по октябрь 1942 г. они совершили около 500 самолето-вылетов. В доставке партизанам грузов участвовали и самолеты фронтовой авиации. Например, только на территории Минской области действовало 11 партизанских аэродромов и основных посадочных площадок, используемых для связей с «большой землей» [4, с. 478–479].

Всего в течение лета и осени 1942 г. штабы партизанского движения доставили за линию фронта: 7 500 автоматов и 5 000 000 патронов к ним, 7 500 винтовок, карабинов и 6 000 000 патронов к ним, 681 противотанковое ружье и 216 000 патронов к ним, 600 ручных пулеметов, 182 000 ручных и 17 000 противотанковых гранат, 600 минометов, 46,5 т тола, 29 000 магнитных мин, 68 000 капсулей-детонаторов, 7 500 колесных замыкателей для подрыва рельсов и подвижного состава и др. [5].

Эти поставки с «большой земли» осуществлялись не только по воздуху, но и через разрывы в советско-германском фронте, например, через Суражские «ворота». Зимой 1942 г. в результате успешного наступления Красной армии между Велижем и Усвятами на флангах немецких групп армий «Север» и «Центр» образовался 40-километровый разрыв, который заняла 1-я Белорусская партизанская бригада Батьки Миняя (командир – М. Ф. Шмырёв). На участке Усвяты – Тарасенки вдоль берега р. Западная Двина белорусские партизаны около шести месяцев удерживали полосу, через которую можно было свободно переходить из оккупированной немецко-фашистскими войсками Беларуси на освобожденную и контролируемую Красной армией территорию. Через Суражские «ворота» на «большую землю» уходили мирные жители, эвакуировали раненых, перегоняли скот, вывозили зерно, здесь же партизаны получали оружие, боеприпасы и медикаменты, проходили диверсионно-разведывательные группы. Во взаимодействии с частями 4-й Ударной Армии Калининского фронта Суражские «ворота» удерживались до октября 1942 г. [6].

Со временем, с расширением партизанского движения и появлением партизанских краев, партизаны на освобожденных землях стали организовывать свое хозяйство.

Гражданское население и партизаны нередко оказывали помощь друг другу. Позитивное отношение местного населения к партизанам было одним

из главных условий успеха партизанского движения. Однако наличие такого источника обеспечения, как насильственное изъятие продуктов и вещей у населения, зачастую вызывало неприязнь по отношению к партизанам. К сожалению, случаи грабежа партизанами мирного населения указаны как в донесениях оккупантов и коллаборационистов [7, л. 5–6; 8, л. 99, 109], так и в советских источниках [9, л. 111–116]. Отмечались также нередкие случаи, когда, называясь партизанами, различные мародеры и грабители терроризировали местное население хуже, чем немецкие оккупанты.

Подобные действия не могли не обратить на себя внимания руководства партизанским движением. В июне–июле 1943 г. Белорусским штабом партизанского движения была проведена инспекция партизанских бригад, действующих на территории Беларуси. В результате выявилось, что некоторые из партизанских формирований действительно занимались грабежом местного населения. При этом они почти не вели боевых действий с противником, ограничиваясь лишь частыми сменами мест дислокации; воинская дисциплина в них была крайне низкая; отмечалась слабость командования. К таким относились, например, партизанские бригады «За Советскую Белоруссию» (командир – И. И. Блин-Власов, затем – С. Т. Кононов), «Разгром» (командир – П. Т. Клевакин), «За Родину» (командир – Ф. Ф. Тараненко). Проверочная комиссия пришла к выводу, что главной причиной негативных явлений, имевших место в партизанской среде и в отношениях партизан с местным населением, были слабость командования и низкие морально-деловые качества отдельных командиров бригад и отрядов [10, л. 38–40, 84].

По результатам этой инспекции управление БШПД летом – осенью 1943 г. приняло ряд решительных мер по искоренению негативных моментов в партизанской среде, направленных на укрепление дисциплины и оздоровление морально-психологического климата среди народных мстителей, в первую очередь по отношению к командованию партизанских бригад и отрядов. Некоторые командиры были отстранены от занимаемых должностей, исключены из партии и направлены «на передовую» – т. е. привлекались к выполнению наиболее опасных и тяжелых заданий. К самым недисциплинированным применяли даже крайние меры, вплоть до расстрела. В то же время в партизанских формированиях была значительно усилена партийно-политическая работа. В результате проделанной работы ситуация сильно изменилась, и очередные проверочные комиссии, работавшие в партизанских формированиях по вопросам укрепления воинской дисциплины зимой 1943–1944 гг., отмечали значительные улучшения в этом отношении [11; 12, л. 124; 13].

В целом можно выделить следующие источники материально-технического обеспечения партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны: сбор боеприпасов, вооружения и военной техники на местах боевых действий; захват их у противника; поставки с «большой земли»; местное население; подпольщики; собственное хозяйство и производство. Важным является и то, что отношение местного населения к партизанам играет большую роль для достижения эффективности партизанской борьбы,

и для обеспечения поддержки населением партизанских формирований необходимо исключить и решительно пресекать всякие попытки грабежа и насилия партизанами местных жителей. В партизанских формированиях должны быть установлены и постоянно поддерживаться твердые воинская дисциплина и порядок.

Накопленный в ходе Великой Отечественной войны богатый опыт решения проблем организации вооруженной борьбы на территориях, временно оккупированных противником, имеет большую практическую значимость и должен быть учтен при строительстве территориальной обороны в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попов, А. Ю.* Диверсанты Сталина [Электронный ресурс] / А. Ю. Попов // Военная литература [Военная история]. – Режим доступа: militera.lib.ru/h/porov_au2/01.html. – Дата доступа: 15.04.2010.
2. *Пономаренко, П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944 / П. К. Пономаренко. – М. : Наука, 1986. – 440 с.
3. Указания по формированию и обучению партизанских отрядов от 23.04.1942 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. Оп. 3. Д. 1214.
4. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авт. коллектива), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
5. Совершенствование руководства борьбой советских людей в тылу врага [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://victory.mil.ru/war/1942/war/03_02.html. – Дата доступа: 22.04.2010.
6. *Потапов, Н.* Батяка Минай. Беларусь: Имя в истории / Н. Потапов // 7 дней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://7days.belta.by/7days.nsf/last>. – Дата доступа: 23.04.2010.
7. Палітычныя агляды старшын воласьцей па Менскай акрузе // НАРБ. – Ф. 400. Оп. 1. Д. 1.
8. Протоколы заседаний бургомистров волостных управ, волостных председателей и старост деревень Минского района // Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 623. Оп. 1. Д. 2.
9. Докладная в ЦК КП(б)Б от А. И. Мурашко // НАРБ. – Ф. 4. Оп. 29. Д. 12.
10. Докладная записка уполномоченного БШПД Козлова от 8.07.1943 г. // НАРБ. – Ф. 3500. Оп. 4. Д. 129.
11. Материалы боевой деятельности партизанской бригады «За Советскую Белоруссию» // НАРБ. – Ф. 3500. Оп. 4. Д. 144, 144а, 145, 146.
12. Объяснительная записка к отчету о боевых действиях 3-й Минской Красной партизанской бригады им. С. М. Будённого за февраль 1944 г. // НАРБ. – Ф. 3500. Оп. 4. Д. 129.
13. Отчет о проделанной боевой и диверсионной работе бригады им. К. Е. Ворошилова за март месяц 1944 г. // НАРБ. – Ф. 3500. Оп. 4. Д. 129.

В. Г. Мазец

**УКЛАД ДЭПУТАТАЎ ВЯРХОЎНАГА САВЕТА БССР
ПЕРШАГА СКЛІКАННЯ Ё ПЕРАМОГУ Ё ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЕ**

Сакратар Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР першага склікання Лазар Еўдакімавіч Папкоў у сваіх успамінах пісаў: “я добра памятаю, як М. І. Калінін пры сустрэчах са мной падчас вайны заўсёды захапляўся гераізмам беларускага народа. Ён казаў, што беларускі народ – гэта слаўны гераічны народ. Беларуская ССР унесла выдатны ўклад у справу разгрому фашызму” [1, арк.9].

Неабходна адзначыць, што і прадстаўнікі вышэйшага заканадаўчага органа рэспублікі – Вярхоўнага Савета – зрабілі вялікі ўклад у набліжэнне Перамогі над нацысцкай Германіяй.

Паводле архіўных дакументаў, 88 дэпутатаў Вярхоўнага Савета БССР, з якімі да мая 1942 г. Прэзідыум Вярхоўнага Савета БССР устанавіў сувязь, змагаліся з ворагам у шэрагах Чырвонай арміі [2, арк. 145 – 145 адв.].

Так, у чэрвені 1941 г. добраахвотна ўступіла ў шэрагі Чырвонай арміі дэпутат Вярхоўнага Савета БССР ад Клімавіцкай сельскай выбарчай акругі Вера Філіпаўна Харланова і, пачаўшы вайну радавым байцом, скончыла яе ў званні капітана. За праяўлены гераізм В.Ф. Харланова была ўзнагароджана ордэнамі: Чырвонай Зоркі, Айчыннай вайны II ступені, Працоўнага Чырвонага Сцяга, а таксама медалямі: “За абарону Ленінграда” і “За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.” [3, с. 84–85].

З 16 ліпеня 1941 года супраць германскіх акупантаў у складзе 79-га палка войскаў НКУС змагаўся дэпутат Вярхоўнага Савета БССР ад Друйскай выбарчай акругі Фядот Паўлавіч Аксёнаў. З 19 ліпеня 1941 г. па 7 сакавіка 1942 г. ён быў камісарам бронецягніка, а пасля гэтага – інструктарам прапаганды пры палітчастцы палка [4, арк. 107]. За ўдзел у баях з германскім фашызмам камандаваннем часці і злучэння быў узнагароджаны ордэнам Айчыннай вайны II ступені, медалём «Партызану Айчыннай вайны» I ступені [5].

Дэпутат ад Гродзенскай Цэнтральнай выбарчай акругі, палкоўнік Іван Барысавіч Пазнякоў з чэрвеня 1941 г. па жнівень 1942 г. узначальваў аддзяленне палітаддзела 3-й арміі па працы сярод войскаў Чырвонай арміі і партызан, а са жніўня 1942 г. па 1944 г. змагаўся ў тыле ў якасці трэцяга сакратара Віцебскага падпольнага абкама КПБ(б). 16 верасня 1943 г. ён быў узнагароджаны ордэнам Баявога Чырвонага Сцяга, 1 студзеня 1944 г. – ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга, а таксама медалямі «Партызану Айчыннай вайны», «За перамогу ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» і «За доблесную працу ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.» [6, арк. 453–454].

Прадстаўнікі вышэйшага заканадаўчага органа БССР прынялі актыўны ўдзел у партызанскім руху, у тым ліку як яго арганізатары. Так, дэпутат ад Віцебскай Кагановіцкай акругі П. К. Панамарэнка ўзначаліў створаны 30 мая 1942 г. Цэнтральны штаб партызанскага руху, а дэпутат Чашніцкай выбарчай акругі Пётр Захаравіч Калінін – Беларускі штаб партызанскага руху (БШПР).

Першым намеснікам начальніка БШПР з'яўляўся дэпутат ад Клецкай выбарчай акругі Рыгор Барысавіч Эйдзінаў [3, с. 79]. Дэпутат ад Беластоцкай Слабадскай акругі Мікалай Іванавіч Прохараў у гады Вялікай Айчыннай вайны быў начальнікам спецыяльнай школы БШПР [3, с. 83].

Літаральна з першых дзён вайны актыўна ўключыўся ў барацьбу з нямецка-фашысцкімі захопнікамі дэпутат Вярхоўнага Савета БССР ад Калінкавіцкай выбарчай акругі Фёдар Рыгоравіч Маркаў. У верасні 1941 г. ён узначаліў спецгрупу, у маі 1942 г. – партызанскі атрад імя А. В. Суворова, з лістапада 1942 г. – партызанскую брыгаду імя К. Я. Варашылава. З 16 верасня 1941 г. па 1 лютага 1944 г. партызаны пад камандаваннем Ф. Р. Маркава знішчылі 19 641 нямецкага салдата і афіцэра, быў разгромлены 31 гарнізон ворага, спушчана пад адхон 218 варожых эшалонаў з жывой сілай і тэхнікай, падарваны 21 чыгуначны і 221 шашэйны мост, парэзана 265 км сувязі, 9 км кабеля, знішчаны 21 танк, 60 бронемашын. За гераізм, праяўлены ў змаганні з ворагам, Ф. Р. Маркаў быў удастоены звання Героя Савецкага Саюза, узнагароджаны двума ордэнамі Леніна, ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга, медалямі “Партызану Айчыннай вайны” I і II ступені, “За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.” [3, с. 81–82].

У пачатку Вялікай Айчыннай вайны дэпутат Вярхоўнага Савета ад Целеханскай выбарчай акругі Іван Дзмітрыевіч Ветраў удзельнічаў у падборы і адпраўцы людзей у тыл ворага для арганізацыі падпольнай барацьбы і партызанскага руху. З восені 1941 г. ваяваў з ворагам на Калінінскім і Бранскім франтах, а ў чэрвені 1942 г. быў адкліканы з дзеючай арміі ў распаджэнне ЦК КП(б)Б і БШПР. Са жніўня 1943 г. І. Д. Ветраў узначаліў Палескае партызанскае злучэнне [3, с. 85–86].

Дэпутат Вярхоўнага Савета БССР ад Бараўлянскай выбарчай акругі Якім Аляксандравіч Жылянін з пачаткам Вялікай Айчыннай вайны быў прызначаны ўпаўнаважаным Эвакуацыйнай рады пры СНК СССР, а з красавіка 1942 г. удзельнічаў у арганізацыі партызанскага руху ў Віцебскай вобласці [3, с. 60].

Адным з кіраўнікоў партызанскага руху ў Віцебскай вобласці ў гады Вялікай Айчыннай вайны быў дэпутат ад Грозаўскай выбарчай акругі Мікалай Арцёмавіч Рашэтнікаў.

Гераічна змагаўся з фашыстамі ў тыле ворага дэпутат ад Краснапольскай выбарчай акругі Касьян Яўстаф’евіч Баброў.

У “Справаздачы за праведзеную працу падчас Айчыннай вайны”, накіраванай у Прэзідыум Вярхоўнага Савета БССР, ён адзначаў:

“Я, Дэпутат, знаходзіўся 12 верасня 1941 г. да 29 верасня 1943 г. у тыле ворага. З кастрычніка месяца 1941 г. па сакавік месяц 1943 г. быў начальнікам Касцюковіцкага партызанскага атрада. З сакавіка месяца 1943 г. па 29 верасня 1943 г. быў камісарам партызанскага атрада за Савецкую Беларусь, які дзейнічаў на тэрыторыі Магілёўскай вобласці” [4, арк. 335]. У справаздачы былі паказаны вынікі барацьбы партызан Магілёўшчыны супраць акупантаў з верасня 1941 г. па верасень 1943 г.:

“1) Пушчана пад адхон воінскіх нямецкіх эшалонаў, якія ішлі на фронт – 28.

2) Разбіта паравозаў – 25, пашкоджана – 3

3) Разбіта вагонаў – 223, з іх класных – 10

4) Разбіта платформаў – 64

5) Забіта нямецкіх салдат і афіцэраў – 1341, паранена салдат і афіцэраў – 64

6) Разбіта і спалена аўтамашын – 33

7) Разбіта танкаў у эшалонах – 31

8) Разбіта вагонаў з боепрыпасамі і авіябомбамі – 43

9) Захоплена ў палон – 42 паліцэйскіх, з іх як заўзятых фашыстаў расстраляна – 18.

10) Разгромлена 9 гітлераўскіх гарнізонаў” [4, арк. 336 адв.–337].

Касьян Яўстаф’евіч адзначаў, што партызанскі атрад, які змагаўся ў Касцюковіцкім раёне, быў узброены “выключна за кошт трафейнай зброі”. Партызаны ў баях здабылі 9 ручных кулямётаў, 1 станковы кулямёт, 95 вінтовак, 18 тысяч патронаў, 4 аўтаматы, 6 пісталетаў. Акрамя таго, мясцовыя жыхары Касцюковіцкага, Хоцімскага, Калінкавіцкага і Краснапольскага раёнаў збіралі і перадавалі зброю народным мсціўцам, а таксама “самі ішлі са зброяй у руках у партызаны” [4, арк. 337].

Дэпутат Вярхоўнага Савета Беларускай ССР ад Свіслацкай выбарчай акругі, ураджэнец в. Болтрыкі Свіслацкага раёна Мікалай Мікалаевіч Болтрык з пачатку ваенных дзеянняў разам з часцямі Чырвонай арміі адыходзіў у савецкі тыл. Калі прыбыў у Мінск, то з урада нікога не сустрэў, бо ў горадзе ўжо былі немцы. 17 ліпеня 1941 г. вярнуўся ў свой раён і арганізаваў партызанскую групу. У красавіку 1942 г. Мікалай Мікалаевіч Болтрык з групай партызан перабраўся ў Белавежскую пушчу. Там яны ўліліся ў партызанскі атрад капітана Канцадайлава, дзе ён быў камандзірам. Гэтай партызанскай групай за 1942 год пад адхон было пушчана звыш 15 варожых эшалонаў з жывой сілай і тэхнікай [4, арк. 494].

У пачатку траўня 1943 г. група капітана Канцадайлава далучылася да атрада ім. Суворова брыгады “Савецкая Беларусь” Брэсцкага злучэння. М. М. Болтрык адзначаў: “атрадам праведзена вялікая праца, спусчана пад адхон да сотні варожых эшалонаў з жывой сілай і тэхнікай суперніка, знішчана сотні аўтамашын, шмат шашэйных і чыгуначных мастоў. Забіта каля 4-х тысяч гітлераўцаў” [4, арк. 494].

Дэпутат Вярхоўнага Савета БССР ад Лемяшэўскай выбарчай акругі, ураджэнец в. Мерчыцы Жабчыцкага раёна Пінскай вобласці Марк Герасімавіч Піскун 19 мая 1941 г. быў прызваны ў шэрагі РСЧА ў г. Брэсце. З 22 чэрвеня 1941 г. па 26 чэрвеня 1941 г. ён быў у акружэнні, дзе і патрапіў у нямецкі палон. У лагеры ваеннапалонных у г. Бяла-Падляска М. Р. Піскун знаходзіўся да 26 ліпеня 1941 г. і падчас працы на аэрадроме Малашэвічы ўцёк з нямецкага палону. Да 1 жніўня 1942 года ён з групай з 4 чалавек хаваўся на тэрыторыі Жабчыцкага р-на Пінскай вобласці. 1 жніўня 1942 г.

Марк Герасімавіч уступіў у атрад імя Лазо Молатаўскай брыгады Пінскага злучэння. 1 кастрычніка 1943 г. быў пераведзены ў Пінскую партызанскую брыгаду, дзе працаваў упаўнаважаным членам Пінскага падпольнага гаркама КП(б) Беларусі да 30 красавіка 1944 г. М. Г. Піскун праводзіў глыбокую разведку ў Пінску і вобласці, а таксама мэтанакіраваную працу па разлажэнні нямецкіх і мадзьярскіх гарнізонаў. Праведзеная праца мела добры вынік – на бок партызанаў перайшлі 3 мадзьярскія афіцэры і 16 уласаўцаў, а таксама былі захоплены грузавая машына, 2 кулямёты, 3 аўтаматы і 3 вінтоўкі [6, арк. 494 адв.].

У архіўнай даведцы, датаванай 15 снежня 1942 г., адзначалася: усяго было абрана – 475 дэпутатаў, выбыў – 41 дэпутат [7, арк. 146]. Прыведзеныя лічбы – гэта не проста статыстыка. У іх адлюстраваны лёсы людзей – прадстаўнікоў вышэйшага заканадаўчага органа Рэспублікі.

Так, у спісе выбыўшых па стане на снежань 1942 г. у архіўных дакументах значацца 24 дэпутаты Вярхоўнага Савета БССР: Мікалай Іванавіч Яжоў, Анатоль Андрэевіч Ананьеў, Пётр Якаўлевіч Радноў, Васіль Міхайлавіч Серышаў, Міхаіл Пракопавіч Кавалёў, Аляксей Фёдаравіч Кунцэвіч, Васіль Міхайлавіч Ягадкін, Васіль Бенедыктавіч Якавіцкі, Міхаіл Аляксандравіч Стаяноўскі, Сяргей Іванавіч Марозаў, Аляксей Аляксеевіч Наседкін, Сцяпан Мацвеевіч Раманенка, Яўціхій Кірылавіч Валчкоў, Залман Ісакавіч Каўфман, Дзмітрый Еўдакімавіч Казачонак, Зорух Мееравіч Марошак, Самуіл Іосіфавіч Шліфенсон, Іосіф Канстанцінавіч Вярхоўчык, Уладзімір Іванавіч Дарожка, Павел Аляксеевіч Міхайлец, Іван Сямёнавіч Гардзееў, Іван Васільевіч Германюк, Канстанцін Міхайлавіч Гусеў, Уладзімір Яфімавіч Клімаўскіх [7, арк.147].

На франтах, паводле архіўнай даведкі, да снежня 1942 г. загінулі 10 дэпутатаў Вярхоўнага Савета першага склікання: Мікалай Іванавіч Сіротка, Фёдар Іванавіч Шлыкаў, Адам Міхайлавіч Мацюшка, Барыс Ханонавіч Перачынскі, Аляксей Іванавіч Сакалоў, Павел Антонавіч Куксянок, Ніна Рыгораўна Стасенка, Іван Емяльянавіч Пташкін, Сцяпан Дзмітрыевіч Акімаў і Фёдар Акімавіч Верашчагін [7, арк.147].

Прапаўшымі без вестак лічыліся Яфрэм Іванавіч Гладышаў, Аляксей Герасімавіч Кульган, Марыя Афанасьеўна Чарнышова, Мікіта Паўлавіч Баброў і Аляксей Фёдаравіч Цвяткоў, а памерлымі – Іван Дамінікавіч Луцэвіч, Пелагея Астапаўна Якуш, Сяргей Іванавіч Мальцаў, Карп Цярэнцьевіч Жулеха, Еўдакія Юльянаўна Трафімчук [7, арк.147].

На аснове аналізу архіўных дакументаў і іншых крыніц удалося ўсталяваць, што загінулых і зніклых без вестак дэпутатаў за 1941–1942 гг. было больш, чым у прыведзенай вышэй даведцы.

Так, ужо ў першыя дні вайны загінуў дэпутат ад Старобінскай выбарчай акругі, малодшы лейтэнант 89-га пагранічнага атрада Рыгор Іларыёнавіч Усаценка [8]. Дэпутат ад Суражскай выбарчай акругі Аніскавец Васіль Трафімавіч, “знаходзячыся на фронце ў раёне Клімавічы-Касцюковічы, у жніўні 1941 г. трапіў у акружэнне” [4, арк.139]. Пра далейшы лёс В. Т. Аніскаўца

дадзеных не было выяўлена. Згодна з даведкай загадчыка групы пры ЦК КП(б)Б па вядзенні спраў БШПР Шамецкі, дэпутат Вярхоўнага Савета БССР па Езярышчанскай выбарчай акрузе Рыбікаў Мікалай Абрамавіч “знаходзіўся ў брыгадзе Дз’ячкова з 13.7.1941 г. на пасадзе байца, у снежні 1941 г. расстраляны немцамі”. Апавяшчэнне № ок/316к/23582 было выдадзена жонцы Рыбікавай Еўдакіі Сямёнаўне [9, арк. 154].

Па інфармацыі начальніка аддзела кадрў Беларускага штаба партызанскага руху падпалкоўніка В. Раманава, дэпутат Вярхоўнага Савета БССР па Рудзенскай выбарчай акрузе Анціповіч Іван Васільевіч “знаходзіўся ў партызанскім атрадзе № 208, памёр у студзені 1942 г.” [4, арк.139].

У выніку праведзенага расследавання факта гібелі дэпутата Вярхоўнага Савета БССР па Стайкаўскай выбарчай акрузе Арцімені Марка Аляксандравіча было ўстаноўлена, што “Арціменя ў верасні месяцы 1941 г. сапраўды быў арыштаваны камендантам Гарадзішчанскай паліцыі. Далейшы яго лёс невядомы” [4, арк. 109].

Дэпутат па Лунінецкай выбарчай акрузе, член Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларускай ССР Усевалад Іванавіч Анісімаў, як сведчаць архіўныя даныя, “да пачатку Вялікай Айчыннай вайны працаваў сакратаром Лунінецкага РК КП(б)Б і як і іншыя таварышы пакінуты ў тыле ў немцаў для арганізацыі партызанскага руху і у жніўні месяцы 1942 г. загінуў” [4, арк.193].

Да канца 1942 г. у змаганні з ворагам загінулі дэпутаты Вярхоўнага Савета БССР Марк Аляксеевіч Арціменя, Мікалай Іванавіч Бялевіч, Ціхан Піменавіч Бумажкоў, Мікалай Міхайлавіч Быстроў, Аляксандр Кузьміч Волчак, Іван Антонавіч Валынец, Яфрэм Іванавіч Гладышаў, Сямён Андрэевіч Ганчароў, Іван Адамавіч Казакевіч, Аляксандра Дзмітрыеўна Касьяновіч, Яўгенія Карпаўна Кішчанка, Ганна Аляксандраўна Кракоўская, Аляксандр Герасімавіч Кульган, Аляксей Фёдаравіч Кунцэвіч, Мікіта Фёдаравіч Ляжнін, Канстанцін Емяльянавіч Леановіч, Дзмітрый Фёдаравіч Маркін, Адам Міхайлавіч Мацюшка, Павел Іванавіч Мізараў, Іван Федасеевіч Церахаў і інш. [3, с. 135–201].

133 дэпутаты Вярхоўнага Савета Беларускай ССР першага склікання былі эвакуіраваны ў розныя рэспублікі і вобласці СССР і там сваёй працай набліжалі Перамогу. Больш за ўсё дэпутатаў знаходзілася ў Маскве – 45 чалавек, у Саратаўскай вобласці – 14, Куйбышаўскай – 8, Чкалаўскай – 9, Тамбоўскай – 8, Свядлоўскай – 5, Чалябінскай – 5, Новасібірскай – 7, Горкаўскай – 6, Кіраўскай – 4, Пензенскай вобласці – 3, Казахскай ССР – 6, Татарскай АССР – 6. У тылавых раёнах СССР дэпутаты працавалі на наступных пасадах: сакратарамі абкамаў, райкамаў і гаркамаў партыі – 5 чалавек, старшынямі аблвыканкамаў і райвыканкамаў – 2, старшынямі выканкамаў сельсаветаў – 2, майстрамі, брыгадзірамі на заводах і фабрыках – 9, на чыгуначным транспарце на розных кіруючых і гаспадарчых пасадах – 15, у калгасах і саўгасах – 9 [7, арк. 145–145 адв.].

У Прэзідыум Вярхоўнага Савета ад дэпутатаў Вярхоўнага Савета доволі часта паступалі запыты аб тым, у чым заключаліся іх абавязкі, калі яны

эвакуіраваны ў тыл СССР і па сутнасці не мелі сувязі са сваімі выбаршчыкамі. Прэзідыум Вярхоўнага Савета БССР лічыў неабходным параіць дэпутатам Вярхоўнага Савета выконваць свае дэпутацкія абавязкі, зыходзячы з канкрэтных абставін і ўмоў па месцы працы, і звярнуўся 13 студзеня 1943 г. да эвакуіраваных дэпутатаў з лістом-інструкцыяй [6, арк. 294].

У ёй было адзначана, што існуючыя ўмовы выклікаюць неабходнасць устанаўлення сувязі дэпутатаў Вярхоўнага Савета БССР з эвакуіраваным насельніцтвам Беларусі незалежна ад таго, з'яўляюцца яны выбаршчыкамі гэтага дэпутата, ці не з'яўляюцца. Указвалася на неабходнасць аказваць дапамогу эвакуіраванаму насельніцтву Беларусі праз мясцовыя савецкія органы ў іх працаўладкаванні, забеспячэнні жыллём, дапамагаць ва ўстанаўленні пенсій сем'ям загінуўшых на фронце і ў партызанскіх атрадах.

Дэпутатам Вярхоўнага Савета БССР прапаноўвалася звярнуцца да выбаршчыкаў з артыкуламі аб сваёй працы ў газеце “Савецкая Беларусь”, а таксама па радыёстанцыі “Савецкая Беларусь” [6, арк. 10].

Дэпутат Вярхоўнага Савета БССР ад Лідскай слабадскай выбарчай акругі Іван Дамінікавіч Луцэвіч і дэпутат ад Свэржаньскай выбарчай акругі Канстанцін Міхайлавіч Міцкевіч не змагаліся з фашысцкімі акупантамі са зброяй у руках. Але іх творчасць была не менш страшнай для гітлераўцаў, чым удары рэгулярных савецкіх войскаў і партызанскіх атрадаў, кожны з якіх быў важным крокам да вызвалення роднай зямлі і перамогі над смяротным ворагам.

Ужо 24 чэрвеня 1941 г. з'явіўся верш Якуба Коласа на беларускай мове, апублікаваны ў першым ваенным нумары газеты “Правда”, – “Шалёнага пса – на ланцуг!”. “Душою і сэрцам мы з вамі, героі”, “Фашысцкім бандытам”, “На абарону”, “Смерць разбойнікам”, “Абаронцам роднай зямлі”, “Народу-барацьбіту”, “На звера”, “У цяжкую часіну”, “Бацьку Мінаю”, «Байцам камандзірам Чырвонай Арміі», «Помсці» – уся паэзія (127 вершаваных твораў) і проза ваенных гадоў беларускага песняра былі напоўнены болей нявінных ахвяр нацысцкіх злачынцаў, пачуццём нянавісці да захопнікаў і пагарды да здраднікаў, захапленнем подзвігам, верай у непазбежнасць перамогі.

Тое ж можна сказаць і пра творчасць тых гадоў Янкі Купалы: “Беларускім партызанам”, “Дзевяць асінавых колляў”, “Зноў будзем шчасце мець і волю”, “На Гітлера-звера”, “Паўстаў народ”, “Хлопчык і лётчык на вайне”. За твор “Дзевяць асінавых колляў” спадкаемцы ахвяр Халакосту называюць Я. Купалу духоўным праведнікам свету [3, с. 87].

Рэдактарам франтавой газеты “За Савецкую Беларусь” на працягу 1941–1942 гг. працаваў дэпутат Вярхоўнага Савета БССР ад Жабчыцкай выбарчай акругі Міхась Ціханавіч Лынькоў – старшыня Саюза пісьменнікаў Беларусі.

24 чэрвеня 1941 г. пасля бамбардзіроўкі дэпутат ад Мінскай Варашылаўскай выбарчай акругі, народны артыст рэспублікі (з 1968 г.), кампазітар Анатоль Васільевіч Багатыроў разам з жонкай накіраваўся пешшу ў бок

Масквы. Там ён атрымаў прызначэнне ў Свядлоўск на працу ў якасці прафесара і намесніка дырэктара Кансерваторыі па навукавай і навучальнай частцы. Працуючы ў Свядлоўску, А. В. Багатыроў напісаў кантату для хору на словы Джамбула Джабаева “Ленінградцы, дзеці мае!”, песню на словы Янкі Купалы “Беларускім партызанам”, кантату на вершы Пімена Панчанкі “Дарагая мая Беларусь”, а таксама пачаў пісаць патрыятычную оперу “Надзея Дурава”.

3 жніўня 1942 г. ён звярнуўся з лістом да Старшыні Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР Нічыпара Якаўлевіча Наталевіча, у якім ён выказаў просьбу пасадзейнічаць як мага больш хуткаму пераводу з Свядлоўска ў Маскву: “Прабачце, што я турбую Вас у такі суровы час, але я змушаны гэта зрабіць. Больш за год доўжыцца Айчынная вайна з германскім фашызмам, які захапіў нашу родную Беларусь. Усе работнікі навукі і мастацтва ўдзельнічаюць у барацьбе з азвярэлым ворагам нашага народа. Я таксама за гэты час напісаў шэраг твораў на тэксты Коласа, Танка, Панчанкі, Астрэйкі і інш. Акрамя таго, мною вядзецца вялікая праца па кіраўніцтве навукавай дзейнасцю Свядлоўскай кансерваторыі, якая з’яўляецца зараз цэнтральнай кансерваторыяй Саюза” [4, арк. 369].

Анатоль Васільевіч адзначаў: “Мною таксама была аказана значная дапамога эвакуіраваным беларусам у дачыненні да іх уладкавання. Цяпер я атрымаў запрашэнне прыехаць у Маскву для пачатку працы над операй для беларускага опернага тэатра. Але выкліку тэлеграфнага з паметкай «урадавая» я не атрымаў і не магу атрымаць пропускі і квіткі. Не разумею, у чым справа, чаму я аказаўся дагэтуль не выкліканым у Маскву, тады як туды выклікана шмат вядучых работнікаў беларускага мастацтва. Вельмі прашу Вас дапамагчы мне ў атрыманні ўрадавага выкліку і найбольш мэтазгодна гэта зрабіць праз т. Храпчанку ці яго намесніка, праз якіх я атрымаю адпачынак у кансерваторыі” [4, арк.369 адв.]. 10 жніўня 1942 г. у Свядлоўск была накіравана адпаведная тэлеграма СНК БССР з прапановай камандзіраваць у Маскву кампазітара Багатырова [4, арк. 371].

Красамоўным прыкладам самаадданай працы ў глыбокім тыле з’яўляецца дзейнасць дэпутата Вярхоўнага Савета БССР Алены Кірэеўны Жур.

У жніўні 1941 г. А. К. Жур прыйшлося эвакуіравацца ў Саркандскі раён Алма-Ацінскай вобласці Казахстана, дзе яе прызначылі дырэктарам маслазавода. На гэтай пасадзе яна працавала больш за год, а затым перайшла на звыклую і знаёмую ёй партыйную працу. Спачатку яе абралі загадчыцай арганізацыйнага аддзела, а затым сакратаром Саркандскага райкама партыі па кадрах. На гэтай пасадзе яна працавала да вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Была ўзнагароджана ордэнам Айчыннай вайны II ступені, медалямі “За доблесную працу ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.”, “За перамогу над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.” [3, с. 103].

3 7 ліпеня 1941 г. працавала на Саратаўскай тытунёва-махорачнай фабрыцы дэпутат Вярхоўнага Савета БССР ад Гродзенскай Занёманскай акругі

Вера Андрэеўна Ражкоўская. Працу сваю дэпутат Ражкоўская выконвала добрасумленна, пра што сведчыць характарыстыка: “Сваю норму т. Ражкоўская перавыконвае на 120 – 200%” [9, арк. 128].

Дэпутаты Вярхоўнага Савета БССР набліжалі перамогу над ворагам, не толькі праяўляючы гераізм у ратных справах і працы, але і адлічваючы свае фінансавыя сродкі ў фонд абароны краіны. Так, дэпутат Любчанскай акругі Тарас Андрэевіч Шэйбак 11 чэрвеня 1942 г. у сваім лісце ў Прэзідыум Вярхоўнага Савета БССР адзначаў:

“Грошы высланыя дэпутацкія на суму 2041 руб. 16 к. па паштовым пераводзе ад 25.4.42 г. Прэзідыумам Вярхоўнага Савета БССР атрымаў, аб чым паведамляю.

З гэтай сумы ўнесена адна тысяча руб /1000/ у фонд абароны краіны ў касу 287 стралковага палка НКУС 13 траўня 1942 г.

У наступны раз таксама прашу адлічыць у фонд абароны краіны 50 % з належнай мне сумы” [10, арк. 323].

Значную дапамогу эвакуіраваным у Шырока-Буеракскі раён Саратаўскай вобласці землякам-беларусам аказвала дэпутат Вярхоўнага Савета БССР ад Даманавіцкай выбарчай акругі Яўгенія Іванаўна Сухадольская, якая працавала ў гады вайны загадчыцай Шырока-Буеракскага раённага аддзела народнай адукацыі. У лісце ў Прэзідыум Вярхоўнага Савета БССР яна адзначала:

“На Ваш ліст ад 13 студзеня 1943 г. паведамляю, што сувязь з эвакуіраваным насельніцтвам я маю.

Гарэлік Зэліку з Гомеля па маёй просьбе выдалі валенкі. Сіўцовай з Віцебску – адзенне і ўладкавала на працу. Ясеноўскую з Дрысы і Дашкевіч з Віцебска уладкавала на працу. Аксельрод з Дрыбіна выхлапатала дапамогу па шматсямейнасці. Акрамя беларускага насельніцтва да мяне звяртаецца мясцовае насельніцтва, якому таксама, аказваю праз адпаведныя ўстановы, тую ці іншую дапамогу” [9, арк. 355].

У той час, калі праводзіўся збор сродкаў на будаўніцтва самалётаў і танкаў, яна ўнесла 1 тысячу рублёў і 5 тысяч рублёў аблігацый Дзяржзаймаў. Акрамя таго, 25 ліпеня 1941 г. яна здала ў Шырока-Буеракскую ашчадную касу ў фонд абароны аблігацый дзяржаўнай пазыкі на суму 2500 рублёў [9, арк. 355]. За значны асабісты ўклад ва ўмацаванне абараназдольнасці краіны Яўгенія Іванаўна Сухадольская атрымала тэлеграму ад І.У. Сталіна, якая была надрукавана ў мясцовай газеце “За высокі ўрожай”. У тэлеграме адзначалася:

“Сяло Шырокі-Буерак, Шырока-Буеракскага раёна, Саратаўскай вобласці, таварышу Сухадольскай

Прыміце маё прывітанне і падзяку Чырвонай арміі, таварыш Сухадольская, за Ваш клопат аб бранятанкавых сілах Чырвонай Арміі.

І. Сталін” [9, арк. 350 адв.].

Прэзідыумам Вярхоўнага Савета БССР сярод эвакуіраванага з Беларусі насельніцтва быў арганізаваны збор сродкаў на будаўніцтва для Чырвонай

арміі бронецягнікоў “Савецкая Беларусь”. Сродкі прапаноўвалася накіроўваць па адрасе: г. Масква, Гарадская кантора Дзяржбанка, Другі аддзел, Разліковы рахунак 160338 Саўнаркама Беларусі [6, арк. 10].

7 лютага 1943 г. дэпутат Вярхоўнага Савета БССР ад Любаньскай выбарчай акругі Сяргей Цімафеевіч Карпенка ў лісце Сакратару Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР Л. Е. Папкову паведамляў: “Беларусы, якія пражываюць на тэрыторыі Вяліка-Марэсьеўскага раёна, прыступілі да збору сродкаў на пабудову бронецягнікоў «Савецкая Беларусь». У нас вельмі вялікая просьба, калі будзе магчымым выпісаць ім газету «Савецкая Беларусь» і выслаць яе па адрасе сяло В.-Марэсьева Горкаўскай вобласці” [11, арк. 418].

16 лютага 1943 г. у лісце, накіраваным у Прэзідыум Вярхоўнага Савета БССР, дэпутат ад Дзяржынскай выбарчай аругі Мікалай Сямёнавіч Пашкін, які працаваў у гады Вялікай Айчыннай вайны другім сакратаром Тамбоўскага абкама партыі, паведамляў:

“На Ваш ліст ад 13/1-43 г. пра тое, да чаго павінны зараз зводзіцца абавязкі Дэпутата Вярхоўнай Рады БССР, магу паведаміць, што за ўвесь час вайны я падтрымліваю цесную і непарыўную сувязь з Беларускім народам, г.зн. выконваю тых ўказанні, якія Вы даяце ў сваім лісце.

Мая сувязь з Беларускім народам, незалежна ад таго з’яўляюцца асобныя грамадзяне маімі выбаршчыкамі ці не з’яўляюцца, заключаецца ў паўсядзённых зносінах з эвакуіраваным у нашу вобласць насельніцтвам Беларусі. З першых дзён вайны да мяне прыходзілі і прыходзяць эвакуяваныя грамадзяне Беларусі па розных пытаннях, якія я заўсёды дазваляў і дазваляю.

Пра тое, як гэта адбывалася ў 1941 годзе, добра ведае дэпутат Касцюк Самуіл Сямёнавіч, які быў упаўнаважаным СНК БССР і ЦККП(б)Б па ўладкаванні эвакуіраванага насельніцтва ў нашай вобласці.

Апроч таго, што да мяне прыходзяць працоўныя БССР па розных пытаннях, я сам, раз’язджаючы па гарадах і раёнах вобласці, бываю там, дзе працуюць эвакуіраваныя таварышы, і стараюся дапамагчы ім у працы і побыце.

Трэба сказаць, што ў пераважнай большасці насельніцтва, якое прыбыла з Беларускай ССР, працуе не пакладаючы рук на справу разгрому ворага. Шмат таварышаў працуе на кіруючай партыйнай і савецкай працы, шмат старшыняў калгасаў і г.д. і ў большасці сваёй яны сумленна і добрасумленна выконваюць свае абавязкі.

Добра працуе ў нашай вобласці Віцебскі ігольны завод (дырэктар т. Шапіра), які цалкам прыбыў да нас, гэта дружны добры калектыў і пры забеспячэнні яго матэрыяламі заўсёды спраўляецца з вытворчымі заданнямі.

Адзначыць трэба і наступнае, што ўсе беларусы цудоўныя патрыёты нашай Радзімы і сваёй роднай Беларусі. Яны, знаходзячыся і працуючы ў нашай вобласці, з нецярпеннем чакаюць вызвалення свайго роднага краю і заяўляюць, што ўсе яны паедуць аднаўляць спустошаную фашыстамі Беларусь. Яны заяўляюць – «няхай давядзецца перажыць вялікія цяжкасці, мы іх перанясем, няхай будзем жыць у зямлянках, але родную Беларусь адродзім зноў у квітнеючы і вясёлы край». Такі настрой таварышаў.

Асабіста я, нягледзячы на тое, што ўжо ўнёс значныя сумы на ўзбраенне Чырвонай Арміі, абавязкова прыму ўдзел у зборы сродкаў на будаўніцтва бронецягніка «Савецкая Беларусь» і грошы пералічу на ўказаны Вамі рахунак» [6, арк. 244 – 244 адв.].

Працуючы ў гады вайны старшынёй Чыліцкага сельсавета Чыліцкага раёна Алма-Ацінскай вобласці, дэпутат ад Лоеўскай акругі Залмон Вульфавіч Суржын арганізоўваў сярод эвакуіраваных у Чыліцкі раён беларусаў збор грошай на бронецягнік «Савецкая Беларусь» [9, арк. 381 – 382].

28 сакавіка 1943 г. дэпутат Вярхоўнага Савета БССР Клаўдзія Амосаўна Абушэнка, якая знаходзілася ў эвакуацыі ў г. Куйбышаў, у лісце Л. Е. Папкову паведамляла:

“Пасылаю Вам падпісны ліст, які падпісаўся на будаўніцтва бронецягніка «Савецкая Беларусь».

Сабраныя грошы перакладзеныя паводле Вашага ўказання на рахунак № 160338” [4, арк. 5].

Такім чынам, дэпутаты Вярхоўнага Савета Беларускай ССР, незалежна ад таго, дзе яны знаходзіліся падчас Вялікай Айчыннай вайны, не шкадуючы сваіх сіл і нават жыцця, рабілі ўсё магчымае, каб наблізіць Перамогу над ненавісным ворагам, які жадаў захапіць нашу зямлю.

ЛІТАРАТУРА

1. НАРБ. – Ф.175. Воп.10. Спр. 9.
2. НАРБ. – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 350.
3. Они были первыми. Депутаты Верховного Совета БССР первого созыва = Яны былі першымі. Дэпутаты Вярхоўнага Савета БССР першага склікання = They were the first. Deputies of the Suprema Council of the BSSR first convocation. – Минск : Белорус. энцикл. имени Петруся Бровки, 2021. – 208 с.
4. НАРБ. – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 337.
5. НАРБ. – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 349.
6. НАРБ. – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 342.
7. НАРБ. – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 350.
8. ЦАМО. – Ф. 33. Оп. 563783. Д.4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nkvd.memo.ru/index.php/Усатенко_Георгий_Илларионович. – Дата доступа: 10.09.2022.
9. НАРБ. – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 343.
10. НАРБ. – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 345.
11. НАРБ. – Ф. 968. Воп. 1. Спр. 339.

Е. Н. Мох, А. А. Швед

УЧТЕННЫЕ И НЕУЧТЕННЫЕ ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ГОРОДСКОГО ЛАГЕРЯ (РОЛЛЬБАН) ШТАЛАГА 352

Исследование архивных источников с целью выяснения судеб погибших в лагерях военнопленных, в том числе и в Шталаге 352, дает воз-

возможность предоставить родственникам и близким информацию об их гибели и месте их захоронения. Историкам, архивистам, исследователям приходится восстанавливать по крупицам картину отдельной человеческой жизни. В представленной статье рассмотрены учтенные и неучтенные воинские захоронения (ВЗ) советских военнопленных Городского лагеря (Ролльбан) Шталага 352.

Городской лагерь (Ролльбан) с его лазаретом «Пушкинские казармы» и ревиrom (санчастью) располагался в Минске на территории довоенной воинской части в пределах нынешних ул. Я. Коласа – ул. Белинского – пер. Калинина–ул. Калинина, на территории сельскохозяйственной выставки, а также в недостроенном доме по Московскому шоссе (сейчас пр-т Независимости д. 93).

Из довоенной истории Ворошиловского района г. Минска известно, что возле здания Государственного института физкультуры, построенного в 1936–1939 гг., главная минская улица Советская (ныне пр. Независимости) раздваивалась на Логойский тракт (сейчас ул. Я. Коласа) и на Борисовский тракт (сейчас продолжение пр. Независимости).

В 1937 г., когда в СССР проходили мероприятия, связанные со 100-летием со дня гибели А. С. Пушкина, участок Борисовского тракта в черте города Минска переименовали в **улицу Пушкинскую**. Жилой поселок, построенный в 1936 г., который примыкал к Пушкинской улице (сейчас это квартал от ул. Сурганова до ул. Калинина и от проспекта Независимости до ул. Я. Коласа), стал в народе называться **Пушкинским поселком**.

Северо-восточнее Пушкинского поселка был построен военный городок 46-го гаубичного артиллерийского полка 100-й стрелковой дивизии, который располагался в квартале нынешних улиц Я. Коласа – Белинского – Калинина – пер. Калинина. Поскольку военный городок непосредственно примыкал к Пушкинскому поселку, жители Минска называли его **Пушкинскими казармами**. А рядом с военным городком был построен дом офицерского состава (ДОС) для семей командного состава полка. Сейчас это дом по **ул. Калинина № 30** [1].

Немецкие оккупационные органы власти продолжили в документах и на картах использование тех же названий: **Puschkin-Siedlung** (Пушкинский поселок) и **Puschkinkaserne** (Пушкинские казармы). Так на плане г. Минска 1942 г. отмечен объект **№ 60 – Puschkinkaserne (Gefang.-Lager) Stalag 352**, т.е. Пушкинские казармы (лагерь военнопленных) Шталаг 352.

Южнее Пушкинских казарм на плане расположен объект **№ 76** – ДОС (ныне **ул. Чернышевского д. 12**), в котором размещался 332-й батальон охраны Шталага 352. Юго-восточнее их расположен объект **№ 18 – Gefangenenlager** (лагерь военнопленных) [2].

Осенью 1939 г. по Московскому шоссе в Минске на перекрестке современных проспекта Независимости с ул. Калинина и на перекрестке проспекта с ул. Толбухина начали строить два многоэтажных жилых дома для командного состава Белорусского Особого военного округа. К началу

войны дома полностью достроить не успели, но немцы приспособили их для своих целей. В доме № 91 размещались воинские части, а в недостроенном (перед войной) доме № 93 первоначально находился лагерный ревир (так называемый «Белый дом»), а на территории выставки в летних павильонах и на открытом пространстве возле нее содержались остальные пленные (рисунок).

В середине 1950-х гг. оба дома были достроены, соединены центральным фасадом с арками и приняли современный вид.

Рис. 1. Лазарет «Пушкинские казармы» и ревир лагеря Ролльбан (Lazarett Puschinkaserne und Revir Lager Rollbahn) [3]

1. Корпус № 1 лазарета (3-этажная казарма, ныне территория воинской части).

2. Корпус № 2 лазарета (3-этажная казарма, бывшая территория воинской части, ныне ул. Я. Коласа д. 34).

3. ДОС – резиденция окружного коменданта шталагов Генерального округа «Белорутения» подполковника Вольтке (ныне ул. Калинина д. 30).

4. 332-й батальон охраны Шталага 352 в Пушкинском поселке (сейчас ул. Чернышевского д. 12).

5. Ревир (санчасть) лагеря Ролльбан, так называемый «Белый дом» (ныне пр-т Независимости д. 93).

6. Немецкая охрана лагеря Ролльбан (ныне пр-т Независимости д. 91).

1* – воинское захоронение лазарета «Пушкинские казармы» лагеря Ролльбан (неучтенное ныне, р-н пер. Калинина, территория воинской части);

2* – воинское захоронение лагеря Ролльбан (ныне ВЗ № 1136 г. Минск, ул. Толбухина);

3* – воинское захоронение лагеря Ролльбан (ныне ВЗ № 1142 г. Минск, парк им. Челюскинцев).

Лазарет «Пушкинские казармы» Городского отделения Шталага 352 в Минске занимал сохранившиеся и до наших дней две 3-этажные казармы по ул. Я. Коласа и просуществовал с июля 1941 по октябрь 1942 года. За время его существования в нем умерло и вблизи от него было захоронено около 9 тыс. советских военнопленных. Биографические данные зафиксированы в медицинской документации (в актах, рапортах, донесениях о смерти военнопленных), имеются в наличии в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации и доступны для изучения в ОБД «Мемориал».

В течение сентября и первых дней октября 1942 г. лазарет Городского лагеря Шталага 352 из Минска в плановом порядке в полном составе (медицинский персонал, военнопленные и весь архив лазарета) был перемещен в Лесной лагерь с лазаретом, находившийся в пяти километрах от Минска около д. Масюковщина. А воинские захоронения лазарета «Пушкинские казармы» Городского лагеря Шталага 352 остались на прежнем месте.

Сразу после освобождения Беларуси от немецких захватчиков в июле 1944 г. на территории Лесного лагеря близ Минска у д. Масюковщина Красной армией был обнаружен архив двух лазаретов Шталага 352 за 1941–1944 гг., в том числе и архив Городского лазарета Шталага 352 в г. Минске [4, с. 84].

В конце 1944 г. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК) составила Акт, в котором захоронения Городского отделения Шталага 352 «Пушкинские казармы» в Минске не были зафиксированы [5, с. 93–95]. В Управление по учету погибшего и пропавшего без вести сержантского и рядового состава Красной армии поступило Донесение ЧГК № 116501 от 29.12.1944 г. В нем – 6 томов печатных списков убитых немецкими захватчиками советских военнопленных в Шталаге № 352, в которых были зафиксированы 9 425 фамилий (№ 9425. Ящук М.Н., умер 22.12.41 г.). Таким образом, все умершие и захороненные возле Пушкинских казарм в г. Минске оказались по документам умершими и захороненными около д. Масюковщина [6].

При отсутствии официальной информации о воинских захоронениях в квартале, ограниченном ул. Я. Коласа – ул. Белинского – пер. Калинина – ул. Калинина, в послевоенные годы на месте братских могил военнопленных Городского лазарета Шталага 352 были построены гаражные боксы воинской части, дом по ул. Калинина 9, гаражный кооператив. Но останков при строительстве «не находили».

И только в ноябре 1990 г. во время земляных работ под руководством прапорщика Бородича на территории автопарка, а точнее между домом по

пер. Калинина 9 и боксами воинской части, сержант Олег Крылов, рядовые Олег Ермишкин и Василий Гусаров наткнулись на воинское захоронение. Из Протокола осмотра следователя Прокуратуры г. Минска от 2 ноября 1990 г. мл. советника юстиции Ничипоренко следовало:

«Осмотром установлено: На территории войсковой части 03520 на расстоянии 200 см от забора, ограждающего войсковую часть 03520 за которым расположен 9-ти этажный дом по переулку Калинина, 9, имеется свежевырытая траншея длиной 1225 см., шириной 250 см., глубиной 100 см. Справа от траншеи расположен бокс для автомашин войсковой части 03250, слева – тыльная сторона кооперативного гаража ... В ходе осмотра участники следственного действия перешли в учебный класс войсковой части 03520, где были обнаружены и изъяты, упакованные в 5 картонных ящиках, различные кости и их фрагменты» [7].

Петруханов А. К.

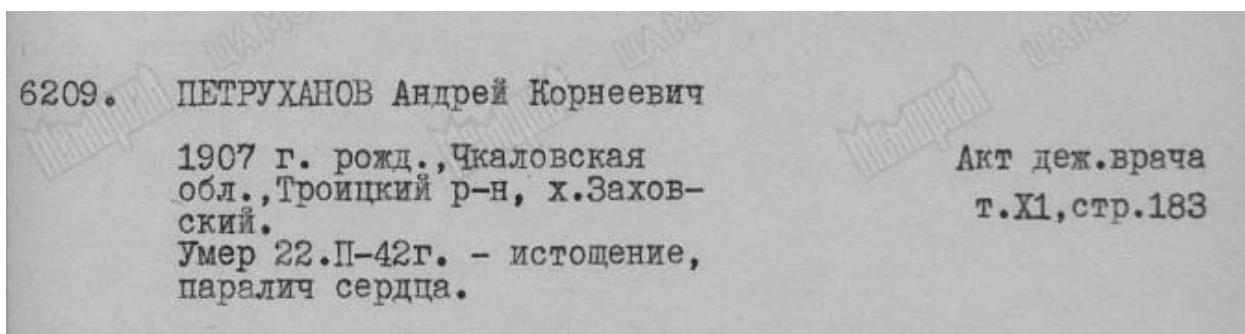
К раскопкам подключилось информационно-поисковое бюро «Альфа» при Первомайском РИК под управлением ст. лейтенанта запаса А. И. Петровского. В ходе работ были обнаружены останки 523 военнопленных Городского отделения шталага 352 и 3 медальона, один из которых эксперты-криминалисты ЭКО УВД Мингорисполкома ст. лейтенант Букато и начальник ЭКО полковник Комаров смогли идентифицировать и при содействии Тугузтемирского с/с установить личные данные воина – **Петруханова Андрея Корнеевича**: 1907 г.р., из Чкаловской (ныне Оренбургской) области, Троицкого р-на, Тугузтемировского с/с, х. Заховский¹, а второй медальон с фамилией «..азаров» из Москвы не был идентифицирован [8].

Были найдены родственники А. К. Петруханова. Его дочка и внучка получили приглашение на торжественное мероприятие по перезахоронению урн с прахом, которое состоялось 02.11.1991 года. На нем присутствовали заместитель председателя Первомайского райисполкома А. Н. Новиков, Зинаида Харитоновна Святкина (свидетель и очевидец захоронений военнопленных, происходивших зимой 1942 г. во рвы в районе нынешних гаражей воинской части), генерал-майор А. Адоньев, руководитель военно-патриотического клуба «Альфа» А. Петровский, старший сотрудник Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны Г. В. Павловская, бывший фронтовик полковник в отставке Э. Таутиев, дочь красноармейца А. К. Петруханова Тамара и внучка Женья [9]. 522 воина были перезахоронены в пределах нынешнего ВЗ № 1146, а урна с прахом А. К. Петруханова родственниками была доставлена на родину в Россию и перезахоронена по месту жительства воина.

¹ В оригинальном документе написано х. *Захаровский*, так прочитали эксперты, но правильно писать х. *Заховский*.

Об этом событии в Оренбургской областной газете «Южный Урал» за ноябрь 1991 г. вышла статья подполковника запаса В. Прокофьева «Еще одна фабрика смерти». В ней говорилось, что «В Минске в период оккупации фашистами было создано более десяти концлагерей смерти. В Тростенце, на улице Широкой – рядом с нынешним часовым заводом. В Масюковщине...». Из статьи также становится понятно, что «...Осенью прошлого года прапорщик Сергей Бородич с группой воинов прокладывали теплотрассу. Копнули солдаты поглубже землю и обнаружили кости, черепа, одежду, обувь. Красноармейцы и гражданские люди лежали вповалку. Захоронение уходило глубоко под жилой дом, под индивидуальные гаражи» [10].

В 1991 г. была оформлена Учетная карточка воинского захоронения с указанием Петруханова А. К. и 522 неизвестных [11]. Как видно из Учетной карточки захоронения по ул. Белинского (позднее ВЗ № 1146), А. К. Петруханов умер 22.02.1942 г. [12]. Эта информация в 1991 г. была получена из Донесения ЧГК № 116501 от 29.12.44 г., в котором находился отпечатанный в 6 томах «Список советских военнопленных, умерщвленных немецкими палачами в лесном лагере (Шталаг 352) близ г. Минска у д. Масюковщина» из 9425 фамилий.

В 5-м томе под № 6225 был зафиксирован «Петруханов Андрей Корнеевич, 1907 г. рожд., Чкаловская обл., Троицкий р-н, х. Заховский. Умер 22.02.1942 г – истощение, паралич сердца». Акт о смерти А. К. Петруханова составлял 183 страницу XI тома [13].

Данный том включал акты умерших с 16.02.42 по 27.02.42 г. Всего таких томов с первичными документами двух лазаретов Шталага 352 было 24. Но из них только том XVI был составлен в лазарете Лесного лагеря в период с 01.01.1942 по 01.04.1942 г. Все остальные 23 тома (I, Ia, II, III, IV ... XXIII) были составлены в лазарете Городского отделения Шталага 352 с 01.08.1941 г. по 31.08.1942 г.

Таких актов (и прочих документов), составивших XI том, было 337. Из них не менее 25 актов (страниц) были заполнены на военнопленных, умерших 22.02.1942 г. в один день с А. К. Петрухановым. В их числе был и **Ф. Г. Назаров** (т. XI, с. 200), медальон которого был обнаружен вместе с медальоном А. К. Петруханова, но фамилию из вкладыша «...азаров» эксперты в 1991 г. не смогли прочитать. Сейчас эта возможность появилась.

Петруханов А. К. и еще около 9 000 умерших военнопленных в лазарете Городского лагеря г. Минска и похороненных вблизи лазарета были ошибочно внесены ЧГК в «Список советских военнопленных, умерщвленных немецкими палачами в лесном лагере (Шталаг 352) близ г. Минска у д. Масюковщина». А на основании этого списка их данные впоследствии вошли в паспорт ВЗ № 1154 у д. Масюковщина и были внесены в Книгу этого Воинского захоронения [14].

К 2019 г. в паспорте ВЗ № 1154 было учтено 80 000 умерших в Лесном лагере около Масюковщины, из них известных – 10 350 человек, но только около 1350 человек из них реально умерли и были похоронены в ВЗ № 1154 около д. Масюковщина.

Таким образом, первичное воинское захоронение лазарета Городского отделения Шталага 352 в 1941–1942 гг. на 9 000 человек авторами было установлено и по свидетельским показаниям, и по аэрофотосъемке г. Минска от 1944 г., но на данный момент оно является неучтенным, никак не обозначено на местности и на нем находятся постройки. Частично останки из этого неучтенного воинского захоронения были перенесены в 1991 г. в ВЗ № 1146, но 522 человек в паспорте ВЗ были отмечены как неизвестные, хотя их ФИО и другие данные имелись. Составлен список 25 военнопленных, умерших 22.02.42 г. в один день с А. К. Петрухановым, захороненных вместе с ним в одно захоронение, обнаруженных при раскопках в 1990 г. вблизи дома по пер. Калинина 9 (территория лазаретного кладбища Городского отделения Шталага 352, «Пушкинские казармы», г. Минск) и перезахороненных без А. К. Петруханова в 1991 году в ВЗ № 1146.

Первомайским РИК в 2022 г. решение было принято. В Паспорт ВЗ № 1146 было внесено 25 человек [15]. Медальон «..азаров», не прочитанный в 1991 г., вероятнее всего принадлежал Н. Ф. Назарову, умершему 22.02.1942 г.

Список 25 военнопленных, умерших 22.02.42 г. в один день с А. К. Петрухановым, захороненных вместе с ним в одно захоронение, обнаруженных при раскопках в 1990 г. вблизи дома № 9 по пер. Калинина в г. Минске на территории бывшего лагерного кладбища Городского отделения Шталага №352, так называемых «Пушкинских казарм» в г. Минске, и перезахороненных (без А. К. Петруханова) в 1991 г. в ВЗ № 1146. (т. XI, по страницам на дату смерти 22.02.42 г.) (ГАРФ, Ф. р-7021, Оп. 87, Д.159–Д.164; ЦАМО, Ф. 58, Оп. 18002, Д. 1454–Д.1455)

№ п/п	ФИО	Г. р.	Домашний адрес	Том XI
1	Тимощенко Петр Федорович	1922	Гомельская обл., Уваровичский р-н, д. Вятчи	стр.154
2	Каминский Степан Васильевич	1891	Полесская обл., Копаткевичский р-н, д. Беседы	стр.155
3	Еремеев Терентий Петрович	1904	Воронежская обл., Гремяческий р-н, с. Оськино	стр.156
4	Булатов Карим	1919	г.Ташкент, Октябрьский р., ул.Лаб. Гать., д. №39	стр.164

5	Ефимов Виктор Алексеевич	1921	Ленинградская обл., Уторгошский р-н, дер. Хорокса	стр.185 стр.189 ¹
6	Сосенкин Петр Иванович	1914	Московская обл. Раменский р-н, с. Карпово	стр.193
7	Дмитриев Ф. Д.	1897	Калининская обл., Нелидовский р-н, д. Ключиково	стр.194
8	Азоркин Ф. С.	1912	Горьковская обл., Лукояновский р-н, с. Печи	стр.196
9	Головин А. А.	—	Данные не установлены	стр.197
10	Печенкин Петр Иосифович	1914	Рязанская обл., Труботчинский р-н, с. Мокрое	стр.198
11	Мезюха Н. П.	1906	Ново-Сибирская обл., Тогучинский р., пос. Барсуги	стр.199
12	Назаров Ф. Г.	—	Данные не установлены	стр.200
13	Абашин Павел Иванович	1910	Московская обл. Звенигородский р-н, с. Ново-Александровка	стр.201 стр.204
14	Абакумов И. С.	—	Данные не установлены	стр.202
15	Мартынюк Кондрат Тимофеевич	1914	Николаевская обл., г. Николаев, Пограничная ул. № 20	стр.203
16	Гаевой Василий Иванович	1919	Черниговская обл., Батурицкий р-н., с. Отыше	стр.191 стр.205
17	Симонов Иван Семенович	1919	быв. АССР Немцев Поволжья, Федоровский р-н., д. Митрофановка	стр.206
18	Старовойт Константин Кириллович	1905	Акмолинская обл., Макинский р-н., д. Новокриево	стр.208
19	Послушной Павел Маркович	1919	Полтавская обл., Лубенский р-н, хут. 2 Майгород	стр.209
20	Рубцов Алексей Васильевич	1921	Тамбовская обл., Моршанский р-н, с. Сербовое	стр.210
21	Касанов Тихон Игнатъевич	1916	Азербайджанская АССР, Хачмасский р-н, с. Адженобо	стр.211
22	Яковлев Петр Васильевич	1912	г. Витебск, ул. Баумана, 14	стр.213
23	Федотов Степан Матвеевич	1896	г. Москва, Дербеневская ул., д.10, кв.56	стр.214
24	Тухашвили Мирон Николаевич	1919	Грузинская ССр, Сигнахский р-н, с. Подбиснево	стр.216
25	Родимов Григорий Клементьевич	1906	Куйбышевская обл., Молотовский р-н, с. Ширяево	стр.221

Учтенные воинские захоронения лагеря Ролльбан

ВЗ № 1142, г. Минск, парк им. Челюскинцев, захоронено 10 000 человек всего, из них 9 998 неизвестных военнопленных из лагеря Ролльбан.

Из Акта Минской областной комиссии о зверствах немецко-фашистских захватчиков над военнопленными Шталага-352 от 1944 г. известно, что «...недалеко от бывшего лагеря военнопленных, находившегося на территории сельскохозяйственной выставки, с юго-восточной части минского парка

¹ Два документа на одного человека – это 2 страницы в томе. Аналогично: *Абашин* и другие.

культуры и отдыха *им. Челюскинцев* обнаружена 41 яма длиной 15–20 метров, шириной 2 метра. В этих ямах, по показаниям свидетелей, зарыто 10 тысяч советских военнопленных, замученных немецкими извергами» [16, л. 87–91].

Проживавший возле лагеря военнопленных напротив парка им. Челюскинцев минчанин А. Будановский в сентябре 1944 г. про это захоронение упоминал: «Пленные начали болеть сыпным тифом и умирали сотнями и тысячами... Их сваливали в штабеля около лагеря... были похоронены зверски замученные 25 000 в парке культуры и отдыха, вывозимых ежедневно с 1941 по 1943 годы включительно. Мертвых наваливали на двуколки, в которые впрягались по 12–15 человек, а часовой их погонял дубинкой. Пленные тащили мертвых товарищей 1500 метров от лагеря. Выбившихся из сил запряженных пленных часовой немец расстреливал и их забрасывали на двуколку...» [17].

ВЗ № 1136, г. Минск, ул. Толбухина, захоронено 10 000 человек всего, из них неизвестных – 9 756 военнопленных лагеря Ролльбан.

Информации об этом захоронении в районе будущей ул. Толбухина в Акте Минской областной комиссии о зверствах немецко-фашистских захватчиков над военнопленными Шталага-352 от 1944 г. нет. Официальная информация о нем из послевоенных документов скудная и не отвечает на многочисленные вопросы. По утверждению местных старожилов известно, что в районе современной ул. Толбухина начали копать широкий противотанковый ров, но много выкопать до оккупации Минска не успели. И, по некоторым воспоминаниям, какое-то количество умерших пленных закопали в этом рву, а также возле территории лагеря. После войны при проведении земляных работ на территории часового завода находили останки военнопленных, которые перезахоронили в созданной на улице Толбухина братской могиле. В 1955 г. в нее перенесли останки воинов, скончавшихся от ран в клиническом городке после освобождения столицы и первоначально захороненных там же, а также одиночные захоронения партизан, подпольщиков, воинов Красной армии из разных районов города и пригородных деревень. 244 фамилии перезахороненных были известны, и их внесли в паспорт ВЗ № 1136. Остальные **9 756** неизвестных из захоронения – это военнопленные лагеря Ролльбан.

Таким образом Городской лагерь (Ролльбан) Шталага 352 за время своего существования в 1941–1943 гг. оставил после себя 3 крупных воинских захоронения, примерно по 10 000 человек каждый (всего около 30 000 чел.), из которых только одно (в парке им. Челюскинцев) было зафиксировано в Акте ЧГК по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в 1944 г. и позднее учтено. Еще одно учтенное воинское захоронение было создано по ул. Толбухина в послевоенный период из нескольких захоронений. И только воинское захоронение возле лазарета «Пушкинские казармы» лагеря Ролльбан так и осталось неучтенным. Таким же оно и продолжило быть после перезахоронения из него 523 воинов, включая А. К. Петруханова, в 1991 г. в ВЗ № 1146. Единственная установленная фамилия воина, погибшего в лазарете лагеря Ролльбан (А. К. Петруханова) была вычеркнута из паспорта ВЗ № 1146, так как его прах в 1991 г. родст-

венники забрали с собой и перезахоронили на его родине в России. И все 30 000 воинов, погибших в Городском лагере (Ролльбан) Шталага 352, до 2022 г. оставались неизвестными. В результате архивно-исследовательской работы удалось уточнить наличие неучтенного воинского захоронения возле лазарета «Пушкинские казармы» лагеря Ролльбан и составить Список 25 воинов, перезахороненных в 1991 г. из этого захоронения в ВЗ № 1146. Полный Список воинов неучтенного воинского захоронения лазарета лагеря Ролльбан авторами составлен и готов к публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронкова, И. Ю.* От Ворошиловского района – к Первомайскому: по страницам истории 1938–1945 гг. [Электронный ресурс] / И. Ю. Воронкова ; Администрация Первомайского района. – Режим доступа: <https://pervadmin.gov.by/actual/2019/06/13/6205>. – Дата доступа: 19.07.2023.
2. План г. Минска 1942 г. [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс каталог карт, схем и планов Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://kartu.by/1939-1945/minsk-2ww>). – Дата доступа: 19.07.2023.
3. Оцифрованные копии аэрофотоснимков населенных пунктов Республики Беларусь, сделанных в период Второй мировой войны, с геопривязкой к современным спутниковым снимкам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://luftbild.1871.by/overlay/minsk/#lat=53.8991&lng=27.5927&zoom=12>. – Дата доступа: 19.07.2023.
4. Масюкоўшчына. Трагедыя савецкіх ваеннапалонных / Н. А. Яцкевіч, М. Г. Нікіцін. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2019. – 123 с.
5. Акт Минской областной комиссии ЧГК о преступлениях, совершенных гитлеровцами в шталаге № 352. 21 июля 1944 г. // Масюковщина: Шталаг-352. 1941–1944 : документы и материалы / авт.-сост. Р. А. Черноглазова ; науч. ред. С. В. Жумарь. – Минск : Четыре четверти, 2005. – 198 с.
6. Донесение ЧГК 116501 от 29.12.1944 г. [Электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78770769&p=261>. – Дата доступа: 24.03.2020.
7. Протокол осмотра следователя Прокуратуры г. Минска от 2 ноября 1990 г. мл. советника юстиции Ничипоренко // Личный архив А. А. Шведа.
8. Копия заключения экспертно-криминалистического отдела УВД Мингорисполкома с текстом солдатского медальона Петруханова А. К. // Личный архив А. А. Шведа.
9. Они погибли, чтобы жили мы! // Воздушный часовой 2-й отдельной армии ПВО Белорусского военного округа СССР. – 1991. – 23 ноября // Личный архив А. А. Шведа.
10. Еще одна фабрика смерти // Южный Урал. – 1991. – Ноябрь // Личный архив А. А. Шведа.
11. Информация из списков захоронения по ул. Белинского, в/ч 03520 [Электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=261828000>. – Дата доступа: 19.07.2023.

12. Донесение ЧГК № 116501 от 29.12.44 г. // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1455; Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=66687642&p=1>. – Дата доступа: 19.07.2023; ГАРФ. – Ф. р-7021. Оп. 87. Д. 159; Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78801537>. – Дата доступа: 19.07.2023.
13. Запись в Списке ЧГК 9425, сделанная на основании Акта о смерти Петруханова А. К. // ГАРФ. – Ф. р-7021. – Оп. 87. – Д. 163; Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78768901>. – Дата доступа: 19.07.2023.
14. Книга Памяти Воинского захоронения № 1154 [Электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=261828640&p=3>. – Дата доступа: 19.07.2023.
15. Книга Памяти города Минска [Электронный ресурс] // Белорусский культурный центр духовного Возрождения. – Режим доступа: <http://www.zdv.by/sobytiya/meropriyatiya/kniga-pamyati-goroda-minska>. – Дата доступа: 19.07.2023.
16. Акт Минской областной комиссии о зверствах немецко-фашистских захватчиков над военнопленными Шталага-352 от 1944 г. // НАРБ. – Ф. 4463. Оп. 1. Д.1946/6. Л. 87–91.
17. Воспоминания минчанина А. Будановского, 09.1944 г. // ГАРФ. – Ф. 7021. Оп. 87. Д. 9. Л. 166–168.

В. Н. Надтачаев

БОРЬБА ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ С АГЕНТУРОЙ ГЕРМАНСКИХ СПЕЦСЛУЖБ НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1944 г.

Представляется очевидным, что для организации любого вида деятельности, тем более в масштабах республики, необходима соответствующая управленческая структура и, самое главное, – кадры. Без профессионалов, не только высоко мотивированных, но и хорошо владеющих обстановкой на местах, невозможно добиться положительных результатов. Надо ли говорить, что в условиях продолжающейся войны очистить территорию БССР требовалось как можно скорее.

Оккупация большей части республики длилась 3 года. Все это время германские спецслужбы¹ активно насаждали свою агентуру на предприятиях, в городах и населенных пунктах, различных националистических формированиях, внедряли ее в партизанские отряды.

После освобождения Беларуси на ее территории осталось значительное количество агентуры спецслужб противника, не считая лиц, совершивших

¹ Помимо них вербовочной работой среди населения занимались охранные батальоны, полиция, жандармерия, таможня, пограничные службы, «восточные» батальоны, части и соединения союзников.

измену Родине в форме перехода на сторону врага. Часть агентов добровольно, руководствуясь какими-то своими соображениями, осталась на местах и не ушла вместе с отступающими войсками группы армий «Центр» и оккупационными структурами. Возможно, многие понадеялись, что им удастся избежать наказания. К примеру, так поступил агент ауссенштелле «Минск» Б. Рудзянко.

Других оставили для выполнения заданий разведывательного и диверсионно-террористического характера. Кого-то, если называть вещи своими именами, просто бросили как отработанный материал, даже не предлагая им эвакуироваться. Как правило, с собой забирали только резидентов. Такой подход практиковали абвергруппы, в частности АГ-308 [1, л. 163–164].

Тем не менее, несмотря на сложную оперативную обстановку, вновь созданные областные управления и гор-райаппараты НКГБ БССР смогли буквально с первых дней органично включиться в процесс борьбы с агентурой противника. Основы успешной работы закладывались в 1942 – 1943 гг. Именно в указанный период на оккупированной территории Беларуси началось и завершилось образование основных звеньев системы органов госбезопасности республики, были наработаны теория и практика борьбы.

По моему мнению, формирование системы органов госбезопасности следует рассматривать как часть более сложного процесса по созданию структуры партийного и военно-оперативного руководства борьбой в тылу врага. Последний вопрос освещался в работах А. М. Литвина и других исследователей [2, с. 228].

В этом смысле 1943 год стал решающим. В истории войны 1943-й по праву считается годом коренного перелома (2-й этап войны и партизанского движения – с ноября 1942 по декабрь 1943). Разгром и капитуляция 6-й полевой армии вермахта в Сталинграде привели к перехвату стратегической инициативы Красной армией. В свою очередь, изменения военно-политической обстановки повлекли за собой ряд организационных и управленческих решений на различных уровнях. Обозначим наиболее важные из них.

В феврале 1943 г. состоялся 5-й Пленум ЦК КП(б)Б, предъявивший повышенные требования к «постановке умелой и квалифицированной партизанской разведки и контрразведки» в целях борьбы с разведывательно-подрывной деятельностью германских спецслужб. Учитывая нехватку профессиональных кадров, Пленум предложил бюро ЦК КП(б) заслать подготовленных чекистов и разведчиков в крупные партизанские бригады и партийные центры для организации этой работы [3, с. 117].

В апреле 1943 г. произошла вторая за войну реформа органов НКВД, в результате которой из состава союзного и республиканских наркоматов были выделены органы государственной безопасности. Если быть точным, то постановление ЦК ВКП(б) и Указ Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР об образовании Народного комиссариата государственной безопасности СССР были приняты в один день – 14 апреля 1943 г. Связанные с этим организационные мероприятия предусматривалось завершить в течение

месяца [4, с. 384–385]. Ввиду отсутствия НКВД БССР (как структуры) новый Народный комиссариат государственной безопасности был образован на базе центральной оперативно-чекистской группы (ОЧГ) по БССР.

Как особенность отметим, что в отличие от 1-го этапа партизанского движения в 1943 г. областные ОЧГ передислоцировались на оккупированную территорию. Ввиду новых задач, прежде всего организационного характера, указанные группы были переименованы в конспиративные областные оперативно-чекистские центры (ОЧЦ). Следует согласиться с оценкой И. А. Валахановича, что речь, по сути, шла о нелегальных областных управлениях НКГБ на местах [5, с. 144].

Данный процесс начался еще до упомянутого Пленума ЦК КП(б)Б. Так, 27 января 1943 г. лейтенант госбезопасности Киселев получил задание по организации и руководству разведкой партизанских бригад и отрядов в Минской области. 29.01.1943 с аналогичными заданиями в Гомельскую область были направлены лейтенанты госбезопасности М. И. Филимонов и Н. М. Горохов, а 5.02.1943 в Полесскую и Барановичскую области – соответственно старшие лейтенанты госбезопасности Г. И. Слепов и Д. М. Армянинов. Причем в задании Армянинову было отмечено, что разведработа в области находится в неудовлетворительном состоянии [6, л. 81–96].

Каждый из вышеназванных офицеров руководил немногочисленной спецгруппой, на базе которой впоследствии разворачивался тот или иной ОЧЦ. Подчеркнем высокий статус указанных лиц. В частности, командиры спецгрупп «Возрождение» А. Н. Дроздов, «За Родину» Д. М. Армянинов, «Березина» (создана в тылу) И. М. Стельмах, «Медведева» Г. И. Слепов, «Родина» М. И. Филимонов, «Альфа» К. М. Соснов занимали должности заместителей начальников областных управлений НКГБ [5, с. 144].

Указанные лица и другие чекисты входили в состав бюро или являлись членами областных подпольных комитетов партии и одновременно заместителями командиров областных партизанских соединений по разведке и контрразведке. В их подчинении находились соответствующие аппараты всех без исключения партизанских и специальных формирований, включая группы ГРУ и НКГБ СССР, дислоцированные на территории той или иной области. Напомним, что командирами областных соединений являлись секретари подпольных обкомов партии и одновременно уполномоченные ЦК КП(б)Б и БШПД. В результате проведенной организационной работы к концу 1943 г. во всех оккупированных областях Беларуси были созданы прообразы будущих управлений НКГБ.

Такого рода практика была распространена и на нижестоящие структуры. В частности, членами Минского (второго) подпольного горкома являлись командир спецгруппы НКГБ СССР «Местные» подполковник С. А. Ваупшасов и начальник Минского подпольного горотдела НКВД М. Н. Изюмский [7, с. 9].

Централизация работы органов партизанской разведки и контрразведки на уровне областей положительным образом отразилась на процессе сбора

и систематизации информации по разоблаченной и находящейся в розыске агентуре противника, по подучетному элементу. К последней категории относились полицейские, «добровольцы» и другие лица, сотрудничавшие с оккупационными властями и впоследствии перешедшие на сторону партизан.

В партизанских зонах, в первую очередь в Витебской области, уже в 1942 г. началось формирование институтов советской власти, включая районные отделения НКВД. Впоследствии данная практика была распространена на другие регионы. Так, в Минской области в 1943–1944 гг. работали Руденское, Червенское, Слуцкое и Минское сельское райотделения, Минский горотдел, перед которыми отчитывались особые отделы бригад и отдельных отрядов, расположенные в их зонах ответственности. Отметим, что данный вопрос также требует дальнейшего изучения.

Подпольные райотделения НКВД сосредоточивали у себя всю оперативную информацию. В случае передислокации той или иной бригады в западные регионы Беларуси или при ее расформировании особый отдел бригады передавал материалы в территориальные органы госбезопасности. Например, при переходе бригады «За Родину» им. А. К. Флегонтова из Червенского в Малоритский район Брестской области особый отдел передал весь имеющийся материал на расстрелянных, а также списки полицейских и агентов гестапо, подучетного элемента уполномоченному РО НКВД по Червенскому району Ф. Г. Кошелю. Материалы, относящиеся к Березинскому району, были переданы начальнику особого отдела бригады «Красное Знамя» [8, с. 135; 9, л. 603об, 630].

Для справки. По данным С. В. Кулинка, за годы войны белорусскими партизанами было взято на учет и разоблачено 29 252 человека, в том числе 8 584 немецких шпионов, диверсантов и террористов [10, с. 19]

Фактически к моменту полного изгнания захватчиков с нашей земли на территории Беларуси были сформированы все основные звенья системы государственной безопасности, что позволило в кратчайшие сроки во взаимодействии с отделами военной контрразведки Белорусского военного округа, пограничниками организовать работу по борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью противника.

В качестве еще одного положительного фактора отметим, что многие офицеры и сотрудники из состава спецгрупп и особых отделов партизанских формирований перешли в 1944 г. на работу в территориальные органы НКГБ БССР. Ряд из них возглавили областные и районные органы, отделы центрального аппарата, работали оперуполномоченными. В том числе командиры спецгрупп НКГБ БССР «Стойкие», «Буря», «Болотные», «Березина» К. А. Груздев, Н. А. Михайлашев, В. П. Лощинин и И. М. Стельмах, командир оперативно-чекистской группы по Витебскому району, а затем начальник Особого отдела 1-й бригады им. К. С. Заслонова А. П. Максименко, оперуполномоченный особого отдела отряда им. П. И. Климентенко бригады им. Г. К. Жукова, М. Н. Иванов и многие другие [11; 5, с. 167, 175, 194, 195; 12, с. 98–99].

В работе по розыску агентуры германских спецслужб использовались наработки спецгрупп и партизанской контрразведки, ориентировки НКГБ СССР, ГУКР «Смерш» НКО СССР, справочное издание «Сборник материалов об органах германской разведки, действовавших на советско-германском фронте» (1944 г.) [13, с. 255]. Знание форм и методов работы противника стало одной из составляющих успеха.

Большое количество агентов было завербовано в лагерях для советских военнопленных. Пренебрегая правилами конспирации, их готовили в группах. Как результат слишком много людей знали друг друга и даже были посвящены в некоторые детали их жизни и службы в разведке. Поэтому в ходе допросов задержанных или явившихся с повинной агентов противника следователей интересовало в буквальном смысле все. Так шаг за шагом собирались необходимые сведения, позволявшие составлять криминалистические портреты шпионов. В архивах советских органов госбезопасности сохранилась многотомная розыскная книга, позволившая обезвредить не одну сотню вражеских агентов [13, с. 238]

Для справки. Данный подход практиковали еще царская охранная полиция, а вслед за ней и контрразведка. Представляющих угрозу агентов противника, революционеров-боевиков и других опасных государственных преступников объявляли в экстренный розыск по списку «А». На каждого их них заводилась соответствующая розыскная карта [14, с. 34].

Помимо республиканских органов госбезопасности на территории Беларуси в зонах своей ответственности работали отделы контрразведки «Смерш» Белорусского военного и Белорусского пограничного округов.

Накануне операции «Багратион» во всех органах «Смерш» наступающих армий и приграничных округов были созданы оперативно-розыскные группы по розыску и задержанию агентуры противника. В частности, в 28-й армии 1-го Белорусского фронта (затем армия перешла в подчинение БВО) было сформировано 48 таких групп, в том числе 3 из сотрудников армейского аппарата. Последние обеспечивали стыки между 3-м, 20-м и 128-м корпусами и проводили оперативно-розыскные мероприятия в освобождаемых по ходу операции городах Любань, Слуцк, Барановичи и других населенных пунктах.

Опергруппы 28-й армии за период с 1 по 20 июля 1944 г. провели задержание 16 немецких агентов. Но самая крупная «рыба» попалась случайно. Удача улыбнулась разведгруппе 3-го гвардейского стрелкового корпуса. 7 июля 1944 г. разведчики на шоссе Барановичи – Ивацевичи в районе с. Гута захватили помощника начальника разведшколы капитана Брониковского¹.

¹ Брониковский Эрвин (Герасимович Тадеуш), поляк, зондерфюрер. В военно-разведывательных органах Польши с 1918 года. Участник советско-польской войны 1919–1920 годов. В 1932 году в звании майора вышел в отставку. С ноября 1939 года в военно-разведывательных органах германской армии. В годы Великой Отечественной войны проходил службу в Абвергруппе-107, а затем в аппарате Абверкоманды-103 инструктором по агентурной разведке.

Вместе с ним был задержан инструктор-радист разведшколы в Нидерзее обер-ефрейтор Лидерс. Оба были переданы в корпусной отдел контрразведки «Смерш». Вскоре чекисты располагали информацией на 36 германских агентов, 27 из которых удалось обезвредить достаточно быстро.

В первую очередь задержанию подлежали радисты. В ночь на 12 июля в г. Лунинце удалось арестовать двух агентов-радистов А. М. Леха и В. С. Поздняка. В руки контрразведчикам попали брошюры и наставления по радиотелеграфному делу, ключи, записная книжка, радиопередатчик, свыше 60 тысяч рублей и оружие. Задержанные признались, что были завербованы Брониковским в начале декабря 1943 г. в г. Сарны Ровенской области. Затем в течение четырех месяцев обучались в школе радистов в Нидерзее. Группа состояла из 15 человек. По окончании школы получили задание осесть в Лунинце и после отступления немецкой армии вести разведку советских войск на участке Сарны – Лунинец. С этой целью они устроились рабочими на ж/д станцию Лунинец. Какое-либо конкретное участие в разведывательно-подрывной деятельности Лех и Поздняк категорически отрицали.

В течение июля опергруппы 28-й армии провели 75 прочесываний лесных массивов и населенных пунктов. В результате были задержаны:

- 1) агенты немецкой военной разведки – 16 человек (все арестованы);
- 2) агенты гестапо (агенты ГФП. – *В.Н.*) – 8 (5 из них арестованы);
- 3) дезертиры – 53;
- 4) пособники немецких оккупационных властей – 27 (12 арестованы);
- 5) бывшие военнопленные – 23;
- 6) гражданские лица – 415.

Как правило, после предварительных опросов и перепроверки часть задержанных отпускали по домам. Лица, подозреваемые в проведении враждебной деятельности, подвергались более глубокой проверке, в том числе и через спецлагеря НКВД.

28 июля 1944 г. советские войска освободили Брест и устремились на запад. На территории Беларуси остались запасные дивизии, военные гарнизоны и другие объекты окружного подчинения. Комплектование войск Белорусского военного округа осуществлялось в том числе за счет местных людских ресурсов. Проверка пополнения в целях выявления из этого контингента агентуры противника, карателей, пособников, участников националистических военных формирований¹ и других лиц, проводивших враждебную деятельность, стала одной из главных задач военной контрразведки.

¹ Борьба с антисоветским подпольем, в том числе и с незаконными воинскими формированиями (НВФ) на территории Беларуси – тема отдельного исследования. Военная контрразведка не могла игнорировать этот фактор, но основная нагрузка в борьбе с антисоветским подпольем и НВФ лежала на территориальных органах госбезопасности и внутренних дел. Логично предположить, что активное участие в этой борьбе принимали отделы «Смерш», а после войны особые отделы внутренних и пограничных войск. В современной белорусской историографии принято выделять «белорусское», «литовское», «украинское» и «польское» антисоветское подполье.

За период с августа по декабрь 1944 г. в части 34-й запасной стрелковой дивизии (ЗСД) поступило 13 050 человек. Из этого числа выявлено 645 лиц, подозреваемых в проведении враждебной деятельности. После проверки арестовано 39 человек, в том числе: агентов немецкой разведки – 4; лиц, проходивших службу в карательных органах и РОА – 14; сектантов, отказавшихся брать в руки оружие, – 21.

Заброска агентуры на нашу территорию продолжилась и после освобождения Беларуси. В октябре 1944 г. в отдел контрразведки «Смерш» 34-й ЗСД добровольно явились с повинной два немецких парашютиста В. Т. Бондарев и Ф. И. Тюленев. Они сообщили, что были десантированы в ночь на 7 октября в 7 км севернее Бобруйска с целью передачи немецкому радисту, находившемуся в районе Гомеля, питания к радиостанции, одежды и денег [14, с. 190 – 193].

Одним из самых известных эпизодов противостояния с германскими спецслужбами стала история с десантированием в сентябре – декабре 1944 г. нескольких групп агентов из «Специального батальона Дальвитц». Так называлась разведшкола, созданная по инициативе Белорусской центральной рады и с согласия руководства Абвера в июле–августе 1944 г. в м. Дальвитц неподалеку от г. Инстербурга¹. Важно отметить, что контингент курсантов и преподавателей состоял из бывших полицейских, членов Белорусской независимой партии (БНП), Белорусской краевой обороны (БКО), Союза белорусской молодежи (СБМ) и других коллаборационистских организаций. Всего 200 человек. Школу возглавлял сотрудник Абвера майор Герулис, заместителем по учебной части являлся руководитель БНП В. Родько, а начальником учебной части – бывший командир 68-го батальона БКО и один из руководителей БНП Б. Рогуля. Начиная с сентября и до конца 1944 г., непосредственно на территорию Беларуси было заброшено 2 группы, еще одна была десантирована в районе Вильнюса с задачей выйти в Налибокскую пущу и организовать там базу. Все члены разведгрупп были нейтрализованы (арестованы либо уничтожены при задержании, отдельные явились с повинной). Командир 3-й группы майор вермахта и активный член БНП М. Витуско был убит 7 января 1945 г. во время проведения чекистско-войсковой операции в Рудницкой пуще

О последней группе из состава «Специального батальона Дальвитц», заброшенной в ночь на 21 декабря в район д. Стриево Березинского района Минской области, стоит сказать особо. Как показал в ходе следствия командир группы Н. Шпаков (член БНП), перед ними стояла задача установить связь с группой немецких солдат и офицеров в количестве 200 человек и помочь им переместиться к месту посадки самолетов западнее Минска с целью последующей эвакуации за линию фронта [5, с. 175–177].

Вряд ли Шпаков мог подозревать, что его группа попала в заранее подготовленную чекистами западню. По моему мнению, данный эпизод – часть ставшей хрестоматийной радиоигры «Березина». В основе игры лежала дезинформация о нахождении в лесах Минской области большой группы

¹ Современный г. Черняховск Калининградской области РФ. – В.Н.

немецких солдат под командованием подполковника Шерхорна, оказавшихся в окружении и пытающихся выйти за линию фронта. Детальное рассмотрение операции выходит за рамки темы статьи. Ограничимся кратким изложением событий, имеющих отношение к Беларуси. В районе озера Песочное Червенского района Минской области чекисты организовали лагерь «Шубина». Так в радиопереписке с противником именовали командира полка Шерхорна. На эту базу, начиная с 16 сентября 1944 г. и почти до полного окончания войны, немцы перебросили несколько групп с радиостанциями, вооружением и другим имуществом [15, с. 248 – 250].

С германской стороны за операцию «Вольный стрелок» по выводу группы Шерхорна за линию фронта отвечал небезызвестный, во многом благодаря самопиару, оберштурмбанфюрер СС (подполковник) Отто Скорцени. В своих мемуарах он посвятил данному событию отдельную главу, в которой, несмотря на опубликованную в СМИ информацию о советской радиогре, так и не признал, что «русская контрразведка» их переиграла [16, с. 477].

Задержание шпионов и парашютистов происходило также в результате чекистско-войсковых операций (ЧВО) и других мероприятий внутренних войск. Заметим, что основная задача ЧВО заключалась в поимке участников бандформирований, дезертиров и оказавшихся в окружении германских военнослужащих и полицейских. Согласно докладной начальника Внутренних войск НКВД Белорусского округа (создан 5.04.1944) за период с сентября по 15 ноября 1944 г. было проведено 6 массовых чекистско-войсковых операций и 2 массовые операции по сплошной проческе Вороновского, Радуньского, Ивьевского и Юратишковского районов Барановичской области. В числе задержанных органами контрразведки 81 736 человек были выявлены 51 шпион и 16 парашютистов.

О напряженности тайной войны можно судить по следующим результатам: только по западным областям Беларуси за период с августа по ноябрь 1944 г. органами НКВД – НКГБ БССР было ликвидировано 13 резидентур германской разведки и арестовано 700 агентов [17, с. 614–615, 646].

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 2839. Л. 163–164.
2. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авт. кол.), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.: ил.
3. *Липило, П. П.* КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / П. П. Липило; Ин-т истории партии, ЦК КП Белоруссии. – Минск : Госиздат БССР. Ред. соц.-экон. лит., 1959. – 258, [2] с.
4. Секреты операции «Цитадель» (1 января – 30 июня 1943 года) // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. : в 5 т. – М. : Русь, 2008. – Т. 4. Кн. 1. – 795 с.

5. Щит и меч Отечества / под ред. В. И. Дементя ; фото А. В. Стрех. – Минск : Междунар. центр интеграц. информ. Обществ. пресс-центр Дома прессы, 2006. – 340 с. : ил.
6. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 36.
7. В непокоренном Минске. Документы и материалы о подпольной борьбе советских патриотов в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) / Ин-т ист. партии при ЦК КПБ, ф-л ин-та. маркс.- ленин. при ЦК КПСС. – Минск : Беларусь, 1987. – 237 с.
8. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А. Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.
9. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.
10. Кулинок, С. В. Прислужники Гитлера. Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Белоруссии в 1941–1944 гг. / С. В. Кулинок. – М. : Яуза-каталог, 2020. – 704 с. – (История без грифа «секретно»).
11. Иванов Михаил Николаевич 1924 года рождения [Электронный ресурс] // Партизаны Беларуси. – Режим доступа: partizany.by. – Дата доступа: 30.03.2023.
12. Каминский, В. Д. Жизнь вопреки опасности / В. Д. Каминский. – Могилев : Могилев. обл. укруп. тип., 2007. – 312 с.
13. Христофоров, В. С. Органы государственной безопасности СССР в 1941–1945 гг. / В. С. Христофоров. – М. : Изд-во Глав. архив. упр. г. Москвы, 2011. – 432 с.
14. Надтачаев, В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... / В. Н. Надтачаев. – Минск : Кавалер, 2008. – 416 с.: ил.
15. Лубянка: Из истории отечественной контрразведки / В. С. Христофоров [и др.]. – изд. 3-е, доп. – М. : Изд-во Главархива Москвы; ОАО «Московские учебники и Картография», 2007. – 368 с. : ил.
16. Скорцени, О. Неизвестная война / О. Скорцени ; пер. с франц. О. П. Коваленок. – Минск : Попурри, 2012. – 576 с. + вкл. 16 с.
17. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 года) // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. – М. : Общество изучения истории отечественных спецслужб, Кучково поле, 2007. – Т. 5. Кн. 2. – 895 с.

**Ю. Н. Плаксицкий, В. И. Шатько,
С. А. Хоровец, В. Б. Василевский**

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕЧАТНЫХ СРЕДСТВ В ЦЕЛЯХ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРОТИВНИКА (ПО ОПЫТУ БИТВЫ ПОД КУРСКОМ)

Большую работу в годы Великой Отечественной войны специалисты по пропаганде проводили перед масштабными боевыми операциями, стре-

мясь ослабить боевой дух противника. События Курской битвы стали ярким примером использования и совершенствования накопленного в годы войны опыта ведения мероприятий пропагандистского характера.

Основной формой информационного противоборства в ходе Курской битвы явилась печатная пропаганда. В меньших масштабах были представлены устная пропаганда и наглядная агитация.

Работа подразделений пропаганды Красной армии по воздействию на немецкие войска до середины 1942 года отличалась бессистемностью. После создания в июне 1942 г. Совета военно-политической пропаганды влияние на психику противника активизировалось [1; 3; 4; 5]. Первый позитивный опыт информационно-психологического воздействия был приобретен в ходе Сталинградской битвы и закреплён в ходе Курской битвы. Осуществлялись и структурные изменения органов пропаганды [10].

Органы советской пропаганды в своей деятельности делали основной упор на следующие ее виды в зависимости от ожидаемого эффекта: *конверсионную, разделительную, деморализующую и пропаганду плена*.

Пропаганда (от лат *propaganda* – подлежащее распространению) представляет собой воздействие на сознание (подсознание), политические и ценностные ориентации объектов (групп объектов) посредством распространения воззрений, идей, учений с целью формирования мировоззрения, соответствующего интересам воздействующей стороны [10].

Военная пропаганда – это использование информационных каналов в интересах политической поддержки ведущихся военных действий и общих целей, поставленных перед собою воюющими сторонами [10].

Конверсионная пропаганда – это массированное пропагандистское воздействие на ценностные ориентации человека или групп людей с целью изменения его (их) установок, отношений, суждений и взглядов на политику, проводимую высшим военно-политическим руководством страны [10].

Главной целью конверсионной пропаганды является изменение отношения населения и военнослужащих к характеру войны со своей стороны и признание ее несправедливой и агрессивной. Однако, несмотря на активную политическую пропаганду, особенно со стороны СССР, в ходе войны достичь этой цели в полном объеме не удалось. Значительная часть как личного состава немецкой армии, так и населения Германии до конца войны оставалась под влиянием фашистской идеологии [10].

Разделительная пропаганда – это пропагандистское воздействие, направленное на разжигание межгрупповых противоречий на основе различий религиозного, национального, социального, профессионального и др. характера с целью ослабления единства в рядах противника вплоть до его раскола [10].

Значительную роль в ходе реализации целей разделительной пропаганды сыграла дискредитация военных и политических руководителей Германии. В ходе сражений распространялись листовки, в которых вместе с попытками вызвать неприязнь к руководству страны внушалась мысль о том, что соратники Гитлера сами не верят в свою победу.

Для разжигания разногласий в лагере противника и порождения атмосферы недоверия использовались маскировочные печатные материалы.

Деморализующая пропаганда – это пропагандистское воздействие, направленное на ослабление психики человека, обострение его чувства самосохранения с целью снижения морально-боевых качеств вплоть до отказа от участия в боевых действиях [10].

Среди мотивов, использовавшихся для дестабилизирующего воздействия на психику противника, можно выделить следующие:

«траур» – напоминание о смерти (в рупор зачитывались отрывки из писем, найденных на телах убитых немецких солдат);

«голод» – эксплуатация продовольственных затруднений противника (на позиции сбрасывались красочные открытки, изображающие различные кушанья и деликатесы);

«проигранное дело» – внушение противнику, что его положение безысходно;

«семейные мотивы» – использование темы «детей, ждущих возвращения отца», спекуляции по поводу жен, изменяющих фронтовикам с «тыловыми крысами»;

«превосходство в силе» – показ неспособности противника противостоять силе СССР [10].

Пропаганда плена – это пропагандистское воздействие на человека или группы людей, направленное на формирование положительных установок по отношению к сдаче в плен как единственно разумному и безопасному выходу из сложившейся обстановки.

Стремление избежать смерти или физических страданий в экстремальной ситуации, которую представляет собой боевая обстановка, вызывает у людей с низкими морально-психологическими качествами реакцию, в основе которой лежат, как правило, эгоистические мотивы: уклонение от участия в боевых действиях, сохранение своей жизни любой ценой. Такие военнослужащие и были подвержены эффективному воздействию. Особенно это характерно в случае неудачно складывающегося хода боевых действий. По форме пропаганда плена в ходе Курской битвы была многообразной и велась с большой изобретательностью. На немецкие позиции забрасывались листовки с адресами и списками военнопленных с приветами их родным. Распространялись информационные листовки, объединенные общей темой: «Как живут военнопленные в СССР?» [10].

В материалах печатной пропаганды приводились факты организованной капитуляции под руководством немецких командиров.

В ходе Курской битвы появилась и активно использовалась так называемая «черная пропаганда», т.е. такой вид пропаганды, при ведении которой принадлежность ее источника приписывается оппозиции или группам сопротивления в рядах противника. С помощью нее решались задачи по дискредитации военно-политического руководства, деморализации населения и военнослужащих, дезинформации и т.д. [10].

Главными техническими средствами производства печатной продукции были типографии самодельного, походного или стационарного типа.

К печатным средствам информации того времени можно отнести: прессу (газеты, журналы), каталоги, брошюры, буклеты, плакаты, листовки.

Важную роль играли газеты, которые писали о положении на фронте, о героизме бойцов, но главное – призывали оставшихся в тылу делать все возможное и невозможное для того, чтобы обеспечивать действующую армию всем необходимым. «Все для фронта, все для победы!» – этот лозунг определял главный смысл таких публикаций.

Ведущим печатным изданием, которое играло главенствующую роль в организации помощи фронту в Курской области, безусловно, была газета «Курская правда». На протяжении всего периода подготовки к летним боям 1943 года областная партийная организация через свой печатный орган и местную печать направляла организационную работу по укреплению дисциплины и порядка как одного из решающих факторов обороноспособности.

Массовая печать позволяла объединить усилия партийных организаций и всего населения, сделать труд в тылу более эффективным, направить массы на решение основных задач, поднять на успешное проведение сельскохозяйственных работ в условиях прифронтового тыла [7; 8].

Газета «Курская правда» постоянно подчеркивала необходимость участия в политико-воспитательной работе каждого коммуниста, освещала ход и результаты массового соревнования за повышение производительности труда на промышленных предприятиях и в колхозах области.

Важное значение в период битвы под Курском приобрели также листовки, плакаты, воззвания. Обращения, которые выпускались массовыми тиражами, предназначались как для распространения среди своих войск и населения, так и в армии противника.

Листовки были одним из главных видов информационно-пропагандистских печатных изданий. Они отличались небольшим объемом, кратким, доступным и эмоциональным текстом. Применялись разные виды листовок. Так, информационные листовки доносили до читателей соответствующие сообщения о каких-то событиях, о действиях конкретных людей, об обстановке в регионе. Листовки-документы содержали тексты официальных документов, заявлений, обращения командования к населению и противнику.

Специальным видом листовок являлись листовки-лозунги и листовки-призывы, содержавшие краткие тексты, которые призывали читателей к каким-либо конкретным действиям. Они имели небольшой формат, а их текст был набран крупным шрифтом. Иногда листовки-лозунги изготавливали в виде плакатов и расклеивали в доступных для обозрения местах.

Листовки-пропуска предназначались для сдачи в плен, в них гарантировалась безопасность и хорошее отношение к пленным.

По жанровому оформлению листовки делились на текстовые (подавляющее число) и иллюстрированные (изготовленные с использованием самодельных клише). Текстовые листовки подразделялись на публицистические

и художественные. Публицистические листовки были написаны в ярком и остром стиле и наиболее распространены; их издавали все звенья пропаганды. Художественные листовки воздействовали преимущественно на чувства, они содержали стихи, прозу, пародии.

Агитматериалы распространялись среди войск и населения противника при помощи авиации, артиллерии и другими средствами и путями. Более 80 % агитматериалов, предназначенных для войск противника, было распространено авиацией. Для их доставки использовались самолеты всех типов, уходившие на выполнение боевых заданий над территорией, занятой противником: бомбардировщики, штурмовики, истребители, разведывательные и самолеты связи.

Агитматериалы, издаваемые Главным политическим управлением Красной армии, доставлялись самолетами специальной эскадрильи и распространялись авиацией фронтового и армейского подчинения, а в отдельных случаях, когда осуществлялись полеты в глубокий тыл врага, – авиацией дальнего действия. Существовала специально выработанная технология сбрасывания листовок с самолетов: вымпелом или путем применения специальных кассет, при помощи агитбомб или пачками вручную [9].

Помимо авиации существовали и другие средства распространения. Их можно разделить на три группы: распространение агитматериалов разведывательными и десантными подразделениями, а также танкистами во время глубоких танковых рейдов по тылам противника, через партизанские отряды и гражданское население в тылу врага; применение прицельных артиллерийских средств: агитснарядов, агитмин, агитгранат как заводского, так и полукустарного производства; полукустарные технические средства: катапульта, агитзмей, шары-пилоты, агитпилоты и т. п.

Сочетание авиационных, артиллерийских и других средств обеспечивало в основном правильное и своевременное распространение пропагандистских материалов, подготовленных политорганами и антифашистскими организациями.

Основными средствами распространения агитматериалов являлись:

- винтовочные агитационные гранаты (ВАГ-42), которые в 1943 году промышленность Советского Союза начала поставлять в войска. Они предназначались для забрасывания специальных агитационных листовок в расположение противника, а также могли использоваться как средства связи между подразделениями. Граната снаряжалась 35 листовками, дальность полета гранаты составляла 250–300 метров, при этом площадь разлета листовок – около 200 кв. метров;

- 82-мм агитационная мина, разработанная ГАУ КА в сентябре 1942 г. и прошедшая боевое крещение под Сталинградом, предназначалась для забрасывания агитационной литературы в расположение противника на дистанцию от 500 до 800 метров путем выстреливания из 82-мм миномета. Мина снаряжалась 230–250 листовками;

- агитационная мина Охупкина, сконструированная красноармейцем комендантского взвода штаба 92-й стрелковой дивизии Охупкиным Констан-

тином Тихоновичем в конце 1942 года и успешно применявшаяся на фронте. Особенностью являлось то, что она не имела патрона, выталкивающего из канала ствола. Выталкивающим зарядом служила порция (3–4 столовые ложки) черного дымного пороха на дне миномета. Листовки укладывались плотным рулоном на диафрагму из фанеры или жести. Дальность стрельбы была около 500 метров;

- приспособление Потехина для разбрасывания листовок, которое хоть и было усовершенствовано ГАУ КА, но продолжило называться по имени автора. Потехин предложил разбрасывать листовки с помощью выстрела из охотничьего ружья. Приспособление имело достаточную простоту и оригинальность. Заброс листовок происходил до 500 метров. Оно с большим эффектом применялось на передовой и быстро распространилось в войсках. В ходе Курской битвы только в период с 1 по 15 июля 1943 г. с его использованием заброшено 102 000 листовок [9].

Можно привести несколько примеров о результатах заброски листовок и газет. Из протокола допроса Атаханова Абдуллы, находившегося в немецкой армии в составе 389-го Туркестанского батальона:

«ВОПРОС: Читали ли Вы советские листовки, обращенные к русским людям, завербованным в немецкую армию?

ОТВЕТ: Читал, и очень много. Все люди нашего батальона тоже читали. (В доказательство Атаханов передал 10 листовок на русском языке.) Именно эти листовки и сыграли главную роль в нашем решении перейти на сторону Красной Армии» [9].

Добровольно сдавшийся в плен обер-ефрейтор Фердинанд Берле принес с собой газету «Свободная Германия» со словами: «...Прочтя газету, я убедился в том, что здесь я найду подлинные материалы о положении на фронте...» [9].

Провал «молниеносной войны» заставил немецких солдат на «всякий случай» хранить советские листовки с пропуском для перехода в плен. Перебежчики были и в ходе Курской битвы.

На основе результатов работы органов пропаганды в июле–августе 1943 года можно с уверенностью утверждать, что противник потерпел поражение в Курской битве не только благодаря действиям войск Красной армии, но и был подавлен морально, потеряв свой боевой дух.

Таким образом, такое явление, как информационно-психологическое воздействие, зародившееся еще в глубокой древности, постоянно развивалось. Одним из этапов совершенствования его форм и способов стала Великая Отечественная война, которая подвергла суровой проверке жизнеспособность теоретических положений об эффективности умело организованного воздействия на войска противника.

В рамках оказания целенаправленного информационно-психологического воздействия широко применялись печатные средства, такие как пропагандистские листовки, газеты, брошюры, книги и другая печатная продукция.

Анализ проводимой информационно-психологической работы во время Курской битвы позволяет сделать вывод, что были достигнуты следую-

щие цели: разъяснение справедливых целей войны со стороны Советского Союза и разоблачение несправедливого, захватнического характера войны, развязанной германским фашизмом и его союзниками; убеждение в неуклонном укреплении Советского Союза и ударной мощи Красной армии и Красного флота, пропаганда неизбежности разгрома немецко-фашистской армии и поражения германского империализма; вскрытие и обострение противоречий как в гитлеровской армии и германском тылу, так и между армией фашистской Германии и армиями ее союзников; рост антифашистского движения внутри вермахта и среди населения оккупированных Германией государств; всесторонняя пропаганда правды о Советском Союзе и антинародного характера фашистского режима; деморализация и склонение к прекращению сопротивления, показ путей выхода из войны для личного состава вермахта и его союзников в форме индивидуальной и коллективной сдачи в плен.

Достоинствами печатной продукции при этом явились: ее большой тираж; охват широких слоев населения; возможность неоднократного прочтения, способствующего лучшему усвоению; точность изложения.

Огромную роль в достижении успеха в битве под Курском сыграло информационно-психологическое воздействие Красной армии на войска противника. Оно проводилось для достижения сплоченности действий всего народа в борьбе против врага, неразрывного единства фронта и тыла, а также деморализации противника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басистов, Ю. В.* Особый театр военных действий: листовки на фронтах Второй мировой войны / Ю. В. Басистов. – СПб. : Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 1999. – 134 с.
2. *Дробязко, С. И.* Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил (1941–1945 гг.) / С. И. Дробязко. – М., 2004. 608 с.
3. *Ковалёв, Б. Н.* Антифашистская борьба: анализ пропагандистского противостояния (1941–1944 гг.): на материалах временно оккупированной территории Северо–Запада РСФСР : дис... канд. ист. наук / Б. Н. Ковалёв. – СПб., 1993. – 196 л.
4. Преступные цели, преступные средства : сб. док. – М. : Политиздат, 1963. – 324 с.
5. *Широкоград, И. И.* Центральная периодическая печать СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : дис... д-ра ист. наук / И. И. Широкоград. – М., 2002. – 330 л.
6. *Юденков, А. Ф.* Политическая работа партии среди населения оккупированных районов СССР (1941–1944 гг.) : автореф. дис... д-ра ист. наук / А. Ф. Юденков. – М., 1969. – 23 с.
7. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : сб. док. и материалов / ред. комис.: Т. И. Архипова (предс.) [и др.]. – Курск : Курское кн. изд-во, 1960. – Т. 1. – 487 с.

8. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : сб. док. и материалов / ред. комис.: Т. И. Архипова (предс.) [и др.]. – Курск : Курское кн. изд-во, 1962. – Т. 2. – 642 с.
9. Военная пропаганда и агитация накануне и в ходе Курской битвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://histrf.ru/magazine/article/voennaya-propaganda-i-agitaciya-nakanune-i-v-hode-kurskoj-bitvy>. – Дата доступа: 06.04.2023.
10. Информационное противоборство во Второй мировой войне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://panarin.com/konflikt/56-informacionn-oe-protivoborstvo-vo-vtoroy-mirovoy-vojne.html>. – Дата доступа: 06.04.2023.

В. Ф. Сосонкина

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФАРМАЦЕВТОВ ЕВРЕЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944)

Боевой и трудовой подвиг медицинских работников в годы Великой Отечественной войны (ВОВ) широко освещен во многих источниках. На фронтах и в партизанских отрядах специализированная медицинская помощь оказывалась в госпиталях, лазаретах и других формированиях. Неотъемлемой ее частью было лекарственное обеспечение, за которое отвечали в основном фармацевтические работники, среди них было много специалистов еврейской национальности.

До сих пор практически нет публикаций о деятельности фармацевтов-евреев, а также их гибели, в том числе в гетто, в годы германской оккупации.

Цель исследования – на основании архивных документов и литературных источников попытаться выявить фармацевтов еврейской национальности, воевавших в рядах Красной армии, эвакуированных в регионы РСФСР и республики Средней Азии, а также оставшихся на оккупированной территории Беларуси в годы ВОВ. Это позволит восстановить историческую справедливость и отметить их вклад в общую Победу над фашизмом.

Перед началом ВОВ в организационную структуру Главного аптечного управления Наркомздрава БССР входило 628 аптек, 117 аптекарских магазинов, 251 аптечный киоск, 14 аптечных складов, 14 контрольно-аналитических лабораторий, Минский химико-фармацевтический завод. Численность персонала составляла 5600 человек [1, с. 122], в том числе более 2020 фармацевтических работников (провизоров и фармацевтов) [2, л. 6]. Среди работающих было много лиц еврейской национальности (конкретными цифрами не располагаем).

В период немецкой оккупации сильно пострадала аптечная сеть: 85,7 % аптек были разрушены, а оставшиеся опустошены и разграблены [2, л. 4].

С первых дней ВОВ в ряды Красной армии были призваны и фармацевтические работники (далее фармацевты), в том числе еврейской национальности. Например, Ю. С. Баркусский, начальник галенового цеха Минского химико-фармацевтического завода; А. А. Березкин., заведующий аптекой в

г. Быхов Могилевской области [1, с. 274]; С. А. Гинзбург, выпускница Могилевской фармацевтической школы [3]; Злочевская Е. А., начальник Минского областного аптекоуправления; М. Н. Иоффе, заведующий центральной аптекой в г. Минске [1, с. 276]; И. Х. Кац, заместитель начальника Главного аптечного управления Наркомздрава БССР [1, с. 277]; Х. М. Кацнельсон, заведующая аптекой № 1 г. Бобруйска [4]; А. А. Клебанов, заведующий центральным аптечным складом ГАПУ Наркомздрава БССР [1, с. 277]; А. Г. Кушкис, ассистент аптеки № 3 г. Могилева [5]; Х. О. Любеткин, химик в аптеке м. Зельва Гродненской области [6]; З. З. Михельсон, заместитель начальника Гомельского областного аптекоуправления [1, с. 277]; А. С. Розина, заведующая отделом ЦК профсоюза в г. Минске [7]; И. С. Сребник, заведующий базой лабораторного оборудования ГАПУ Наркомздрава БССР [1, с. 278] и многие другие.

Они служили на разных должностях в военных формированиях: начальниками аптек госпиталей, эвакуационных пунктов, в качестве их помощников и проч., спасая вместе с медицинскими работниками жизнь раненым офицерам и солдатам, подвергая себя смертельной опасности. Они имеют боевые награды, после войны возвратились в Беларусь и продолжили профессиональную деятельность. Точное количество фронтовиков-евреев пока не установлено.

Внезапное нападение Германии на СССР и быстрая оккупация территории Беларуси немецкими войсками стали неожиданностью для органов советской власти. Во избежание паники среди населения 22 июня 1941 г. было введено военное положение, предоставляющее властям право воспрещать въезд и выезд из населенных пунктов [8, с. 61]. Например, в Минске организовывались вооруженные рабочие отряды для усиления охраны предприятий и для поддержания порядка в городе. Никто не имел права покидать предприятия 23, 24 июня 1941 г. Рабочие были переведены на круглосуточное пребывание на рабочих местах [9, с. 109].

Сотни тысяч белорусских евреев, дезориентированных руководством ЦК КП(б)Б, упустили время для эвакуации 22–25 июня 1941 г., а 26 июня 1941 г. враг уже был на подступах к Минску [9, с. 111]. Все это тормозило стихийные попытки эвакуации населения. Среди десятка тысяч белорусских евреев, которым удалось эвакуироваться на восток и в Среднеазиатские республики, были и фармацевты.

На основании личных дел специалистов, хранящихся в архивах государственных предприятий «Фармация», удалось установить пока не менее 33 эвакуированных специалистов-евреев. В их числе: М. Н. Айзенштадт, заведующий аптечным складом Бобруйского областного аптекоуправления; Т. С. Букчина, заведующая Круглянкой аптекой; Б. Л. Гельфанд, начальник ГАПУ Наркомздрава БССР; Ю. Д. Голдовт, заместитель начальника Полесского областного аптекоуправления; Л. С. Горелов, управляющий аптекой № 2 в г. Рогачеве Гомельской области; Р. З. Гробина-Брук, заместитель управляющего аптекой № 1 г. Могилева; Р. З. Гуревич, рецептар аптеки № 1

г. Бобруйска; А. Г. Гуревич-Х, ассистент аптек г. Могилева; Данович-Урецкий И. Б., заведующий аптекой г. Климовичи; Г. Я. Дымент, ассистент аптеки 1-й больницы г. Могилева; С. И. Досевич (Иофик), ассистент аптеки № 3 г. Витебска; Г. С. Кац, фармацевт аппарата Могилевского областного аптекоуправления; Х. З. Израилевич, заведующий аптекой в Осиповичах; О. Т. Кац, ассистент Костюковичской аптеки; Л. С. Кнафель, заместитель заведующего аптечным складом Гомельского областного аптекоуправления; Г. М. Кохонов-вер-Лесман, дефектар аптеки № 4 г. Могилева; И. А. Маркович-Горбаткина, рецептар-контролер аптеки № 2 г. Могилева; Д. И. Найдус, магистр фармации, доцент кафедры фармакологии Минского мединститута; Г. Д. Симанович (Городецкая), фармацевт аптеки м. Наровль Гомельской области; М. С. Тиркельтауб, провизор магазина санитарии и гигиены в г. Могилеве; Р. З. Черняк, заместитель начальника Бобруйского областного аптекоуправления; Л. А. Файн, заведующий аптекой инфекционной больницы г. Витебска; Э. С. Флеер, заведующая аптекой № 3 г. Минска; Х. М. Шабринская, провизор аптеки в м. Зельва Гродненской области; Л.-В. Г. Шнейдерман, заведующий отделом аптечного склада Витебского областного аптекоуправления и др. Они трудились в тылу по специальности на разных должностях. После ВОВ почти все по вызову СНК БССР возвратились на родину и были назначены приказами ГАПУ Наркомздрава БССР в основном на руководящие должности.

Следует отметить некоторые особенности поведения евреев в Западной Беларуси. Большого страха перед войной у них не было. Надежды на возвращение прежних времен были основаны на недовольстве многих политикой советской власти и даже ненависти к советскому строю [8, с. 58].

Известно, что в период с 1938 по 1940 г. среди репрессированных было не менее 8 фармацевтов-евреев, в том числе: Ю. Ш. Милехман, специалист аптеки № 3 г. Пинска [10, с. 409]; Н.-А. Г. Розовский, фармацевт районной аптеки в Узде [10, с. 491]; З. А. Ронкин, управляющий базой аптекоуправления в Орше, расстрелян [10, с. 500]; Г. С. Сегаль, заведующий аптекой в Дубровне [10, с. 575]; Л. И. Фонгауз, специалист Могилевского аптекоуправления, расстрелян [10, с. 620].

На начало 1940 г. на территории БССР состояло на учете 72 896 беженцев, из них около 90 % были евреи [8, с. 120]. Например, в июне 1940 г. в Пинске из числа беженцев были трудоустроены 4 врача и фармацевт [8, с. 48–49]. Беженцы же, осевшие на этой территории, найдя жилье и работу, боялись в очередной раз сниматься с места. Некоторые не хотели эвакуироваться из чисто прагматических соображений: в ходе экспроприации и национализации советская власть не лишила состоятельных евреев нажитого. Рисковать они не хотели [8, с. 58]. Другие не могли решиться на бегство из-за отсутствия средств, зная, что дальняя дорога и трудности передвижения в условиях военного времени потребуют больших расходов. Нежелание эвакуироваться объясняется также и своеобразным менталитетом евреев Западной Беларуси. Частая смена власти закрепила в их сознании толерантность

(терпимость) к политическим изменениям, а стремление к выживанию развило в них умение приспосабливаться и быть полезным любому режиму. Это относится и к другим категориям городского населения.

Евреи Западной Беларуси не знали настоящей картины происходящего в Германии и оккупированной Польше. Даже негативная информация, доходившая до них по неофициальным каналам, не производила должного впечатления в сравнении с реальной советской действительностью. Они не имели адекватных представлений о терроре, который грозил им со стороны оккупационных немецких властей, и о преследовании своих собратьев в соседнем государстве [8, с. 59].

В начале 1939 г. в Западной Беларуси только владельцев или управляющих аптеками еврейской национальности насчитывалось более 100 человек [11]. Подобной информацией на это время по БССР пока не располагаем.

Трагедия еврейского населения в годы ВОВ была частью трагедии всех жителей Беларуси, жизнь которых с появлением немецких войск сразу же драматически изменилась. На оккупированных территориях гитлеровцы создавали для евреев лагеря смерти – гетто, в которых действовала хорошо продуманная система уничтожения, каторжного труда, побоев, расстрелов, погромов [12]. На территории 153 населенных пунктов Беларуси размещалось 163 гетто [9, с. 116].

Очищение оккупированных советских территорий от евреев шло с востока на запад; уничтожение еврейского населения диктовалось соображениями безопасности – необходимостью поддержания надежной и стабильной обстановки в прифронтовом тылу вермахта. Для обеспечения выполнения приказов немецких военных, полицейских и гражданских властей, касающихся евреев, был создан юденрат (еврейский совет) – орган еврейского самоуправления города [8, с. 76].

Самым крупным на территории Беларуси было Минское гетто. Оно располагалось в северо-западной части города и включало 39 улиц и переулков.

На его территории находились больница, поликлиника и аптека. В ноябре 1941 г. в гетто вспыхнула эпидемия сыпного тифа, остро не хватало мыла, молока, патоки (заменителя сахара), других товаров, но особенно лекарственных средств (ЛС). 7–8 ноября узниками гетто были разграблены ЛС в поликлинике и аптеке [13, л. 160]. Во избежание распространения эпидемии на всей территории гетто немецкими городскими властями с разрешения генерального комиссара Генерального комиссариата «Беларусь» были поставлены в больницу и аптеку жизненно необходимые продукты и ЛС, хотя в незначительных количествах [13, л. 74, 79].

Весной 1942 г. была еще одна волна эпидемии. 26 марта 1942 г. юденрат получил уведомление от немецких властей о передаче гетто вакцины против тифа всего лишь для 7 тыс. человек с оплатой через городскую кассу [13, л. 167] и об отказе в поставке перевязочных материалов и ЛС [13, л. 194]. И понятно почему – ожидался очередной погром.

Больница в Минском гетто состояла из трех отделений: инфекционного, терапевтического и хирургического. Снабжались они с аптечного склада в Минске. Руководивший больницей коммунист Лев Кулик возглавил подпольную группу медиков, в гетто действовали 22 подпольные группы [14, с. 260].

Формы подпольной работы в гетто были разные: организация диверсий на предприятиях, подготовка для вывода в лес группы военнопленных из лагеря по ул. Широкой, сбор оружия, ЛС, перевязочных материалов, медицинских принадлежностей для партизанских отрядов, которых не хватало в гетто. Евреев колоннами из гетто водили на работу на предприятия города, они передавали эти вещи разным путем членам городского подполья [15].

Инфекционное отделение больницы гетто являлось одной из конспиративных явок минских подпольщиков (ул. Обувная, ныне ул. Короля). В подпольной деятельности принимали участие и фармацевты – Клебанова Ц., Хаютин, Хинюк [12], Раскина (инициалы в документах не указаны) [15].

Заведовал аптекой провизор Хаютин, помогавший подпольщикам. По заявкам врачи выписывали гораздо больше ЛС, чем требовалось. Так создавался фонд, особую ценность которого осознали, когда начались массовые уходы узников в партизаны [14, с. 260].

Оставшиеся в живых узники Минского гетто на всю жизнь запомнили дни погромов 7 и 20 ноября 1941 г. и 2 и 31 марта 1942 г. По данным профессора-историка Э. Г. Иоффе, из 100 тыс. узников Минского гетто спаслись около 3,5 тыс. человек (часто благодаря командованию партизанских отрядов и проводникам) [12].

Согласно различным источникам известно, что в июле 1941 г. в больничных аптеках г. Минска работали следующие специалисты еврейской национальности: заведующий Б. И. Каплан и фармацевты Б. Е. Махлис, И. А. Эльтерман (Минская инфекционная больница) [16]; заведующий А. А. Левин и фармацевты Б. В. Мильштейн, Л. С. Найкруг (1-я больница) [17, л. 44]; заведующий И. Н. Есьман (2-я больница) [18]; провизор И. М. Слободской (железнодорожная больница) [17, л. 28 об.]. Фамилии фармацевтов-евреев, работавших в городских аптеках во время оккупации, пока не установлены.

Имеется мало информации о фармацевтах-узниках гетто и их судьбах по областям республики. Располагаем достоверными сведениями о некоторых из них:

- по Минской области – Э. Я. Гриншпан-Левина, Г. В. Гантман (г. Червень, 1941 г.) [19]; Раков (инициалы неизвестны, м. Руденск) [20]; провизор А. Залманзон (г. Борисов, отравил ядом себя, жену и двух малолетних детей) [21];
- по Могилевской области (г. Бобруйск) – Х. М. Кричевская, Ю. А. Гольдец, Р. С. Стасон, Л. А. Ляховская, Р. О. Гинзбург, Н. Б. Розовский, Н. Д. Розовский (последний отравил ядом себя и жену) согласно сведениям Института памяти жертв нацизма и героев сопротивления (Иерусалим, Израиль);
- по Витебской области (г. Лепель) – Л. С. Нижевич, Р. Шлейфер, Р. Роземблюм, Я. Дроздович [22] и Р. Орлис [23], все расстреляны в 1942 г.;

• по Гродненской области (м. Мир) – Каплан (инициалы неизвестны) и С. Б. Хаймович (удалось убежать в партизанский отряд) [24] и 32 фармацевта из г. Гродно (инициалы и дальнейшая судьба большинства неизвестны) – Бабун, Бризман, Броуде, Бурде, Р-Д. Бутенский [25, с. 498]; Вольчик, Гирш-кохун, Гожанская, Гольдберг, Дандау, Г. Дубинский, А. Журавский, П. Зарецкий, Зевин, Зингер [25, с. 499]; Д. Клинковштейн, И. Копытник, Куклян-ский, Левит, Медвецкий [25, с. 500]; Носем, Плоткин, А. Ратнер, Розенберг, М. Розенталь, Н. Сарнацкий [25, с. 501]; Феллах, Г. Шапиро, С. Шварц, Шмидт, Ялишевская [25, с. 502].

По результатам исследования наибольшее число фамилий фармацевтов–узников гетто (около 60 человек) установлено в Брестской области.

Брестское гетто создано 16 декабря 1941 г., на его территории также были размещены больница на 75 коек и аптека. Не хватало медицинских специалистов, ЛС. Дефицитные ЛС можно было купить только на черном рынке. Лечебная помощь и оказание медицинских услуг были платными. В еврейской больнице пребывание в течение суток пациенту обходилось в 30 руб., многие евреи не имели возможности оплатить эти услуги из-за тяжелого материального положения [26, с. 61–63].

По распоряжению немецких властей все жители еврейской национальности обязаны были сфотографироваться и пройти регистрацию для выдачи им новых паспортов. Многие такие паспорта хранятся в государственном архиве Брестской области, благодаря им удалось установить фамилии фармацевтов-евреев.

В Брестском гетто находилось не менее 46 фармацевтов: П. Альперин [27]; Р-Р. Барова [28, л. 27]; Р. Л. Бекеркнут [28, л. 5]; М. Бекеркнут [29]; Г. Березовска [30]; Х. Берман [31]; Р. Р. Блат [32, л. 69]; Х. Блюштейн [33]; Г. Вайнер [26, с. 217]; Э. Вальдман [26, с. 218]; З. Вербина, П. Вербин [26, с. 219]; Р. И. Влодавска [26, с. 220]; С. Гевельбер [34, л. 17]; Х. Гишинская [35]; Х. Гингольд [26, с. 225]; Д. Гиршкопф [31]; Ф. Гринберг [36]; Р. Гросбаум, Р. Калер [37]; Э. Куберберг, Л. Кустин [32, л. 69]; Р. М. Лев [26, с. 247]; Д. Лихтенштейн, Лихтенштейн [38]; Ф. Найман [34, л. 22]; Э. Песикова [26, с. 259]; Л. Рабинович [39]; Д. Раков [40]; Г. Раков [26, с. 290]; Р. Рикель-Блат [41]; А. Ротбарт [42]; Р. Савчицкая [26, с. 267]; Х. Семятыцкая, Г. Тамаркина [32, л. 69 об.]; М. Тененбаум [26, с. 271]; М. Токар [26, с. 272]; Б. Финкель [43]; Я. Фишер [44]; Л. Фляш [45]; П. Шнайдер, С. Цендлер [32, л. 69 об.]; Л-И. Шапиро; [46]; С. Шостаковская [26, с. 284]; Л. Шуб [26, с. 286]; Ф. Эпштейн [26, с. 288]¹ и др.

В период с 15 по 18 октября 1942 г. Брестское гетто было ликвидировано. Замучены и убиты более 17 000 евреев, оставшиеся угнаны на работу в Германию. В живых из узников осталось 19 человек [26, с. 67], в их числе – Гринберг Фаня, ее муж и сын, которым удалось вырваться из гетто, покинуть Брест и выжить.

¹ Среди указанных выше фамилий были работающие и не работающие мужчины и женщины. За совместное исследование и предоставление ценных сведений выражаю большую благодарность брестскому краеведу Ефиму Басину.

Отмечены некоторые особенности в действиях немцев в столице Белорусского Полесья – Пинске.

В городе накануне ВОВ среди медицинских работников насчитывалось 184 женщины еврейской национальности, в том числе работающих – 144 человека, из них фармацевтов – 12 и 9 человек соответственно [8, с. 294].

Здесь было создано последнее гетто на территории рейхскомиссариата «Украина» [8, с. 120].

18 сентября 1941 г. при Пинском городском управлении была образована специальная комиссия в составе 5 человек, занимающихся подготовкой организации гетто. В первые месяцы оккупации учреждения здравоохранения были разделены по расовому признаку – на еврейские и арийские. Так, уже в августе 1941 г. в Пинске действовали еврейские больница на 100 коек (ул. Завальная д. 9, главный врач Л. Якобсон), поликлиника (ул. Продольная д. 3, директор Ш. Лев) и аптека (ул. Альбрехтовская д. 56, заведующий Ф. Вайнбергер). Еврейская больница обслуживала больных со всего Пинского округа.

Арийское население обращалось за медицинской и лекарственной помощью в городскую больницу, поликлинику и две аптеки. Поскольку не хватало квалифицированных специалистов, в первые месяцы оккупации евреи продолжали работать в арийских медико-санитарных учреждениях. Однако с 16 октября 1941 г. началась первая «чистка» этих учреждений: некоторые евреи были уволены из химико-бактериологической лаборатории, санитарной станции, изолятора для психических больных и аптечной базы [8, с. 109, 110].

Вторая «чистка» арийских медучреждений Пинска произошла в августе 1942 г. в период существования гетто. Несмотря на принимаемые жесткие меры по предупреждению вспышки эпидемии в гетто, создалась угрожающая здоровью всех горожан ситуация [8, с. 139].

Приносить в гетто ЛС было запрещено. Еврейское население могло получать лишь ограниченное их количество. Дефицитные ЛС, как и в других городах, приобретались нелегально только на черном рынке и за огромные деньги [8, с. 111].

В целях предотвращения малейшей возможности попадания к евреям ЛС с 1 августа 1942 г. были уволены из аптеки № 1 Пинска рецептар Х. Гольдин, ассистенты Ф. Гоберман и Т. Берман, из аптеки № 2 – рецептары Р. Вассерман, Ц. Вайнберг и ассистент Г. Булина [8, с. 224]. Х. Гольдин, Ф. Гоберман погибли [47, с. 345]. Судьба остальных пока неизвестна.

Пинское гетто полностью было ликвидировано 23 декабря 1942 г.

Уничтожение медицинских и фармацевтических работников еврейской национальности создало перед оккупационными властями большую проблему дефицита кадров в здравоохранении. Главный доктор Пинского округа Дылевский в своем отчете указывал: «За время от 15.10 по 15.12. 1942 г. В Пинской области произошли следующие изменения: в связи с эвакуацией еврейского медицинского персонала 7 врачебных пунктов остались без вра-

чей (д. Микашевичи, Лахва, Парахонск, Хойно, Ласицк, Бродница, Мотоль). Аптека в Мотоле осталась без персонала, поэтому таковую перенесли в Иваново, аптека из Микашевичей вместе с персоналом перенесена в Лунинец, где не осталось фармацевтического персонала. Еврейские медицинские учреждения в области ликвидированы...» [8, с. 162].

В списках погибших во время расстрела в Ивановском гетто 26 сентября 1942 г. числятся и аптекари Гарбари и Глоцер и их семьи [48]. Та же участь постигла в Лунинецком гетто семью бывшего владельца местной аптеки Гофштейна Ш., его дочери – фармацевта Азельрад [1, с. 222]. Фармацевт, жена бывшего владельца аптечного склада Юдовича в Давид-Городке, была расстреляна по приказу гебитскомиссариата за передачу ЛС партизанам [49]. В 1939 г. кроме аптечного склада в Давид-Городке действовала аптека Каплинского Г. [50], его судьба, как и многих других фармацевтов-евреев, неизвестна.

В г. Барановичи и его окрестностях находилось три лагеря: Леснянский – для военнопленных (уничтожено 88 407 человек), Колдычевский лагерь смерти (уничтожено 22 000 человек) и Барановичский лагерь для лиц еврейской национальности – гетто (уничтожено 1875 человек) [51, с. 5].

28 июня 1941 г. в городе было создано гетто и под него отведено 11 кварталов [51, с. 31]. В декабре 1941 г. в гетто было уже до 15 тыс. человек. Здесь же находились и евреи из поселков Городище, Новая Мышь, городов Новоельня, Новогрудок. Встречались здесь и беженцы из Польши, Чехословакии [51, с. 32]. Осенью 1941 г. на территории гетто стала работать больница, где узники могли получить медпомощь. Зимой 1942 г. гитлеровцы ее разгромили и уничтожили более 20 больных [51, с. 33].

17 декабря 1942 г. в Барановичах и его окрестностях было уничтожено 62 врача [51, с. 39, 43].

Есть предположения, что узниками гетто были многие фармацевты: Я. Дворецкий (м. Молчадь), Б. Зубелевская (м. Кривошин), Х. Курхин (м. Ляховичи), М. Пик (м. Полонка), И. Ходош (м. Городище), Ю. Найдич (м. Антополь), Х. Татарски (м. Малеч), Штаркманд (инициалы неизвестны, м. Остров), Л. Шушанов (м. Жабинка) и многие другие.

В Барановичском гетто под руководством А. Я. Абрамовского, молодого врача хирурга, в лагере была создана хорошо законспирированная подпольная боевая дружина. Подпольщики добывали оружие, которым вооружали лиц, уходящих в партизаны, поддерживали связь с партизанскими отрядами Пинского и Барановичского соединений [51, с. 35].

Так, весной 1943 г. в Налибокской пуще скрывались около 5 000 человек, в том числе множество бежавших из разных гетто евреев. Боеспособные мужчины и женщины стали партизанами отрядов им. Ш. Зорина, братьев Бельских и других формирований. В отряде 106 Ш. Зорина было много медиков, среди них и фармацевт Смолянский С.

8 мая 1943 г. бригада им. Сталина провела операцию по ликвидации гарнизона в местечке Налибоки. С целью уничтожения партизан гитлеровцы

силами тысяч эсэсовцев и полицаев окружили пушу. Блокада пуши длилась с 13 июля до 6 августа 1943 г. В результате окружения партизанские формирования понесли большие потери, только в одной бригаде им. Сталина погибло 39 человек. Среди них 7 работников госпиталя, в том числе заведующий аптекой М. И. Немзер и фармацевт Р. Н. Немзер (его жена) [52].

Вследствие массового уничтожения медицинских и фармацевтических работников еврейской национальности сложилась тяжелая обстановка с кадрами и возникла большая угроза срыва оказания медицинской помощи и лекарственного обеспечения населения на оккупированной территории. Это вынудило немецкие власти открыть средние медицинские школы в г. Барановичи и в г. Минске, которые также осуществляли подготовку фармацевтов. Например, в Барановичскую медицинскую школу в 1942 г. было принято 65 человек на аптекарское отделение [53], а в Минскую – на фармацевтические курсы – не менее 40 человек [54].

Следует отметить, что проведение исследования по данной теме связано со многими трудностями, основная из них – введенные ограничения доступа к личным делам работников в целях защиты персональных данных.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы.

- Профессиональное исследование деятельности фармацевтов еврейского происхождения в период оккупации Беларуси проводится впервые.
- Исследование деятельности и положения фармацевтов условно подразделено на несколько аспектов: выполнение воинского долга на фронтах, работа по месту эвакуации, узники гетто, участие в подпольном и партизанском движении.
- В фондах государственных архивов и музеев Республики Беларусь, в литературных источниках имеется мало сведений о фармацевтических работниках.
- По результатам исследования пока удалось определить небольшое количество фармацевтов-евреев (174 человека) в разрезе указанных выше аспектов, а также число погибших, в том числе в гетто.
- Данная тема требует продолжения ее исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сосонкина, В. Ф.* История фармации Беларуси (1918–1941) / В. Ф. Сосонкина. – Минск : СтроймедиаПроект, 2016. – 304 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 47. Оп.1. Д. 3.
3. *Ковальчук, И. Е.* День Великой Победы приближали как могли / И. Е. Ковальчук, В. Ф. Сосонкина. – Минск, 2009. – С. 14.
4. Личное дело Кацнельсон Х. М. // Архив РУП «Белфармация». – № 256. – Л. 2.
5. Личное дело Кушкис А. Г. // Архив Могилевского РУП «Фармация». – Л. 2.
6. Личное дело Любеткина Х. О. // Архив Брестского РУП «Фармация». – Л. 2.
7. Личное дело Розиной А. С. // Архив Могилевского РУП «Фармация». – Л. 2.
8. *Розенблат, Е.* Пинские евреи / Е. Розенблат, И. Еленская. – Брест : БрГУ, 1997. – 312 с.

9. *Иоффе, Э. Г.* Страницы истории евреев Беларуси / Э. Г. Иоффе. – Минск. – 294 с.
10. *Маракоў, А.* Рэпрэсаваныя медыцынскія і ветэрынарныя работнікі Беларусі. 1920—1960 / А. Маракоў. – Мінск, 2010. – 904 с.
11. *Kalendarz Farmaceutyczny na rok 1939. Cr.VIII Apteki.* – Warszawa, 1939. – S. 3 – 90.
12. *Светлович, Т. Г.* Деятельность врачей Минского гетто в период Второй мировой войны / Т. Г. Светлович, Т. П. Разуменко // *Материалы 10-й респ. конф. по истории медицины и здравоохранения.* – Минск, 2004. – С. 24–26.
13. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 688. Оп. 1. Д. 39.
14. *Гай, Д. И.* Десятый круг / И. Гай. – М., 1991. – 312 с.
15. *Купрэева, Г.* Мінскае гета: схаваная праўда / Г. Купрэева // *Беларуская мінуўшчына.* – 1993. – № 3–4. – С. 62–68.
16. ГАМО. – Ф. 1050. Оп. 1. Д. 13. Л. 15.
17. ГАМО. – Ф. 1050. Оп. 1. Д. 12.
18. ГАМО. – Ф. 688. Оп. 1. Д. 51. Л. 5.
19. НАРБ. – Ф. 393. Оп. 1. Д. 11. Л. 10 обор.
20. НАРБ. – Ф. 393. Оп. 1. Д. 129. Л. 7.
21. *Смиловицкий, Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. / Л. Смиловицкий. – Тель-Авив, 2000. – С. 73.
22. *Краткая история Витебской фармации // Ю. Б. Войтехович [и др.].* – Витебск, 2002. – С. 61.
23. *Памяць. Лепельскі раён.* – Мінск, 1999. – С. 184.
24. *Новицкая, О. В.* Материалы о Великой Отечественной войне из частных архивов и музейных коллекций для экспозиции Мирского замка / О. В. Новицкая, Л. Е. Прокопенко // *Матэрыялы навук.-практ. канф., г.п. Мір, 29 мая 2009 г.* – Мінск, 2013. – С. 94.
25. *Памяць. Гродна.* – Мінск, 1999. – 711 с.
26. *Памяць. Брэст.* – Мінск, 2001. – Кн. 2. – 685 с.
27. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 201. Оп.1. Д. 1. Л. 2.
28. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 33.
29. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 37. Л. 19.
30. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 42. Л. 259.
31. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 66184. Л. 32.
32. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 327.
33. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 35. Л. 359.
34. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 93.
35. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 97. Л. 57.
36. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 443. Л. 25.
37. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 96. Л. 33.
38. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 170. Л. 20.
39. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 222. Л. 15.
40. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 215. Л. 10.

41. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 6372. Л. 17 об.
42. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 226. Л. 22.
43. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 264. Л. 17.
44. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 261. Л. 21.
45. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 271. Л. 21.
46. ГАБО. – Ф. 201. Оп.1. Д. 301. Л. 36.
47. Памяць. Пінск. – Мінск, 1998. – 555 с.
48. Брестское РУП «Фармация». Вчера, Сегодня. Завтра / В. Гнитий [и др.]. – Брест, 2009. – С. 106.
49. Акулич, М. Давид-Городок и евреи / М. Акулич. – Минск : Издательские решения, 2000. – С. 46.
50. ГАБО. – Ф. 1. Оп.5. Д. 134. Л. 51–52.
51. Шерман, Б. П. ... И ужаснулась земля / Б. П. Шерман. – Барановичи, 1990. – 62 с.
52. Сосонкина, В. Ф. Деятельность медико-санитарных служб в формированиях Белорусского штаба партизанского движения в годы Великой Отечественной войны / В. Ф. Сосонкина // Победа 75: дорогами мужества и славы : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 17 апр. 2020. – Минск, 2020. – С. 327–328.
53. Сосонкина, В. Ф. Подготовка фармацевтов в средней медицинской школе в г. Барановичи в годы Великой Отечественной войны / В. Ф. Сосонкина // Материалы. респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Минск, 30 сент. 2022. – Минск, 2022. – С. 209.
54. Сосонкина, В. Ф. Организация подготовки фармацевтов для аптек Минска и Минского округа в годы Великой Отечественной войны / В. Ф. Сосонкина, Л. А. Реутская // Материалы респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Минск, 30 сент. 2022. – Минск, 2022. – С. 257, 259.

А. А. Швед, Е. Н. Мох

**ЛАЗАРЕТ «ПУШКИНСКИЕ КАЗАРМЫ»
ЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ РОЛЛЬБАН ШТАЛАГА 352**

Источниками исследования послужили материалы государственного архива Минской области (ГАМО) (электронные образы документов Шталага № 352 за 1941–1943 гг. на немецком языке): «Приказы рейхскомиссариата “Остланд” и комендатуры Шталага № 352 (Лесного лагеря) у д. Масюковщина Минского района»; «Переписка комендатуры шталага № 352 (Лесного лагеря) с городским комиссариатом г. Минска о заболеваниях, перемещениях и смертности советских военнопленных»; «Переписка комендатуры Шталага № 352 (Лесного лагеря) с комендатурой лагеря-лазарета для военнопленных “Ролльбан” (“Пушкинские казармы”) в г. Минске и лагерями для военнопленных (шталагами) на оккупированной территории СССР о заболеваниях, направлении в рабочие команды и о смертности советских военнопленных»; «Переписка комендатуры лагеря-лазарета для военнопленных “Ролльбан”

(«Пушкинские казармы») в г. Минске с комендатурами лагерей для советских военнопленных на оккупированной территории СССР о заболеваниях, направлении в рабочие команды и о смертности военнопленных» [1].

Из названия вышеперечисленных документов ГАМО следует, что в г. Минске существовал лагерь-лазарет Ролльбан (Rollbahn f – воен. Автостра́да, шоссé), синонимом которого были «Пушкинские казармы». Однако если о «Пушкинских казармах» по Логойскому тракту (сейчас по ул. Я. Коласа) имеется довольно много информации, то по лагерю Ролльбан и его лазарету сведений в отечественной историографии практически нет.

Так, в справочнике «Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944» приводятся следующие данные: «лагерь военнопленных Шталаг 352, который состоял из 2-х частей: одна располагалась в г. Минске и представляла собой многочисленные отделения в разных частях города, другая находилась возле д. Масюковщина (сейчас территория Минска)...» [2, с. 83]. Также упоминаются лагеря военнопленных с неустановленными классификационными признаками в г. Минске:

1. Ролльбан. При лагере функционировал лазарет. Время существования не уточняется [2, с. 139];

2. «Пушкинские казармы». При лагере существовал лазарет. Время существования: март 1942 – май 1943 гг. [2, с. 141];

3. Территория сельхозвыставки. Время существования не уточняется [2, с. 143].

В распоряжении исследователей имеется значительное количество документов, хранящихся в архивах Республики Беларусь и Российской Федерации, о лагере военнопленных Шталаг 352 с указанием на его Городскую часть в Минске и Лесной лагерь в Масюковщине. Данных о лагере военнопленных Ролльбан (Lager Rollbahn) и о лагере на территории сельхозвыставки мало, информация разрозненная и противоречивая.

В связи с этим авторами при раскрытии предложенной темы были поставлены следующие вопросы: что это были за лагеря; как они взаимодействовали между собой и со Шталагом 352; где они находились; время их существования; где располагались лазареты этих лагерей; где находились (находятся) захоронения этих лагерей.

Ответы на некоторые из этих вопросов удалось получить из «Журнала боевых действий коменданта 559-го армейского тылового района» за июль–август 1941 г. [3, с. 23–28, 299–303]; «Пояснений к передаче пересыльного лагеря пленных Дулага № 127 комендантом 559-го армейского тылового района командованию 2-й армией/обер-квартирмейстеру 2-й армии от 14 июля 1941 г.» [4, с. 30–31, 305–306] и других немецких документов.

Согласно данным документам через неделю после начала оккупации г. Минска, 6 июля 1941 г., в город прибывает комендант 559-го армейского тылового района и принимает на себя решение всех вопросов, связанных с военнопленными, попавшими в плен под Минском. Совместно с ним прибыли подчиненные ему 2-й и 6-й армейские сборно-пересыльные пункты (АСПП) (Armeegefangenen-Sammelstelle), Дулаги 126 и 127 (Durchgangslager).

«Комендант принимает дальнейшие меры для быстрой организации лагеря военнопленных, в котором абсолютно ничего нет: ни удовлетворительных ограждений, ни санитарной базы, ни достаточного количества продуктов питания и т.д. Задача требует быстрых действий. Количество десятков тысяч пленных, среди них находятся также 20 000 гражданских пленных, приближается к 100 000 и ежечасно следует считаться с дальнейшим увеличением этого количества...» [3, с. 23–28].

«Пленные находились под караулом 9-го дивизиона артиллерийской инструментальной разведки» (Art. Beobachtungsabteilung 9), который был приказом привлечен для несвойственной ему функции охраны как незадействованное в боевых действиях на тот момент боевое подразделение. «Дулагу 127 и 6-му армейскому сборно-пересыльному пункту поручено местное руководство главным лагерем» («Hauptlager») (Лагерь «Дрозды». – *А.Ш., Е.М.*) [3, с. 23–28].

«Комендант обследует удобно расположенный лагерь у дороги Москва–Минск (Lager an der Autobahn Moskau–Minsk) на восточной окраине Минска и дает указание перевести туда на следующий день из главного лагеря (Hauptlager) около 500 офицеров и 3000 солдат. Обустройство возложено на 2-й армейский сборно-пересыльный пункт...» [3, с. 23–28].

«Пересыльный лагерь Минска (Durchgangslager Minsk) располагается строго к северо-западу от города на восточном берегу протекающей через Минск реки (Лагерь «Дрозды» на берегу р. Свислочь. – *А.Ш., Е.М.*). Для отправки на прибывающем с фронта порожнем транспорте у места выезда из города в северо-восточном направлении, в начале покрытого асфальтом шоссе, сооружено отделение лагеря у автострады (Nebenlager Autobahn)». Оба лагеря управлялись Дулагом 127. Для охраны Дулагу 127 подчинены два батальона 286 охранной дивизии. Эти формирования остаются задействованными и подчиняются командованию 2-й армии. Пересыльный лагерь (Лагерь «Дрозды». – *А.Ш., Е.М.*) Минска занят приблизительно 47 000, а лагерь у автострады (Nebenlager Autobahn) – приблизительно 7 000 пленных. Месторасположение лагеря (Лагерь «Дрозды». – *А.Ш., Е.М.*) выбрано по той причине, что снабжение водой может быть обеспечено только посредством реки (р. Свислочь. – *А.Ш., Е.М.*). [3, с. 23–28, 299–303; 4, с. 30–31, 305–306].

«Комендант 559-го армейского тылового района нашел лагерь на этом месте – в то время заполненным ста тысячами пленных. Место имеет еще одно преимущество, заключающееся в том, что оно может быть наблюдаемо и охраняемо с вереницы холмов, сопровождающих реку. Однако оно имеет большой недостаток, состоящий в том, что пленные должны пребывать только под открытым небом. Размещение на укрытых пространствах может быть произведено вблизи отделения лагеря, но до сих пор там отсутствовала необходимая вода. Как только снова начнет функционировать водопровод, должна последовать передислокация лагеря туда. Со времени принятия (Лагерь «Дрозды». – *А.Ш., Е.М.*) 20 000 гражданских пленных были освобождены и приблизительно 30 000 человек вывезены транспортными средствами,

имевшимися в распоряжении 4-й танковой армии. Комендант тылового района 4-й танковой армии J. А. Квартирмейстер майор Ланге» [4, с. 30–31, 305–306].

Таким образом, Nebenlager Autobahn Минск–Москва (Nebenlager Autobahn) он же Nebenlager Rollbahn Минск–Москва (Nebenlager Rollbahn) находился вначале автобана Минск–Москва (сейчас это здание по пр-ту Независимости, д. 93) и на прилегающей к нему территории «Выставки». В подчинении лагеря Rollbahn находился и лазарет «Пушкинские казармы» на территории воинской части.

Территориально Nebenlager в 1941–1943 гг. находился все время на одном месте, но его подчинение несколько раз менялось. Так, первоначально на 6 июля 1941 г. под управлением Дулага 127 главный лагерь находился в урочище Дрозды, а его отделение Nebenlager Autobahn Минск – Москва – в начале Московского шоссе. В последствии после убийства Дулага 127 Nebenlager Autobahn (он же Nebenlager Rollbahn) стал отделением Дулага 126, расположенного в «Пушкинских казармах». После принятия Дулага 126 и Дулага 130 Шталагом 352 после 26.08.1941 г. главным лагерем стал уже Лесной лагерь (Waldlager) в Масюковщине, а его отделением – Nebenlager Rollbahn по Московскому шоссе.

На основании документов, отражающих деятельность лазаретов в «Пушкинских казармах» и в Лесном лагере, хранящихся в архивах Российской Федерации (Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО); Российский государственный военный архив (РГВА), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)) авторами написана статья, в которой была идентифицирована и систематизирована медицинская документация Шталага 352. Полученные данные позволили провести сравнительный анализ документов лазарета «Пушкинские казармы» и лазарета лагеря Rollbahn и сделать вывод об их идентичности [5, с. 88–96].

Одно из первых упоминаний названия «Ролльбан» в немецких документах имеется в докладе от 12 июля 1941 г. главкома 2-й армии верховному командованию сухопутных сил Вермахта. Согласно документу «Допросы советских военнопленных в сборном лагере Ролльбан и Дулаге, оба расположены в Минске (Sammellager Rollbahn und Dulag, beide in Minsk), принесли следующие результаты...» [6].

С момента принятия Шталагом 352 Дулага 126 (26.08 – 07.09.1941 г.) и до приказа № 48 комендатуры Шталага 352 от 28.01.1942 г. в немецких документах писали «Nebenlager Rollbahn» [7, л. 151]. А с момента издания приказа № 48 от 28.01.1942 г. и до приказа № 105 от 7.11.1942 г. лагерь называли уже как «Lager Rollbahn» [8, л. 117]. («Шталаг 352, Лесной лагерь, Минск, 28 января 1942 г. Приказ комендатуры № 48 от 28.01.1942 г. Название “Вспомогательный лагерь” или “Лагерь-филиал” с этого момента изменяется лагерным офицером Ролльбана. Шталаг 352 Комендант: майор Линсбауэр»). А после приказа № 105 от 7.11.1942 г. писали уже «Stalag 352 Stadtlager» или по-прежнему – «Lager Rollbahn».

«Шталаг 352, Лесной лагерь, Минск, 7 ноября 1942 г. Приказ комендатуры № 105. Переименование лагеря Ролльбан. Часть Шталага 352, которая находится в Минске, с сего дня носит следующее название: “Шталаг 352. Городской лагерь”. – Комендант лагеря Еуин» [9, л. 163].

Среди документов комендатуры Шталага 352, хранящихся в ГАРФ, имеется большое количество документов, подписанных младшим врачом Людвигом Медером, который в послевоенное время дал показания следственным органам Германии о своей службе в качестве врача в Шталаге 352. Так, из Протокола опроса доктора Людвиг Медера, 1914 г. р., проживающего в Лампертхайм, 28.05.1974 г. в качестве свидетеля становится известно, что: «В мае 1940 г. я сдал в Гейдельберге мой государственный экзамен и там же – мой докторский труд. Непосредственно после того я прибыл в 110-й запасной батальон в Позен. Из Позена я снова прибыл в Мангейм, в военный городок, в качестве санинструктора прибыл в Лебах, Саар. Там мне было присвоено звание младшего врача (*Unterarzt*). Из Лебаха я прибыл в санитарную роту в Бад-Кройцнах. Оттуда я прибыл в Лимбург-ан-дер-Лан, а там в то время формировались шталаги. Примерно в конце июня 1941 г., вскоре после начала кампании на Востоке, мы были отправлены железнодорожным транспортом и прибыли на Восточный фронт. Мы прибыли непосредственно в Минск. Я был там подчинен тогдашнему лагерному врачу (*Lagerarzt*) доктору Берделю, родом из Кайзерслаутерна. Сначала я исполнял свои обязанности в так называемом Лесном лагере. Позднее вместе с этим мне пришлось обслуживать также Городской лагерь, который располагался в Пушкинских казармах. В этом Городском лагере находился еще один вид лазарета, обитатели которого лечились, однако, только русскими врачами. Здесь я хотел бы еще оговориться, что сам я однажды короткое время проболтался в Минске в военном лазарете из-за сыпного тифа. Приблизительно в октябре/ноябре 1942 г. я из этого Шталага 352 был переведен в батальон связи в Плескау. В последующем я не имел дел с этим Шталагом и другими лагерями. Из названных мне фамилий я еще могу вспомнить следующие: Доктор Бердель, которого я уже называл вначале моего опроса. Я был передан в его – лагерного врача, распоряжение, в качестве врача-ассистента. Я к этому могу сказать следующее: я в период моей принадлежности к Шталагу 352 находился только в Минске, а именно в Городском лагере и Лесном лагере» [10, с. 99–100].

Таким образом, нет никаких сомнений, что младший врач Людвиг Медер (*Ludwig Mäder*) был, по его словам, врачом в лазарете «Пушкинские казармы» Городского лагеря, а согласно немецким документам он был врачом лазарета лагеря Ролльбан, в качестве которого и отправлял донесения в Лесной лагерь Шталага 352 в Масюковщине лагерному врачу штабс-врачу Берделю (*Berdel*). Соответственно, лазарет «Пушкинские казармы» – это и есть лазарет лагеря Ролльбан.

Младший врач доктор Медер (*Unterarzt Dr. Mäder*) (Шталаг 352, Лагерь Ролльбан) в донесении от 19.03.1942 г. лагерному врачу (Шталаг 352, Лесной лагерь) сообщил, что «Военнопленный фельдшер Жигалов Александр,

1890 г.р. (из сан. персонала лазарета, личная марка № 3105) умер 18.03.42 г.)» (...Kgf. Feldscher Gigalov Alexander, geb. 30.8.1890, (... san. Personal, Erk. N 3105) 18.3.42 gestorben) [11, л. 103].

При поиске в обобщенном электронном банке данных (ОБД) «Мемориал» дополнительных данных на военнопленного фельдшера Жигалова Александра, 1890 г.р., с личной биркой № 3105 Шталага 352, умершего 18.03.1942 г., был обнаружен комплект документов, который помогает ответить на ряд вопросов, в том числе и установить четкую взаимосвязь между лазаретом лагеря Ролльбан и лазаретом «Пушкинские казармы» Городского отделения Шталага 352.

Так, в списке советских военнопленных, умерщвленных немецко-фашистскими захватчиками в Лесном лагере Шталаг 352, указаны полные данные умершего фельдшера лазарета, уточненные на основании его удостоверения личности, выданного Московским военным округом. А именно указано, что Жигалов Александр Васильевич, 1890 г. р., урож. Ивановской обл., Вязниковского р-на, д. Вязки, интендант 3 ранга, 355 легкого артиллерийского полка, начальник аптеки, умер 18.03.1942 г. в лазарете Шталага 352, о чем в этот же день был составлен акт дежурным врачом лагеря-лазарета [12].

Следующим документом, уточняющим данные фельдшера и его должность в лазарете Шталага 352, является его арматурная карта. В ней указывается что Жигалов Александр Васильевич, 1890 г. р., перед войной проживавший по адресу г. Тула, Заставная, 60, занимал должность фельдшера в лазарете Шталага 352, был зарегистрирован в лагере под личным номером 3105 и умер с 18.03 на 19.03.1942 г. [13].

Еще одним документом с указанием на военнопленного фельдшера Жигалова Александра есть «Книга умерших на каждый день», в которой отмечено что, Жигалов А. В., регистрационный номер 3105 Шталага 352, умер в лазарете в ночь с 18.03 на 19.03.1942 г. [14].

В ОБД «Мемориал» также имеются и учетные документы офицера Жигалова А. В. Среди них донесение Главного военно-медицинского управления ВС СССР начальнику управления по персональному учету потерь офицерского состава Главного управления кадров ВС СССР от 13 октября 1947 года. В нем указано, что начальник аптеки 335 легкого артиллерийского полка интендант 3 ранга Жигалов Александр Васильевич, 1890 г. р., урож. Владимирской обл., в Советской Армии с 1932 г., пропал без вести в 1941 г. [15]. А из донесения Зареченского РВК г. Тулы в Управление по учету потерь сержантского и рядового состава от 7 июня 1946 г. известно, что жена Жигалова Александра Васильевича (1890 г. р.) Жигалова Анна Степановна проживала по адресу г. Тула ул. Заставная, 60 [16].

Еще одним документом, в котором зафиксированы данные фельдшера Жигалова, является Донесение главврача лазарета военнопленных лагеря Ролльбан Шталага 352 от 19.03.1942 г. [17, л. 200]. В этом отчете о перемещениях больных и раненых военнопленных, а также медперсонала лазарета лагеря Ролльбан Шталага 352 отмечено, что фельдшер Жигалов Александр, номер личной марки 3105, умер 18.03.1942 года. В отчете за эти сутки состояло 30 фельдшеров, выбыл (умер) – 1, состоит – 29.

Среди 88 выбывших (Abgang) за 18.03.1942 г. отмечены следующие категории военнопленных: после ранения (Verwundete) – 4 чел., после болезни (Kranke) – 83 чел. и фельдшер (Feldscher) – 1 человек. Общее число выбывших за сутки (Zusam.) – 88 чел., из которых 17 чел. – умершие (Gestorben) и 71 чел. отправлен в лагерь (Lager) как выздоровевший.

За 18.03.1942 в лазарет Ролльбан поступило 11 больных (Kranke), среди которых 1 чел. с электростанции (El. Werk), 5 чел. с Zeugmach Werk и 5 чел. из лагеря (Lager Rollbahn).

Как видно из отчета, на 19.03.1942 г. в лазарете состояло 29 врачей (муж.) + 2 врача (жен.), 19 медсестер, 29 фельдшеров (после смерти Жигалова), 88 санитаров, 137 чел. в рабочей команде по обслуживанию лазарета, среди них 5 прачек (жен.). Раненых – 743 чел., больных – 1443 чел., а всего раненых и больных – 2186 человек. Общая цифра больных и раненых совместно с персоналом лазарета – 2490 человек.

В этом отчете содержатся также данные о перемещении больных сыпным тифом, офицеров, рядовых, женщин и инвалидов среди офицеров и рядовых. В нем же указаны сведения и о санчасти (Revier) лагеря Ролльбан, где на 19.03.1942 г. медперсонал был представлен 1 врачом и 2 санитарями, которые за сутки приняли, оказали амбулаторную помощь и отправили обратно в лагерь (воинскую часть) 35 военнопленных, нуждавшихся в медицинской помощи. Составил и подписал донесение лазарета Ролльбан и его санчасти за 19.03.1942 г. главный врач (Hauptarzt) Д. И. Тарасевич. В арматурной карте медперсонала лазарета Шталага 352 указано, что Тарасевич Иван Дмитриевич, 1908 г. р., являлся начальником лагерного лазарета («Пушкинские казармы») Шталага 352 (на 01.01.1942 г.), регистрационный номер 5454 [18].

В списке врачей лазарета «Пушкинские казармы» на 01.01.1942 г. И. Д. Тарасевич (начальник лазарета) записан под № 1 [19]

Список медперсонала лазарета «Пушкинские казармы» на 01.07.1942 г. подписал также главный врач лазарета д-р Тарасевич [20]. По его донесению видно, что с 18.03.1942 г. на 19.03.1942 г. в лазарете лагеря Ролльбан умерли 17 чел., из них 1 офицер (он же фельдшер, очевидно, Жигалов) и 16 рядовых военнопленных.

Количество умерших с 18.03 на 19.03.1942 г. в лазарете Ролльбан по донесению от главврача Тарасевича И. Д. совпадает с количеством умерших по «Книге умерших на каждый день 1942 г.» лазарета «Пушкинские казармы» Городского отделения Шталага 352. «Книга умерших на каждый день 1942 г.» велась с 17.03.1942 г. по 04.07.1942 г. И при сравнении 2 документов за весь период по всем датам количество умерших в них также совпадает, что говорит о том, что в них зафиксированы одни и те же умершие.

Нет никаких сомнений, что Д. И. Тарасевич был главврачом лазарета «Пушкинские казармы» Городского лагеря по документам военнопленных врачей, а по немецким документам он был главврачом лазарета лагеря Ролльбан Шталага 352, и в этом качестве отправлял донесения младшему врачу Медеру. Следовательно, фельдшер Жигалов (по данному донесению) умер в лазарете лагеря Ролльбан, т.е. в лазарете «Пушкинские казармы».

Таким образом, лазарет «Пушкинские казармы» – это и есть лазарет лагеря Ролльбан!

На основании донесения главврача лазарета лагеря Ролльбан Шталага 352 Тарасевича младший врач Медер составил донесение для комендатуры Шталага 352 [21, л. 6].

Из донесения главврача лазарета Ролльбан Тарасевича в донесение для комендатуры Шталага 352 были взяты следующие данные:

Ролльбан (Rollbahn)

Раненые (Verwundete): состояло 747 + 0 поступило – 70 выписано в войска – 4 умерло = состоит 473.

Больные (Kranke): состояло 1515 + 11 поступило (из них 1 лежа, 5 сидя, 5 нетранспортабельные) – 70 выписано – 13 умерло = состоит 1443.

И добавлены следующие сведения:

Лесной лагерь (Waldlager)

Раненые (Verwundete) 79 + 0 – 1 = 78;

Раненые (Verwundete) 1347 + 37 – 49 – 14 = 1321.

Цифры перемещений больных и раненых лазаретов лагеря Ролльбан (Rollbahn) + Лесного лагеря (Waldlager) вошли в итоговое донесение комендатуры Шталага 352 за 19.03.1942 года. На эту дату коечный фонд 2 лазаретов Шталага 352 составлял 4200 коек.

Еще одним из немецких документов, в котором указано, что лазарет «Пушкинские казармы» был составной частью лагеря Ролльбан, является свидетельство от 12 охранного батальона. «12-й охранный батальон сегодня передал в лазарет военнопленных, “Ролльбан”, “Пушкинские казармы” (Kriegsgefg.-Lazarett, Rollbahn, Puschkinkaserne), военнопленного: Халда Иван, 1919 г. р., личная марка № 23997 (от командования Восточной торговой компании, Минск) 11 августа 1942 г. Штабс – врач.» [22, л. 356].

Что касается ревира лагеря Ролльбан, то в своих воспоминаниях бывший военнопленный Василий Николаевич Зыков в 1967 г. указывал: «...В Минске военнопленных разместили в недостроенном доме по Московскому шоссе, его потом все называли “Белый дом”. Пленные разбежались по лесам этой стройки и устраивались кто как мог и где мог. Мое пребывание в “Белом доме” было недолгим. Через 2–3 дня нас, группу в 1200–1500 человек отправили в лагерь № 352, находившийся на запад от Минска километров за десять и расположенный в бывшем военном городке, возле деревни Масюковщина. Это было в сентябре 1941 г.» [23, с. 148–150.]. «Белый дом» по Московскому шоссе (сейчас Пр-т Независимости, д. 93) – это и был рефир лагеря Ролльбан.

О «Белом доме» („Weisses-Hauses”) шла речь и в ежедневном донесении от 16.05.1942 г. лазарета лагеря Ролльбан («Пушкинские казармы») за подписью главврача И. Д. Тарасевича, в котором было отмечено, что баню прошли 30 чел. из медперсонала «Белого дома», т.е из ревира лагеря Ролльбан [24, л. 1426].

Таким образом, на основании изучения документов из архивов нами был сделан следующий вывод: Шталаг 352 структурно состоял из Городского лагеря Ролльбан в Минске, в состав которого входили лазарет военнопленных «Пушкинские казармы» и ревир (санчасть), а также Лесного лагеря в Масюковщине с его внутрिलाгерным лазаретом и ревиром (санчастью) (в период 09.1941 г. – 01.10.1942 г.).

На немецком языке вывод можно сформулировать так:

Stalag 352 = Lager Rollbahn (Lazarett Puschkinkaserne + Revir) + Waldlager (Lazarett + Revir) (09.1941 – 01.10.1942).

ЛИТЕРАТУРА

1. Электронные образы документов Шталага № 352 за 1941–1943 гг. // Государственный архив Минской области (ГАМО). – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 1–32.
2. Лагеря советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944 = Lager sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941–1944 : справочник / авт.-сост. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), 2004. – 192 с.
3. Журнал боевых действий коменданта 559-го армейского тылового района» за июль–август 1941 г. // Помнить вечно! Шталаг 352 «Масюковщина» / С. К. Карпов, А. П. Ульяненок. – Минск : Четыре четверти, 2019. – С. 23–28, 299–303.
4. Пояснения к передаче пересыльного лагеря пленных Дулага № 127 комендантом 559-го армейского тылового района командованию 2-й армией/обер-квартирмейстеру 2-й армии от 14 июля 1941 г. // Помнить вечно! Шталаг 352 «Масюковщина» / С. К. Карпов, А. П. Ульяненок. – Минск : Четыре четверти, 2019. – С. 30–31, 305–306.
5. Мох, Е. Н. Единый комплекс документов по медицине шталага № 352, Масюковщина / Е. Н. Мох, А. А. Швед // Вестн. Полоцк. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2021. – С. 88–96.
6. Донесения о безвозвратных потерях главкома 2-армии верховному командованию сухопутных сил Вермахта 12 июля 1941 г. [Электронный ресурс] // Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 1387. Оп. 1. Д. 102. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=84591515&p=100>. – Дата доступа: 15.05.2023.
7. Приказ комендатуры № 48 от 28.01. 1942 г. // ГАМО. – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 8. Л. 151.
8. Приказ № 105 от 07.11.1942 // ГАМО. – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 2. Л. 117.
9. Приказ комендатуры № 105 от 07.11.1942 // НАРБ. – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 918. Л. 163.
10. Протокол опроса доктора Людвиг Медера // «Помнить вечно! Шталаг 352 «Масюковщина». Неизвестные страницы истории / С. К. Карпов, А. П. Ульяненок. – Минск, 2019. – С. 99–100.

11. Донесение от 19.3.1942 лагерному врачу Шталага 352 (Лесной лагерь) // ГАМО. – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 8. Л. 103.
12. Список советских военнопленных, умерщвленных немецко-фашистскими захватчиками в Лесном лагере шталаг № 352 – список ЧГК на 9425 фамилий в 6 томах [Электронный ресурс] // ГАРФ. – Ф. Р-7021. Оп. 87. Д. 160. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78790350>. – Дата доступа: 15.05.2023.
13. Арматурная карта фельдшера Жигалова А. В. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1474. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=10410946>. – Дата доступа: 15.05.2023.
14. Книга умерших на каждый день [Электронный ресурс] // РГВА. – Ф. 1367. Оп. 1. Д. 236а. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=84315279>. – Дата доступа: 15.05.2023.
15. Учетные документы Жигалова А. В. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 33. Оп. 744826. Д. 89. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=75272890>; <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70009347219>; <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=74981698>. – Дата доступа: 15.05.2023.
16. Донесение Зареченского РВК г. Тулы в управление по учету потерь от 7 июня 1946 [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18004. Д. 154. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=56987326>. – Дата доступа: 15.05.2023.
17. Ежедневные донесения лазарета военнопленных лагеря Ролльбан Шталага 352, с 17.03.1942 по 01.10.1942 г. // ГАМО. – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 17. Л. 200.
18. Арматурная карта Тарасевича И. Д. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1471. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77947116>. – Дата доступа: 15.05.2023.
19. Список врачей лазарета «Пушкинские казармы» [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. – Оп. 18002. Д. 1471. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77946976>. – Дата доступа: 15.05.2023.
20. Список медицинского персонала лазарета «Пушкинские казармы» [Электронный ресурс] // РГВА. – Ф. 1367. Оп. 1. Д. 236а. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=84314950&page=81&p=83>). – Дата доступа: 15.05.2023.
21. Ежедневные донесения Главному сан. офицеру при командовании вооружен. силами восточной земли в г. Рига от комендатуры Белорутении, Минск с 29.9.1941 по 21.3.1942 // ГАМО. – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
22. Свидетельство о передаче военнопленного в лазарет «Пушкинские казармы», Ролльбан // ГАМО. – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 4. Л. 356.
23. Масюковщина: Шталаг-352. 1941–1944 : документы и материалы / авт.-сост. Р. А. Черноглазова ; науч. ред. С. В. Жумарь. – Минск : Четыре четверти, 2005. – 198 с.
24. Ежедневное донесение Тарасевича И. Д. от 16.05.1942 г. лазарета лагеря Ролльбан «Пушкинские казармы» // ГАМО. – Ф. 1408. Оп. 1. Д. 17. Л. 142б.

В. П. Гарматный

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ В ДРОГИЧИНСКОМ РАЙОНЕ ПИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1944 ГОДУ

Дрогичинская комиссия содействия в работе Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков работала в одноименном районе тогдашней Пинской области с момента его освобождения, о чем впоследствии составила особый акт (датирован 30 октября – 2 ноября 1944 г.). В состав комиссии входили: председатель – секретарь Дрогичинского райкома КП(б)Б Казимиров Александр Иванович, ответственный секретарь – секретарь райсовета депутатов трудящихся Демин Дмитрий Иосифович; члены комиссии: председатель исполкома райсовета депутатов трудящихся Самаркин Юрий Николаевич, начальник НКГБ по Дрогичинскому району Сахаров Николай Александрович, начальник НКВД Хохлов А. И., заврайоно Молочко Яков Дмитриевич, священник православной церкви Дылевский Николай Семенович с участием представителя НКВД Ерамко Ефима Петровича, врачей Андреева Николая Владимировича и Церентьяна Даниила Макарьевича. Комиссия провела расследование фактов истребления советских людей немецко-фашистскими захватчиками на территории района в период временной оккупации [1, л. 18].

В ходе осмотра мест истребления и захоронения, а также путем опроса очевидцев, комиссия установила, что в течение всего периода временной оккупации на территории г. Дрогичина и его окрестностей немецко-фашистские захватчики производили массовые систематические истребления советских мирных граждан.

Многочисленные места захоронения, обнаруженные комиссией в районе г. Дрогичина, свидетельствуют о планомерном умерщвлении фашистскими палачами женщин и стариков.

С целью сокрытия совершенных злодеяний немцы обливали горючим и сжигали на кострах вблизи деревень Хомск, Каролина и Попина Дрогичинского района трупы убитых и замученных советских граждан.

На кладбище, расположенном вблизи Дрогичинского райпотребсоюза, обнаружены факты закапывания в ямы размером 78x7x2 м замученных и расстрелянных советских граждан с разможенными черепами и обезображенными лицами, изуродованных тяжелыми тупыми предметами с раздавливанием грудной клетки, с вывихами и поломами рук, ног и ребер. Расстрелы проводились целыми партиями со связанными проволокой руками нескольких людей. Подобными методами немецко-фашистские захватчики истребили и зарыли в указанной яме 3 816 человек: 895 мужчин, 1 083 женщин и 1 838 детей.

Очевидцем этого злодеяния являлась Янусик Анастасия Прокофьевна, проживающая вблизи указанного кладбища. При ее опросе в качестве свидетельницы она отметила, что «со дня оккупации Дрогичинского района немецко-фашистские изверги с первых дней своего пребывания стали учинять насильственные изъятия у населения имущества. Добровольно никто не желал помогать немцам, ни продуктами питания, ни одеждой. Тогда немцы приступили к принудительному массовому ограблению населения, грабили имущество, отбирали верхнюю и нижнюю одежду, принудительно отбирали скот и продукты питания...

Как в центре города, так и в окрестностях города, царил полный произвол со стороны немецких офицеров и солдат над мирным населением. Оружейные выстрелы из автоматов и пистолетов не прекращались ни днем ни ночью, несмотря на то, что мы находились в глубоком тылу. Расстреливали население совершенно без всяких для этого причин и оснований. Народ вынужден был прятаться ради спасения своей жизни в темные подвалы и сырые подполья не только днем, но и ночью. Люди не жили в этот период, а приходили в стадию оцепенения, прозябали кто как мог. Народ думал, что на этом все кончится, оказывается нет, немцам и этого было мало, достаточно было выйти на улицу с ведром по воду или другим неотложным причинам, немцы немедленно открывали огонь. Я днем не показывалась на улицах города, потому что по улицам города как волки бродили немецкие патрули и (шла) облава на людей, как на зверей. В самой страшной звериной тайге, человеку пожалуй было бы безопасней находиться, чем в этот момент в городе.

Стоны людей можно было слышать каждый день, как немецкие палачи ежедневно по 200–300 человек из числа мирных граждан – стариков, женщин, детей, матерей с грудными детьми, привозили к заранее заготовленной могиле на территории Райпотребсоюза и тут же их расстреливали. В это же кладбище, как на свалку, привозили целыми автомашинами военнопленных, а также (лиц) из числа гражданского населения за всякие неосновательные подозрения (и) без того замученных, запуганных людей, измученных, истерзанных, с разбитыми черепами, обезображенными лицами, изуродованными трупами с раздавленными грудями, с поломанными руками, ногами и ребрами.

Кто бы мог представить себе этот ужас, это было светопреставление. Люди старались как-то выжить, как-нибудь прожить до прихода Красной Армии. Этого прихода ждали с великим нетерпением, готовились к нему, боролись как могли против немцев. Только это давало силу переносить муки голода и холода, тоски и унижения. 14 июля 1944 года, не забыть нам этого дня, когда Красная Армия нас освободила из этой тяжелой неволи» [2, л. 6–9].

В центре г. Дрогичина вблизи тюрьмы членами комиссии было обнаружено 11 ям (3 ямы 3х3 м, 4 ямы 2х2 м и 4 ямы 5х2 м) с 150 закопанными трупами. При этом очевидцами истребления людей являлись Лопачук Ирина Гавриловна (проживала в Дрогичине по улице Пинская, 165) и Янусик Анастасия Прокофьевна. Как отметила при опросе свидетельница Лопачук,

«почти в центре города Дрогичина, вблизи тюрьмы, немцы заранее заготавливали кладбище и целыми партиями вывозили жителей города и у самого кладбища напускали на людей собак, которые накидывались на людей и вырывали кусками тело у живых людей, а впоследствии этих истерзанных людей часто сбрасывали в могилу полуживыми, а часть пристреливали из пистолетов, а затем сбрасывали в могилу. В это кладбище зарывали также лиц, выводимых из тюрьмы. За три года в немецкой оккупации народ испытывал исключительный ужас страданий и мучений. Народу приходилось бояться не только дрессированных немецких собак, которыми были наводнены улицы (каждый патруль по улице проходил с группой собак), но также не меньше бояться немецких солдат и офицеров, которые ничем не отличались от этих дрессированных собак, а пожалуй были еще хуже собак. Век будем проклинать эти тяжелые страдания и ужасы, которые пришлось испытать от немецких проклятых извергов. Не было пределов радости, когда по нашим улицам загремели танки советских воинов» [2, л. 10–11].

В черте г. Дрогичина у урочища «Залесье», примерно 250–300 м от еврейского кладбища, обнаружено 13 ям (1 яма 4х2 м, 1 яма 3х2 м и 11 ям 2х2 м) с числом зарытых 250 человек. При раскопке нескольких ям установлено, что истребление людей немцы производили путем нанесения ударов тяжелыми тупыми предметами, повлекшими за собой переломы конечностей рук и ног с последующими прострелами в области грудной клетки. Очевидцем этого злодеяния также являлась гражданка И. Г. Лопачук, проживавшая вблизи указанного кладбища. В своих показаниях она отмечала, что «была очевидцем, как на это кладбище немцы привозили на автомашинах и сбрасывали в ранее подготовленные ямы изуродованные трупы, от которых раздавались стоны, часть из них были мертвые, с поломанными руками, ногами, разбитыми головами, а часть были еще живые, всех сбрасывали в это кладбище и зарывали землей. Моя квартира от этого кладбища находится на расстоянии 300 метров, и когда было мне возможно, я наблюдала эту ужасную картину издевательств. За всеми зверствами и расправами трудно было уследить, так как не всегда представлялось возможным наблюдать эти дикие сцены. К тому же еще эти зверства и расправы немцы старались скрыть от населения и большей частью делали все это в ночное время. Следовательно, что мы видели, все это является незначительной частицей всех тех зверств, проводимых немецкими разбойниками» [2, л. 12–13].

Вблизи деревни Хомск немецкие изверги, обливая горючим, живьем сжигали на кострах женщин, стариков и детей из числа жителей этой деревни, такие же зверские расправы применялись над мирными жителями деревни Брашевичи, Запольный район. Местный житель Никифор Степанович Плющень (1901 г. р.) сообщил при опросе, что «с приходом немецких войск в нашу деревню Хомскую и соседнее село Брашевичи, немецкие изверги в подозрение за связь с партизанами живьем сожгли на кострах стариков, женщин и детей, ни в чем не повинных, в деревне Хомск 193 человека, в деревне Брашевичи 82 человека, а деревни полностью сожгли. Спасся только

тот, кто сумел сбежать в лес. Все эти зверства и расправы проводили из числа немецкого командования Франц-Эрнст и Паулин. При чем эти звери под страхом оружия в качестве исполнителей привлекали из местного населения» [2, л. 14–14об.].

Свидетель из Хомска Вакульчик Евдокия Лукьяновна (1908 г. р.) рассказала, что «была очевидцем, когда немецкие изверги сожгли на костре стариков, женщин, детей, за якобы связь с партизанами, но они не отдавали себе отчета, как бешеные собаки, что грудные дети не могли иметь связи и то это было только прикрытием для скрывания этих преступлений» [2, л. 16–17].

Основываясь на материалах следствия, опроса очевидцев и осмотра мест захоронений, комиссия установила:

Немецкое командование, выполняя прямое указание своего правительства, за период временной оккупации в г. Дрогичин и в ближайших к нему прилегающих селах истребило мирных советских граждан путем расстрелов 4 216 человек, в том числе мужчин 1 000, женщин 1 213 и детей 2 003. Сожжено 275 человек, в том числе мужчин 65, женщин 95 и детей 115 человек. Всего расстреляно, замучено и сожжено 4 491 человек, в том числе 1 153 гражданина, чью фамилию установить не удалось, и 3 338 граждан еврейской национальности, а также прибывших из других областей, фамилии которых установить не удалось.

Исполнителями всех вышеперечисленных злодеяний являлись шефы жандармерий воинских гарнизонов и полицейских управлений в городе Дрогичин. Непосредственное руководство истреблением советских граждан возлагалось на шефа жандармов Фрица Эраста и Паулины (так в тексте акта) с участием их пособников Зундича Ивана Иосифовича, Лопуха Василия Андреевича, Брича Романа Семеновича и официальных работников СД под кличками «Коля» и «Муся», фамилии которых установить не удалось [1, л.18об.].

В обобщенном виде по сельсоветам Дрогичинского района количество жертв в годы Великой Отечественной войны можно представить следующим образом (см. табл. 1, с. 174) [2, л. 4]:

Стоит также отметить, что в июне 1969 г. на Брестчине в рамках сбора материалов с целью увековечивания памяти сожженных белорусских деревень в мемориальном комплексе «Хатынь» было проведено уточнение сведений о понесенных жертвах в годы Великой Отечественной войны, в связи с чем были получены следующие данные (см. табл. 2, с. 175) [3, л. 67]:

В Дрогичинском районе в годы Великой Отечественной войны гитлеровцами было полностью сожжено 2 деревни – Новоселки (41 двор) и Галик (15 дворов) Головчицкого сельсовета. Указанные населенные пункты восстановлены полностью на прежних местах. Деревня Остревки (11 дворов) Дрогичинского сельсовета сожжена полностью, а ее жители поселились впоследствии в других деревнях, поэтому такого названия в настоящее время на карте Дрогичинщины не существует.

Таким образом, вследствие активной деятельности Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников летом–осенью 1944 г. в Дрогичинском районе «по горячим следам» установлены и задокументированы зверства немецко-фашистских оккупантов и их пособников, оценен нанесенный ими ущерб. Благодаря этому впоследствии удалось выявить и привлечь к судебному разбирательству многих из них, а в дальнейшем во время судебных процессов в качестве улик использовались прежде всего добытые комиссией сведения и показания установленных ею свидетелей. Кроме того, по мере возможности были составлены поименные списки расстрелянных и угнанных в рабство немецкими оккупантами советских граждан, поэтому в целом документы Чрезвычайной госкомиссии сами по себе представляют ценнейший исторический источник, в котором со всей полнотой нашли отражение пережитые местным населением ужасы и издевательства со стороны немецко-фашистских оккупантов и их пособников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы о результатах работы Пинской городской и районных комиссий по расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над населением гор. Пинска и его районов (акты, список немецко-фашистских преступников) // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 845. Оп. 1. Д. 69.
2. Акт Дрогичинской комиссии содействия в работе ЧГК по рассмотрению злодеяний немецко-фашистских захватчиков 30 октября – 2 ноября 1944 г., опросные протоколы и листы, списки граждан района, расстрелянных и угнанных в Германию // НАРБ. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 73.
3. Сведения о сожженных населенных пунктах и уничтоженном населении немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны в Барановичском, Березовском, Брестском, Ганцевичском, Дрогичинском, Жабинковском районах Брестской области. Т. 1 // НАРБ. – Ф. 1440. Оп. 3. Д. 745.

Количество жертв в годы Великой Отечественной войны
по сельсоветам Дрогичинского района

№	Сельсовет	Расстреляно			Сожжено			Убито военнопленных	Угнано в Германию		Всего
		Всего	Женщин	Детей	Всего	Женщин	Детей		Мужчин	Женщин	
1	Алексеевский	27	7	9					39	24	90
2	Белинский	61	13	6							61
3	Брашевичский	26	6	12	19	5	13		91	45	181
4	Бездежский	32	1	3					112	46	190
5	Воловельский	35	14	3					39	48	122
6	Вавуличский	161	40	20							161
7	Гошевский	54	15	12					38	45	137
8	Дрогичинский	3 338	945	1 735					13	10	3 361
9	Жаберский	24	19	5					44	37	105
10	Заставский	18	1						76	40	134
11	Каролинский	22	13	4	31	12	14		34	20	107
12	Литовский	8	8						17	15	40
13	Ляховичский	44	18	4				1	57	20	122
14	Липниковский	9	2	2					101	76	186
15	Немержанский	23	12	4					32	16	71
16	Осовецкий	37	9	3				1	82	45	165
17	Огдемерский	48	17	14					57	46	151
18	Попинский	21	8	11	32	10	18	4	43	34	134
19	Соковский	22	7	18					2		24
20	Старомлынский	36	9	4					92	79	207
21	Хомский	103	25	58	193	68	70		41	31	368
22	Вульковский	67	24	15				1	56	28	152
	Всего	4 216	1 213	2 003	275	95	115	7	1 066	705	6 269

Уточненные сведения о понесенных жертвах
в годы Великой Отечественной войны

№	Сельсовет	Накануне войны		Уничтожено		Сколько раз уничтожались деревни	Восстановлено дворов			Угнано в рабство		Погибло на фронте	Погибло в партизанах и подполье	Количество жителей сейчас
		Дворов	Населения	Дворов	Населения		На прежнем месте	Количество дворов сегодня	Не восстановлено	Всего угнано на работы	Из них вернулись			
1	Антопольский	1 065	6 130	123	2 439	11	123	1 482		183	146	136	15	6 176
2	Бездежский	1 195	4 210	97	92	11	97	1 521		126	96	159	13	5 564
3	Брашевичский	693	2 587	95	101	8	95	928		102	84	94	16	3 013
4	Вульковский	716	2 979	198	84	4	198	791		125	91	71	7	3 098
5	Головчицкий	693	2 788	175	106	6	175	922		127	105	119	20	3 186
6	Гутовский	479	1 501	176	200	5	176	763		136	116	70	5	2 473
7	Детковичский	496	1 891	63	24	12	63	742		72	54	67	6	2 562
8	Дрогичинский	950	3 754	78	76	20	67	1 498	1 деревня, 11 дв.	288	196	96	16	4 766
9	Именинский	994	3 246	133	81	15	130	1 100	3	107	56	148	9	3 768
10	Литовский	822	3 681	143	69	9	143	1 130		74	61	77	39	3 903
11	Немержанский	816	4 349	199	113	12	198	1 042	1	118	81	127	8	3 417
12	Осовецкий	839	3 882	154	68	11	154	1 212		71	50	102	27	4 538
13	Попинский	1 422	6 056	755	300	26	755	1 775		134	111	167	33	7 578
14	Радостовский	575	3 357	251	176	15	251	941		71	66	86	7	4 649
15	Хомский	1 201	5 647	614	1 919	8	346	1 083	268	123	93	99	24	4 064
16	Дрогичин		4 500		2 100					58		25	3	6 749
	Итого	12 956	60 558	3 254	7 948	173	2 971	16 930	283	1 915	1 406	1 643	248	69 504

М. В. Стралец

АБ ЖЫЦЦІ І ДЗЕЙНАСЦІ П. К. ПАНАМАРЭНКІ – БЕЗ РЭТУШЫ

У бягучым годзе спаўняецца 85 гадоў з таго дня, калі Панцеляймон Кандратавіч Панамарэнка быў абраны першым сакратаром Цэнтральнага камітэта Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі (ЦК КП (б)Б).

Мы зробім гэта, падрабязна разбіраючы “кнігу, якая прысвечана малавядомым і невядомым старонкам жыцця ... П. К. Панамарэнка” [1, с. 2]. Яе напісаў прафесар Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка, доктар гістарычных навук, прафесар Эмануіл Рыгоровіч Іофе. “Аўтар выкарыстаў рассакрэчаныя фонды архіваў і музеяў Беларусі і Расіі, інтэрв’ю з людзьмі, якія блізка ведалі Панамарэнку, і многія іншыя крыніцы” [1, с. 2].

У змястоўным плане кніга ўключае прадмову рэдактара, уводзіны, пяць частак, заключэнне. Для аб’ектыўнай ацэнкі дадзенай працы неабходна вылучыць найбольш важныя моманты ў кожным з пералічаных структурных кампанентаў.

У прадмове рэдактар звяртае ўвагу на тое, што “Панцеляймон Панамарэнка быў перакананым сталіністам, тыповым прадуктам сталінскай сістэмы падбора і вылучэння кадраў. Кемлівы апаратчык-выканаўца, здольны праявіць ініцыятыву ў межах «калідора», які ўказаны звыша” [1, с. 3]. Гэта выснова вынікае з аналізу прафесарам трох перыядаў у біяграфіі дадзенага дзеяча: дабеларускага, беларускага, постбеларускага.

Ва ўводзінах выразна абазначаны акцэнт аўтара на другі перыяд. Натуральна, пераважны сегмент тэкста кнігі ўтрымлівае адказ на пытанне: “Які след пакінуў гэты чалавек на беларускай зямлі?... З дзейнасцю П. К. Панамарэнка звязаны ўсе найбольш важныя падзеі гісторыі Беларусі цэлага дзесяцігоддзя, з 1938 па 1948 год” [1, с. 3].

Фармаванне П. К. Панамарэнка як наменклатуршчыка сталінскай эпохі адбылося ў першы перыяд. Адсюль вынікае цікавасць праніклівага чытача да першай частцы кнігі пад назвай “Да прызначэння ў БССР”. Аўтар паказвае, як П. К. Панамарэнка праходзіў рабочыя, армейскія ўніверсітэты, рабіў камсамольскую кар’еру, атрымліваў вышэйшую адукацыю, рэалізавываўся ў якасці навуковага супрацоўніка, трапіў у апарат Цэнтральнага камітэта Усесяюзнай камуністычнай партыі (бальшавікоў) (ЦК УКП (б)), як яго “ўпершыню ўбачыў і ўчуў Сталін” [1, с. 13], як ён апынуўся на чале беларускай рэспубліканскай партыйнай арганізацыі.

Рэцэнзенту было цікава даведацца, што яшчэ працуючы ў камсамольскіх органах у Азова-Чарнаморскім краі, П. К. Панамарэнка ўпершыню аказаўся непасрэдна дачыненным да рэпрэсіўнай палітыкі таталітарнага рэжыма. Размова ідзе пра напаўненне рэальным зместам абвешчанага бальшавікамі курса на “расказачванне”. “Менавіта там (у Азова-Чарнаморскім краі. – М.С.) ён крывёю ахвяр прысягнуў на адданасць партыі бальшавікоў” [1, с. 8].

Ніяк не стыкавалася з нармальнай логікай, але ўпісвалася ў рэаліі таталітарнага рэжыма абранне 35-гадовага П. К. Панамарэнкі першым сакратаром ЦК КП (б)Б. Ён становіўся першай асобай у суб'екце савецкай федэрацыі без папярэдняга ўзгаднення паміж Масквой і беларускімі прадстаўнікамі, з грубейшымі парушэннямі партыйнага статута. У гэтай сувязі прывядзем два абзацы з кнігі :

“10–18 чэрвеня 1938 года ў Мінску адбываўся XVII з'езд кампартыі Беларусі, на якім у апошні дзень – 18 чэрвеня прысутнічаў член Палітбюро і сакратар ЦК УКП (б) Андрэй Андрэявіч Андрэяў. Ён прадставіў дэлегатам з'езда Панцеляймона Панамарэнку і параіў абраць яго членам ЦК КПБ, нягледзячы на тое, што з'езд кампартыі рэспублікі ўжо скончыў сваю працу, абраў новы склад ЦК і Рэвізійнай камісіі.

З Масквы па тэлефону распарадзіліся адкласці абвясчэнне вынікаў галасавання да вячэрняга паседжання. На гэтым паседжанні Панамарэнку ўвялі ў склад ЦК, а раніцай наступнага дня адбыўся пленум ЦК, на якім яго абралі членам Бюро і першым сакратаром ЦК КП Беларусі” [1, с. 24],

Успрымаючы БССР не як рэальны суб'ект рэальнай федэрацыі, а як звычайную адміністрацыйна-тэрытарыяльную адзінку у межах жорстка цэнтралізаванай савецкай сацыялістычнай імперыі, Крэмль прызначыў у асобе Панамарэнкі “глядзячага” Масквы. Гэтыя два словы, якія поўнасьцю супадаюць з найменнем другой часткі, адэкватныя яго сапраўднаму функцыянальнаму прызначэнню на беларускай зямлі.

Як кіраўнік БССР П. К. Панамарэнка адзначыўся, перш за ўсё, па наступных пазіцыях.

Першая пазіцыя: зацвярджэнне “жорсткай сістэмы прыняцця сумесных пастановаў ЦК КП(б)Б і СНК БССР” [1, с. 41]. Пры гэтым Савет Народных Камісараў (СНК) успрымаўся першым сакрэтаром ЦК КП(б)Б як “адзел ЦК” [1, с. 41], ім пастаянна дэманстравалася “нежаданне зразумець, што СНК... гэта ўрад рэспублікі, які павінен самастойна, без лішняй апекі прымаць свае рашэнні” [1, с. 41].

Другая пазіцыя: “скасаванне хутароў” [1, с. 43]. Яно вырашальным чынам прадвызначыла “поўнае скасаванне аднаасобных гаспадарак” [1, с. 43], давядзенне да лагічнага канца намеру партыйна-дзяржаўнай наменклатуры “зрабіць абсалютна ўсіх сялян эканамічна поўнасьцю залежнымі ад дзяржавы” [1, с. 43].

Трэцяя пазіцыя: “пакіданне Мінска сталіцай БССР” [1, с. 45]. Добра вядома, што СНК СССР і ЦК УКП(б) 19 красавіка 1938 г. прынялі пастанову, якая санкцыянавала перанос беларускай сталіцы з Мінска ў Магілёў [1, с. 46]. П. К. Панамарэнка пераканаў саюзнае кіраўніцтва ў неабходнасці перагляду дадзенай пастановы.

Чацвёртая пазіцыя: падрыхтоўка БССР да вайны. Э. Р. Іофе паказвае, што “у 1940–1941 гг. у БССР пад кіраўніцтвам Панамарэнкі праводзілася значная праца абарончага характара... Аб гэтым сведчаць яго дакладныя запіскі Сталіну” [1, с. 47].

Разам з тым кіраўнік рэспубліканскай партыйнай арганізацыі “не змог адэкватна ацаніць ступень верагоднасці ўварвання войскаў вермахта на тэрыторыю БССР” [1, с. 52], не здзейсніў крокаў па кардынальнаму прарыву на прадмет “стварэння сістэмы СПА, будаўніцтва бомбасховішчаў, тэрмінаў завяршэння будаўніцтва ўмацаваных раёнаў” [1, с. 53]. У гэтай сувязі прафесар зусім слушна ставіць пытанне пра “адказнасць ... першага сакратара ЦК ... за поўны разгром Заходняга фронту і маланкавую акупацыю Беларусі” [1, с. 53] германскімі войскамі летам 1941 года.

Пятая пазіцыя: рэпрэсіі ў БССР у 1938–1941 гадах. Калі П. К. Панамарэнка стаў на чале БССР, у СССР на поўны моц працавала рэпрэсійная машына, генетычна звязаная з прыродай бальшавіцкага рэжыма. Яе функцыянаванне задавальвала новага першага сакратара ЦК. “Дакументы, якія захоўваюцца ў Нацыянальным архіве РБ і Цэнтральным архіве КДБ РБ, неабвяргальна сведчаць аб прамой адказнасці Панамарэнкі ў правядзенні палітычных рэпрэсій на Беларусі ў перыяд 1938–1948 гг.” [1, с. 62].

Шостая пазіцыя: дачыненне да буйных тэрытарыяльных зменаў у гісторыі БССР. Рэцэнзент не мог, канешне, не звярнуць увагу на знак пытання ў наступным сказе: “Панамарэнка – «збіральнік» беларускіх зямель?” [1, с. 62], які поўнасю ідэнтычны найменню апошняй главы другой частцы, цалкам прысвечанай указаным зменам.

Добра вядома, што ў выніку ўключэння Заходняй Беларусі ў склад кіруемай Панамарэнкам рэспублікі увосень 1939 г. “тэрыторыя БССР павялічылася ледзь не ўдвая” [1, с. 82] і, натуральна, у яго была магчымасць зарабляць прапагандысцкія ачкі як “«збіральніка» беларускіх земляў” [1, с. 82]. У сапраўднасці ж Панамарэнка далёка не заўсёды адстойваў нацыянальныя інтарэсы БССР на прадмет тэрытарыяльных змен, якія яе тычыліся.

Канешне, нельга не ацаніць станоўча той факт, што яму ўдалося адстаяць перад Сталіным у абставінах жорсткага супрацьдзеяння з боку Хрушчова дадзеныя інтарэсы пры вырашэнні пытання аб усталяванні новага размежавання абласцей і раёнаў паміж суб’ектамі савецкай федэрацыі БССР і Украінскай ССР.

Разам з тым першы сакратар ЦК КПБ ніяк не супрацьдзейнічаў рашэнню саюзнага кіраўніцтва аб перадачы Вільні і Віленскай вобласці Літве ўвосень 1939 года. З вобразам “збіральніка беларускіх земляў” відавочна дысаніраваў выступ гэтага дзеяча на VII сесіі Вярхоўнага Савета СССР, датуемы 1 жніўня 1940 года. Ім было заяўлена наступнае: “Урад і Прэзідыум Вярхоўнага Савета Беларускай ССР, а таксама ЦК КП(б) уносяць прапанову аб далучэнні да Літоўскай ССР Свянцянскага раёна і часткі тэрыторыі ... Астравецкага, Відзаўскага, Радунскага, Гадуцішкаўскага раёнаў, якія знаходзяцца зараз у складзе Вілейскай і Баранавіцкай вобласці БССР” [1, с. 89]. Панамарэнка даволі хутка капітуляваў перад літоўскімі бокамі, які пажодаў займаць спрадвечна беларускі курорт Друскенікі. “Усяго ў 1940 годзе з БССР у склад Літоўскай ССР было перададзена 2646 кв. км. з насельніцтвам 76 тыс. чалавек” [1, с. 92]. Для параўнання: тэрытарыяльны параметр на 60 кв. км

перавышае плошчу еўрапейскай дзяржавы Люксембург, параметр па насельніцтву роўны адпаведным паказчыкам па чатырох раёнах Брэсцкай вобласці (Бяроза, Жабінка, Іванава, Івацэвічы), разам узятых.

Можна адназначна сцвярджаць, што прафесар пераадолеў шэраг стэрэатыпаў, якія глыбока ўкараніліся ў гістарычнай навуцы, у трэцяй частцы “Час вайны”.

Стэрэатып першы: кіраўніцтва рэспублікі ў самым пачатку вайны строга і няўхільна прытрымлівалася “зацверджанага 17 мая 1941 года ЦК КПБ мабілізацыйнага плана на выпадак ваенных дзеянняў, распрацаванага ЦК сумесна з камандаваннем Заходняй Асобай ваеннай акругі” [1, с. 93]. Аўтар кнігі звяртае ўвагу на грубейшае парушэнне дадзенага плана ў выніку “надзвычай паспешнага (24 чэрвеня, на трэці дзень вайны!) ад’езда кіраўніцтва рэспублікі ў Магілёў, здзейсненага па ініцыятыве першага сакратара ЦК КПБ ... Эвакуацыя адбывалася ў тайне ад жыхароў беларускай сталіцы” [1, с. 93, 102].

Стэрэатып другі: Панамарэнка рабіў усё магчымае для паспяховай эвакуацыі насельніцтва ў 1941 годзе. Э. Р. Іофе пераканаўча даказвае, што першы сакратар ЦК “упусціў час для арганізаванай эвакуацыі насельніцтва, што прывяло да неапраўданай гібелі тысяч людзей. Сам ён і большасць яго пап-лечнікаў больш думалі пра тое, як правільна зрабіць справаздачу перад Сталіным, чым аб своечасовай і добра арганізаванай эвакуацыі. Прычым, іх цікавіў у першую чаргу вываз матэрыяльных рэсурсаў і архіваў, а не людзей” [1, с. 126–127].

Стэрэатып трэці: мудрая кадравая палітыка начальніка Цэнтральнага штаба партызанскага руху СССР (ЦШПР) П. К. Панамарэнкі. Прафесар, канешне, не ўмаляе заслуг П. К. Панамарэнкі на гэтай пасадзе, не ставіць пад сумнеў важную ролю ЦШПР, існаваўшага з 30 мая 1942 г. па 13 студзеня 1944 г., у барацьбе з нямецка-фашысцкімі захопнікамі. Аднак тыя дакументы, якія мае ў сваім распараджэнні сучасны даследчы корпус, натхняюць з усёй сур’ёзнасцю аднесціся да выказванняў вядомага арганізатара, кіраўніка партызанскага руху Іллі Рыгоравіча Старынава, які пазіцыянаваў сябе ў якасці апанента П. К. Панамарэнкі. Беларускі навукоўца поўнасьцю пацвярджае аб-рунтаванасць наступнага меркавання Старынава: “З-за непісьменнасці, некампетэнтнасці кіраўніцтва было нанесена нямала ўдараў па саміх партызанах – і сталінскіх удараў, і панамарэнкаўскіх” [1, с. 162].

Стэрэатып чацвёрты: Панамарэнка – таленавіты распрацоўшчык і эфектыўны кіраўнік аперацыі “Рэйкавая вайна”. Стратэгічная мэта гэтай аперацыі была такая: “У час змагання на Курскай дузе і наступнага контрнаступу Чырвонай Арміі пазбавіць германскія войскі на фронце дастаўкі ім з тыла падмацаванняў, боепрыпасаў, тэхнікі, харчавання” [1, с. 169]. Вядома, што пры здзяйсненні дадзенай аперацыі было два аб’екты выбуховых дзеянняў: паравозы і рэйкі. Элементарная логіка падказвала, што акцэнт павінен быў рабіцца на першы аб’ект. Нажаль, партызаны-падрыўнікі, падпарадкаваныя Панамарэнку, лічылі прыярытэтным другі аб’ект. “Увогуле, аперацыя «Рэйкавая вайна» ... па сваёй сутнасці аказалася імітацыяй «бурнай дзейнасці». Стратэгічнага выніка яна не прынесла” [1, с. 171].

Стэрэатып пяты: аб’ектыўная ацэнка начальнікам ЦШПР месца і ролі падпольных груп у антыгерманскім супраціўленні на акупаванай тэрыторыі. Са зместа кнігі можна даведацца, што “па віне Панамарэнкі кіраўнікоў першага і другога складу Мінскага падпольнага камітэта партыі доўгі час лічылі здраднікамі, агентурай гестапа, а многіх актыўных падпольшчыкаў асудзілі. Такі ж быў лёс шэрагу камандзіраў партызанскіх брыгад і атрадаў, звязаных з Мінскім гарадскім антыфашысцкім падполлем” [1, с. 171]. Зараз агульнапрызнаныя ацэнкі дадзеных асоб з дакладнасцю наадварот.

З цікавасцю чытаецца і чацвёртая частка “«Разборкі» пераможцаў”.

Прафесар паказвае, што ўзначальваючы ў 1944–1948 гг. урад і застаючыся да 1947 г. першай асобай у рэспубліканскай партыйнай іерархіі, Панамарэнка шмат зрабіў для аднаўлення разбуранага ў выніку мінулай вайны народнагаспадарчага комплекса. У гэтым плане адназначна станоўчыя наступствы для дадзенага суб’екта савецкай федэрацыі мела “сустрэча Панамарэнкі са Сталіным на зямлі Беларусі ... ў ліпені 1945 г. Яна была звязана з паездкай Сталіна на (Патсдамскую. – М.С.) канферэнцыю ... Сталіна, ехаўшага ў сваім браніраваным вагоне, Панамарэнка суправаджаў па тэрыторыі БССР, абмяркоўваў з ім план аднаўлення гаспадаркі рэспублікі” [1, с. 180]. У ходзе абмеркавання было вырашана пытанне аб будаўніцтве Мінскага трактарнага завода.

А зараз зноў зручны момант паразважаць на тэму “Панамарэнка – «збіральнік» беларускіх земляў?” Пасля вызвалення ад германскай акупацыі БССР зноў непасрэдна тычыліся немалыя тэрытарыяльныя змены. Пагэтану ўяўляецца зусім апраўданай наяўнасць у чацвёртай частцы спецыяльнай главы “Торг за зямлю: Полацк, Калінінград, Белавежжа”. Калі ў перадваенны час указаны змены азначалі, што БССР больш набывала ў тэрытарыяльным плане, чым губляла, то ў пачатку постваеннага перыяду яны былі для рэспублікі толькі са знакам мінус.

Гэты знак выглядаў яшчэ болей унушальна, калі б у РСФСР з’явілася новая вобласць – Полацкая. “Панамарэнка спачатку падтрымаў прапанову кіраўніцтва СССР аб перадачы Полацка з прылягаючай тэрыторыяй у склад РСФСР і толькі потым у сувязі са змяненнем геапалітычнай сітуацыі вакол БССР ён заняў супрацьлеглую пазіцыю – утварыць Полацкую вобласць у складзе БССР” [1, с. 205].

Паза сумневу, у нацыянальных інтарэсах БССР былі дзеянні першага сакратара ЦК пад дэвізам “Даеш Калінінград!” Калі б гэтыя дзеянні мелі лагічнае завяршэнне, сучасная Рэспубліка Беларусь з’яўлялася б марской дзяржавай. “Пасля ўтварэння Калінінградскай вобласці ў 1945 годзе, на тэрыторыі былой Усходняй Прусіі, Панамарэнка накіраваў Сталіну запіску з прапановай далучыць Калінінградскую вобласць да БССР, дазволіўшы ёй для гэтага калідор праз суседнюю Літву” [1, с. 205]. Прапанова кіраўніка беларускай рэспубліканскай партыйнай арганізацыі не знайшла адназначнай падтрымкі з боку агульнасаюзнага кіраўніцтва. Разам з тым яно не выключала вяртання да дадзенай прапановы ў будучым. Прайшло тры гады і Панамарэнка на цэлых восем гадоў увайшоў у кіруючую палітычную эліту саюз-

нага ўзроўню і, натуральна, мог зноў узняць гэта пытанне, будучы ў якасна новай сістэме палітычных каардынат. Але ён больш не ставіў дадзенае пытанне. Ствараецца ўражанне, што Панамарэнка не быў у ім па сапраўднаму прынцыповым і настойлівым. Сапраўдны збіральнік беларускіх земляў так бы не зрабіў.

Канешне, трэба аддаць належнае Панамарэнку за яго пазіцыю па пытанню аб падзеле Белавежскай пушчы. Вядома, што ў 1944 г. пачаліся перамовы аб новай савецка-польскай мяжы, напрамую звязаныя з лёсам Белавежскай пушчы. “Адразу пасля перамогі над Германіяй, у маі 1945 года, у кіраўніцтве СССР узнікла ідэя падзяліць тэрыторыю Белавежскай пушчы на дзве амаль роўныя часткі, адну з якіх аддаць Польшчы ... Панамарэнка ... усяляк намагаўся перашкодзіць гэтаму” [1, с. 208]. Аднак яго намаганні ў дадзеным накірунку аказаліся марнымі.

Аўтар кнігі звяртае ўвагу таксама на тое, што Панамарэнка кіраваў рэспублікай з поліэтнічнай, поліканфесійнай структурай насельніцтва. Любы цывілізаваны кіраўнік такога рангу з павагай ставіўся б да нетытульных этнасаў, якія яе насялялі. Але Панамарэнка быў кіраўніком зусім іншага плана. Ён прынцыпова быў за тое, каб у СССР без усялякіх выняткаў ажыццяўлялася палітыка партыйна-дзяржаўнага антысемітызма.

“Менавіта пры Панамарэнку з лета 1944 года, адразу пасля вызвалення Беларусі ад акупантаў, пачалася чыстка партыйнага, дзяржаўнага, прафсаюзнага і камсамольскага апаратаў, міністэрстваў дзяржбяспекі, унутраных і замежных спраў, органаў суда і пракуратуры БССР ад габрэяў. З кожным годам іх у гэтых ведамствах станавілася ўсё менш і менш. К 1951 году урад БССР складаўся з 22 рускіх, аднаго грузіна (Цанава), 9 беларусаў і толькі аднаго габрэя” [1, с. 213].

Базісны блок зместу кнігі завяршаецца пятай часткай “Канец кар’еры”. Яна супадае з постбеларускім перыядам біяграфіі Панамарэнкі. У гэтым перыядзе найбольш значнымі ў кар’ерным плане былі першыя пяць гадоў, якія скончыліся са смерцю Сталіна. Згаджаючыся з тэзай, што Панамарэнка быў у фаворы ў Сталіна, прафесар разам з тым знаходзіць відавочна непераканаўчай версію, што Сталін разглядаў яго ў якасці пераемніка на пасадзе кіраўніка саюзнага саўміна. Сапраўды, гэтаму няма аніякіх дакументальных доказаў. Пасля смерці крамлёўскага дыктатара гэты дзеяч стаў пакрысе выціскацца з наменклатурнай абоймы. Апошнім яго родам дзейнасці з’явілася выкладанне ў Інстытуце грамадскіх навук пры ЦК КПСС, спалучаемае з напісаннем прац па гісторыі Беларусі і Вялікай Айчыннай вайны. Э. Р. Іофе вельмі рупліва разбірае гэтыя працы, паказваючы, што яны знаходзіліся ў рэчышчы афіцыйнай савецкай гістарыяграфіі.

У заключэнні зноў абгрунтоўваецца выніковая выснова аб дзейнасці Панамарэнкі, сфармуляваная рэдактарам кнігі ў прадмове.

ЛІТАРАТУРА

1. *Иоффе, Э.* Пантелеймон Пономаренко: «железный» сталинист / Э. Иоффе. – Минск : Харвест, 2015. – 256 с. : 82 ил.

Н. П. Баранов

ФИЛОСОФИЯ ГЕГЕЛЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Имя Георга Гегеля – одного из величайших мыслителей Европы, выдающегося немецкого философа XIX в., одного из основоположников и столпов классической немецкой философии широко известно в научном мире и навсегда внесено в исторический реестр высокочтимых творцов высшей духовности человечества. Его философское творчество, представляющее собой бесценный вклад в историческое развитие человеческой мысли, занимает особое место в сокровищнице мудрости человечества.

С «осевого времени истории» (К. Ясперс) именно так чтит благодарное человечество своих выдающихся подвижников духовности, творцов и учителей мудрости. Подобно сакрализации Иисуса «Назаретянина», определившего истоки христианской духовной культуры Европы; пророка Мухаммеда, определившего основы исламской веры и культуры; духовного учителя Будды – основоположника одной из мировых религий; а также почтенных учителей Поднебесной Лао-цзы и Конфуция – основоположников двух главных духовных учений и культуры Китая, вот уже более двух с половиной веков почитает философский мир и человечество выдающегося мыслителя Гегеля.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) является создателем уникальной всеобъемлющей классической философии, ставшей вершиной развития немецкой философии XIX в. и одной из поворотных точек развития европейской философии в целом.

Как известно, истоки западного мышления, его научную направленность определил выдающийся античный мыслитель Аристотель «Стагирит», величаемый современниками XXI в. «Эйнштейном древности».

Продолживший дело творческого развития философии на базе достижений античности, средневековья и эпохи Возрождения Гегель в эпоху Нового времени вывел философскую мысль человечества на уровень классической философии. Такова его исторически общепризнанная научная заслуга в области развития философии как высшей духовно-творческой деятельности.

По оценке М. Хайдеггера, мысль Гегеля является «самой мощной мыслью Нового времени» [1]. По оценке Ф. Энгельса, «никогда еще, с тех пор как люди мыслят, не было такой всеобъемлющей системы философии, как система Гегеля» [2]. «Зевсом Олимпийцем» немецкой классики величают Гегеля исследователи его философского творчества в XXI в. [3, с. 148].

Для нашей современности неоспорим тот факт, что Гегель является одним из основоположников западной философии, чье влияние распространяется на весь спектр современных философских проблем онтологии, гносеологии, политологии, культурологии. Конечно, пришли другие времена и другие стили философствования, но классическая философия Гегеля остается и навсегда останется в дискурсе философствования мыслителей.

Философская система Гегеля выражена в четырех основных сочинениях: «Феноменология духа» (1807), «Наука логики» (1812–1816), «Энциклопедия философских наук» (1817) и «Философия права» (1821). Как самостоятельное философское учение, оно построено на принципах «абсолютного идеализма», диалектики, системности, историзма.

Идеалистичность, объективный идеализм, в котором Гегель взошел до высшего уровня абсолютности, всегда акцентируется в качестве базовой характеристики гегелевской философии.¹

Отступая от ортодоксальной оценки идеалистической философии как ограниченной в своей рациональности (в качестве ее изъянов традиционно акцентируются трансцендентальность, формализм и др.), подчеркнем, что «абсолютный идеализм», целесообразно примененный Гегелем в философствовании о глубинных основах бытия и его рефлексии человеком, представлен в его творчестве как высокопродуктивный рациональный инструментарий, метод восхождения к истине как Абсолюту.

Идеалистичность характерна для всякого человека, предрасположенного к глубокому мышлению, не довольствующегося созерцательностью в отношении явлений мира, а стремящегося познать истинную их сущность. Каждого философствующего человека его дух влечет в высшие сферы, из конечного в бесконечное – такова феноменология человеческого духа², ориентированного на постижение бытия вселенского мира и своих творческо-деятельных возможностей в нем. В этом плане Гегель предстает великим философским примером конструктивного плодотворного идеализма, который всегда будет находить последователей в устремлении к глубинным истокам и вершинам знания о сущем как к идеалу совершенства знаний.

¹ В обоснованной веком спустя представителями марксистской философии дифференциации философских систем по нововведенному критерию – решению так называемого «основного вопроса философии», как наиболее ярко и принципиально выражающему общий характер философствования того или иного исторического мыслителя, тяготения его либо к материализму, либо к идеализму (к «линии Демокрита»), либо к «линии Платона». В такой парадигме оценки идеализм традиционно рассматривался как философствование, уступающее в результативности философствованию, базирующемуся на материалистической позиции.

² ...следуя ключевому выводу одноименного труда выдающегося мыслителя – «Феноменология духа». Именно в этом «одном из самых фундаментальных произведений в истории философской мысли» Гегель осуществил превращение философии из «поучающей мудрости», какой она была все предшествующие века, в строгую науку – «философию знания» [4, с. V].

Понимая и принимая идеалистичность философии Гегеля как философский метод абстрактного в своей мыслительной основе, трансцендентного восхождения разума, духа, к постигаемой истине как высшему, абсолютному, мы, вслед за Гегелем, обнаруживаем и проходим в каждом акте познания действительности трудный, наполненный противоречиями осмысливания объективных связей-отношений сущего и субъективных мыслительных связей их отражения, диалектический путь познания. Он хорошо известен ныне даже каждому студенту: «от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному» – таков, по Гегелю, диалектический путь логики мышления в познании сущего, истины [5].

Решая задачу преодоления феноменальности сознания (то есть созерцательности познания), преодоления раздвоенности сознания и постигаемой предметности мира, раздвоенности мышления и бытия, освобождения духа от предметной зависимости, Гегель разрабатывает глубинный инструментальный мыслительной деятельности человека – диалектическую логику плодотворного постижения сущего.

Освобождая сознание от предметной зависимости, выводя мышление на трансцендентный путь диалектической логики как рефлексивной деятельности чистого разума (в исследование которой исходный вклад внес еще его предшественник И. Кант разработкой трактата «Критика чистого разума»), Гегель помог познающему, исследующему мир человеческому разуму «прорваться через овеществленный мир и прийти к работе с понятием, когда субъект, наконец, обретает себя в его ничем не обусловленной самодостоверности» [6, с. 14].

Фундаментально представленная Гегелем в «Феноменологии духа» и «Науке логики» рациональность мыслительной деятельности человека, его познающего духа, пытливого разума убедительно свидетельствует о том, что именно Гегель обеспечил становление философии как трансцендирующего знания; обеспечил переход от несовершенного феноменологического познания непосредственно воспринимаемой чувственной достоверности к познанию в понятиях как форме постижения глубинности, всеобщности [7, с. 23–24].

Гегель является создателем систематической теории диалектики, объединяющей объективную диалектику самой природы с диалектикой процесса мышления и, соответственно, с диалектикой познавательного процесса в целом. Такой интеграции всех ключевых аспектов познавательной рефлексии действительности ранее не осуществляла ни одна философская система.

Его диалектический метод требует изучения окружающей природы и человеческой истории в их движении и взаимной связи. Согласно его теории нет ничего неизменного, все находится в движении, а оно совершается диалектически, то есть путем противоречий взаимосвязи и развития.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель – выдающийся представитель немецкой классической философии. Главная заслуга гегелевской философии – диалектика – фундаментальное учение о развитии сущего в его

наиболее полном (свободном от односторонности) и глубоком (до раскрытия важнейших зависимостей и закономерностей развития сущего) виде, ставшее основополагающим учением об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи. Гегель пошел значительно дальше своих великих предшественников. Он первым представил весь естественный, исторический и духовный мир в непрерывном развитии.

Гегель открыл и обосновал с позиции объективного идеализма основные законы и категории диалектики.

Открытые Гегелем диалектические законы в их современной научно-философской интерпретации (возвратившей трансцендентирующему мышлению неразрывность объективного идеализма с объективным материализмом развития процессов действительности) получили всемирную известность и широкое методологическое применение в науке, равно как и разработанные Гегелем (содержательно обогащенные по сравнению с античными понятиями) диалектические категории – фундаментальные понятия о наиболее актуальных для процесса познания объективных сторонах сущего и закономерностях их отношений.

Найдется ли кто-то сегодня в области серьезных научных исследований, не знающий и, соответственно, не использующий в исследовательской и познавательной практике гегелевские законы объективной диалектики – объективные законы диалектики процессов развития?

К примеру, рассмотрим закон единства и «борьбы» (взаимодействия) противоположностей, раскрывающий глубинный источник, глубинную детерминацию, причинное основание процессов развития, определяемые противоречиями взаимодействующего сущего. Согласно данному закону объективно (как в естественных, так и в целесообразно организуемых процессах) источником развития любого сущего выступают диалектические противоречия во взаимодействии с другими явлениями. Именно «противоречия движут миром», акцентирует Гегель ставшую знаменитой крылатую формулировку данного закона.

По другому гегелевскому диалектическому закону процессуальности развития, широко известному закону взаимного перехода количественных и качественных изменений, – количественные изменения, превышая меру существования вещей, закономерно обуславливают качественные изменения, протекающие скачкообразно; при этом новое качество сущего оказывает существенное влияние на последующие количественные изменения в эволюции сущего.

Согласно третьему гегелевскому закону диалектики развития, закону отрицания отрицания, – развитие идет путем диалектических отрицаний, обеспечивающих устранение старого и утверждение нового, связь-преемственность между новым и старым посредством удержания значимого в нем, обуславливая тем самым тенденцию поступательного (восходящего либо нисходящего) необратимого спиралевидного развития с повторением отдельных черт старого на качественно новой основе.

Открытые и обоснованные Гегелем диалектические законы взаимосвязи объективных сторон и отношений сущего дополняют картину развития Вселенского мира. Это такие законы, как:

1. Закон взаимосвязи единичного и общего, характеризующий, что всякое общее, реализуясь в единичных свойствах и связях развивающихся явлений, существует в единичном и через единичное, а единичное – во взаимосвязи с общим. Таков способ бытия сущего.

2. Закон взаимосвязи содержания и формы сущего, констатирующий, что содержание сущего определяет форму его развития, которая также оказывает влияние на процесс развития.

3. Закон взаимосвязи сущности и явления о том, что в свойствах и связях развивающегося явления раскрывается его сущность; «всякое явление существенно, всякая сущность является», «но она является всякий раз в неполном, ограниченном конкретными взаимодействиями виде» (Гегель).

4. Закон причинно-следственной взаимосвязи (детерминации) сущего о том, что все имеет свою причину, каждая причина имеет свои следствия, каждое следствие становится причиной других следствий; всякое сущее в своем развитии есть следствие определенных причин как проявления противоречивых взаимосвязей сущего.

5. Закон взаимосвязи необходимости и случайности в развитии сущего о том, что определяющим видом взаимосвязи в развитии сущего является необходимая, закономерная взаимосвязь; случайные связи влияют на необходимый (закономерный) ход развития событий (ускоряя либо замедляя его), дополняя тем самым действие необходимости.

6. Закон взаимосвязи возможности и действительности в развитии сущего о том, что развитие явлений есть процесс превращения присущих им возможностей (потенций) в новую действительность с новыми возможностями.

В разработанной Гегелем диалектической логике, изложенной в «Науке логики», развиваемая с времен античности идея логоса доводится таким образом до предела.

Диалектическая логика имеет особую значимость и широкую востребованность в науке. Она многократно превосходит поверхностную «созерцательную логику видимости» (Аристотель), доминирующую в обыденном познании действительности. Она отражает предметы и явления во всех их взаимосвязях, противоположностях и развитии, исключая односторонность и бессистемность в постижении сущего.

Диалектическая логика обеспечивает самое глубокое умственное проникновение в явления действительности, и тем самым – объективность и достоверность (адекватность) процесса познания.

На основе диалектической логики Гегеля и обобщения широкого опыта ее применения в научно исследовательской деятельности выработаны наиболее общие современные принципы научного познания явлений действительности: следования объективному, конкретному; всесторонности и системности исследования; постижения «противоречивой сущности» явлений; выявления логики и закономерности развития сущего; диалектического отри-

цания как сохранения всех актуальных элементов поступательного развития знания; проверки адекватности истины практикой («движение от абстрактного к конкретному»).

Впечатляющей по творческой разработанности является также представленная в гегелевских произведениях ключевая социально-философская проблематика общественной жизни во всей ее масштабности, историческом развитии и актуальности как для своего, так и для нашего времени, а также для будущего человечества.

Ключевым в обеспечении бытия человека, безусловно, является труд, и Гегель особо подчеркивает эту поистине субстанциальную роль труда в жизни человека и развитии общества, отмечая, что «средства удовлетворения человеческих потребностей добываются потом и трудом человека» [8, с. 239].

Рассуждая о роли труда в человеческой самореализации, Гегель отмечает, что «человек обретает собственную сущность благодаря труду, который выражает освобождение от природы и возврат к ней в результате обретения человеком своей сущности, осознания своих собственных сил и тем самым обретения самосознанием возможности самореализации» [9, с. 103]. При этом Гегель подчеркивает исключительно высокий смысл духовной деятельности человека в мире, которая, собственно, и отличает человека от других животных. «На все ложится печать человека, преобразующего мир» [9, с. 106].

Навсегда востребованными останутся идеи гегелевской философии о творческо-деятельном духе (разуме) человека, претворяющем разумное самосознание в действительность; о созидаемой человеческим обществом «разумной действительности»; о государстве как воплощении разумности в организации творческой жизнедеятельности общества; о разуме, предписывающем жизни общества законы и проверяющем их; о моральном мире человека, его индивидуальности и свободе.

В своем учении Гегель рассмотрел также идею государства и права, считая более приоритетной задачей науки в данном актуальном вопросе не разработку представлений о должном разумном праве и государстве (такими, как известно, в свое время являлись концепции «идеального государства» Платона, Аристотеля, Сократа, Макиавелли и других мыслителей), а нахождение разумного в самой действительности. По представлению Гегеля, не следует поучать государство, каким оно должно быть ... Важнее постичь то, что есть, ... наличное и действительное, и показать, как государство, этот нравственный универсум, должно быть познано [8, с. 55].

Гегель не стремился противопоставить свой политический идеал действительности, а хотел, прежде всего, найти разумность в самой действительности. Отсюда закономерно следует его призыв к примирению с самой действительностью, отказ от построения должного разумного права и государства и стремление оправдать как разумное уже существующее.

Философ первым различает гражданское общество как актуальную корпоративную часть развивающегося, обретающего зрелость общества, ориентированную на защиту частных интересов его граждан в раздираемом противоречиями обществе, основывающемся на господстве частной собственности и всеобщем формальном равенстве. Гегель рассматривает граж-

данское общество как необходимый этап вызревания и правового развития государственности, прогнозируя превращение его в будущем в «нравственный корень государства» [8, с. 277].

Признавая естественной и закономерной сословность в обществе, Гегель поддерживает идею разделения политического государства на три власти, считая разделение властей в государстве гарантией публичной свободы.

Высшим моментом идеи государства он полагает суверенитет. Особо выделяет при этом национальную сущность государства. Всемирную историю человечества дифференцирует на четыре всемирно-исторических мира, возвеличивая при этом германские народы.

Гарантией независимости государства, по Гегелю, являются его вооруженные силы, развитое состояние которых представляет постоянная армия.

Защита суверенитета государственности, наряду с политическими, экономическими и культурными средствами, может обеспечиваться также военным путем. В данном отношении, обращает внимание Гегель, «войну не следует рассматривать как абсолютное зло и чисто внешнюю случайность...», «раздоры между государствами могут иметь своим предметом какую-либо особенную сторону их отношений...», «спор между государствами, если их суверенные воли не приходят к согласию, может быть решен лишь войной», а «вечный мир часто провозглашается как идеал, к которому люди должны стремиться...» [8, с. 27, 28, 361].

Всемирная история как прогресс в сознании свободы представляет собой, по Гегелю, историю суверенных государств как нравственных субстанций, историю прогресса в государственных формированиях. В своей «Философии права» философ статусно характеризует всемирную историю как всемирный суд.

«Акцентируемый мыслителем принцип международного права как всеобщего, которое ... должно быть значимым в отношениях между государствами, состоит ... в том, – подчеркивает Гегель, – что договоры, на которых основаны обязательства государств по отношению друг к другу, должны выполняться» [8, с. 366].

Обладая энциклопедической образованностью, Гегель сумел достичь величайших обобщений на пути сведения к единому принципу диалектической взаимосвязи и развития различных отраслей человеческого знания. Его философия принадлежит к тому лучшему, что создало человечество в прошлом, и является ориентирующим образцом для развития современной науки.

Философская система Гегеля закономерно вызывала споры и не раз подвергалась резкой критике в процессе своего развития, а также теоретического и практического освоения. Но неоспоримо, что гегелевская философия повлекла возникновение движения последователей (гегельянство) и оказала огромное влияние на философов XIX и XX вв., востребована современностью и будет востребована человечеством всегда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартин Хайдеггер [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 01.02.2024.
2. Гегель, Георг Вильгельм Фридрих [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 01.02.2024.
3. Соловьева, Г. Г. Прекрасное как «спасение безнадежного». Гегель и Адорно / Г. Г. Соловьева, Ж. А. Рахметова // Вопросы философии. – 2021. – № 5. – С. 148–158.
4. Сергеев, К. А. «Феноменология духа» Гегеля как наука об опыте сознания. Вступительная статья / К. А. Сергеев, Я. А. Слинин // Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа. – СПб : Наука, 1999. – С. V.
5. Ильенков, Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении [Электронный ресурс] / Э. В. Ильенков. – Режим доступа: <https://psylib.org.ua/books/ilyen01/index.htm>. – Дата доступа: 01.02.2024.
6. Румянцева, Т. Г. Обоснование свободы самосознания в работе «Феноменология духа» Г. В. Ф. Гегеля / Т. Г. Румянцева // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2022. – № 2. – С. 13–18.
7. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб : Наука. 1999. – С. 23–24.
8. Гегель, Г. В. Ф. Философия права // Г. В. Ф. Гегель. М. : Мысль, 1990. – 524 с.
9. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения : в 14 т. – М. : Изд-во соц.-полит. лит-ры, 1959. – Т. 4 : Феноменология духа. – С. 103–106.

И. С. Благуш

ЭКОНОМИКА ГЕРМАНИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ШОКОВ

Экономические рестрикции (санкции), фактически отменяющие режим фритредерства в международной торговле и существенно затрудняющие трансграничный обмен факторами производства, стали одним из наиболее значимых факторов международных экономических отношений. Процессы интернационализации, транснационализации, глобализации производства, характеризующие мировую экономику на протяжении последних 75 лет, активно вытесняются новыми трендами: стремлением стран и регионов к эндогенизации, снижающей степень зависимости от внешних факторов, диверсификации и локализации собственного производства, усилению протекционистских мер, защищающих внутренний рынок и местных производителей.

Эффекты вводимых отдельными странами взаимных ограничений (США – КНР, США – Россия, страны ЕС – Россия), по оценкам экспертов ВТО, выходят за рамки двусторонних отношений, негативно сказываясь на состоянии мировой экономики в целом. Поток международной торговли переориентируется под влиянием блоковых геополитических предпочтений,

при этом объем операций между стремящимися к автономии сегментами мирового хозяйства уже в среднем на 4–8% меньше, чем внутри активно формирующихся союзов в 2019–2022 гг. [1].

Рестриктивные практики стран ЕС, синхронизированные с основными партнерами (Швейцария, США, Япония, Австралия), к марту 2023 года по оценкам экономистов, привели к эффекту фактической «герметизации части региональных и страновых рынков, охватывающих 40 % мировой экономики и треть населения планеты» [2]. Аналитики ВТО прогнозируют, что за период с 2020 по 2050 гг., вследствие региональной фрагментации торговых и инвестиционных потоков, развитые страны могут потерять до 3 % ВВП, развивающиеся – около 6,5 % [1]. Ожидается увеличение разрыва между развитыми и развивающимися странами, вызванное ухудшением условий торговли, перегрузкой и блокированием традиционных транспортно-логистических коридоров, перераспределением финансовых и сырьевых потоков, ростом издержек производства и ускоренным развитием инфляционных процессов, возникновением барьеров для распространения технологий.

Наиболее уязвимыми для санкционных шоков являются интегрированные в международные торговые потоки страны с высокими значениями индикаторов открытости экономики, в первую очередь экспортной и импортной квоты. В группу риска включают, как правило, наименее развитые страны, но и среди крупнейших мировых игроков в составе «Большой семерки» издержки торгово-экономических ограничений распределены неравномерно.

Германию отличают самые значительные показатели экспортной и импортной квот в группе «Большая семерка» (*G7 – advanced economies*), что характеризует высокую степень зависимости от условий реализации товаров и услуг, производимых на экономической территории, на внешних рынках, и значительную долю ввозимых из-за рубежа благ во внутреннем потреблении (табл. 1)¹.

Т а б л и ц а 1

Экспортная и импортная квоты стран «Большой семерки»
в 2019–2022 гг.

Страна	Доля экспорта в ВВП, %				Доля импорта в ВВП, %			
	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022
Германия	46,7	43,0	47,0	50,5	41,0	37,4	41,7	48,5
Франция	31,6	27,5	29,4	34,0	32,5	29,4	31,4	38,1
Италия	31,6	29,4	32,7	37,1	28,3	25,8	30,4	38,7
Великобритания	31,3	29,2	28,8	32,7	32,9	28,9	30,1	36,2
Канада	32,4	29,7	30,9	33,8	33,8	31,9	31,0	33,6
США	11,9	10,2	10,9	10,9	14,6	13,2	14,6	14,6
Япония	17,3	15,5	18,2	18,2	17,8	15,8	18,7	18,2

По состоянию на 2022 г. доля экспорта в ВВП Германии достигала 50,5 % [3]. Это на 13,4 процентных пункта выше значения индикатора Италии, на 16,5 – Франции, 17,8 – Великобритании, 16,7 – Канады, реализующих

¹ Составлено автором на основе [3].

на внешних рынках около трети валового выпуска конечных товаров и услуг. По сравнению с показателем экспортной квоты США (в 2022 году – 10,9 %) разрыв достигает 36,9 %, что соответствует почти пятикратному превышению (в 4,6 раза) индикатора ФРГ.

Доля импорта в валовом потреблении Германии в 2022 г. также формировалась на самом высоком для стран G7 уровне, составив 48,5 % (в США – 14,6 %, Великобритании – 36,2 %, Франции и Италии – 38,1 % и 38,7 % соответственно). При этом очевидно выраженное краткосрочное увеличение показателей экспортной и импортной квоты в 2022 г., когда санкционные шоки приобрели лавинообразный характер, по сравнению с 2021 г.: на 3,5 процентных пункта (с 47,0 % до 50,5 %) для экспорта и 6,8 – для импорта (с 41,7 % до 48,5 %) [3].

Несмотря на неблагоприятное воздействие рестрикционной политики, Германия, согласно международным статистическим базам данных, характеризующим результаты мировой торговли в 2022 г., продолжала удерживать позицию третьего крупнейшего экспортера товаров после Китая и США с показателем в 1,658 трлн долл. [4]. Отрицательная динамика стоимостных объемов товарных экспортных поставок страны, наблюдавшаяся в условиях пандемийных ограничений 2019–2020 гг. (–7 %), в 2020–2021 гг. сменилась динамичным восстановительным ростом (+ 18 %), но уже в 2021–2022 гг. индикатор годового прироста продаж на внешних рынках сократился в 9 раз, составив всего 2 % (табл. 2). При этом товарный экспорт ряда других развитых стран увеличивался с рекордной интенсивностью: индикатор США в результате перераспределения товарных потоков вырос на 18 %, что в 9 раз превышает показатель ФРГ, Италии – на 14 % (в 7 раз больше значения показателя для Германии), Бельгии – на 16 % (опережение немецких темпов роста в 8 раз), Канады – на 19 %, Великобритании – на 13 %. Доля Германии в глобальных экспортных поставках в результате за год сократилась с 7,4 % до 6,8 %. Обращает на себя внимание то, что находящаяся под наиболее интенсивным давлением санкций экономика России обеспечила в 2021–2022 гг. увеличение объемов товарного экспорта на 20 %, что соответствует 10-кратному превышению аналогичного индикатора ФРГ [Там же]¹.

Т а б л и ц а 2

Германия в рейтинге крупнейших мировых экспортеров товаров
(топ-10) в 2022 г.

№ п/п	Страна-экспортер	Стоимостной объем экспорта в 2022 г., млрд долл.	Баланс торговли в 2022 году, млрд долл.	Среднегодовой прирост экспорта в 2018–2022 гг., %	Динамика экспорта в 2021–2022 гг., %
1	Китай	3 593,601	877,602	11	7
2	США	2 062,937	–1 313,010	5	18
3	Германия	1 658,442	87,385	2	2
4	Нидерланды	770,306	57,504	8	11

¹ Составлено автором на основе [4].

5	Япония	752,071	-153,026	1	-1
6	Италия	700,314	-42,715	6	14
7	Южная Корея	683,584	-47,781	4	6
8	Бельгия	636,424	12,135	9	16
9	Гонконг, КНР	611,481	-57,611	4	-9
10	Франция	606,853	-204,827	2	6

Динамика абсолютных стоимостных объемов экспорта товаров и услуг ФРГ в 2020–2022 гг. была устойчиво положительной: показатель экспорта товаров вырос с 1,378 трлн долл. до 1,654 трлн долл., экспорта услуг – с 322,7 млрд долл. до 461,1 млрд долл. Импортные поставки в этот период также росли: товаров – с 1,407 трлн долл. до 1,555 трлн долл.; услуг – с 402,5 млрд долл. до 461,1 млрд долл. [3].

Соотношение экспорта и импорта позволило сохранить положительное сальдо торгового баланса, отличающее внешнюю торговлю Германии от партнеров по «Большой семерке». Но существенные изменения, связанные с фактором санкционных шоков, в динамике индикатора чистого экспорта все же выявляются: превышение объема внешних продаж товаров над импортом, составлявшее в 2017 г. 280,2 млрд долл., а в 2021 г. – 220,9 млрд долл.; в 2022 г. оценивалось на уровне 98,1 млрд долл.; сократившись за год в 2,3 раза, по сравнению с допандемийным уровнем – почти втрое (табл. 3)¹.

Т а б л и ц а 3

Индикаторы внешней торговли Германии
в 2018–2022 гг.

Индикатор	Значение индикатора				
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Экспорт товаров, млрд долл.	1 562,7	1 487,1	1 378,5	1 628,7	1 654,1
Импорт товаров, млрд долл.	1 280,7	1 230,5	1 163,5	1 407,0	1 555,1
Сальдо торгового баланса, млрд долл.	281,3	256,7	213,4	220,9	98,1
Экспорт услуг, млрд долл.	357,2	366,7	331,1	408,2	428,8
Импорт услуг, млрд долл.	375,9	381,9	322,7	402,5	461,1
Сальдо торговли услугами, млрд долл.	-18,7	-15,2	8,5	5,7	-32,4

Сальдо торговли услугами, которое в 2020 г. формировалось на уровне 8,5 млрд долл., в 2021 г. – 5,7 млрд долл.; в 2022 г. впервые за последние три года оказалось отрицательным (-32,4 млрд долл.), превысив в 2 раза показатель 2019 г. (-15,2 млрд долл), неблагоприятного для мировой экономики в целом из-за пандемии Covid-19 [3].

Существенное сокращение чистых экспортных доходов в 2022 году является, в том числе, результатом свертывания программ финансирования и ухудшения конкурентных позиций промышленных компаний, вызванных ростом издержек производства. Устойчивое положительное сальдо в тор-

¹ Составлено автором на основе [3].

говле товарами ФРГ в течение десятилетий поддерживалось развитой системой финансирования и страхования внешнеэкономической деятельности, включая такие структуры, как «Общество кредитования экспорта», «Кредитное учреждение по реконструкции» и другие. Опережающему росту экспорта способствовали конкурентоспособность и высокое качество немецких товаров, обеспечиваемые системой государственного стимулирования инновационной активности компаний и доступностью энергетических ресурсов.

Потребности в органическом топливе, формирующим 75,4 % от общего объема потребляемых первичных энергетических ресурсов, энергозависимая экономика Германии в значительной степени покрывает за счет импорта. Атомная энергия формирует всего 4,99 %, гидроэнергия – 1,49 %, а возобновляемые источники, несмотря на программы интенсивного развития альтернативной энергетики, – только 18,12 % от общего потребления. В 2021 г. на рынок ФРГ были ввезены из-за рубежа 78,8 млн т нефти (из них 30,8 % составили российские поставки), 38,4 млн т каменного угля (на Россию приходилось 52,6 % этого объема) и 109 млрд кубометров природного газа (в том числе 56,3 % – из России) [5].

На фоне антироссийских санкций в марте 2022 г. платежи Германии за российские поставки, вследствие шокового роста цен на сырье и энергоносители, увеличились на 77,7 %. В результате в апреле 2022 года рост цен производителей в годовом исчислении в ФРГ оценивался на уровне 33,1 %, подстегивая негативные инфляционные ожидания) [6]. По прогнозам аналитиков *Handelsblatt*, ценовой энергетический шок способен вызвать не только циклический спад и продолжительную рецессию, но и глубокий структурный кризис, который существенно ухудшит позиции немецкой экономики в Европе и на мировом рынке в целом [7].

Следствием санкционных ограничений стали изменения в географической структуре товарного экспорта Германии (табл. 4)¹.

Т а б л и ц а 4

Индикаторы динамики географической структуры внешней торговли товарами ФРГ в 2018–2022 гг.

Страна	Экспорт ФРГ, млрд долл.	Баланс торговли для ФРГ, млрд долл.	Доля партнера в экспорте ФРГ, %	Среднегодовой рост экспорта в 2018–2022 гг., %	Прирост экспорта в 2021–2022 гг., %
Мир	1 658,442	87,385	100	2	2
США	163,978	66,963	9,9	5	14
Франция	121,587	48,705	7,3	0	0
Нидерланды	113,839	–2,237	6,9	4	4
Китай	112,640	–89,107	6,8	2	–8
Польша	95,111	13,928	5,7	7	2
Италия	92,071	16,119	5,6	4	3
Австрия	86,424	31,296	5,2	4	6

¹ Составлено автором на основе [8].

СК	77,591	37,698	4,7	-6	1
Турция	28,296	2,442	1,7	6	12
Мексика	17,161	7,579	1	1	10
Индия	15,643	-0,126	0,9	2	7
Россия	15,523	-14,777	0,9	-12	-51

Первые две строчки рейтинга крупнейших рынков сбыта для немецких товаров в 2022 г. сохранили за собой США и Франция с показателями 163,97 млрд долл. и 121,58 млрд долл. соответственно. Китай, где немецкие производители заработали 112,64 млрд долл., утратил статус третьего по объемам продаж партнера ФРГ Нидерландам (113,84 млрд долл.), потеряв за 2021–2022 гг. 8 % объема продаж. Соединённое Королевство (СК) с показателем в 77,59 млрд долл. переместилась с пятой на восьмую позицию, при этом пятую строку в рейтинге заняла Польша (в 2022 году – 95,11 млрд долл.), занимавшая в 2019 году седьмую позицию с показателем в 73,6 млрд долл. Из перечня топ-5 крупнейших рынков сбыта Германии выбыла Италия, переместившись на шестое место с индикатором стоимостных объемов немецкого товарного экспорта в 92,1 млрд долл. [8].

Наблюдается существенный разрыв в показателях, характеризующих среднесрочную (2018–2022 гг.) и краткосрочную (2021–2022 гг.) динамику товарного экспорта Германии по отдельным рынкам сбыта, отражающую изменения, вызванные резким усилением санкционных шоков. Так, прирост поставок немецких товаров на рынок США за 2021–2022 годы увеличился на 14 %, что в 2,8 раза превышает средний показатель за последние пять лет (5 %), поставки в Австрию выросли на 6 % (в 1,5 раза больше среднего значения в 4 %). Динамика продаж в Турцию за год увеличилась вдвое, составив 12 % (в 2018–2022 гг. – в среднем 6 % в год, в Индию – в 3,5 раза (с 3 % до 7 %), Мексику – в 10 раз (с 1 % до 10 %) [Там же].

На рынках Китая и России наблюдалась отрицательная динамика стоимостных объемов продаж товаров немецких производителей. Экспорт Германии в КНР, прираставший в среднем на 2 % в год в период с 2018 по 2022 гг., за 2021–2022 гг. сократился на 8 %. Продажи товаров в России за год уменьшились на 51 %, что в 4 раза превышает среднегодовые темпы сокращения поставок ФРГ на российский рынок за последние 5 лет (–12 %) [8]. По данным за январь–июнь 2023 г. индикаторы внешней торговли Германии с Российской Федерацией по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. сокращались еще интенсивней: экспорт – на 40,5 % (до 4,93 млрд евро), импорт – на 89 % (до 2,5 млрд евро), что привело к уменьшению товарооборота на 76 % (до 7,5 млрд евро) [9].

Расходы на противодействие инфляции, энергетическому и продовольственному кризисам, спровоцированным санкционными ограничениями, существенно снизили конкурентоспособность экономики ФРГ по сравнению с другими странами ЕС: в первой половине 2023 г. она уступила своим конкурентам практически по всем основным показателям экономической активности. Рекордной оказалась энергетическая инфляция, взлетевшая до

200,6 % (по ЕС в целом индекс внутренних цен производителей на энергоносители формировался на уровне 193,1 %, в Италии – 166,4 %, Испании – 185,4 %, Франции – 192 %), что сделало Германию наиболее дорогой локацией для размещения производства, усиливая риски релокации промышленных предприятий и деиндустриализации [9].

Индекс производства в обрабатывающей промышленности для Германии в июне 2023 года (по отношению к базовому 2015 г.) формировался на уровне 96,2 % (падение), что хуже, чем по ЕС в среднем, где наблюдался рост (113,4 %) и меньше значений индикатора для Франции (100,3 %), Италии (104,7 %) и Испании (107,2 %) (табл. 5)¹.

Т а б л и ц а 5

Индикаторы экономической активности
в странах ЕС в июне 2023 г. (2015 г. = 100 %)

Индикаторы	ЕС-27	Германия	Франция	Италия	Испания
Индекс производства в обрабатывающей промышленности	113,4	96,2	100,3	104,7	107,2
Индекс производства в энергетике	87,6	69,1	89,2	89,4	93
Индекс внутренних цен производителей на энергоносители	193,1	200,6	192	166,4	185,4
Индекс деловой активности	133,9	108,3	180,4	–	118,5

Индекс производства в энергетике, демонстрируя падение в ЕС в целом (87,6 %), для Германии также был самым низким – 69,1 % (для Франции – 89,2 %, Италии – 89,4 %, Испании – 93 %). Индекс деловой активности, для ЕС в целом составивший 133,9 %, для Франции – 180,4 %, Испании – 118,5 %, в Германии добрался всего лишь до 108,3 %, свидетельствуя об относительном ухудшении делового климата в стране [Там же]. Немецкие аналитики утверждают, что Германию ожидает дальнейшее сокращение предложения рабочей силы, резкое повышение потребительских цен, банкротство компаний в энергоёмких отраслях.

Таким образом, санкционные ограничения, воздействующие на мировую экономику с 2014 года и существенно усилившиеся в 2022–2023 гг., в первую очередь ощутимо изменили краткосрочные показатели внешне-торговых и инвестиционных операций субъектов экономики Германии (снижение торгового баланса, перераспределение торговых потоков, сокращение продаж на стратегически значимых рынках, вывоз капитала, удорожание сырьевого энергетического импорта). Ухудшение условий внешней торговли, спровоцировав инфляцию и падение производства, привело к формированию и обострению целого ряда структурных диспропорций внутри экономики ФРГ, способных изменить ее международную специализацию (через масштабную релокацию индустриальных производств за рубеж) и роль в региональной и мировой системе хозяйства (вследствие абсолютного и относительного замедления темпов экономического роста, ухудшения делового климата и снижения конкурентоспособности и инновационной активности).

¹ Составлено автором на основе [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. World Trade Report 2023 / World Trade Organisation. – WTO, 2023 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtr23_e/wtr23_e.pdf. – Date of access: 14.09.2023.
2. Котов, А. Санкционный ландшафт ЕС: между обходом и избыточным исполнением режима санкций / А. Котов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sanctions>. – Дата доступа: 20.08.2023.
3. Country Statistical Profiles: Key Tables from OECD [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/country-statistical-profiles-key-tables-from-oecd_20752288. – Date of access: 15.09.2023.
4. ITC Trade Maps: List of Exporters for the Selected Product in 2022 (All products). – UN COMTRADE, 2023 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.trademap.org/Country_SelProduct. – Date of access: 10.08.2023.
5. BP Statistical Review of World Energy 2022 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bp.com/content/bp-stats-review-2022-full-report.pdf>. – Date of access: 28.06.2023.
6. Deutschland kauft zwar weniger Öl aus Russland – zahlt aber mehr [Electronic resource]. – Mode of access: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/519338/Deutschland-kauft-zwar-weniger-OEL-aus-Russland-zahlt-aber-mehry>. – Date of access: 22.06.2023.
7. Einbruch der Geschäftserwartung: Deutsche Industrie steht vor einer Existenzkrise [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/konjunkturkrise-einbruch-der-geschaeftserwartung-deutsche-industrie-steht-vor-einer-existenzkrise>. – Date of access: 10.08.2023.
8. ITC Trade Maps: List of importing markets for the product exported by Germany in 2022 (All products) / UN COMTRADE, 2023 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.trademap.org/Country_SelProduct. – Date of access: 10.09.2023.
9. Eurostatistics: Data for short-term economic analysis. Statistics explained / Eurostat, 2023 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/eurostat>. – Date of access: 14.09.2023.

О. В. Бригадина

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Изучение российского зарубежья в советской историографии было тесным образом связано с политической обстановкой в стране, личностью руководителя государства, факторами международной обстановки. В целом исследование данной проблемы носило эпизодический и сугубо избирательный характер в рамках истории революционного движения и КПСС.

Определяющие подходы в изучении эмиграции «первой» послереволюционной волны были заложены научными работами и публичными выступлениями В. И. Ленина [1, с. 12]. Исходя из идеи, что эмиграция при поддержке западных стран сможет оказывать опасное влияние на внутреннее развитие Советского государства, его лидеры считали необходимым располагать различными данными о деятельности контрреволюционеров. Со второй половины 1920-х гг., с изменением в стране внутрипартийного положения, подход к изучению эмиграции меняется: начинается жесткая критика эмигрантской литературы, восприятие российского зарубежья становится более упрощенным и поверхностным, происходит сужение тем исследований в данной области. Среди «разоблачительных» работ можно назвать следующие: «Белогвардейцы за границей» Р. Кудрявцева [2], «Белогвардейский террор против СССР» Я. Кичкасова [3].

В 1930–1950-е гг. тема российского зарубежья становится полузапрещенной, соответствующие источники являются практически недоступными. История эмиграции приобретает характер проблемы борьбы коммунистической партии с контрреволюцией и буржуазной идеологией.

Обозначившийся с середины 1950-х гг. новый исследовательский период был связан со стремлением уйти от конфронтационного понимания эмиграции, попытками более взвешено подойти к изучению данной проблемы. Происходит смена приоритетов в исследованиях, чему способствовало и привлечение новых источников. Советские историки в 70–80 гг. XX в. получили возможность ознакомиться с материалами Русского заграничного исторического архива, фондами советских спецслужб и т. д. В это время были опубликованы заслуживающие внимания исследования В. В. Комина [4], Ю. В. Мухачева [5], Г. Ф. Барихновского [6], Л. К. Шкаренкова [7]. Авторы представленных работ на основании обширного источниковедческого материала и фактологической базы практически впервые обратились к различным сторонам сложной политической, культурной и социальной жизни «России № 2». Однако особенности самой эпохи и условия развития исторической науки определили в целом разоблачительную направленность многих публикаций.

В первой половине 1990-х гг. стали выделяться следующие основные направления в изучении истории российского зарубежья: история региональных диаспор, развитие науки и образования, существование мигранта в иной культурной среде, механизмы сохранения своей национальной идентичности и т. д.

Необходимо отметить, что первые работы по истории российского зарубежья в условиях перестроечных процессов в СССР середины 1980-х – начала 1990-х гг. зачастую носили научно-публицистический характер. Среди них можно назвать «Не будем проклинать изгнание...» В. Костикова [8] и др.

В обстановке глубоких перемен в советском / постсоветском обществе и расширения сферы интеллектуальной свободы в начале 1990-х гг. начали издаваться первые научные работы, отличающиеся объективным освещением проблемы и затрагивающие те аспекты российской эмиграции, которые длительное время оставались вне сферы интересов научной общественности.

Одной из первых попыток комплексно исследовать проблему российской эмиграции стала совместная работа преподавателей РГГУ и исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, вышедшая под названием «Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения)» [9]. Авторы обратили внимание на материальное положение эмигрантов, особенности организации помощи и поддержки в каждом из названных регионов, международную обстановку и ее влияние на жизнь русского зарубежья. Затрагивались также проблемы создания и деятельности учебных и научных учреждений, анализировались места размещения эмигрантов, причины и пути их репатриации.

Новая работа С. С. Ипполитова «Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс» [10] направлена на изучение проблем интеграции эмигрантов в европейское общество и включает анализ целого комплекса правовых, экономических, социокультурных и психологических компонентов жизнедеятельности российского зарубежья. Вместе с тем во вводной части работы автор указывает, что политическим течениям, идеологиям и событиям в эмигрантской среде не будет уделено внимание в должной степени. В качестве основных причин практически «несостоявшейся» интеграции эмигрантов С. С. Ипполитов выделяет мировой экономический кризис, а также постепенное признание западными странами советской власти.

Одной из важнейших особенностей изучения истории российской эмиграции является постоянное наличие как минимум двух объектов анализа: истории страны – источника эмиграционных потоков и истории стран-реципиентов. В коллективной монографии «Три столицы изгнания: Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг.» [11] отражены различные сферы жизни прежних подданных Российской империи. Затронуты проблемы материального положения и юридического статуса эмигрантов, деятельности благотворительных организаций, трудовой занятости в эмигрантской среде. Авторы делают интересные выводы об результатах трудоустройства россиян, в частности во Франции.

Монография Е. И. Пивовара «Российское зарубежье» [12] затрагивает проблему возникновения и развития основных географических и политических центров Российского зарубежья, его взаимоотношений с государственной властью в самой России – с середины XIX в. до начала XXI в. Стоит отметить работу, проведенную автором по апробации различных методологических подходов современной исторической науки: культурологического, историко-антропологического, компаративного, гендерного, микроисторического, которые могут использоваться исследователями в изучении жизни российской эмиграции.

Обращаясь к публицистическим изданиям об эмиграции, Ю. Суомела прослеживает в книге «Зарубежная Россия: Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–

1940 гг.» историю российских беженцев в различных европейских странах во взаимосвязи с их развитием и внутренней политикой самих стран-реципиентов. Она затрагивает проблемы взаимоотношений представителей различных эмигрантских политических течений и партий, их отношения в НЭПу, внутрипартийной борьбе в СССР, влияние международных организаций на решение проблемы расселения и адаптации выходцев из России. Автор также показывает изменение взглядов политических лидеров эмиграции к Советскому Союзу и И. В. Сталину накануне Второй мировой войной.

Следует иметь в виду, что история российского зарубежья активно изучалась и продолжает разрабатываться и западными исследователями, среди которых оказалось немало выходцев из России и их потомков. Комплексное исследование по культурной деятельности российского зарубежья представляет собой изданная в 1994 г. работа М. Раева [14]. Автор, семья которого выехала из России после 1917 г., на протяжении всей книги стремится документально доказать идею о том, что российская эмиграция в самых разных странах мира жила почти исключительно собственной культурой. Отсюда М. Раев и выводит феномен «заграничной России», или «Russia abroad», сохранившей культурно-психологические черты дореволюционной интеллигенции и Серебряного века. В работе затронуты проблемы адаптации эмигрантов, сохранения ими культурных особенностей и образа жизни. Одной из проблем, отраженных в книге М. Раева, стало взаимоотношение между западным миром и представителями российской культуры.

С начала 1990-х гг. данная проблема активно исследовалась на постсоветском пространстве. В работах З. С. Бочаровой [15] и И. В. Сабенниковой [16] было рассмотрено правовое положение эмигрантов, деятельность Лиги Наций и Верховного комиссариата по делам русских беженцев в деле регулирования их статуса в различных странах мира и их адаптации к новым условиям жизни. З. С. Бочаровой было введено понятие *социально-правовая адаптация* как приспособление беженцев к новым условиям жизнедеятельности в странах расселения, урегулированное административными мерами, актами национального и международного права. И. В. Сабенникова в монографии «Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование» [16] обращает также внимание на общие закономерности эмиграции, способы и модели адаптации эмигрантов из различных стран, проводя сравнительный анализ каждой из представленных в работе групп. Изучение проблем адаптации российских эмигрантов является одним из сравнительно новых направлений в историографии российского зарубежья. Ранее решению данной проблемы в большей мере уделяли внимание представители социальных наук. Вместе с тем сами эмигранты исследовали вопросы интеграции их соотечественников в новое для них пространство. Так, используя данные анкетирования, проводившегося французским правительством среди российских эмигрантов, П. Е. Ковалевский указал причины, способствовавшие или препятствовавшие ассимиляции россиян, показал

отношение к денационализации старшего и младшего поколения эмигрантов [17]. Однако более детально проблема адаптации начала рассматриваться учеными уже с 1990-х гг. В первую очередь здесь стоит отметить исследование М. Раева [13], направленное на изучение взаимоотношений эмигрантов с инокультурной средой. Его работа поспособствовала формированию значительного научного потенциала для последующих работ.

В рамках современных исследований происходит расширение понятия *эмиграция* как явления мировой культуры, под которым понимают как действительное, актуализированное состояние ссылки / изгнания, так и метафорическое состояние жизни вне влияния определенной культуры. Если исходить из данной интерпретации и рассматривать эмиграцию как отчуждение, то можно выделить четыре основные формы отчужденности (оторванности от дома), представленные фигурами эмигранта, экспатрианта, путешественника и туриста. Для эмигранта переживание «культурного шока» и вхождение в новое социальное пространство с потерей прежнего положения и статуса приводит к кризису идентичности как потери чувства самого себя.

Оказавшись за пределами Родины, представители эмиграции были поставлены перед необходимостью адаптации к условиям иной экономической, социальной, политической и культурной среды. Одним из базовых и наиболее сложных в решении вопросов для российских эмигрантов стал вопрос об их личном правовом статусе. На основе принятых документов международного характера, в частности Соглашения о правовом статусе русских и армянских беженцев 1928 г. и Конвенции о международном статусе беженцев 1933 г., можно проследить, как менялся объем гражданских прав, предоставляемый эмигрантам: от практически бесправного положения к его первоначальному урегулированию (принятие «нансеновского сертификата»), а затем к предоставлению эмигрантам определенной части гражданских прав.

Оказавшись за пределами своей страны в травмирующих условиях, эмигранты столкнулись с проблемой пересмотра духовных и нравственных ценностей. Критическое восприятие окружающего мира и сожаление об утраченной жизни нашли свое отражение в желании вернуться домой. Ностальгические воспоминания эмигрантов, выступая как вид моральной рефлексии, становятся важным элементом осознания собственной жизни и положения в мире. Социальная ностальгия, в свою очередь, формирует реальность, навязывает модель поведения, нормы и ценности, социальное самочувствие и т. д. Вместе с тем ностальгические воспоминания представителей «незамеченного поколения» уже не могут выступать, в отличие от сходных воспоминаний представителей старшего поколения, явлением спасительным и возвращающим «домой», а, скорее, наоборот, дезориентирующим в среде постоянных трансформаций.

Тем не менее история российской эмиграции свидетельствуют о том, что имело место стремление к сохранению культуры и классического наследия в условиях интеллектуальной свободы творчества, ставшее воплощением основного эмоционального и идейного тона деятельности эмигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев, А. Л.* Полынь в чужих полях / А. Л. Афанасьев. – М. : Мол. гвардия, 1984. – 318 с.
2. *Кудрявцев, Р.* Белогвардейцы за границей / Р. Кудрявцев. – М. : Партиздат, 1932. – 55 с.
3. *Кичкасов, Н.* Белогвардейский террор против СССР / Н. Кичкасов. – М. : Изд-во Лениздата Нар. Комиссариата по иностр. делам, 1928. – 63 с.
4. *Комин, В. В.* Крах российской контрреволюции за рубежом : учеб. пособие / В. В. Комин. – Калинин: КГУ, 1977. – 49 с.
5. *Мухачев, Ю. В.* Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР / Ю. В. Мухачев. – М. : Мысль, 1982. – 270 с.
6. *Барихновский, Г. Ф.* Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.) / Г. Ф. Барихновский. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – 160 с.
7. *Шкаренков, Л. К.* Агония белой эмиграции / Л. К. Шкаренков. – 3-е изд. – М. : Мысль, 1987. – 236 с.
8. *Костиков, В. В.* Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции) / В. В. Костиков. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 464 с.
9. Российская эмиграция в Турции, Юго–Восточной и Центральной Европе 20-х годов (Гражданские беженцы, армия, учебные заведения) : учеб. пособие / Е. И. Пивовар [и др.] ; под общ. ред. Е. И. Пивовара. – М. : Историко-архив. институт РГГУ, 1994. – 117 с.
10. *Ипполитов, С. С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс / С. С. Ипполитов. – М. : Изд-во Ипполитова, 2004. – 367 с.
11. Три столицы изгнания: Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубеж. России 1920-х – 1930-х гг. / С. С. Ипполитов, В. М. Недбаевский, Ю. И. Руденцова. – М. : Спас : РГГУ, 1999. – 206 с.
12. *Пивовар, Е. И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии / Е. И. Пивовар. – М. : РГГУ, 2008. – 546 с.
13. *Суомела, Ю.* Зарубежная Россия: Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. / Ю. Суомела. – СПб. : Коло, 2004. – 351 с.
14. *Раев, М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939 / М. Раев. – М. : Прогресс–Академия, 1994. – 292 с.
15. *Бочарова, З. С.* Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории : учеб. пособие / З. С. Бочарова. – М. : АИРО–XXI, 2011. – 304 с.
16. *Сабенникова, И. В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование / И. В. Сабенникова. – Тверь : Золотая буква, 2002. – 429 с.
17. *Ковалевский, П. Е.* Зарубежная Россия: история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Paris : Librairie des cinq continents, 1971. – 347 с.

БЕЛАРУСКА-ГЕРМАНСКІЯ ПАРАЛЕЛІ
Ў КАЛЯНДАРНАЙ АБРАДНАСЦІ ЛЕТНЯГА ЦЫКЛУ

Беларусы ў складзе славян і немцы (дойч) як прадстаўнікі германцаў уваходзілі ў адну сям'ю індаеўрапейскіх народаў, якая ў Еўропе ўключала яшчэ кельтаў, балтаў. Калісьці гэта вялікая, звязаная еўрапеіднымі этнакультурнымі і біялагічна-антрапалагічнымі характарыстыкамі супольнасць мела агульную мову, культуру. У час этнагенетычных працэсаў, – макрагенетычных, калі ўтвараліся вышэйадзначаныя супольнасці, і ўласна этнагенетычных, калі ствараліся асобныя энасы, – пад уздзеяннем субстратных фактараў, міжэтнічнага ўзаемадзення, прыродных умоў індаеўрапейская культура пачала набываць спецыфічныя этнічныя формы. Менавіта з індаеўрапейскай культурнай спадчыны выходзяць вытокі падабенства культур індаеўрапейскіх народаў, у тым ліку беларусаў і немцаў. Акрамя гэтага, этнагенез германцаў і славян, іх пражыванне на ранніх стадыях этнічнай гісторыі праходзілі ў цесным кантактным узаемадзеянні, продкі беларусаў да перасялення з захаду і цэнтра Еўропы на поўдзень (Балканы), і потым на поўнач, на беларускія землі, шчыльна кантактавалі з германскімі плямёнамі, удзельнічалі ў працэсе міжэтнічнага ўзаемадзення, абмена культурнымі элементамі, што таксама магло паўплываць на наяўнасць агульных культурных з'яў. Гэта аднасць найбольш яскрава адзначаецца ў традыцыйнай (народнай) культуры, яе каляндарных абрадах і звычаях, звязаных ва ўсіх народаў з язычніцкай традыцыяй, фазамі сонца, месяца, сезоннымі сельскагаспадарчымі працамі. Досыць моцна старадаўнія рысы праяўляліся ў летнім каляндарным цыкле, які звязаны з адпаведнай фазай сонца, што і з'яўляецца прадметам дадзенага даследавання.

Летні перыяд народнага каляндара звязан са жнівом, севам і ў меншай ступені, чым іншыя часы года, насычаны абраднасцю. Тым не менш ён уключае шэраг значных свят як сельскагаспадарчай, так і сальярнай семантыкі. На землях еўрапейскіх народаў здаўна святкавалі іванаў дзень, дзе сумяшчаліся паганскія і хрысціянскія элементы. Гэта свята Яна, Івана (у немцаў – Іагана) Хрысціцеля, іванаў дзень (у беларусаў – Купалле). У Германіі не было баства сонца, плоднасці Купалы, таму свята называлася ад імя Іаана (Іагана) Хрысціцеля, якога ў гэты дзень паўсюдна шанавала царква. Калісьці, да з'яўлення хрысціянства, гэта было старажытнае язычніцкае свята ў гонар летняга сонцастаяння, самай кароткай ночы (на 22 чэрвеня), да якога царква прыстасавала шанаванне Іаана (Івана, Яна) Хрысціцеля (Прадцечы). У каталікоў (а таксама ўніятаў) па грэгарыянскім каляндары свята адзначаецца 24 чэрвеня, у праваслаўных па юліанскаму – 6 ліпеня. Яно сумяшчае паганскія культы сонца, вады, раслін, магію з храмавым шанаваннем Іаана Прадцечы (у тым ліку асвятчэнне ў храме зёлак).

Свята захавала шмат язычніцкіх элементаў, у першую чаргу – распальванне, пажадана на ўзвышшах, каля вады вогнішчаў (германскі “Агонь

сонцаварота” (Sonnwendfener), у Германіі іх палілі і на плошчах перад ратушай [1, с. 124]. Вогнішчы сімвалізавалі сонца, магічна былі звязаныя з яго ачышчальнай і крэатыўнай энергіяй. У Беларусі вогнішча запальвалі “купальскім агнём” – ад трэння трэсак, як і ў Германіі, дзе “чысты” агонь атрымлівалі трэннем ці запальвалі тым агнём, што захаваўся ад маланкі, якая трапіла ў дрэва. На Нямецчыне, каб надаць агню магічную моц, забяспечыць людзей энергіяй сонца, ў яго кідалі асобныя травы, іншы раз майскае дрэва. У германцаў іванаў дзень быў звязаны з папярэднім святам св. Віта (15 чэрвеня), на якое рыхтавалі паліва для Іванавага вогнішча. У некаторых мясцовасцях Германіі ў пачатку XX ст. запальванне вогнішчаў пераносілі на 22 чэрвеня, што адпавядае астранамічнай даце фазы сонца і сведчыць аб цеснай сувязі вогнішча і сонца. У Германіі гэта было агульнаграмадскае, нават дзяржаўнае свята – у ім удзельнічалі як прадстаўнікі пануючага класа, так і простыя людзі. Вогнішчы запальвалі на плошчах перад ратушамі, туды абавязкова павінны былі з’явіцца, хоць на невялікі час, усе жыхары, за адсутнасць патрабавалі штраф. У Беларусі кастры палілі ў сельскай мясцовасці, у палях, недалёка ад вады. Гэта было свята вясковага люду, тым не менш, як і ў Германіі, да кастра праходзілі ўсе вяскоўцы – і моладзь, і людзі сталага ўзросту [2, с. 360]. Разам з тым падаецца, што святкаванне на германскіх землях мела больш грамадскі характар, бо ў беларусаў пасля асноўнай часткі святкавання каля кастра сямейныя пары, людзі сталага ўзроста зыходзілі, і ў наступнай частцы да раніцы ўдзельнічала свабодная ад шлюбу моладзь. Звычай на германскіх і беларускіх землях трымаўся дастаткова ўстойліва: у Саксоніі вогнішчы запальвалі да канца XIX ст. (гэта адпавядала моцным традыцыям паганскай даўніны ў саксаў, з чым змагаўся яшчэ імператар франкаў Карл Вялікі), у Баварыі – да 20-х гг. XX ст., у Беларусі насычаная рытуалістыка абраду адзначалася ў пачатку XX ст., у асобных мясцовасцях моладзь запальвае вогнішчы да нашых дзён.

Культывае вогнішча мела насычаныя магічны складальнік, звязаны з рознымі відамі магічнага ўздзеяння. На беларускіх і германскіх землях вакол вогнішча вадзілі карагоды (увасабленне апатрапейнага магічнага кола), скакалі, у тым ліку парамі, узяўшыся за рукі (шлюбная магія, магія кахання – хто з кім скача, не разамкнуўшы рук, той і, хутчэй за ўсё, пойдзе з тым у шлюб). Таксама скокі павінны быць высокімі, каб быў высокі, добры ўраджай – тутакса спалучалася магія кахання і плоднасці. У беларусаў магія кахання на Купалле досыць выражана – хлопцы змагаліся за выбранніц, тыя таксама імкнуліся абраць таго, хто падабаецца.

Існаваў таксама звычай рытуальнай ежы. У беларусаў гэта сімвал сонца – яешня, варэнікі, таксама спіртовыя напоі (у Германіі – віно, у беларусаў – гарэлка). Разам з тым на германскіх землях рытуальная ежа была больш разнастайная – рабілі спецыяльныя пірагі з бузіной.

Беларускі і германскі культ сонца адрознівае міфалагічны складальнік. Праблемным з’яўляецца наяўнасць у германцаў паганскага баства, звязанага з гэтым сонечным святам. У старажытных скандынаваў існавала жаночае

баство сонца ў пары з братам – богам луны, што нагадвае сваяцкую пару беларускай міфалогіі. Аднак сонечнае баство у старажытных германцаў звязана з традыцыйнай для міфалогіі апазіцыяй “сонца–месяц”, сонечнай калесніцай, запражанай канямі, якія вязуць баство па небу, што тыпалагічна падобна да калясніцы Перуна.

У беларусаў гэта – Купала (Купаліш) ці (у тых раёнах, дзе Купалле не святкавалася) бог маладога сочна Ярыла. Існаваў і міфалагічны падмурак свята – міф аб інцэстуальнай сувязі брата і сястры і забойстве апошняй, аб чым павінны былі нагадваць вянкi з кветак. Адсюль досыць вольны рытуальны эратычны характар паводзін, парушэнне традыцыйных сацыяльных табу. Разам з тым, як адзначаў А. Багдановіч, “адносіны занадта далёка не заходзяць”, гэта – пераважна абрад [3, с. 120–121]. Андрагінны характар баства Купалы, як і ў іншых такіх жа багоў сусветнай міфалогіі, звязан, на думку К. Юнга, з эратычным матывам інцэста і кастрацыі.

На землях германцаў вогнішча выкарыстоўвалася і ў лячэбнай магіі – да яго неслі хворых дзяцей (як і ў беларусаў). Лічылася, што вогнішча лечыць хваробы вачэй, паясніцы; у беларусаў на ім сушылі дзіцячыя кашулі. У немцаў магічны моц надаваўся і галавешкам, попелу ад кастра – іх падсыпалі ў корм гяўду.

На германскіх і беларускіх землях ствараліся рытуальныя рэчы, якія сімвалізавалі сонца: скатывалі з узвышшаў смаляныя колы, у германцаў – бочкі, дыскі. Беларусы рабілі шасты з сенам ці прасмоленым колам наверх, якія падпалівалі. У германскіх гарадах напярэдадні свята на плошчу выносілі ўмацаваны рэйкамі шэст, які выкарыстоўваўся штогод і ўпрыгожваўся вянкамі, гірляндамі кветак; вакол яго моладзь танчыла ўвечары [1, с. 126–127].

Вялікае значэнне надавалася на гэта свята збору зёлак, якія, лічылася, валодалі магічнымі якасцямі. Асобная роля адводзілася папараці, якая нібыта можа квітнець у гэту ноч і дараваць таму, хто знойдзе кветку, звышрэальныя якасці: у немцаў кветка дапамагае знайсці залатую жылу, яе насенне дазваляе чалавеку быць нябачным, у беларусаў знаходжанне папараць-кветкі (праз купальскага дзядка ці самастойна) дае магічную магчымасць бачыць скрозь зямлю клады, праходзіць праз сцены. Акрамя папараць-кветкі ў германцаў шанавалася “чароўны карань”, які трэба было выкапаць у іванаву ноч. У беларусаў купальскія травы (асабліва рупліва іх збіралі вядзьмаркі) захоўваліся на працягу года і выкарыстоўваліся ў абрадах і рытуалах з магічнымі, апатрапейнымі мэтамі. У немцаў расліны (асабліва крапіва і бузіна), аберагалі ад хвароб, а дом – ад пажара, буры. Травы дабаўлялі ў корм хатняй жывёле; вянок ці букет, размешчаны над уваходам у дом бараніў яго ад вядзьмарак (у беларусаў купальскія зёлкі, галіны дрэў размяшчалі ў вокнах); таксама як ў Беларусі, у некаторых мясцінах Германіі вянкi з раслін захоўвалі год у якасці абярэга. На германскіх землях святочныя расліны выкарыстоўвалі больш рэпрэзентацыйна: імі ўпрыгожвалі хаты, вуліцы, спецыяльна пастаўленыя ёлкі, крыніцы, калодзежы, рабілі букет “сярэдзіны лета”.

У беларусаў і германцаў расліны выкарыстоўваліся дзяўчынамі ў магіі лёсу – беларускія дзяўчаты пускалі вянкi па вадзе, таксама кветкі ўторквалі звонку ў сцены хаты дзеля гадання аб лёсе насельнікаў, гадалі па сарванаму трыпутніку на ростанях, нямецкія дзяўчыны гадалі па зёлкам, размешчаным у хаце. Таксама ў немцаў мелі месца магiчныя рытуалы, зьвязаныя з забеспячэннем плоднасці, што было і ў беларусаў (як рытуал з упрыгожанай кветкамі, вянкамі бараной) [4, с. 261].

Вялікае значэнне на свята надавалася культу вады – вадаёмам, расе. Вада ў міфалогіі выступае як традыцыйная апазіцыя агню ў бінарнай сістэме “жаночае–мужчынскае”. Але падаецца, што ў беларусаў і германцаў вытокі шанавання вады былі розныя, хаця абрады і рытуалы былі тыпалагічна падобнымі. Лічылася абавязковым купанне, што магiчна надавала целу моц, садзейнічала абнаўленню, амалажэнню арганізму, прыносіла шчасце. У беларускай абраднасці дзяўчыны купаліся разам з хлопцамі, што надавала купанню магiчны эратычны змест. На нямецкіх землях у XIV ст. у Кельне жанчыны напярэдадні іванава дня ў вянках з кветак ішлі да Рэйна і на захадзе сонца апускалі рукі ў вадз; таксама вадзе дзеля небяспекі прыносіліся ахвяры – хлеб, чорнага пеўня, дзіцячае адзенне [1, с. 126–127]. Увогуле, у Германіі лічылася, што Петер (Петр), Пауль (Павел), Іаган Хрысціцель, ішныя святыя летнега перяду патрабавалі чалавечых ахвяр: імі рабіліся тыя, хто загінуў ад маланкі, тапельцы, самагубцы.

Праблемнымі з’яўляюцца вытокі звычай купання і магiчнага выкарыстання расы. У беларускай абраднасці гэта, хутчэй за ўсё, звязваецца з бінарным супрацьстаяннем у абрадзе мужчынскага і жаночага, што ў міфалогіі адпавядае агню і вадзе і мае ў купальскім абрадзе эратычны характар, зьвязаны з міфемай інцэсту. Вадой аблівалі ў беларускім вясельным абрадзе пасля першай шлюбнай ночы маладую, якая не захавала да вяселля дзявоцтва, вада была менавіта жаночым сімвалам. Гэтым тлумачыцца звычай сумеснага купання хлопцаў і дзяўчат у купальскую ноч, што магiчна ўводзіць іх ў сферу мужчынскай і жаночай даросласці.

Што тычыцца Германіі, існуе думка, што звычай купання прыйшоў у Германію з Рыма, дзе 24 чэрвеня купаліся ў гонар Фартуны. Разам з тым звычай сумеснага купання моладзі без адзення звяртаў на сябе ўвагу яшчэ старажытнарымскіх гісторыкаў і, магчыма, вытокі купання ў германцаў і беларусаў узыходзяцца да агульнай паганскай даўніны і зьвязаны з магiяй ачышчэння і сувязі палоў.

У магiчным значэнні выкарыстоўвалі і расу – на Беларусі дзяўчаты голыя каталіся па расе каб цела і скура зрабіліся здаровымі і прыгожымі, у Цюрынгіі таксама голыя дзяўчыны коўзаліся па ільняному полю, танчылі на ім, каб стымуляваць магiю плоднасці.

Гэта свята, як час сярэдзіны лета, было насычана незвычайнымі, магiчнымі якасцямі аб’ектаў прыроды, жывёл, актыўнай дзейнасцю духаў, вядзьмарак. На Беларусі лічылася, што расліны размаўляюць паміж сабой, ходзяць, як і дрэвы; вядзьмаркі збіраюцца на Лысай гары пад Кіевам

(цэнтральным месцы вядзьмарскага збору); раюцца, як адабраць малако у кароў, таксама збіраюць расу, ходзяць па вёсках, нават могуць зайсці ў хату, што-небудзь пазычыць, заязджаюць каней. У Германіі лічылася, што коні размаўляюць паміж сабой, вада пераўтвараецца ў віно. Таксама прыносіліся ахвяры агню, у некаторых мясцінах гэта быў дзень нябожчыкаў – ім ставілі свечы, яны нібыта прыходзілі да кастроў.

Такім чынам, беларускія і германскія звычаі на іванаў дзень (Купалле) маюць шэраг тыпалагічна і семантычна падобных рысаў: культ сонца і яго магічных сімвалаў – вогнішча, рытуальных дзеянняў вакол яго, магічных рэчавых ўвасабленняў, вады, зёлак, а таксама разнастайнай (плоднасці, апатрапейнай, рэкрэацыйнай, любоўнай) магіі. Гэтыя рысы ў той ці іншай ступені ўласцівы усім індаеўрапейскім народам Еўропы. Разам з тым у беларусаў і германцаў маецца шэраг адрозненняў у семантыцы і абразнасці свята. У германцаў свята мела ў большай ступені грамадскі, вясковы і гарадскі, полісацыяльны характар, яно было сродкам этнічнай інтэграцыі, у той час як у беларусаў гэта было пераважна вясковае, маладзёвае свята. Таксама ў падмурку беларускага купалля знаходзілася міфалагічная постаць Купалы, міфы аб інцэсце, што надавала святаму архаічным паганскім рысам. Адсюль вынікае яшчэ адно адрозненне – у беларусаў больш выражаны эратычны, любоўна-магічны аспект свята, у той час як у германцаў значнае месца надаецца культу плоднасці.

ЛІТАРАТУРА

1. Календарныя обычаі і абряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. – М. : Наука, 1978. – 296 с.
2. Земляробчы каляндар: абрады і звычаі. / склад. А. І. Турскі, А. С. Ліс. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 429 с. (Беларуская народная творчасць).
3. *Багдановіч, А. Я.* Перажыткі старажытнага светасузярання ў беларусаў. Этнаграфічны нарыс / А. Я. Багдановіч. – Мінск : Беларусь, 1995. – 186 с.
4. Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўнік / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка. – Мінск : Беларусь, 2007 – 607 с.

І. В. Грабянчук

АДНАЎЛЕННЕ ЭКАНАМІЧНАЙ І САЦЫЯЛЬНАЙ ІНФРАСТРУКТУРЫ БАБРУЙСКОЙ ВОБЛАСЦІ Ў 1944–1945 ГГ.

Бабруйск быў вызвалены савецкімі войскамі ад нямецка-фашысцкіх акупантаў у ходзе наступальнай аперацыі “Баграціён” 29 чэрвеня 1944 г. (на падставе гэтай даты традыцыйна адзначаецца Дзень горада). У той жа дзень у Бабруйску быў створаны гарадскі камітэт партыі, выканаўчы камітэт гарадскога Савета дэпутатаў працоўных і іншыя гарадскія арганізацыі. Задачы, якія неабходна было вырашыць гэтым структурам, былі вельмі скла-

данымі. Матэрыяльныя страты, нанесеныя ў час вайны гаспадарцы і насельніцтву горада, дасягалі аднаго мільярда рублёў у цэнах таго часу. З 84 107 жыхароў даваеннага Бабруйска засталася 28 352 чалавекі [1, с. 675].

Праз непрацяглы прамежак часу пасля вызвалення Бабруйска ад акупацыі змяніўся яго адміністрацыйны статус – ён стаў абласным цэнтрам.

Бабруйская вобласць была ўтворана ў адпаведнасці з пастановай Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР “Аб утварэнні Бабруйскай, Гродзенскай і Полацкай абласцей у складзе Беларускай ССР” ад 20 верасня 1944 г.” У другім пункце гэтай пастановы было сказана: “Уключыць у склад названых абласцей наступныя гарады абласнога падпарадкавання і раёны: Бабруйскую вобл. з цэнтрам у г. Бабруйску: г. Бабруйск і раёны – Бабруйскі, Кіраўскі, Клічаўскі, Асіповіцкі, вылучыўшы іх са складу Магілёўскай вобл.; г. Слуцк і раёны – Грэскі, Капыльскі, Чырвонаслабадскі, Любаньскі, Слуцкі, Старобінскі, Старадарожскі, вылучыўшы іх са складу Мінскай вобл.; Глускі, Акцябрскі і Парыцкі раёны, вылучыўшы іх складу Палескай вобл...” [2, с. 16].

Найважнейшай задачай для Бабруйскай вобласці з’яўлялася аднаўленне мясцовай прамысловасці. 3 лістапада 1944 г. аблвыканкам прыняў рашэнне арганізаваць абласны трэст жыллёва-грамадзянскага будаўніцтва на базе будаўнічага ўчастка г. Бабруйска і звярнуўся з просьбай да Саўнаркама БССР адпусціць навастворанаму трэсту абаротных сродкаў на суму 300 000 рублёў [3, арк. 30]. Аднак вайна яшчэ працягвалася ў Еўропе і кіраванне савецкай эканомікай было падначалена мэце дасягнення канчатковай перамогі. Напрыклад, згодна загаду пад грыфам “сакрэтна” народнага камісарыята мясцовай прамысловасці БССР ад 27 снежня 1944 г. патрабавалася забяспечыць ад прадпрыемстваў Белметызтрэста ў гарадах Лідзе, Мінску, Барысаве і Бабруйску да 1 красавіка 1945 г. выраб 500 тон паковок для высокаводных мастоў [4, арк. 11] (пакоўка – гэта загатоўка ці гатовы выраб, які атрымліваецца коўкай або гарчай аб’ёмнай штампоўкай у кавальска-штампавачнай вытворчасці).

Ва ўмовах ваеннага часу задача забеспячэння прадпрыемстваў працоўнымі рэсурсамі часта вырашалася за кошт працоўных мабілізацый. Такім шляхам было набрана 100 працаўнікоў для Бабруйскага абласнога будаўнічага трэста: 85 чалавек з Бабруйска і 15 чалавек – з Слуцка [5, арк. 30, 62]. Акрамя таго, Бабруйскі аблвыканкам мабілізаваў у чацвёртым квартале 1944 г. для наркамата чорнай металургіі 1 350 чалавек і Галоўнафтазбыту г. Бабруйска – 20 чалавек з ліку мясцовага працаздольнага насельніцтва па раёнах вобласці. Усе 1 350 мабілізаваных з вёсак 12 раёнаў вобласці (найбольш з Слуцкага і Глускага) былі адпраўлены на прадпрыемствы Чалябінскай вобласці, у тым ліку на Магнітагорскі металургічны камбінат. Нарэшце, 480 чалавек (420 з вёсак і 60 з Бабруйска) былі мабілізаваны для аднаўлення прадпрыемстваў на тэрыторыі Беларусі: у Мінску, Гомелі, Бабруйску і іншых населеных пунктах. З бабруйскіх прадпрыемстваў неадкладнаму аднаўленню падлягалі хлебазавод, маслакамбінат, кандытарская фабрыка, вінзавод [5, арк. 62–64, 70–71]. Больш падрабязна тэма працоўных мабілізацый у Бабруйскай вобласці разгледжана ў спецыяльным артыкуле аўтара [6].

Урадам БССР для аднаўлення мясцовай прамысловасці вобласці на чацвёрты квартал 1944 г. было адпушчана звыш 500 тыс. руб. Да канца лістапада 1944 г. працоўныя вобласці аднавілі да сотні прадпрыемстваў мясцовага значэння [7].

4 студзеня 1945 г. у Бабруйску адбылася нарада працаўнікоў мясцовай прамысловасці. На ёй было адзначана, што найлепшых паказчыкаў дасягнуў Бабруйскі гарпрамкамбінат: за кароткі тэрмін узноўлены тры млыны, скурзавод, мылаварная вытворчасць, арганізаваны швейная, ганчарная вытворчасць, бляшана-слясарныя майстэрні. Працаўнікі мясцовай прамысловасці Бабруйскай вобласці абавязаліся ў 1945 г. выпусціць прадукцыі на 3,9 млн руб., павысіць прадукцыйнасць працы на 5 %, дабіцца поўнага выкарыстання адпушчаных на будаўніцтва сродкаў. У мэтах паспяховага выканання плана нарада паставіла выклікаць на сацыялістычнае спаборніцтва працаўнікоў мясцовай прамысловасці Палескай вобласці [8].

Вядома, што аднаўленне разбуранай вайной гаспадаркі ў Беларусі адбылося і з прыцягнем рабочай сілы нямецкіх ваеннапалонных. На прадпрыемствах Бабруйскай вобласці іх працавала 12 300 чалавек (у колькасці ад 750 да 1 200 на асобных прадпрыемствах). Нормы выпрацоўкі і працягласць працоўнага дня для гэтай катэгорыі работнікаў устанаўліваліся адпаведна з тымі расцэнкамі, які дзейнічалі на адпаведных прадпрыемствах [9, арк. 182–182 адв.].

Адначасова з аднаўленнем эканамічнага патэнцыялу развівалася і сацыяльная сфера. У кастрычніку 1944 г. Бабруйскі гарсавет дэпутатаў працоўных прыняў рашэнне “Аб аднаўленні горада Бабруйска і ўдзеле насельніцтва ў аднаўленчых работах”. На першы масавы нядзельнік, які адбыўся 15 кастрычніка 1944 г., выйшлі цэлыя працоўныя калектывы, тысячы рабочых і служачых Бабруйска. Абласная газета “Савецкая Радзіма” адзначыла некалькі калектываў, якія найлепш вызначыліся ў той дзень, у тым ліку вучні і педагогі школ № 6, 9 і 16. У такіх нядзельніках удзельнічалі ўсе вучні, пачынаючы з трэцяга класа [10].

Абласная газета “Савецкая Радзіма” пісала: “На будаўніцтва і аднаўленне г. Бабруйска ў 1945 г. будзе выдаткавана каля 20 млн. руб., намечана правесці вялікія будаўнічыя і аднаўленчыя работы. Працоўныя горада атрымаюць новы жыллёвы фонд, два буйнейшыя аб’екты: Дом Камуны і Дом Калектыва. У Бабруйску ў гэтым жа годзе будзе пабудаваны шэраг прыгожых будынкаў, як гарадскі і абласны Дамы Саветаў, новая гасцініца і г.д.” [11].

Зімой 1944/1945 гг. у жыхароў Бабруйскай вобласці нечакана з’явілася новая часовая крыніца даходаў. Справа ў тым, што за часы акупацыі ў лясах значна павялічылася папуляцыя ваўкоў. Гэта прывяло да таго, што шэрыя драпежнікі пачалі часта нападаць на рабочую жывёлу. Бабруйскі аблвыканкам 19 студзеня 1945 г. прыняў пастанову “Аб мерапрыемствах па знішчэнні ваўкоў на тэрыторыі Бабруйскай вобласці”. Паводле яе ствараліся адмысло-

выя паляўнічыя брыгады, якія займаліся адстрэлам ваўкоў. Нарыхтоўчыя канторы павінны былі “...адпускаяць здатчыкам ваўчыных шкур па адпускных дзяржаўных цэнах спіртагарэлачных вырабаў з разліку:

а) за дарослага ваўка ці ваўчыцу – 3 літры;

б) за маладога ваўка-шчанюка – 2 літры;

в) за знішчэнне цэлага ваўчынага гнязда – 5 літраў” [12, арк. 23–23 адв.].

У жніўні 1945 г. аблвыканкам абавязаў Бабруйскі гарадскі выканаўчы камітэт добраўпарадкаваць рынкі горада. Неабходна было іх агарадзіць, размясціць гандлёвыя памяшканні, абсталяваць крытыя сталы, адвесці памяшканні побач з рынкамі пад заезжыя двары калгаснікаў і інш. Для падтрымання грамадскага парадку прадугледжваліся наступныя захады: “а) устанавіць пасты міліцыі на рынках паўсядзённа; б) забараніць на тэрыторыі рынка выступленні спевакоў, гадалак, шарманшчыкаў, азартныя гульні; в) узмацніць барацьбу са спекуляцыяй і перакупнікамі на рынку” [13, арк. 227].

Адной з найважнейшых задач пасляваеннага адраджэння было наладжванне сістэмы адукацыі. Паколькі Бабруйск стаў абласным цэнтрам, то значна ўзрасла яго роля ў падрыхтоўцы педагагічных кадраў.

У 1944 г. пачало сваю працу Бабруйскае педагагічнае вучылішча. На першапачатковым этапе яго калектыву давялося працаваць у невыносна цяжкіх абставінах. Найбольшыя складанасці выклікала тое, што ў адным будынку размяшчаліся педагагічнае вучылішча і 5-я няпоўная сярэдняя школа. Зразумела, што ўзгадніць час заняткаў адначасова ў дзвюх навучальных установах было даволі цяжка. Наяўнасць своеасаблівага “двоеўладдзя” мела негатыўны ўплыў на настроі педагогаў. Напрыклад, у пратаколе пасяджэння педагагічнай рады вучылішча ад 6 снежня 1944 г. зафіксаваная такая думка (аўтарская арфаграфія захоўваецца): “Налічча 2-х дырэктараў адбіваецца на ўсёй рабоце. Няма ніякага парадку ні ў снабжэнні, ні ў выплаце зарплат, няма свету, халодна ў класах”. Іншы ўдзельнік пасяджэння працягвае: “... часта не даюць хлеб, затрымліваецца вельмі доўга зарплата, няма сшыткаў, кніг і г.д. Няма ніякіх паказанняў наркамасветы аб праграме па беларускай літаратуры” [14, арк. 3]. Кіраўніцтва, зразумела, прызнавала наяўнасць цяжкасцяў, казалі пра неабходнасць звяртацца за дапамогай у абласны аддзел народнай адукацыі (аблана), але “...за ўсе недахопы ў рабоце ўсё роўна адказвае настаўнік” [14, арк. 3].

Бабруйскае педагагічнае вучылішча было адным з буйнейшых у рэспубліцы па кантынгенце навучэнцаў. На пачатак верасня 1945 г. у ім навучалася 500 студэнтаў. Цікава адзначыць, што шмат яго выпускнікоў накіроўваліся па размеркаванні ў заходнія раёны Беларусі [15].

Паколькі Бабруйск, як было сказана вышэй, з верасня 1944 г. стаў абласным цэнтрам, то ў сістэме адукацыі з’явіўся новы элемент – Бабруйскі абласны інстытут удасканалення настаўнікаў. Ён быў створаны па рашэнні калегіі міністэрства асветы БССР у кастрычніку 1944 г. Пры гэтым на працягу першага месяца ўсю арганізацыйную працу выконваў толькі адзін чалавек – дырэктар інстытута І. М. Елісееў. У лістападзе 1944 г. міністэрства

асветы БССР прыслала на працу ў інстытут чатырох супрацоўнікаў. У архіўных дакументах іх прозвішчы пададзены без ініцыялаў – Лаўрынавец, Сасіновіч, Шадоба, Рабкіна. У такім складзе Бабруйскі інстытут удасканалення настаўнікаў працаваў увесь 1944/45 навучальны год. Поўнасьцю (у колькасці 6 чалавек) ён быў укамплектаваны толькі напрыканцы 1946 г. [16, арк. 11]. Галоўнымі задачамі інстытута былі: 1) павышэнне кваліфікацыі настаўнікаў і кіраўнікоў школ, гарадскіх і раённых аддзелаў народнай адукацыі; 2) вывучэнне і абагульненне лепшага педагагічнага вопыту ў працы настаўнікаў і школ Бабруйскай вобласці; 3) аказанне сістэматычнай дапамогі настаўнікам, райпедкабінетам і вясковым метадычным аб'яднанням у арганізацыі і правядзенні метадычнай работы [Там жа, арк. 11].

Толькі за 1945 г. і 1946 г. Бабруйскім інстытутам удасканалення настаўнікаў было падрыхтавана звыш 60 метадычных распрацовак (з іх 20 – для пачатковых класаў), арганізавана тры выставы па навучальна-выхаваўчай рабоце школ вобласці. Выставачныя матэрыялы вобласці былі накіраваны на рэспубліканскія з'езды настаўнікаў, якія праходзілі на працягу 1944/1945 і 1945/1946 навучальных гадоў. Дасланыя матэрыялы былі станоўча ацэнены міністэрствам асветы БССР. Метадычнымі семінарамі было ахоплены каля 1 тыс. чалавек. Пры гэтым Бабруйскі інстытут удасканалення настаўнікаў не меў уласнага памяшкання, многія яго супрацоўнікі працавалі па сумяшчальніцтву, не было інтэрнату для педагогаў, якіх склікалі на курсы і семінары, адчуваўся востры недахоп метадычнай літаратуры [16, арк. 12–13].

Важнай складовай часткай культурнага жыцця адроджанага пасля вайны Бабруйска з'яўлялася дзейнасць абласнога драматычнага тэатра. Пытанне аб яго працы ўпершыню было разгледжана на пасяджэнні аблвыканкама 3 студзеня 1945 г. У матэрыялах да пратакола пасяджэння сказана, што “...нягледзячы на 6-месячнае існаванне тэатра, творчы калектыў апошняга не прыступіў да сур'ёзнай працы і не адкрыў да гэтага часу тэатральнага сезона...” [17, арк. 6]. Выходзіць, што тэатр быў адноўлены адразу пасля заканчэння акупацыі. Абласны выканаўчы камітэт вызначыў мерапрыемствы па яго далейшым развіцці і пастанавіў адкрыць тэатральны сезон у студзені 1945 г. Аднак на аднаўленне будынку тэатра першачаткова было выдзелена мала сродкаў, таму аблвыканкам 27 ліпеня 1945 г. прасіў ўрад – Савет народных камісараў БССР – павялічыць на 1945 г. ліміты па драмтэатру, усяго 650 тыс. руб. [18, арк. 181].

У студзені-лютым 1946 г. у Бабруйскі тэатр быў камандзіраваны выдатны беларускі кампазітар Я. К. Цікоцкі для працы над музыкай да спектакля “Дама-невідзімка”. Цікоцкі пачынаў свой працоўны і творчы шлях у Бабруйску ў 1920-х гг., пра што ўзгадаў у інтэрв'ю газеце “Савецкая Радзіма” [19]. 29 красавіка 1946 г. адбылося абмеркаванне працы Бабруйскага абласнога тэатра, у якім удзельнічалі запрошаныя прадстаўнікі з іншых тэатраў рэспублікі. Галоўная выснова, зробленая на абмеркаванні: скончаны першы этап у жыцці калектыва – прынцыповае нараджэнне тэатра, але наперадзе яго чакае яшчэ шмат працы. Таксама было адзначана, што далей у Бабруйскі абласны тэатр будуць прыязджаць буйныя майстры для пастаноўкі спектак-

ляў. Адпаведна актуальным станавілася пытанне пра яго творчае спаборніцтва з найстарэйшым тэатрам Беларусі – Дзяржаўным рускім тэатрам у Мінску. Нарэшце Бабруйскі тэатр збіраўся адправіцца ў гастрольную паездку, якая павінна была стаць яго першай сур’ёзнай творчай справаздачай [20, арк. 1–4].

Такім чынам, аднаўленне эканамічнай і сацыяльнай інфраструктуры Бабруйскай вобласці ў 1944–1945 гг. адбывалася дастаткова хуткімі тэмпамі. Галоўную ролю ў гэтым працэсе адыгрываў працоўны энтузіязм народа, імкненне людзей як мага хутчэй загаіць нанесеныя вайной раны, наладзіць мірнае жыццё. Партыйныя і савецкія органы актыўна выкарыстоўвалі гэты рэсурс праз агітацыйныя і прапагандысцкія каналы, але ж для пераадолення маштабных разбурэнняў яго было недастаткова, таму шырока выкарыстоўваўся і адміністрацыйны прымус, напрыклад, праз правядзенне працоўных мабілізацый. Даволі значным кантынгентам працоўнай сілы ў распараджэнні ўлад былі нямецкія ваеннапалонныя. У сацыяльнай сферы першаступеннае значэнне мела аднаўленне сістэмы адукацыі, а таксама адраджэнне падрыхтоўкі ў Бабруйску педагагічных кадраў, якая была спыненая ў другой палове 1920-х – 1930-я гг. Вялікая ўвага надавалася аднаўленню Бабруйскага драматычнага тэатра, дзейнасць якога мела значны ўплыў на развіццё культуры як у вобласці, так і ў рэспубліцы.

ЛІТАРАТУРА

1. Памяць : гіст. дакум. хроніка Бабруйска. – Мінск : Выш. шк., 1995. – 756 с.
2. Административно-территориальное устройство БССР : справочник : в 2-х т. / Главное архивное управление при Совете Министров БССР, Институт философии и права АН БССР. – Т. 2 (1944–1980 гг.). – Минск : Беларусь, 1987.
3. Бабруйскі занальны дзяржаўны архіў (БЗДА). – Ф. 254. Воп. 1. Спр. 18.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 119. Воп. 4. Спр. 1.
5. БЗДА. – Ф. 254. Воп. 1. Спр. 18.
6. *Грабянчук, І. В.* Працоўныя мабілізацыі ў Бабруйскай вобласці ў 1945 г. / *І. В. Грабянчук* // *Інновацыйныя працэсы ў сацыяльна-эканамічным развіцці* : матэрыялы VI Міжнароднага навукова-практ. канф., Бабруйск, 15 дек. 2016 г. / редкол.: В. М. Ковальчук (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2016. – С. 28–33.
7. Савецкая Радзіма. – 1944. – 25 лістапада. – С. 1.
8. Савецкая Радзіма. – 1945. – 7 студзеня. – С. 4.
9. БЗДА. – Ф. 254. Воп. 1. Спр. 72.
10. Савецкая Радзіма. – 1944. – 22 кастрычніка. – С. 3.
11. Савецкая Радзіма. – 1945. – 11 студзеня. – С. 3.
12. БЗДА. – Ф. 254. Воп. 1. Спр. 18.
13. БЗДА. – Ф. 254. Воп. 1. Спр. 75.
14. БЗДА. – Ф. 795. Воп. 1. Спр. 2.
15. Савецкая Радзіма. – 1945. – 9 верасня. – С. 2.

16. БЗДА. – Ф. 1161. Воп. 1. Спр. 4.
17. БЗДА. – Ф. 254. Воп. 1. Спр. 72.
18. БЗДА. – Ф. 254. Воп. 1. Спр. 75.
19. Савецкая Радзіма. – 1946. – 17 студзеня. – С. 1.
20. НАРБ. – Ф. 799. Воп. 1. Спр. 95.

П. А. Концевой

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В ПЕРИОД С 1862 ПО 1913 ГОД

Первой железнодорожной линией на белорусской земле стал участок Поречье–Гродно, представлявший собой составную часть крупной железнодорожной магистрали Петербург–Варшава, построенной в 1851–1862 годах [1, с. 15].

Петербургско-Варшавская магистраль была проложена через Гатчину, Лугу, Псков, Остров, Двинск, Вильно, Гродно, Белосток. Протяженность трассы составляла 1280 километров. Данная магистраль стала четвертой по счету железной дорогой, которую начали строить в Российской империи (после Царскосельской, Петербургско-Московской и Варшаво-Венской) [2].

Строительство дороги началось в 1851 г. специально созданным Управлением. В 1857 г. ее постройка была передана Главному обществу Российских железных дорог [1, с. 16]. В 1895 г. Петербургско-Варшавская железная дорога была выкуплена у Главного общества Российских железных дорог государственной казной. В 1906 г. Петербургско-Варшавская железная дорога объединилась с Балтико-Псково-Рижской железной дорогой в Северо-Западные железные дороги [3, с. 19].

Постоянное движение железнодорожного транспорта на дороге Петербург–Варшава было открыто 15 декабря 1862 года. В техническом отношении из 220 заказанных к открытию дороги паровозов на линии работало 44 локомотива. Также имелось 36 пассажирских и около 700 товарных вагонов. Линия была укомплектована личным составом: по движению и коммерческому хозяйству 55 работниками, по тяге – 19 машинистами [1, с. 16].

Первые паровозы для Петербургско-Варшавской железной дороги были заказаны зарубежным заводам. Например, предназначенные для обслуживания товарных поездов паровозы были построены следующими иностранными заводами: «Шарп-Стюарт» (Великобритания), «Гуэн» (Франция), «Зигль» (Австрия), «Сен-Пьер» (Бельгия) [3, с. 21].

В 1866 г. на белорусских землях была введена в эксплуатацию вторая железнодорожная магистраль, которая была проложена по маршруту Витебск–Полоцк–Бигосово. Данный маршрут вошел в состав Риго-Орловской железной дороги [1, с. 17]. Первый участок этой магистрали от Динабурга до Полоцка длиной в 151 версту был открыт для движения 24 мая 1866 г., а второй участок от Полоцка до Витебска – в октябре того же года. Причем конечная (на тот период) станция Витебск была расположена так,

что она стала заездной, то есть все транзитные поезда должны были менять направление своего следования. Вместе с тем в период проектирования станции (проектантами выступали иностранные специалисты) уже было известно, что железнодорожная линия будет продолжена далее [2].

Строительством Орловско-Витебской железной дороги завершилась магистраль, соединяющая внутренние губернии Российской империи с Балтийским морем.

Необходимо отметить, что довольно быстрое строительство значительного количества железнодорожных линий на территории Беларуси во многом было продиктовано военно-стратегическими соображениями, которые основывались на близости белорусских земель к западной границе Российской империи. К тому же расположение белорусских земель к наиболее развитым по тому времени районам юга, центра и северо-запада империи – все это также явилось одним из условий быстрого (по сравнению с другими регионами) строительства железных дорог, поэтому интенсивное железнодорожное строительство на белорусских землях продолжалось и в период с 1870 по 1880 годы. Так, в 1870–1871 гг. была сооружена главная магистраль Беларуси Смоленск–Минск–Брест, которая вступила в постоянную эксплуатацию в ноябре 1871 года. Данная линия, ставшая продолжением магистрали Москва–Смоленск, дала возможность транспортировать товары из центральных районов Российской империи на рынки стран Западной Европы [1, с. 17].

Московско-Брестская железная дорога сыграла значительную роль в развитии и формировании общей транспортной сети Беларуси. Она имела большое стратегическое и экономическое значение как для Российской империи в целом, так и для большинства белорусских районов.

Идея сооружения данной линии возникла задолго до начала ее строительства. Однако в процессе обсуждения вопроса о строительстве Московско-Брестской магистрали в правительственных кругах возникли разногласия в выборе направления, по которому должна была пройти данная дорога. Первоначальным проектом предусматривалось направление от Бреста на Кобрин, Слоним, Минск, Могилев, Горки в обход Смоленска, то есть проложить дорогу в 3 верстах от Смоленска с целью соединения с Орловско-Витебской линией.

Министерство путей сообщения Российской империи отстаивало другое направление – от Бреста на Бобруйск. Комитет железных дорог 19 мая 1867 г. поддержал предложение министерства и решил произвести соответствующие изыскания. Вместе с тем сторонники прокладки линии через Минск продолжали доказывать преимущества этого направления [1, с. 17–18].

По решению российского императора была начата подготовка к строительству данной линии именно через Минск [1, с. 18], однако в связи с финансовыми затруднениями вопрос о постройке дороги был отложен. Вскоре произошло новое изменение: проведенные изыскания показали, что выгоднее строить дорогу не на Могилев, а по кратчайшему направлению – на Оршу, Борисов и Минск [2].

В 1867 г. Смоленскую губернию, а также некоторые другие западные и северные губернии Российской империи постигло стихийное бедствие. Год выдался неурожайным. Продолжительные дожди и ранние морозы повредили озимые посевы, а в 1868 г. были уничтожены яровые посевы. Крестьяне голодали. В этих условиях правительство вынуждено было выдать Смоленскому земству крупную ссуду на подготовительные работы для строительства железной дороги [1, с. 18].

В декабре 1868 г. концессию на постройку Московско-Смоленской железной дороги (по результатам конкуренции) выиграла торговый дом Шепеллера из Риги и банкиры – братья Зульцбах из Франкфурта-на-Майне. Концессионеры организовали акционерное общество Московско-Смоленской железной дороги. Движение поездов между Москвой и Смоленском началось в сентябре 1870 г., но еще в начале февраля правление общества вошло с ходатайством о выдаче концессии на строительство линии Смоленск–Брест и о переименовании объединения в «Общество Московско-Брестской железной дороги». О допуске к конкуренции на получение концессии ходатайствовали также и другие претенденты.

Министерство путей сообщения признало возможным оставить сооружение Смоленско-Брестской линии за обществом Московско-Смоленской железной дороги без конкуренции, чтобы объединить в одних руках строительство всего направления [1, с. 19].

23 августа (4 сентября) 1870 г. была совершена закладка станции Минск. Строительство железной дороги продвигалось довольно успешно. Уже 24 сентября (6 октября) 1870 г. на втором участке дороги началось сквозное рабочее движение. В этот день на станцию Минск прибыли первые поезда: один – из Смоленска, а второй – из Бреста [2].

В 1868 г. вошла в строй железнодорожная линия от предместья Варшавы – Праги до станции Тересполь. Для соединения этой линии с Брестом был проложен дополнительный путь протяженностью в 6 верст, который ввели в эксплуатацию в феврале 1870 года. С началом движения на Московско-Брестской магистрали Данный участок позволил решить вопрос о прямом сообщении Москва–Варшава.

Строительство участка Ковель–Брест, являвшегося частью большой железнодорожной линии Брест–Бердичев, было закончено в июле 1873 года [1, с. 20].

В прокладке данной линии в первую очередь были заинтересованы помещики и сахарозаводчики Малороссии, а также прусские купцы и железнодорожные магнаты. Сельскохозяйственные грузы из центральной и южной части Малороссии, лесоматериалы из украинского и белорусского Полесья через Брест прямым сообщением доставлялись в прусский порт Пилау.

С целью увеличения вывоза сельскохозяйственной продукции на экс-порт через Балтийское море была построена Либаво-Роменская железная дорога. Линия Вильнюс–Минск–Гомель–Ромны являлась ее составной частью. К прокладке данной линии также была проявлена высокая заинтересованность со стороны помещиков и купцов. Это объяснялось тем, что в процессе развития капитализма в сельском хозяйстве резко увеличилось производство сельхоз-

продуктов в украинских губерниях Российской империи. Внутренний российский рынок не мог все это потребить. Основным рынком сбыта российской сельскохозяйственной продукции в тот период находился в странах Западной Европы. Ближайший путь туда пролегал через порт Ливава, поэтому к данному порту было необходимо проложить железнодорожную магистраль [1, с. 20].

В 80-х гг. XIX в. стали интенсивно сооружаться железные дороги в Полесье.

В 1881 г. было санкционировано строительство железнодорожной ветки Жабинка–Пинск, при возведении которой впервые были использованы железнодорожные войска. Данная дорога была построена довольно быстро, за одно лето. Уже в ноябре 1882 г. на ветке открылось движение пассажирских и товарных составов. Полесские железные дороги вводились в эксплуатацию по мере готовности участков: с ноября 1882 г. по август 1887 года [2].

В 1882–1886 гг. введены в эксплуатацию железнодорожные линии Брест–Пинск и Пинск–Гомель. Они имели военно-стратегическое значение, а также предназначались для вывозки леса. С вводом в 1887 г. участка Гомель–Брянск эта дорога стала после линии Смоленск–Брест вторым широтным железнодорожным направлением в Беларуси, пересекавшим ее земли с запада на восток. В 1884 г. было открыто еще одно важное для Беларуси железнодорожное направление: Вильнюс–Лида–Барановичи–Лунинец. Вместе с другими участками эти линии образовали сеть Полесских железных дорог.

Для вывоза леса и сельскохозяйственной продукции из северных районов Беларуси в 1895–1897 гг. был сооружен железнодорожный участок между Побраде и Воропаево, а в 1916 г. его продолжили до станции Крулевщина [1, с. 21–22].

В 1900–1917 гг. на белорусских землях было построено еще 900 км железнодорожных линий. Важнейшей из них была линия Ново-Сокольники–Витебск–Орша–Жлобин. Она вступила в эксплуатацию в 1902 г., однако в течение 14 лет Жлобин не имел выхода на юг. Лишь в 1915–1916 гг., в разгар Первой мировой войны, от Жлобина линия была продолжена через Калинковичи до Овруча. Таким образом было открыто прямое железнодорожное сообщение из Петербурга в Одессу.

Чтобы создать дополнительное железнодорожное направление между Петербургом и Польшей, в 1907 г. была построена линия Бологое–Седлец. По белорусским землям она прошла через Невель–Полоцк–Молодечно–Лиду–Волковыск [1, с. 22]. Регулярное движение поездов от Бологого до Полоцка открыли в январе 1907 года [2]. В этом же году было проложено ответвление от станции Мосты до Гродно [1, с. 22–23].

Пассажирские здания (вокзалы) на станциях III класса (основных) данной линии (например, Бологое II, Осташков, Торопец, Великие Луки, Невель, Полоцк) возводились из кирпича. На станциях IV класса (линейных) пассажирские здания строились из дерева. В каждом из них были предусмотрены помещения для почты, ламповой, в которой светильники заправляли керосином, отдельные служебные помещения коменданта, агента службы движения, телеграфиста, а также зал ожидания с печами. В пассажирских зданиях

III класса обязательно проектировался буфет с деревянным, обсыпанным землей ледником для хранения продуктов. Пассажирские платформы строились из каменного щебня или битого кирпича, который был залит известковым раствором. Кроме того, на станциях III класса были построены больницы и одноклассные школы [2].

Еще одна важная железнодорожная линия по направлению Кричев–Могилев–Осиповичи–Барановичи–Волковыск–Берестовица вводилась в эксплуатацию по частям. Так, на участке Старые Дороги – Слуцк было открыто движение в 1907 г., а участок Осиповичи–Старые Дороги сдали в эксплуатацию значительно раньше, в 1886 году.

В 1911 г. для вывоза леса были построены железнодорожные ветки Верейцы–Гродзянка и Василевичи–Хойники.

Подавляющее большинство железных дорог на территории Беларуси были сквозными. Несмотря на это местная промышленность белорусских земель развивалась ускоренными темпами. Прокладка железных дорог активизировала торговлю, сельское хозяйство, развитие придорожной инфраструктуры и учреждений здравоохранения. Железнодорожное строительство стало серьезным стимулом к обновлению старых белорусских городов и поводом для появления новых [4].

Вместе с открытием железнодорожных линий на территории Беларуси строились крупные мастерские по ремонту подвижного состава – паровозов и вагонов. Так, в последней четверти XIX в. мастерские и депо были построены в Витебске, Гомеле, Минске, Молодечно, Пинске и на других станциях. В 1900 г. на белорусских землях работало 19 железнодорожных мастерских по ремонту подвижного состава [1, с. 22–23].

Перед началом Первой мировой войны на белорусских участках железных дорог трудилось примерно 40 тысяч работников. Их основу составляли рядовые железнодорожники – элита рабочего класса того периода. Непременным условием приема на работу была общая грамотность будущего работника. При станциях открывались училища и первые технические заведения. Стала формироваться техническая интеллигенция, состоящая из инженеров-путейцев и инженеров-железнодорожников [4].

Таким образом, прокладка первых железных дорог и дальнейшее развитие железнодорожного сообщения способствовало росту городов на белорусских землях, превращению их в торгово-промышленные центры, содействовало увеличению подвижности сельского населения, притоку его в города. Само железнодорожное строительство привлекло значительное количество рабочей силы из деревни, а также вызвало большой спрос на местные строительные материалы. Также благодаря железнодорожному строительству развивались образование и здравоохранение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Железнодорожная магистраль Белоруссии (к столетию со дня введения в строй) / под общ. ред. Е. П. Юшкевич [и др.]. – Минск : Беларусь, 1971. – 208 с.

2. Строительство первых дорог [Электронный ресурс] // История Белорусской железной дороги. – Режим доступа: https://history.rw.by/zheleznye_dorogi/stroitelstvo_pervyh_dorog/. – Дата доступа: 25.03.2023.
3. Раков, В. А. Локомотивы отечественных железных дорог (1845–1955) / В. А. Раков. – М. : Транспорт, 1995. – 564 с.
4. В поисках утраченного. Как Беларусь стала великой железнодорожной державой [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – 22.01.2022. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/relsy-iz-proshlogo.html>. – Дата доступа: 27.03.2023.

А. В. Кузнецова-Тимонова

ВETERАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ – УЧАСТНИКИ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ 2-Й ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (на примере представителей Беларуси)

Официально советские участники локальных войн и военных конфликтов 1950–1980-х гг. были признаны участниками боевых действий и приравнены к ветеранам Великой Отечественной войны только в 1983 году. Однако среди них было много тех, кто, начав свою службу в армии в годы Великой Отечественной войны, связал судьбу со службой Родине. Их профессией стала не только военная служба: многим из них пришлось, отстаивая интересы родной страны на других континентах, являясь ее «лицом» в глазах военнослужащих других стран и армий, становиться дипломатами; обучая новые поколения офицеров – педагогами; изучать иностранные языки.

Тема представляет для нас интерес как своеобразное «возвращение имен». Многим офицерам-фронтовикам, а также тем, кто, оставшись в армии после окончания Великой Отечественной войны, сделал офицерскую карьеру уже в 1950–1960-е гг., не довелось служить в родной республике. Они проходили службу в разных военных округах СССР, выезжали в зарубежные командировки оттуда, и там же были впоследствии похоронены. Соответственно, их имена не всегда ассоциируются с Беларусью. В то же время мы учитываем и примеры уроженцев других республик СССР, чья армейская судьба, напротив, привела в Беларусь, где они проживали после выхода в отставку и были позже похоронены.

Основным источником сведений по данной теме являются биографические справочники о военнослужащих Республики Беларусь – участниках боевых действий; серия книг «Памяць», в отдельных из которых размещены очерки о земляках, принимавших участие в локальных военных конфликтах на территории иностранных государств, с важными деталями биографий; воспоминания непосредственных участников событий; немногочисленные научные издания, посвященные исследованию участия представителей Беларуси в конкретных военных конфликтах.

В 1950–1953 гг. большинство советских офицеров, участвовавших в боевых действиях в Корее, являлись ветеранами Великой Отечественной

войны. В последующих военных конфликтах бывшие фронтовики, будучи старшими офицерами, принимали участие в качестве военных советников разного ранга, вплоть до советника министра обороны страны пребывания, что определяло уже совсем другие обязанности – не столько военные, сколько дипломатические. Для отдельных военнослужащих такая «военно-дипломатическая» работа стала основной на долгие годы, им довелось работать в разных странах, устанавливать доверительные отношения с их руководством.

В данной статье мы не будем подробно останавливаться на предыстории каждого военного конфликта, в которые оказались вовлечены советские военнослужащие во 2-й половине XX в. В официальном законодательстве Республики Беларусь (Закон «О ветеранах») обозначено 15 войн и вооруженных конфликтов, участники которых проживают на территории Беларуси и признаны ветеранами боевых действий. Кроме того, советские военные миссии находились во многих странах Азии и Африки, где наши военнослужащие не принимали участия в боевых действиях, однако оказывали помощь в разных сферах военного строительства.

Больше всего имен ветеранов Великой Отечественной войны мы найдем среди участников боевых действий в Северной Корее в 1950–1953 гг.: с момента окончания Второй мировой войны до начала полноценной войны между Северной и Южной Кореей прошло всего 5 лет. Среди высокопоставленных офицеров назовем генерал-лейтенанта Якова Драйчука (1901–1978; д. Ржавка Славгородского р-на) [1, с. 507], который до июля 1954 г. был заместителем командующего 54-й воздушной армией (части базировались в Китае) и впоследствии был награжден медалью «За освобождение Кореи». Военная служба связала с Белорусским военным округом (и позднее с Республикой Беларусь) уроженца Тарского района Омской области РСФСР Михаила Ваулина (в 1949–1952 гг. офицер спецсвязи Главного военного советника в КНДР) [2, с. 55], уроженца с. Кременские Выселки Ульяновской области РСФСР Владимира Крупнова (в 1951–1953 гг. в Северной Корее – заместитель командира батареи по политчасти) [2, с. 168].

Главную роль в корейской войне играли ВВС, и воевали в небе недавние союзники: на стороне КНДР – советские летчики, на стороне Южной Кореи – пилоты США. Среди героев этих воздушных боев были уроженцы Беларуси:

- старший лейтенант Николай Корниенко, уроженец Гомельщины (1921–1993): в годы Великой Отечественной войны служил в 18-м гвардейском штурмовом Витебском авиаполку («Нормандия – Неман»), был награжден орденом Красного Знамени, 2 орденами Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги»; на территории Кореи в мае 1951 г. – феврале 1952 г. совершил 186 боевых вылетов, принял участие в 50 воздушных боях, лично сбил 5 самолетов, был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды; после выхода в отставку жил в Минске;

- подполковник Александр Балабайкин, уроженец Кричевского р-на (1915–1984): в годы Великой Отечественной войны был награжден орденом

Отечественной войны 2-й степени; в Корею воевал в январе – июле 1952 года. Помощник командира (с мая – командир) 148-го гвардейского истребительного авиаполка, награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и «Китайско-советская дружба»;

- капитан Прокофий Дубино, уроженец Крупского р-на;
- старший летчик Василий Лепиков, уроженец Хотимского р-на: за участие в боях в Корею в апреле 1952 г. – июле 1953 г. был награжден орденами Красного Знамени и Ленина;

- капитан Борис Бокач, уроженец Чашникского р-на (1923–1998): в годы Великой Отечественной войны совершил 42 боевых вылета, был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу»; в Корею в апреле 1951 г. – феврале 1952 г. принял участие в 74 воздушных боях, лично сбил 6 самолетов, был награжден 2 орденами Красного Знамени;

- капитан Иван Заплавнев, уроженец Полоцка (1922–1981): в 1944 г. принимал участие в боях за освобождение Беларуси, совершил 129 боевых вылетов, сбил лично 4 самолета, был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени; в Корею в ноябре 1950 г. – феврале 1952 г. принял участие в более чем 20 воздушных боях, лично сбил 7 самолетов, был награжден орденом Ленина;

- старший лейтенант, уроженец Чашникского р-на Илья Гуц (1922–1983): в период Великой Отечественной войны совершил 124 боевых вылета, лично сбил 7 самолетов, был награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны 1-й степени; в Корею воевал в ноябре 1950 г. – феврале 1952 г. командиром авиазвена 72-го гвардейского истребительного авиаполка, сбил 1 американский самолет, был награжден орденом Красной Звезды [3, с. 311–313].

Герой Советского Союза (звание присвоено 13 ноября 1951 г.) полковник ВВС Лев Щукин (1923–2009; уроженец Ногинска, жил и похоронен в Минске) стал одним из ярких представителей когорты ветеранов войн разных стран и континентов – он принимал участие в 4 войнах. Ветеран Великой Отечественной войны, в Корею он стал одним из самых результативных асов: будучи командиром звена, в мае 1951 г. – январе 1952 г. в 37 воздушных боях сбил 17 самолетов (из них 15 лично). В период обострения военных конфликтов в Демократической Республике Вьетнам (ДРВ) и на Ближнем Востоке служил военным советником в ДРВ и Египте [3, с. 313].

Среди погибших в боях в Корею советских военнослужащих – особенно летчиков – большинство также составляли ветераны Великой Отечественной войны. В воздушных боях погибли уроженец г. Осиповичи старший лейтенант Евгений Стельмах (1923–1951, Герой Советского Союза (1951, посмертно)) [4, с. 649], уроженец Дрибинского р-на старший лейтенант Василий Шмагунов (1922–1952) [5, с. 584], гомельчанин старший лейтенант Константин Пронин (1923–1952) [3, с. 315], выходец из Суражского р-на Витебской обл. старший лейтенант Владимир Шебеко (1924–1952) [3, с. 316], уроженец Бешенковичского р-на старший лейтенант Сергей Язев (1923–1952) [3, с. 316]. В январе 1951 г. умер, выполняя служебные обязанности в Корею,

начальник метеослужбы 50-й истребительной авиадивизии 64-го истребительного авиакорпуса майор Иван Насевич (1913–1951, Копыльский р-н) [3, с. 317]. Все они похоронены в г. Люйшунь (бывш. Порт-Артур) в Китае.

Среди участников военных действий в Венгрии в 1956 г. фронтовики составляли большую часть командного состава Южной группы войск СССР, а также старших офицеров. С Беларусью тесно связана судьба полковника Бориса Куракина (уроженец Московской обл.): в годы Великой Отечественной войны он был командиром пулеметного расчета, получил тяжелое ранение, награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени, медалями «За боевые заслуги» и «За Победу над Германией». В Будапешт был направлен с должности заместителя командира учебно-танкового батальона по политчасти. С 1963 г. служил в Белорусском военном округе (БВО), позднее жил в Минске [2, с. 174]. Уроженец с. Крайск Логойского р-на подполковник Евгений Любчик в 1943–1944 гг. был партизаном диверсионно-подрывной группы 4-й Калининской бригады, в августе–сентябре 1945 г. в качестве катериста 17-го понтонно-мостового батальона участвовал в советско-японской войне, был награжден медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне». В Венгрии осенью 1956 г. находился в должности заместителя командира роты по техчасти 128-й мотострелковой дивизии [6, с. 156].

Отметим примеры участия ветеранов Великой Отечественной войны в событиях на Кубе осенью 1962 года. Уроженец Круглянского р-на полковник Аркадий Кошелев (в годы Великой Отечественной войны начальник оперативного отделения штаба дивизии, был неоднократно награжден) был командирован на Кубу с должности заместителя командира 29-й танковой дивизии БВО [2, с. 163], отмечен Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «Воину-интернационалисту». Служивший и похороненный в Минске полковник (в 1962 г. майор) уроженец Курской обл. РСФСР Анатолий Седых был направлен на Кубу командиром танкового батальона; в годы Великой Отечественной войны награжден 2 орденами Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги» [2, с. 272]. Легендарная «ночная ведьма» Герой Советского Союза Полина Гельман (1919–2005, уроженка Бердичева, до 1941 г. жила и училась в Гомеле), окончив Великую Отечественную войну старшим лейтенантом и последний боевой вылет совершив над Берлином в мае 1945 г., стала переводчиком испанского языка. Будучи майором запаса, в качестве переводчика работала в группе советских военных специалистов в Гаване в период Карибского кризиса и попытки высадки американского десанта на Плайя-Хирон [7].

На территории Йемена (как Северного, так и Южного) советские военные советники и специалисты находились до конца 1980-х годов. Мы нашли сведения об офицерах – ветеранах Великой Отечественной войны, имевших боевые награды, командированных в Йемен в качестве военных советников из БВО: подполковник Рафаил Рябиков [2, с. 263] (артиллерия) и полковник Николай Колпаков [8, с. 160] (инженерные войска).

До 1972 г. Советский Союз активно сотрудничал в разных сферах с Египтом и Сирией, в том числе оказывал военную помощь в противостоянии арабских государств с Израилем. Большинство советских военных советников в этих странах были участниками Великой Отечественной войны. Из Белорусского военного округа в разные годы туда направлялись: генерал Александр Вагин (уроженец Московской обл. РСФСР) – в 1971 г. был советником начальника управления по боевой подготовке ВВС Египта, в 1972 г. – на аналогичной должности в Сирии [2, с. 54]; полковник Василий Нетеса (уроженец Харьковской обл. УССР) – в 1968–1970 гг. был старшим советником артиллерийской бригады Армии Египта [2, с. 218]; полковник Август Сидоров (уроженец Киевской области УССР) – в 1971–1972 гг. советник начальника боевой подготовки ВВС Египта [2, с. 276]; подполковник Иван Труханов (уроженец Оренбургской обл. РСФСР) – в 1967–1968 гг. советник по артиллерии командира пехотной бригады Армии Египта [2, с. 307]; полковник Михаил Филонов (уроженец г. Макеевка УССР) – в 1967 г. военный советник в Сирии, в 1971–1972 гг. военный советник командующего 2-й армии Вооруженных Сил Египта (также в 1939–1940 гг. принимал участие в советско-финской войне) [6, с. 256]; полковник Степан Коломиец (уроженец Луганской обл. УССР) – в 1967–1972 гг. был военным советником ВС Египта (в годы Великой Отечественной войны воевал на Сталинградском и Юго-Западном фронтах) [8, с. 160]; полковник Валентин Ворончихин (уроженец Башкортостана) в феврале–ноябре 1970 г. находился в Египте в качестве военного советника (в годы Великой Отечественной войны воевал в составе 4-го Украинского фронта) [9, с. 69].

В Анголу советские военные советники и специалисты, в том числе из Белорусского военного округа, направлялись в 1975–1992 годах. Поисковая работа по установлению имен продолжается. На сегодняшний день из участников Великой Отечественной войны среди них можем назвать полковника Бориса Летучева (уроженца Челябинской обл. РСФСР), мастера вождения танков, командированного в Анголу в качестве военного советника в 1980–1983 гг. с должности начальника военной кафедры Белорусской сельскохозяйственной академии; в 1944–1945 гг. он воевал в составе 1-го Украинского фронта в качестве командира орудия танка Т-34, был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями «За боевые заслуги» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [6, с. 150].

Еще один фронтовик – уроженец д. Серяги Слуцкого р-на Минской обл. – генерал-лейтенант Василий Шахнович (1922–1983) – связал свою судьбу с двумя африканскими странами. Начав военную службу в 1939 г. поступлением в Минское военное училище, он встретил Великую Отечественную войну лейтенантом в Ленинградском военном округе. Воевал на Ленинградском фронте, был награжден медалью «За оборону Ленинграда», орденами Красного Знамени и Отечественной войны 2-й степени. В 1969–1971 гг. он служил главным военным советником Вооруженных Сил Сомали (в т.ч. советником командующего Сиада Барре, с которым установил дру-

жеские отношения, что позволило советским военнослужащим относительно успешно эвакуироваться из Сомали после произошедшего там военного переворота). В 1977–1980 гг. – был главным военным советником в Анголе, где оставил о себе впечатление как об опытном военачальнике и дипломате. Был удостоен звания Национального Героя Сомали [10, с. 11, 128, 155].

В Демократической Республике Афганистан (ДРА) ветераны Великой Отечественной войны принимали участие в военных действиях в качестве военных советников высокого ранга, на уровне советников министра обороны ДРА, командующих советскими войсками и т.д. Причем выезжать туда советские военнослужащие начали задолго до 1979 г., поскольку тесное советско-афганское сотрудничество насчитывало не одно десятилетие. Подполковник ВВС Александр Красновский работал в Афганистане советником командира эскадрильи в 1968–1970 гг. [2, с. 165]. Генерал-лейтенант Вадим Садовниченко (уроженец Харьковской обл. УССР) провел в Афганистане 2 года (1985–1987) в качестве советника заместителя министра обороны ДРА по вооружению и технике [2, с. 267]; в годы Великой Отечественной войны воевал в кавалерии, был командиром сабельного взвода, помощником начальника штаба по разведке кавалерийского полка Южного фронта. Полковник Михаил Головач (уроженец д. Печевка Чашникского р-на) – ветеран Великой Отечественной войны, пулеметчик партизанского отряда «Дяди Кости» (бригады имени К. Заслонова), позднее рядовой 5-й гвардейской танковой армии (инвалид войны 2-й группы, награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За Победу над Германией»); в 1976–1985 гг. был лектором политического управления Туркменского военного округа, неоднократно выезжал на территорию Афганистана в разные воинские части [2, с. 75]. Генерал-лейтенант Анатолий Драгун (уроженец Гомеля) накануне Великой Отечественной войны окончил Воронежское военное училище связи, воевал с июня 1941 г., прошел путь от начальника штаба 224-го отдельного батальона связи до начальника штаба 66-го отдельного Бобруйского Краснознаменного полка связи, был награжден тремя орденами Красной Звезды, медалями «За оборону Сталинграда», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне» и др. Будучи начальником Управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, после 1979 г. неоднократно выезжал в Кабул для участия в планировании боевых операций. А. А. Драгун умер от острой сердечной недостаточности в одной из таких боевых командировок в январе 1984 года [11, с. 690].

Так герои Великой Отечественной войны, связав свою жизнь с воинской службой и став профессиональными военными, на протяжении 2-й половины XX в. принимали участие в разных военных конфликтах на разных континентах. Эта часть их боевых биографий долгое время оставалась в тени. С одной стороны, им, в отличие от их более молодых коллег, было не столь принципиально признание их военных заслуг в «горячих точках “холодной войны”», поскольку все они уже имели статус ветеранов войны. С другой – многие из них проявили высочайший военный и дипломатический профес-

сионизм, обеспечивая и поддерживая престиж своей страны в самых разных точках планеты, что является уже частью не только их профессиональной биографии, но и истории нашей страны, кирпичом в фундаменте реализации ее внешнеполитических интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Слаўгарадскага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 1999. – 592 с.
2. Кто есть кто в Республике Беларусь. Защитники родной страны / под ред. В. А. Сероштана. – Минск : Энциклопедикс, 2005. – Т. 1. – 369 с.
3. *Воронкова, И. Ю.* Беларусь и Китай: общие страницы военной истории (1921–1960) / И. Ю. Воронкова. – Минск : Беларус. навука, 2022. – 430 с.
4. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Асіповіцкага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 2002. – 720 с.
5. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Дрыбінскага раёна / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2004. – 648 с.
6. Кто есть кто в Республике Беларусь. Защитники родной страны / под ред. В. А. Сероштана. – Минск : Энциклопедикс, 2005. – Т. 2. – 369 с.
7. Гельман Полина Владимировна [Электронный ресурс] // Нашей Родины Красные Соколы. Военные летчики России. – Режим доступа: <http://www.airaces.ru/zhenshiny-aviatory/gelman-polina-vladimirovna.html>. – Дата доступа: 10.10.2023.
8. Кто есть кто в Республике Беларусь. Защитник родной страны / под ред. В. А. Сероштана. – Минск : Энциклопедикс, 2007. – Т. 3. – 402 с.
9. Кто есть кто в Республике Беларусь. Защитники родной страны / под ред. В. А. Сероштана. – Минск : Энциклопедикс, 2008. – Т. 4. – 360 с.
10. *Кузнецова-Тимонова, А. В.* Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе (1975–1992) / А. В. Кузнецова-Тимонова. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 354 с.
11. Книга памяти о советских воинах, погибших в Афганистане : в 2 т. – М. : Воениздат, 1995. – Т. 2 : М–Я. – 711 с.

А. М. Кушнярэвіч, В. В. Наумава

РЭЙНСКАЯ КЕРАМІКА І ЯЕ РАСПАЎСЮДЖВАННЕ Ў МАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСІ

Сярод археалагічных знаходак, якія сведчаць аб гандлёвых сувязях беларускіх земляў з гарадамі Паўночнай Германіі, трэба найперш вылучыць рэйнскую кераміку Позняга Сярэднявечча і Новага часу. Яна у’яўляе сабой разнавіднасць керамічных вырабаў з вельмі шчыльнай глінянай масай, якая набліжаецца па складу да фарфора, але не ўтрымлівае асноўнага кампаненту для яго вытворчасці – кааліна [1]. Гэта кераміка вылучаецца характэрным моцна запечаным на злome аскепкам, што нагадвае камень. Таму яе называюць яшчэ “каменны рэйнскі тавар” [2, с. 85]. Каменная маса складаецца

з якаснай гліны шэрага колера, палявога шпата (ад ням. Spath ‘брусок’ и швед. Feldt ‘пашня’, ‘поле’, быў так названы з-за частых знаходак крысталаў мінералаў у выглядзе “брускоў” на пашнях), кварца. Трываласць рэйнскай керамікі дасягалася высокатэхналагічнай вытворчасцю – высокай тэмпературай абпалу ў адмысловых печах з выкарыстаннем якаснай гліны. Спачатку такая кераміка XII–XIV стст. была не паліванай. Пачынаючы з XV ст., сасуды пакрывалі празрыстай палівай. Каб яе атрымаць, у працэсе абпала вырабы пакрывалі соллю; сода, якая ў ёй была, плавілася і ўтварала на іх паверхні тонкі бліскучы і трывалы слой палівы. У першай палове XVI ст. пры абпале сасудаў пачалі выкарыстоўваць жалеза, кобальт, радзей марганец, што прывяло да распаўсюджвання палівы розных колераў ў аздобе рэйнскай керамікі [1].

Скарачэнне вытворчасці каменнай керамікі ў сярэдзіне XVIII ст. звязана з шырокім распаўсюджваннем у Паўночнай Еўропе фарфора і фаянса. У Рэйнскай вобласці пачатак вытворчасці каменнай керамікі адносіцца да XII–XIII стст., пазней яна была засвоена таксама ў Галандыі, Бельгіі, Англіі, Францыі. Росквіт вытворчасці з каменнай масы прыпадае на XV–XVII стст., калі некалькі вядучых цэнтраў, размешчаных у Рэйнскай вобласці (Зігбург, Кёльн, Фрэхен, Рорэн, Вестэрвальд), выпускалі прадукцыю, якая разыходзілася пераважна ў Паўночнай Еўропе, але часам і ў іншых рэгіёнах, нават у Паўночнай Амерыцы і Паўднёвай Азіі. У расійскіх гарадах яна сустракаецца значна радзей і ў асноўным на Паўночным Захадзе (Ноўгарад, Пскоў, Старая Ладага і інш.), які быў уключаны ў балтыйскі гандаль з Ганзейскім саюзам [3, с. 361]. У кожным з вышэйназваных цэнтраў Германіі былі свае асаблівасці яе вытворчасці. Адгэтуль паходзяць назвы керамікі: зігбургская, кёльнская, фрэхенская, рорэнская і інш. Сярод посуду з каменнай масы найбольш распаўсюджаны збаны, куфлі, кружкі, флягі, бутэлькі і аптэчны посуд [3, с. 362]. Гэты посуд атрымаў назву рэйнскай керамікі спачатку ў расійскай, а затым і ў беларускай гістарыяграфіі [4, с. 163; 5, с. 64].

Асаблівую разнастайнасць “каменнага тавара” складалі розныя мудрагелістыя вырабы. Сярод іх штурцбехер (ням. Sturzbecher ‘падаючы кубак’) – сасуд востраканечнай формы ці з закругленай ніжняй часткай, які трэба было трымаць у руцэ, альбо апарожненым класці гарызантальна ці ставіць перавернутым. Прататыпы такіх шукцейных сасудаў вядомы з антычнасці, іх рабілі з шкла ў майстэрнях рымскай Галіі. Сярэднявечныя майстры іх узнаўлялі ў кераміцы і метале.

Другая разнастайнасць – “Келіх цнатлівасці” (ням. Jungfrauenbecher: ‘вясельны келіх’, да якога на шарніры прымацаваны ў перавернутым выглядзе другі келіх. Адзін келіх мужчынскі, форма другога стылізавана пад фігуру нявесты ў сукенцы колакаладападобнай формы. З такога дваінога келіха маладыя павінны былі піць па чарзе і старацца не праліць напой. Падобныя кухлі часта рабілі са срэбра, але яны аказалі ўплыў і на выраб шутлівых керамічных сасудаў.

Цікавымі вырабамі з’яўляюцца “Бутлі з барадатым чалавекам” (ням. Bartmannkrug), якія паходзяць з майстэрняў Кёльна, Фрэхена і Нюрн-

берга сярэдзіны XVI стагоддзя. Іх яшчэ называюць бутлі ведзьмы, Белларміна ці Бартмана. Гэта керамічныя сасуды звычайна акруглай формы, з вузкім горлам і адной ручкай, гарлавіна якіх пры пераходзе да тулава ўпрыгожана тыповай рэльефнай выявай маскарона барадача. Спачатку вырабляліся ў заходніх рэгіёнах Германіі па тыповай тэхналогіі рэйнскай керамікі з каменнай масы з саляным абпалам. Пазней такія сасуды атрымалі распаўсюджванне ў суседніх краінах і нават Паўночнай Амерыцы. Лічыцца, што такія тып керамічных сасудаў пачалі вырабляць яшчэ ў XIV–XV стст. у магічных мэтах як сродак барацьбы з ведзьмамі. Таму супраць іх знахары ў гэтыя бутлі засыпалі сумесь раслінных інгрыдыентаў, змесціва якіх трымалася ў сакрэце. Затым бутлі закапвалі пад парогам дома альбо лажылі ў муроўку коміна. На хвалі контррэфармацыйных настрояў у 1621 г. прапаведнік-іезуіт кардзінал Раберто Белларміно вырашыў даследаваць загадкавую субстанцыю сасудаў, але ў хуткім часе аслеп і памёр, пасля чаго за імі яшчэ больш замацавалася рэпутацыя “ведзьміных”. Пасля інцыдэнта за бутлямі замацавалася назва “збаноў Белларміно” ці проста белларміны. Амулет наследуе ад свайго папярэдніка забарону на вывучэнне яго змесціва. Пачынаючы з XVII ст., гэтыя сасуды выраблялі пры еўрапейскіх манастырах выключна як абярэгі ад ведзьмаў. Для больш эфектыўнай абароны іх часам упрыгожвалі выявай твара нейкага Германа Бартмана – “хрысціянскага мага” з Кельна, які навучыўся заговорам супраць ведзьм. Такія бутлі вырабляліся ў вялікай колькасці ў XVI–XVII стст. [1].

Пашыраюць разнастайнасць мудрагелістых гліняна-каменных вырабаў высокія піўныя куфлі з алавынымі крышкамі і рэльефным дэкорам, звычайна карычневага, шэрага ці светлага адцення колеру слановай косці. [1; 6, с. 186].

Бачна, што кераміка з каменнай масы з’яўляецца своеасаблівай візітоўкай нямецкай матэрыяльнай культуры эпохі Позняга Сярэднявечча. Дзякуючы багатым запасам лесу і ўдалай генеалогіі глінаў ганчары прырэйнскага рэгіёну (Германія, Францыя, Бельгія, Нідэрланды) маглі на працягу некалькіх стагоддзяў весці мэтанакіраваныя эксперыменты па арганізацыі высокатэмпературнага абпалу, вынаходніцтву больш прагрэсіўных горнаў, па вывучэнню адпаведных тэхналогій па падрыхтоўцы складу палівы.

Найбольшых поспехаў дасягнулі нямецкія майстры рэйнскай вобласці Германіі. Гэта ім дазволіла ўжо к XV ст. у рамках класічнай сярэднявечнай цэхавай сістэмы наладзіць сапраўды капіталістычную па аб’ёмах вытворчасць глінянага посуду. Тут варта звярнуць увагу на тое, што гэты посуд выконваў не толькі ўтылітарную функцыю, але і мастацкую, бо дзякуючы багатаму разнастайнаму дэкору паспяхова канкурыраваў з сярэднеземнаморскай маёлікай у якасці прадстаўнічай, статуснай керамікі. Прататыпы каменнай керамікі ўзніклі ўпершыню ў XIII стагоддзі. Да XV ст. працягвалася ўдасканалванне і апрабацыя тэхналогіі. Тады ж зафіксаваны першыя выпадкі выкарыстання рэльефнага дэкору. У выніку к пачатку XVI ст. каменная кераміка набыла свой класічны выгляд.

Самыя буйныя цэнтры вытворчасці такой керамікі знаходзіліся ў Рэйнскай вобласці: гарады Зігбург, Кельн, Фрэхен, Рорэн і вобласць Вестэрвальд,

якая аб'ядноўвала некалькі невялікіх пасяленняў. Найбольш старажытным цэнтам яе вытворчасці быў Зігбург (XIII ст.). Крыху пазней наладзілася керамічная вытворчасць у Рорэне і Вестэрвальдзе. Толькі ў канцы XV ст. была адкрыта вытворчасць у Кёльне і Фрэхене. Пры гэтым Кёльн развітаўся з ганчарамі каменнай масы ўжо ў сярэдзіне XVI ст. з-за канфлікту з гарадскімі ўладамі па пытаннях экалогіі, бо майстэрні знаходзіліся ў межах горада. Вытворчасць керамікі ў Зігбургу і Рорэне была згорнута ў пачатку XVII ст., бо гэтыя гарады былі акупаваны і разбураны шведскімі войскамі ў час Трыццацігадовай вайны. Таму многія мясцовыя ганчары пераехалі ў Вестэрфельд, дзе вытворчасць такога віду керамікі працягвалася да XVIII стагоддзя [6].

Вельмі цікава выглядае знешне кераміка з каменнай масы. Дзякуючы яе надзвычай дробназярністаму складу і нязначнай усадцы ў працэсе абпалу, тэхналогія дазваляла дэкарыраваць сценкі сасудаў вельмі тонкімі і прапрацаванымі рэльефамі. Выяву наносілі з дапамогай адмыслова вырабленых штампаў, а таксама гравіроўкай альбо разьбой [3, с. 363]. Для ўпрыгожвання посуду выкарыстоўваліся вельмі разнастайныя графічныя крыніцы, напрыклад: геральдычныя кампазіцыі, арнаменты, гравюры сучасных мастакоў, прапагандысцкія карыкатуры часоў Рэфармацыі, біблейскія, гістарычныя і этнаграфічныя сюжэты.

Высокія піўныя куфлі ўпрыгожвалі часцей за ўсё гербамі і выявамі германскіх уплывовых князёў, замежных правіцеляў, імператараў Свяшчэннай Рымскай імперыі германскай нацыі, гандлёвых гільдый і ганзейскіх гарадоў. Такі посуд выраблялі ў Зігбургу, Кёльне, Рорэне.

Збаны з акцэнтаванай фрызавай часткай упрыгожвалі разгорнутымі шматфігурнымі сюжэтнымі кампазіцыямі. У асноўным іх выраблялі ў Рорэне і Вестэрвальдзе. Кёльну і Фрэхену ўласцівы буйнапамерныя акруглай формы гладышы, упрыгожаныя суцэльным раслінным арнаментом.

Каменная кераміка прысутнічала на гістарычнай арэне ў эпоху існавання ў мастацкім светаўспрыманні рэнесанснага і барочнага стыляў. Выкарыстоўваючы сінхронныя графічныя творы для аздобы сасудаў, ганчары падсвядома аддавалі перавагу таму ці іншаму светапогляду.

Адной з цікавых крыніц па вывучэнні гэтай керамікі з'яўляецца нямецкі і галандскі жанравы жывапіс XVII–XVIII стагоддзяў. Вычварны, складаны, рэльефны посуд з каменнай масы прыцягваў увагу мастакоў. Яны з задавальненнем уключалі яго ў свае нацюрморты, як, напрыклад, пачынальнік нямецкага нацюрморта Георг Флегель. Асабліва гэта тычыцца галандскіх мастакоў: Пітэр Класс, Фларыс ван Дэйк, Геррыт Віллемс Хеда і інш. Нямецкія творцы, напрыклад, Лукас Кранах Старэйшы, ўключалі каменную кераміку ў свае рэлігійныя карціны, што стасуецца з іх пазіцыяй па мадэрнізацыі біблейскіх сюжэтаў шляхам уключэння у іх кампазіцыю сучаснага антуража і касцюма [7].

Вырабы з “каменнай масы”, якія трапілі на тэрыторыю Беларусі, падзяляюцца храналагічна на раннія (XV – першая палова XVI ст.), сасуды канца XVI – XVIII ст. і сасуды XVIII – пачатку XIX ст. [8, с. 312]. У кожным з

даследаваных аб'ектаў знойдзена ад 3–5 да 10–15 фрагментаў гэтага посуду. Таму кераміка з “каменнай масы” складае значную групу імпартаванага начыння Беларусі. Выяўленыя пад час археалагічных даследаванняў многіх беларускіх гарадоў, замкаў, сядзібаў фрагменты належаць пераважна да чатырох відаў тарнага посуду і посуду для пітва: куфлі (ад. паўн.-ням. *kuefel*), збаны, слоікі, бутэлькі [2, с. 86; 5, с. 64–65].

Да самых ранніх вырабаў гэтай групы адносяцца гэтак званыя “сасуды Якабеі” (*Jakobäa-Kanne*), якія мелі выцягнутыя прапорцыі, высокае вертыкальнае ці варонкападобнае горла, ручку пры пераходзе ад горла да плечука, масіўны паддон, аздоблены характэрнымі палцавымі зашчыпамі. Іх вытворчасць звязваюць з майстэрнямі Зігбурга, адкуль найбольшую колькасць гэтага посуду вывозілі ў Галандыю. Сваю назву ён атрымаў ад імя Якабеі Баварскай (1401–1436 гг.), якая нібыта была асноўным заказчыкам. Па раскопках на Беларусі таксама вядомы такія сасуды. Адзін з іх (цэлы) знойдзены на феадальнай сядзібе ў Лучне у культурным слоі XV–XVI стагоддзяў. Прыдонная частка другога падобнага сасуду выяўлена на Узгор’і ў Віцебску ў тых жа храналагічных сляях. Абодва сасуды пакрыты саянай палівай, маюць рыфленне сценак і паддон з палцавым арнамантам.

Да сасудаў канца XVI–XVII ст. адносяцца фрагменты шарападобных збаноў з вузкім горлам (Віцебск, Мінск, Гродна). Найбольш вядомыя майстэрні па іх вытворчасці знаходзіліся ў Кельне, Фрэхене, Рорэне, Зігбургу і Вестэрвальдзе. Посуд з першых трох цэнтраў меў светлыя колеры фармовачнай масы і паверхню, пакрытую карычневай саянай палівай розных адценняў. Зігбурскім вырабам уласціва пакрыццё паверхні амаль бясколернай палівай. Цікавасць выклікаюць сасуды, на якіх зафіксаваны надпісы на лаціне, уключаныя ў дэкаратыўныя стужкі – паяскі (Мірскі замак, Дубровенскі замак). Побач з надпісамі маглі размяшчацца сюжэты з Бібліі і міфалогіі, гравюр “малых нямецкіх майстроў” (ням. *Kleinmeister* ‘майстар малога фармату’) эпохі Паўночнага Адраджэння. Знойдзены ў Віцебску фрагмент верха піўнага куфля са слоя XVI – пачатку XVII ст. з’яўляецца амаль поўнай аналогіяй куфлю з калекцыі аддзела заходнееўрапейскага мастацтва ў Эрмітажы. Апошні мае дату вырабу – 1583 г., і яго сюжэт адпавядае гравюрам Ганса Зебальта Бехама. Блізкі да віцебскага вырабу па характары аздаблення (выява зверпадобнага аблічча ў медальёне) куфель з Лідскага замка. Ён пакрыты бясколернай эмаллю і можа паходзіць з Зігбурга ў той жа час як папярэдні сасуд, верагодна, адносіцца да рорэнскіх вырабаў.

Выяўленыя на тэрыторыі Беларусі вырабы з Вестэрвальда адрозніваюцца больш высокімі мастацкімі якасцямі. Яны мелі шэры колер начыння, пакрытага блакітнай глазурай – “*Blauwerk*” (сіне-бардовай). Пачалі вырабляцца каля 1590 г. у Зальцбургу. Іх адметная рыса – дробная штампаваная арнаментыка. Атрымалі найбольшае распаўсюджанне ў XVII стагоддзі. Знойдзены на розных помніках Беларусі таксама ў сляях XVII ст. (Гродна, Віцебск, Мінск, Заслаўе, Дубровенскі, Мірскі і Любчанскі замкі, феадальныя сядзібы Панёмання).

Да посуда XVIII – першай паловы XIX ст. адносяцца таксама вырабы з “каменнай масы”, атрыманыя ў Рызе, дзе існавала ўласная іх вытворчасць. Гэта ў асноўным бутэлькі з вузкім горлам і ручкай-вухам, пакрытыя чырвона-карычневай глазурай. На бакавых паверхнях такіх сасудаў сустракаюцца неахайна пракрэсленыя медальёны. Замест медальёнаў могуць быць толькі надпісы. Начынне дадзенага часу знаходзяць як у гарадах, так і на вясковых паселішчах Беларусі, часам з назваю герцагства (Nassau), або з надпісам-сведчаннем пра яе нападзенне – “Selter” [8, с. 313].

Прывазная кераміка з германскіх земляў, як адзначае Н. І. Здановіч, паўплывала на развіццё асартыменту мясцовых паліваных вырабаў. У канцы XVI ст. на Беларусі з’яўляецца шмат новых відаў паліванага посуду – сталовай і тарнай керамікі, аналагічнай адначасовай еўрапейскай з “каменнай масы” (талеркі, куфлі, збаны) [5, с. 64].

Такам чынам, большасць узораў рэйнскай керамікі, выяўленай пры раскопках беларускіх сярэднявечных гарадоў і замкаў, адносіцца да прадметаў высокага мастацкага ўзроўню і можа быць звязана з культурай эліты таго часу, а таксама заможных гаражан нямецкага паходжання. Склад знаходак і іх невялікая колькасць у керамічных комплексах беларускіх гарадоў, замкаў і сядзібаў сведчыць аб тым, што рэйнская кераміка не атрымала шырокага распаўсюджвання ў матэрыяльнай культуры беларускіх земляў, але пры гэтым паўплывала на развіццё асартыменту мясцовых паліваных вырабаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Штайнгут [Электронны рэсурс] // Википедия. – Рэжым доступу: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступу : 05. 04. 23.
2. *Здановіч, Н.* Замкавая кераміка як адлюстраванне шляхецкай культуры Беларусі / Н. Здановіч // Матэрыяльная і духоўная культура замкаў Беларусі : матэрыялы навук. канф., г. п. Мір Карэл. р-на Гродзен. вобл., 30 мая 2003 г. / уклад. А. Б. Сташкевіч ; пад агульн. рэд. У. П. Скараходава. – Мінск : БелДПК, 2003. – С. 83–89.
3. *Сорокин, П. Е.* Сосуды из каменной массы в городах русского Северо-Запада / П. Е. Сорокин, В. И. Кильдюшевский, В. Н. Матвеев // Археология и история Пскова и Псковской земли : Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова : материалы 63-го заседания (2017 г.) / отв. ред. Н. В. Лопатин. – М., Псков : ИА РАН, 2018. – С. 361–371.
4. *Шелковников, Б. А.* Рейнская керамика из раскопок в Дмаси / Б. А. Шелковников // Вестн. гос. музея Грузии. – 1950. – Т. XVI. – С. 163–164.
5. *Здановіч, Н. І.* Беларуская паліваная кераміка / Н. І. Здановіч, А. А. Трусаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 183 с.
6. *Власов, В. Г.* Глино-каменные массы «штайнгуты» / В. Г. Власов // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. – СПб. : Азбука-Классика, 2005. – Т. III. – С. 186.

7. Steinzeug. Немецкая керамика из каменной массы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <https://history-of-art.livejournal.com>. – Дата доступа: 05.04.2023.
8. *Ляўко, В. М.* Імпарт. Іншыя побытавыя рэчы / В. М. Ляўко // *Археалогія Беларусі* : у 4 т. / пад рэд. В. М. Ляўко [і інш.]. – Мінск : Белнавука, 2001. – Т. 4 : Помнікі XIV–XVIII стст. – С. 311–314.

Д. В. Майборода

ДИАЛОГИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ГЕРМАНИИ И БЕЛАРУСИ

В конце XX в. диалогизм в интеллектуальной культуре Германии и Беларуси считался достижением, которое нельзя игнорировать и значение которого непреходяще. Однако в начале XXI в. все чаще можно услышать мнение, что диалогизм изжил себя. И если поначалу казалось, что эти декларации порождены просто поисками оригинальности нового поколения интеллектуалов, то с ходом времени стало обнаруживаться, что отказ от диалогизма имеет более веские основания.

Одно из главных оснований критики диалогизма сегодня – «усталость» от бюрократического диалогизма, пустых деклараций важности диалога в выступлениях руководителей разного уровня и сфер. Пустота этих деклараций в том, что они либо вовсе не ведут к организации реальных дискуссий, либо приводят к таким обсуждениям, которые вообще никак не влияют на принятие решений. В ряде случаев влияние на принимаемые решения есть, но оно непропорционально мало в сравнении с ресурсами, затраченными на проведение совещаний.

Другая составляющая отторжения диалогизма состоит в том, что он ущемляет чувство принципиальной гордости, которое нередко воспринимается как чрезвычайно важное для лидерства и в политике, и в экономической деятельности, и в религии, и в искусстве. Бескомпромиссность, безусловно, противоречит настроенности на консенсус, и в то же время часто является важной составляющей успешного руководителя.

И даже более того, в случае жесткой необходимости достижения консенсуса часто оказывается выгодно до последнего не поступаться своими интересами, а также угрожать резкой реакцией на всякую попытку (в том числе иллюзорную) использовать достигнутое соглашение для ущемления интересов. В некотором смысле это подразумевается в теории игр, в которой считается, что при долговременном сотрудничестве лучше стратегии рационального альтруизма (так называемое «око-за-око-с-прощением») может быть лишь стратегия опасного безумца. Дополнительным бонусом этой стратегии является то, что такое поведение оказывает больший эффект на воспринимающих его и лучше запоминается, чему способствуют биологические особенности человеческого восприятия (ресурс внимания активизируется сильнее всего при чувстве опасности).

С этим можно связать возражение против диалогизма, состоящее в том, что он не полагает никаких принципиально новых целей, провозглашая лишь необходимость преодоления противоречий между группами, которые следуют некоторой идеологии. Развитие же общества требует регулярной постановки новых целей, связанных с адаптацией к новым контекстам, что подразумевает отход от уже установленных соглашений.

Ясно, что эти пункты критики диалогизма часто связаны с провозглашением в виде продуктивной альтернативы ему индивидуализма или социализма, а нередко – гибридной формы индивидуал-социализма, предполагающей, что крепкое социальное единство обеспечивается сильным лидерством некоторой личности или группы личностей. Социализм рассматривается как выигрышный в сравнении с диалогизмом в достижении внутренней монолитности, а индивидуализм – в скорости реакции на изменяющиеся обстоятельства. Тем самым индивидуал-социализм выигрышен в отношении диалогизма для решения внезапных вызовов обществу.

Есть еще один чисто философский пункт признания несвоевременности диалогизма сегодня. Как это выразил Александр Борисович Демидов, сам активно разрабатывавший в 1990-е гг. диалогизм в белорусской философии, диалогическая философия сыграла конструктивную роль для ограничения субъективизма классической философии и ряда направлений философии неклассической, однако сегодня эта роль уже исчерпана.

Эти основания отчуждения диалогизма должны быть пунктами переосмысления диалогизма в его важнейших задачах в конкретном историческом контексте. Следует также признать, что существуют некоторые особенности исторической судьбы диалогизма, которые также следует учитывать. Одна из них – то, что, диалогизм развивается в особых культурных условиях, причем характер диалогизма отражает нужды конкретного общества в конкретный момент его развития. Другое – то, что диалогизм распространяется «волнами», каждая из которых имеет свои особенности в том, какого рода источник или неустойчивость ее порождает, каково ее воздействие на среду, каковы ее гребень и ложбина.

В истории интеллектуальной культуры Германии легко фиксируются три волны диалогизма. Первая – гуманистический диалогизм середины XIX века. Вторая – религиозно-поэтический диалогизм начала XX века. Третья – социально-политический диалогизм второй половины XX – начала XXI века. Первая волна ассоциируется прежде всего с фигурами Людвиг Фейербаха и Карла Маркса, вторая – с Мартином Бубером, Францем Розенцвейгом и Ойгеном Розенштоком-Хюсси, а третья – с Юргеном Хабермасом.

Гуманистический диалогизм середины XIX в. возникает как альтернатива субъективизму и идеализму классической философии. «Субъективизм» не следует путать, как это нередко происходит в силу недостаточно продуманного использования терминологии, с «индивидуализмом». Так, в частности, классическая философия чрезмерно субъективистская, но при этом вряд ли ее можно упрекнуть в индивидуализме.

Индивидуализм – система идей и представлений, в соответствии с которыми индивидуальная точка зрения важнее общественной. Субъективизм – система идей и представлений, по которым субъективные факторы познания более важны, чем объективные. Индивидуализм более всего развивается в художественной философии, тогда как субъективизм – в математической. Наиболее ярким примером индивидуализма является Фридрих Ницше, тогда как субъективизма – Иммануил Кант.

Немецкая классическая философия до Людвиг Фейербаха достигала вершин субъективизма и идеализма. Георг Гегель пытался преодолеть субъективизм посредством декларации абсолютизма, системы идей, по которой объективное и субъективное рассматривались как два аспекта некоторого неразрывного единства. Однако базовым и целевым в системе Гегеля все равно оставалось субъективное и идеальное. Так что гегелевская попытка разрешения трудностей субъективизма напоминает проект преодоления сложностей монархического устройства посредством абсолютной монархии (что не просто аналогия, фактически в своей политической философии Гегель декларирует именно это).

В середине XIX в. в немецкой философии формируется альтернатива этому взгляду, совмещающая в себе материализм и гуманизм. Материализм – форма объективизма, в которой особое значение придается материи как деятельному началу. Материализм – идеология, подразумевающая не только внимание к материальным процессам, но и активную включенность в них. В этом же и смысл нового гуманизма, как он был провозглашен в XIX в. (дух нового гуманизма – безусловно дух Великой французской революции и всего последующего революционного движения как во Франции, так и в других странах). В отличие от декларативного гуманизма Просвещения гуманизм XIX в. настроен на реальные преобразования материальной жизни в интересах большинства людей.

Символом этой первой волны диалогизма в немецкой философии стало провозглашение Людвигом Фейербахом перехода от религии (поклонения идеализированному образу человека) к антропологии (постижению человеческой действительности в реальном взаимодействии с другими людьми). Это провозглашение не было «гласом вопиющего в пустыне», но отражало общий дух признания важности общения для прогресса как философии, наук и искусств, так и цивилизации в целом. Например, в марксизме это отразилось не только в провозглашении человека «ансамблем общественных отношений», но и в подчеркивании значимости реальных отношений (самым известным случаем тут, конечно же, остается дружба Маркса и Энгельса, здесь следует упомянуть, что первую половину XIX в., прежде всего в отношении немецкого культурного пространства, можно было бы назвать «веком романтизма дружбы»).

Эта первая волна немецкого гуманистического диалогизма сильно повлияла на культуру Беларуси, поскольку марксизм стал идеологической основой нового государства (Союза Советских Социалистических Респуб-

лик), частью которого стала Беларусь (в виде Белорусской Советской Социалистической Республики). Правда, в Беларуси, как и во всем СССР, марксистская идея направленности на конкретного человека постепенно сменилась заботой о народе, о советском человеке вообще и еще более – о советском человеке будущего коммунистического общества. Эта трансформация во многом нивелировала диалогическую составляющую марксистского учения, хотя и способствовала политической эффективности советского общества, в том числе его устойчивости, мобилизованности и единству.

Вторая волна диалогизма в немецкой интеллектуальной культуре имела место в межвоенный период, будучи в значительной степени реакцией интеллектуалов на последствия Первой мировой войны. Религиозно-поэтический ее характер был не случаен, в этом проявлялось отторжение от научно-технического духа, приведшего к ужасам и потерям Первой мировой войны, которая стала войной новых технологий в руках людей, отбросивших традиционные духовно-гуманистические ценности религии. Еще более важно, что разрушение четырех империй в ее результате привело не к возвращению влияния религий, а к еще более негативной реакции на них (в значительной степени поскольку стороны конфликта использовали религиозную пропаганду как средство мобилизации населения).

Главным символом этой волны стал Мартин Бубер с его нашумевшим произведением «Я и Ты», в котором он говорит о том, что диалог нельзя мыслить как особый процесс в объективном мире. Собственный смысл диалога открывается только изнутри взаимодействия, причем так, что человек обнаруживает свое Я в отношении к абсолютизированному Другому. А эта абсолютизация возможна постольку, поскольку в Другом проявляет себя скрытый Абсолютный Другой, Бог. И абсолютизация проявляет себя отнюдь не в том, что Другой достигает идеала в чем-то (например, во внешней привлекательности). Бог проявляет себя в скрытом зове, который человек находит в Другом, во взаимопонимании, обнаруживающемся в диалоге как чудо, а также в том, что Другой слышит человека, даже если игнорирует его или внешне проявляет непонимание.

Эта волна диалогизма дошла до Беларуси, равно и до всех республик СССР в последние годы его существования как альтернатива, с одной стороны, схоластизированному марксизму, а с другой – активно захватывавшему общество индивидуалистическому прагматизму. Интеллектуальное сообщество не было готово отказаться от общегуманистической направленности советского общества, но и полагаться на выхолащенный догматизированный марксизм далее не представлялось возможным. Поиск интеллектуально честной позиции в условиях засилья официального притворства в то время подталкивал многих интеллектуалов к религии, которая казалась напрасно утерянным каналом обретения подлинности существования. Эти религиозные поиски приводили интеллектуалов к религиозному диалогизму, который с ходом времени стал все более выступать альтернативой церкви по мере того, как она начала приобретать черты формализованной догматичности и неискренности, свойственные всякой культурной ортодоксии.

В то же время в интеллектуальной культуре Беларуси, так же как и других постсоветских стран, в диалогизме второй волны сильно проявилась филологическая составляющая, связанная с рецепцией творчества Михаила Бахтина. В своем известном произведении «Проблемы творчества Достоевского» (позднее – «Проблемы поэтики Достоевского») он описывает образ не просто полифонического романа, но полифонического сознания, в котором постоянно соотносятся различные точки зрения. Это влияние смешивалось с влиянием французского постмодернизма, порождая особую систему диалогических взглядов. Ее центральными составляющими были: признание важности диалогизации межличностного общения и социальных коммуникаций, т.е. отказа от болтовни и технологичности в общении; провозглашение ценности самых разных точек зрения, включая те, что традиционно исключались из интеллектуальной культуры (в частности, мифологических воззрений, взглядов дивиативных личностей и групп); акцентирование «внутренних диалогов» в индивидуальной жизни; поиск трансцендентной основы различных образов общения, то есть Бога как Другого. Последствия данной волны диалогизма продолжают распространяться по интеллектуальным сообществам Беларуси, но со все более затухающей амплитудой и порождая то самое отторжение от диалогизма, о котором писалось выше.

В немецкой интеллектуальной культуре второй половины XX в. возникла третья волна диалогизма, связанная с переосмыслением опыта гитлеровской катастрофы. По известному выражению Теодора Адорно после Освенцима не только любая поэзия, но даже всякая возвышенная речь лишена права на существование, а потому и религиозно-поэтический диалогизм далее считается невозможным. В силу этого третья волна диалогизма – прежде всего политически-прагматическая, настроенная на деятельностное участие в политической жизни для того, чтобы более ничего подобного нацистскому тоталитаризму не случилось.

Главным символом третьей волны немецкого диалогизма стал Юрген Хабермас. Он прославился своей теорией коммуникативного действия (или деятельности), противопоставляемого им как некоторый гуманистический идеал тем типам действия, которые распространены в обществе капитализма (прежде всего так называемому «телеологическому» в его разновидностях инструментального и стратегического; по сути, Хабермас тут предлагает менее удачное понятие для веберовского концепта «целерационального действия»). Коммуникативное действие создает взаимопонимание и согласие и в знаниях, и в нормах, и даже в чувствах, тем самым выступая залогом позитивной публичности и общественного прогресса. Поскольку важнейшей составляющей конкретного коммуникативного действия выступает реальное общение, то для Хабермаса важнейшая тема анализа – язык и дискурс. Важной стороной проекта также является разработка коммуникативной философской рациональности, противостоящей абстрактному логицизму. Однако наиболее важным в хабермасовском диалогизме все же является его влияние на практическую политическую жизнь в Германии.

В белорусской интеллектуальной традиции была интенция наслоить влияние Хабермаса на распространенный тогда тип диалогизма (можно сказать, что это была попытка подхлестнуть вторую волну диалогизма сразу третьей), однако она, в сущности, не удалась. Осуществлявший ее Владимир Николаевич Фурс вначале оказался ограничен от влияния на белорусскую интеллектуальную среду, а затем и умер, не оставив после себя ярких продолжателей именно этого диалогического проекта. Среди его учеников сохраняется большой потенциал развития третьей волны диалогизма, который, однако, требует определенного социокультурного контекста.

В этих условиях некоторый потенциал для развития диалогизма в Беларуси все же сохраняет проект Вальденфельса, поскольку он не требователен в отношении контекста, будучи традиционно академическим, продолжающим элементы рецепции второй волны диалогизма в немецкой феноменологии. Это влияние, сплетаясь с рецепцией диалогических тенденций французской и англофонной философских традиций, задает академический диалогизм современной белорусской интеллектуальной культуры. В этом можно усмотреть потенциал для перспектив диалогизма в Беларуси.

М. М. Смольянинов

ДРУЖИНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПОЛЧЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В годы Первой мировой войны в России широкое развитие получило государственное ополчение. Оно состояло из пеших дружин, конных сотен, батарей и саперных полурот. При необходимости ополченческие части соединялись в бригады, дивизии и корпуса ополчения. Общее руководство формированием и комплектованием ополченческих частей возлагалось на управления инспекторов ополченческих частей, сформированные в 1914–1915 гг. в составе полевых управлений главнокомандующих армий фронтов. В военном отношении ополченческие части подчинялись штабам соответствующих войсковых частей.

В данной статье мы остановимся на кратком освещении вопроса формирования дружин государственного ополчения на территории белорусских губерний в годы Первой мировой войны.

Формирование дружин государственного ополчения осуществлялось в соответствии с мобилизационным расписанием 1910 года и «Положением об устройстве государственного ополчения», объявленным приказом Военного ведомства № 446 от 23 июля 1914 года, на шестой день мобилизации – после того как в основном были сформированы, снаряжены и выступили в места сосредоточения соединения и части действующей армии. Дружинам присваивались общие номера. Причем к номеру добавлялось название губернии, из ратников которой дружина формировалась полностью или в большинстве. Формирование ополченских дружин и команд производилось при управлениях уездных воинских начальников, а также при войсковых частях.

Ратники ополчения делились на два разряда. Порядок призыва ратников 1-го разряда на сборные пункты, медицинский осмотр и прием на службу, получение довольствия и обмундирования, отправка новопринятых по назначению осуществлялись по тем же правилам, что и для призыва нижних чинов запаса в части действующей армии.

В ратники ополчения 1-го разряда зачислялись лица от 21 года до 38 лет, годные по здоровью, но имевшие льготы от призыва в войска, а также уволенные из постоянных войск. Сформированные из них дружины привлекались к несению гарнизонной службы в пунктах постоянного квартирования войсковых частей, выступивших в поход к театру военных действий; направлялись на охрану железных дорог и коммуникаций оборонного и стратегического назначения, для службы в крепостях, а также для пополнения контингента войск действующей армии посредством использования запасных батальонов.

В ратники ополчения 2-го разряда зачислялись льготные при ежегодных призывах в армию, а также уволенные из частей войск и из запаса по состоянию здоровья и негодности к строевой службе, но способные носить оружие. Данная категория ратников после обучения, так же как и ратники 1-й категории, привлекалась к несению караульной службы, службе на этапах, а также охране военных гуртов скота, выполнению других служебных обязанностей, но они не направлялись на пополнение войсковых частей действующей армии.

На командные должности в части государственного ополчения назначались «обязанные службой в ополчении лица офицерского звания» с соответствующим должности военным образованием. При этом на высшие должности (начальников бригад, штабов, командиров дружин) назначали штабы военных округов по кандидатским спискам, составленным в мирное время Главным Управлением Генерального штаба (ГУГШ); на должности командиров конных сотен, саперных полурот, рабочих рот, начальников отдельных команд – в дни призыва уездными воинскими начальниками по согласованию со штабами военных округов [1, л. 4].

Формирование ополченской части осуществлял ее командир. Предельным являлся двухнедельный срок со дня прибытия в пункт формирования последней партии укомплектования.

При формировании ополченских частей имелись сложности с назначением на командные должности, особенно на должности низшего звена, из-за недостатка офицеров. В связи с этим нередко были сообщения уездных воинских начальников в штабы военных округов. Об этом, например, в Вильно и Двинск телеграфировали из Минска, Мозыря, Речицы, Игумена, Слуцка, Борисова, Лепеля, Новогрудка, Пинска, Гродно, Бобруйска, Мстиславля, Чаус, Черикова, Быхова [2, л. 71, 240–249, 258–260, 338, 339]. В связи с этим последовали указания ГУГШ призвать всех отставных офицеров, «не перешедших предельного возраста», «если их зачисление в ополчение не противоречит установленным требованиям», а также принять на учет и зачислить в ополчение всех офицеров, перешедших предельный возраст, но

годных к службе по состоянию здоровья и пожелавших добровольно служить в ополчении [Там же, л. 34]. 2 августа 1914 г. об этом сообщалось губернаторам, что позволило решать вопросы с недостающим контингентом офицерского состава, т. к. последовало много добровольцев – старших и младших офицеров, желавших поступить на службу в ополчение. Так, с заявлениями о «добровольном желании поступить на службу в ополченские части» обратились к Гомельскому воинскому начальнику «отставные» генерал-майоры Стадницкий и Гриневич, полковники Масловский и Архаров, подполковники Трезвинский и Ушаков; к Бобруйскому воинскому начальнику – «изъявившие желание служить в ополчении, перешедшие возраст» полковники Данилевский, Касаткин, Хлопецкий и Белугин, подполковники Цебулевский и Слобицкий; к Полоцкому воинскому начальнику с «прошением» принять на службу в ополчении обратились, «несмотря на предельный возраст», генерал-майор Кусаков, полковник Терлецкий и поручик Михайлов; в Гродненское губернское воинское присутствие добровольно поступили на учет и были призваны в распоряжение уездных воинских начальников полковники Марциновский и Петров, подполковники Лючинский и Бобицкий; в Дриссенское уездное воинское присутствие Витебской губернии «явились призванные из отставки на службу в Государственное ополчение» полковники Надольский и Савков [Там же, л. 480–482, 501, 601]. Патриотизм «отставных» офицеров выразил в своем обращении к командующему 1-й армии подполковник Г. А. Марков: «Будучи совершенно здоров и физически силен, находиться в отставке в лучшую годину нашей жизни, я не в силах, потому прошу о принятии меня на службу...» [Там же, л. 613].

На должности младших офицеров назначались вольноопределяющиеся ратники, с образованием 1-го или 2-го разряда, а также не проходившие службы в войсках, но имевшие образовательный ценз. Уже 17 августа губернатор Минской губернии А. Ф. Гирс сообщил начальнику штаба Двинского Военного Округа о том, что «во всех ополченских частях командиры имеются» [Там же, л. 593].

Обмундирование ополченских частей и команд осуществлялось благодаря «попечению» интендантских служб. Причем, согласно «Положению об устройстве государственного ополчения», в качестве обмундирования использовалась «второсрочная мундирная одежда», оставшаяся после обмундирования частей действующей армии. Обувь выдавалась из «войсковых и интендантских запасов».

Снаряжение производилось из «оставшихся в войсковых складах запасов», в том числе «отмененных образцов», «выслуживших табельный срок», а также из специально созданного снаряжения для ополченских частей в пунктах их формирования [1, л. 4].

При экипировке ополченских частей встречались немалые трудности. Оставшиеся в войсковых частях обмундирование и снаряжение, по «экстренному» выступлению последних в поход, не были переданы дружинам и оказались запертым в цейхгаузах. Только по распоряжению начальника снабжения армии, в присутствии специально созданных комиссий склады были

вскрыты и имущество было передано по назначению [2, л. 531]. Однако этого оказалось недостаточно. Последовал целый ряд обращений в штаб Двинского военного округа из Минска, Могилёва, Гродно с просьбой отдать распоряжение интенданту округа об отпуске недостающего [Там же, л. 391, 405]. В сложившейся ситуации имели место случаи, когда командиры ополченских частей обмундировывали личный состав за свой счет. Так, например, поступил командир 400-й Минской дружины полковник Кириаков. Он, «помня присягу и долг выступить в поход 9 августа» из Бобруйска, обмундировывал дружину за свой счет. Сообщая об этом командующему 1-й армией генерал-адъютанту Ренненкампфу, он просил «приказания выслать деньги», т. к. «его наличные были уже истощены совершенно» [3, л. 406]. 15 августа начштаба Двинского военного округа, признав, что «почти все формирующиеся и формировавшиеся ополченские части не получили полностью обмундирование, снаряжение, седла», просил окружного интенданта «сделать соответствующее циркулярное распоряжение о пополнении ополченских частей названными предметами» [Там же, л. 394].

Оснащение ополченских частей обозами, согласно «Положению об устройстве государственного ополчения», производилось повозками «произвольного образца», лошадьми и сбруей, поставками от населения по «военно-конской и обозной повинности». В этом деле также имелись сложности, т. к. при поставке коней, подвод и упряжи для частей действующей армии все лучшее было уже отобрано. Поэтому комиссиями многое забраковывалось при проверке дополнительно поставляемого. Так, например в Могилевской губернии населением Сенненского уезда для ополченских дружин было поставлено 1 347 упряжных лошадей, 532 парных повозок и 736 комплектов упряжи. Принято было только 638 комплектов упряжи. Недобор упряжи комиссия объясняла низким качеством [4, л. 6–7]. Свое неудовлетворение поставками повозок и упряжи для ополчения населением Гомельского уезда выразил командир 398-й Могилевской дружины в донесении Гомельскому уездному присутствию по воинской повинности. При этом он просил выслать «недостающие предметы упряжи» и деньги на «необходимый ремонт телег». Об этом он одновременно сообщил Могилёвскому губернатору, которого просил «сделать распоряжение о скорейшем удовлетворении дружины предметами обозного снаряжения и приведении его в должный порядок» [Там же, л. 120–121]. Населению Чаусского уезда было предписано дополнительно поставить для 11-го обозного батальона 75 «парных дышловых» повозок и 150 комплектов «дышловой» упряжи, в действительности же комиссией были признаны годными только 17 парных дышловых и 58 «оглобельных с пристяжкой» повозок. Недобор упряжи составлял 97 комплектов, причина – «неимение в уезде достаточного количества годной для поставки упряжи» [Там же, л. 127].

Недостающими предметами для обозов ополченские части удовлетворялись путем закупок у помещиков и зажиточных мещан, а также у крестьян. Так, дворянин Витольд Славинский, владелец поместья Заречно Толочин-

ской волости, сдал 24 лошади для обоза за 3 339 руб.; граф Аполинарий Хребтович, дворянин А. В. Воронкович, С. Л. Здравский и др. – по три лошади [Там же, л. 33].

Материальной частью: артиллерией, снарядами, патронами боевого комплекта для прохождения курса учебной стрельбы, а также предметами вооружения ратников – ополченские части должны были снабжаться в пунктах формирования из заготовленного еще в мирное время [1, л. 5].

В дни следования ратников на сборные пункты имели место случаи проявления ими недовольства – запрещалась продажа спиртных напитков. Кроме этого, ратникам нельзя было совершать действия разбойного характера, выражающиеся в разгромах казенных и частных винных лавок. Такие случаи имели место в Витебской губернии, где пьяная толпа ратников и запасных с сопровождающими их родственниками, численностью около 8–10 тыс. человек, «чинившая по пути следования разгромы и насилия», прибыв в Лепель, «серьезно угрожала общественному порядку» [5, л. 79]. В Полоцком уезде партия ратников в 60 человек, по сообщению уездного исправника Витебскому губернатору, следуя через селение Сухой Бор, «напала на казенную винную лавку, вскрыла окна и забрала часть вина» [6, л. 53]. Велижский уездный исправник в рапорте Витебскому губернатору докладывал об ограблении казенной винной лавки в Велиже и селе Верховье запасными и ратниками с участием мещан и крестьян [Там же, л. 59]. Подобные случаи имели место и в других белорусских губерниях. Особенно это проявилось там, где местные власти не были к этому подготовлены. Так, в Лепельском уезде отсутствовала охрана питейных заведений, не было обеспечено сопровождение следовавших команд. Однако в целом мобилизация ратников ополчения в белорусских губерниях прошла относительно спокойно, успешно и в установленные сроки, в духе верноподданничества «царю и Отечеству». По нашим подсчетам, в белорусских губерниях к началу августа 1914 года было сформировано 52 дружины Государственного ополчения, 8 ополченских конных сотен, 7 ополченских рабочих рот и 27 крепостных рабочих рот¹. Только в Минской губернии в соответствии с мобилизационным расписанием должны были сформироваться 23 дружины и 3 сотни конных ратников [7, л. 9.]. Численный состав дружины, как правило, составлял до 1 тыс. человек.

В основном дружины Государственного ополчения при объявлении мобилизации в белорусских губерниях были сформированы до середины августа 1914 года. Согласно имеющимся сведениям количественно по уездным городам они выглядели следующим образом: в Минской губернии: в Минске, Бобруйске, Новогрудке, Пинске и Речице были сформированы по три дружины; в Борисове, Игумене и Мозыре – по две; в Слуцке – одна; в Могилевской губернии: в Гомеле – три; в Рогачеве и Сенно – по две дружины; в Быхове, Горках, Климовичах, Могилеве, Мстиславле, Орше, Чаусах и Черикове – по одной; в Витебской губернии: в Невеле – две дружины;

¹ Подсчитано автором по РГВИА. – Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836. Л. 120, 132, 134, 167.

в Витебске, Двинске, Дисне, Лепеле, Люцине, Полоцке, Свенцянах и Себеже – по одной; в Гродненской губернии: в Гродно и Волковыске – по две дружины, в Слониме – одна¹.

Обучение ратников ополчения начиналось офицерами с помощью унтер-офицеров уже по прибытии первых партий в пункт формирования дружин, конных сотен и других подразделений, ранее проходивших войсковую службу. При этом ратники, мобилизованные из запаса, ранее проходившие строевую подготовку, обучались по сокращенной программе.

В соответствии с мобилизационным расписанием № 20 ГУГШ дружины, а также конные сотни и рабочие роты, сформированные в белорусских губерниях, были распределены следующим образом (таблица)²:

**Подразделения, сформированные
в белорусских губерниях**

Дружины		Конные сотни		Рабочие роты	
№ и название	Пункт формирования	№	Пункт формирования	№	Пункт формирования
374-я Минская	Бобруйск	72-я	Бобруйск	43-я	Гомель
371-я Минская	Борисов	71-я	Гомель	41-я	Слоним
398-я Могилёвская	Гомель	69-я	Минск	42-я	Слоним
369-я Минская	Минск	70-я	Пинск		
390-я Минская	Мозырь				
367-я Минская	Новогрудок				
368-я Минская	Новогрудок				
379-я Минская	Новогрудок				
394-я Могилёвская	Орша				
387-я Минская	Пинск				
391-я Минская	Речица				
540-я Могилёвская	Рогачёв				
366-я Гродненская	Слоним				
515-я	Смоленск				
В распоряжение Двинского военно-окружного управления					
364-я Виленская	Вилейка	67-я	Витебск	29-я	Двинск
376-я Витебская	Витебск	68-я	Двинск	30-я	Двинск
384-я Витебская	Двинск			32-я	Дрисса
378-я Виленская	Дисна			33-я	Дрисса
377-я Витебская	Лепель				
363-я Виленская	Ново-Свенцяны				
362-я Витебская	Полоцк				

¹ Подсчитано автором по РГВИА. – Ф. 1932. Оп. 8. Д. 7; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836.

² Составлена автором по РГВИА. – Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836.

Назначены в 1-ю армию					
385-я Виленская	Вильно	65-я	Вильно	38-я, 39-я, 40-я, 41-я	Ошмяны
403-я Могилёвская	Сенно	66-я	Лида	42-я, 43-я, 44-я	Лида
404-я Могилёвская	Горки				
539-я Могилёвская	Климовичи				
370-я Минская	Минск				
396-я Могилёвская	Мстиславль				
393-я Могилёвская	Сенно				
537-я Могилёвская	Чаусы				
538-я Могилёвская	Чериков				
361-я Ковенская	Шавли				
Назначены во 2-ю армию					
400-я Минская	Бобруйск			45-я 59-я	Новогеор- гиевск
405-я Минская	Бобруйск			75-я, 76-я, 77-я	Осовец
372-я Минская	Борисов				
365-я Гродненская	Гродно				
386-я Гродненская	Гродно				
373-я Минская	Игумен				
381-я Минская	Игумен				
380-я Минская	Минск				
382-я Минская	Слуцк				
Назначены в 3-ю армию					
417-я Могилёвская	Могилёв				
Назначены в 4-ю армию					
389-я Минская	Мозырь				
388-я Минская	Пинск				
401-я Минская	Пинск				
392-я Минская	Речица				
402-я Минская	Речица				
Назначены в 5-ю армию					
397-я Могилёвская	Быхов			60-я 74-я	Брест- Литовск
399-я Могилёвская	Гомель				
525-я Могилёвская	Гомель				
395-я Могилёвская	Могилёв				
541-я Могилёвская	Рогачёв				

После того, как дружины Государственного ополчения в основном были сформированы, обмундированы и снаряжены, они выступали в поход к местам назначения. Например, 392-я Минская дружина, сформированная в Речице, прибыла в Люблин (Царство Польское); 368-я Минская дружина, сформированная в Новогрудке, находилась в Лыке (Восточная Пруссия); 537-я Могилевская дружина, сформированная в Чаусах, выступила в поход к месту назначения – ст. Радзивилишки Либаво – Роменской ж. д.; 538-я Могилевская дружина выступила в поход 4-го августа из Черикова, 397-я Могилевская дружина 8-го августа выступила в поход из Быхова в Кобрин Гродненской губернии; 377-я Витебская дружина, сформированная в Лепеле, частями (ротами) была направлена в Лиду и на ст. Рожанка, также Гродненской губернии [2, л. 263, 532, 562, 613]. По прибытии в пункты назначения дружины, конные сотни несли караульную службу, службу по охране железных дорог, мостов, этапов транспортов, военных гуртов скота.

Таким образом, мобилизация ратников ополчения и формирование дружин, конных сотен, рабочих рот в белорусских губерниях в основном прошли своевременно и успешно. Имевшие место случаи погромного характера не были многочисленными по числу участников и совершались под влиянием психологического заблуждения в атмосфере вседозволенности и безнаказанности в условиях военной обстановки. Все эти случаи пресекались небольшими силами местной полиции.

Большие сложности были с обмундированием и снаряжением ополченцев. Сначала не был обеспечен доступ к оставленному войсками, по получении доступа к имуществу его оказалось недостаточно. Проблема решалась местными уездными воинскими присутствиями при помощи окружных военных интендантов.

С большим напряжением формировались обозы для ополченских частей. Основной причиной являлась предшествовавшая поставка населением по «военно-конской и обозной повинности» для частей полевых войск. Несмотря на все сложности с обмундированием и снаряжением, сформированные ополченские части в основном были снабжены необходимым и смогли (в большинстве своем) своевременно выступить в поход к местам назначения и приступить к исполнению возложенных на них обязанностей.

Изучив боевой путь соединений и частей русской армии, дислоцировавшихся накануне войны на белорусских землях и в дни мобилизации пополненных местным населением до штатов военного времени, нам удалось установить, что уже в конце 1914 года личный состав дружин государственного ополчения направлялся на пополнение частей действующей армии, понесших большие потери в сражениях. Например, в декабре 1914 г. 447 ополченцев из 371-й Минской дружины (формировалась в Борисове) прибыли на пополнение частей 38-й пехотной дивизии 19-го армейского корпуса, входившего в состав 5-й армии Юго-Западного фронта, занимавшей позиции на территории Царства Польского. Распределив пополнение, командование дало ополченцам нелестную оценку: «как материал для пополнения полевых войск ополчения не особенно подходящий»; «желания воевать у них

нет, все они с удовольствием готовы поскорее вернуться на родину, независимо от того, успешно или неудачно окончится война», «при первой опасности ратники стремятся как-нибудь улизнуть, лишь бы не подвергать опасности свою жизнь» [8, л. 218].

Очевидно, что ратники ополчения из других губерний Российской империи, поступавшие в действующую армию на пополнение, были не лучшими. В частности, в январе 1917 г. в 75-ю пехотную дивизию прибыли 173 ратника из 522-й Тульской дружины, больше половины из которых, по оценке штаба дивизии, «пришли полуодетые, в очень скверных, совсем негодных сапогах. В строевом отношении люди почти неподготовленные; некоторые никогда не держали винтовки в руках, о дисциплине в строю, перестроениях никакого представления». В то же время более положительно характеризовались 180 ратников из 538-й Могилевской дружины, поступившие в дивизию на пополнение. По оценке штаба дивизии, «люди одеты сносно, обувь удовлетворительная, много лишь маломерных сапог, строевая подготовка слабая» [9, л. 291, 294].

Однако война приобретала затяжной характер, войска в сражениях несли огромные потери. В результате требовались все новые и новые пополнения для существующих частей, а также формирование новых полков. В частности, уже в декабре 1915 г. в г. Вознесенске Херсонской губернии из трех Минских дружин государственного ополчения (389-й, 392-й и 402-й, комплектовались в Мозыре и Речице) был сформирован 507-й Речицкий пехотный полк, который затем был направлен в г. Одессу для обучения и боевой подготовки, после чего в составе 127-й пехотной дивизии 5-го Кавказского корпуса участвовал в сражениях на Кавказском фронте. В январе 1918 г. откомандировывались «в свою часть – в 537-ю пешую Могилевскую дружину» (сформировалась в Чаусах) находившиеся в 27-м армейском корпусе 5-й армии Северного фронта солдаты Ботин Николай, Угаров Николай и Окинчиц Григорий [10, л. 33, 51].

Особенно активно реорганизация дружин государственного ополчения и формирование новых полков действующей армии производились в ноябре 1916 г. – январе 1917 г. В частности в этот период, в соответствии с приказами начальника штаба Верховного главнокомандующего, были сформированы 15 пехотных полков, которым были присвоены названия белорусских городов и которые принимали участие в сражениях на Западном, Юго-Западном и Северном фронтах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1932. Оп. 1. Д. 134.
2. РГВИА. – Ф. 1932. Оп. 8. Д. 7.
3. РГВИА. – Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2053. Оп. 1. Д. 74.

5. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49060.
6. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48806.
7. НИАБ – Ф. 300. Оп. 1. Д. 31.
8. РГВИА. – Ф. 2368. Оп. 2. Д. 610.
9. РГВИА. – Ф. 2405. Оп. 1. Д. 300.
10. РГВИА. – Ф. 2232. Оп. 1. Д. 335.

Г. С. Хадасевіч

ДА ПЫТАННЯ АБ АНТЫРЭЛІГІЙНАЙ БАРАЦЬБЕ Ў 1939–1941 ГГ. У ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

Далучэнне заходніх рэгіёнаў Беларусі да БССР восенню 1939 г. стала вызначальнай падзеяй у гісторыі станаўлення беларускай нацыі, якая нарэшце дазволіла беларускаму народу аб’яднацца ў межах адной дзяржавы і аднавіць у поўнай меры гістарычную справядлівасць.

Для дасягнення гэтай мэты новаўтворанная заходняя вобласць Беларускай ССР павінны былі прайсці доўгі шлях, на якім з’яўляліся даволі сур’ёзныя перашкоды і які патрабаваў значнага прамежку часу. Паскарэнне тэмпаў савецызацыі Заходняй Беларусі у 1939–1941 гг. прывяло да істотных ператварэнняў ва ўсіх сферах грамадскага жыцця краю, якія мелі як станоўчыя, так і адмоўныя рысы. Змены адбыліся і ў рэлігійным жыцці рэгіёна.

Савецкая ўлада адразу ж прадэманстравала сваё негатыўнае стаўленне да рэлігійных канфесій, бо яна бачыла ў іх сваіх супернікаў, якія перашкаджалі замацаванню атэістычнай ідэалогіі на новых тэрыторыях. Ва ўсходніх абласцях БССР антырэлігійная кампанія амаль знішчыла Царкву, аднак у заходніх абласцях апошняя мела дастаткова моцныя пазіцыі. Так, як паведамляў сакратар ЦК КП(б)Б У. Малін у пісьме на імя старшыні ўпраўлення прапаганды і агітацыі УКП(б) Р. Аляксандраву ад 27 лютага 1941 г., у заходніх абласцях Беларусі на пачатак гэтага ж года мелася 446 касцёлаў, 542 царквы, 387 сінагог, 14 манастыроў і 1 416 святароў: 617 ксяндзоў, 506 папоў і 293 равіна [1, арк. 26]. Існавалі таксама тут каля 10 розных сектанцкіх арганізацый і груп, якія лічыліся прыхільнікамі артадаксальных вераванняў [Там жа, арк. 27–28].

Усе антырэлігійныя мерапрыемствы, што праводзіліся ў заходнебеларускім рэгіёне ў апошнія перадваенныя гады, адбываліся згодна з пастановамі УЦВК, СНК, НКУС і НКЮ пад жорсткім кантролем з боку ЦС Саюза ваяўнічых бязбожнікаў СССР на чале з Е. Яраслаўскім. Менавіта беларускі філіял ЦС СВБ арганізоўваў чытанні лекцый і дакладаў на атэістычную тэматыку сярод жыхароў гарадоў і мястэчак Заходняй Беларусі. Як адзначалася ў дакладной запісцы сакратара ЦК КП(б)Б У. Маліна ад 26 лютага 1941 г., усяго за 1940 г. было прачытана каля 526 лекцый: з іх 270 лекцый тычыліся прыродазнаўчых тэм і 256 – грамадска-палітычных праблематыкі. На лекцыях прысутнічалі прыкладна 57 тыс. чалавек. Пераважная колькасць лекцый была прачытана па тэмах «Марксізм і ленінізм аб рэлігіі» – 6, «Паходжанне

рэлігіі» – 30, «Маральнасць і рэлігія» – 26, «Царква і дзяржава ў СССР» – 41 і інш. Гэтыя лекцыі чыталі прадстаўнікі партыйнага і камсамольскага актыву і інтэлігенцыі. Аднак не ўсе лектары былі належным чынам падрыхтаваныя да вядзення дыскусій на антырэлігійныя тэмы. Так, напрыклад, студэнт 4 курса Мінскага медыцынскага інстытуту пасля прачытанай лекцыі на тэму «Аб паходжанні чалавека», адказваючы на пытанне слухача «Чаму зараз людзі не паходзяць ад малпаў?», адказаў: «Няма такой у гэтым неабходнасці» [Там жа, арк. 17–19].

Для належнай падрыхтоўкі лектараў у рэспубліцы адкрываліся месячныя курсы. Падобныя курсы працавалі ў Мінску летам 1940 г., на якіх займаліся каля 40 чалавек (з іх 12 – мясцовы актыў) [1, арк. 20].

Значна больш эфектыўнымі паказалі сябе адміністрацыйныя меры, якія выкарыстоўвалі органы савецкай ўлады для абмежавання дзейнасці каталіцкіх і праваслаўных прыходаў толькі душапастырскімі задачамі. Богаслужэнні можна было праводзіць і надалей, але ажыццяўленне дабрачынных мерапрыемстваў спачатку абмяжоўвалася, а потым, з часам, зусім было забаронена. Яшчэ больш балючы ўдар нанесла прыходам савецкая зямельная рэформа, якая не толькі закранула працэс размеркавання царкоўнай маёмасці, але і пазбавіла святароў магчымасці атрымоўваць прыбыткі з зямельных уладанняў [2, с. 293]. На святароў накладваліся вялізныя падаткі, якія ўжо было немагчыма сплаціць з дапамогай ахвяраванняў. Прышлося плаціць нават арэндную плату за карыстанне памяшканнямі сакральных аб'ектаў і за правядзенне ў іх сценах богаслужэнняў. Грашовыя памеры гэтай платы вызначаліся мясцовымі райвыканкамамі ў залежнасці ад таго, ці меркавалася перадаць у будучыні будынак храму нейкай савецкай установе або пакінуць вернікам. Калі ж партыйныя структуры хацелі прыбраць да сваіх рук нейкі сакральны аб'ект, на прыход накладвалася несумерная з фінансавымі магчымасцямі плата, каб пры неабходнасці канфіскаваць храм. Пасля канфіскацыі касцёлы, цэрквы і сінагогі маглі быць ператвораны ў бібліятэкі, сельскія клубы альбо кіназалы [3, с. 198].

У новых палітычных умовах становішча праваслаўных вернікаў стала змяняцца, прычым кардынальна. Найперш гэта было бачна ў тым, што з верасня 1939 г. пачаўся пераход святароў з Польскай Праваслаўнай царквы (ППЦ), якая за міжваенны перыяд набыла аўтакефалію, пад непасрэдную юрысдыкцыю Рускай Праваслаўнай царквы (РПЦ) [4, с. 140]. Аднак не ўсе царкоўныя дзеячы захацелі перайсці пад кіраванне Маскоўскай патрыярхіі. Так, незадоўга да прыходу савецкіх войск у Заходнюю Беларусь, яе пакінулі гродзенскі епіскап Сава (Саветаў) Савацееў і вікарны епіскап Віленскай епархіі Мацвей Сямашка. Перад сваім ад'ездам епіскап Сава паспеў прызначыць кіраўніком Гродзенскай епархіі замест сябе протаіярэя Рыгора Барышкевіча, члена мясцовай кансісторыі і настояцеля гродзенскага кафедральнага сабору. Сам жа епіскап, маючы афіцыйнае грамадзянства Югаславіі, выехаў спачатку ў Берлін, а затым у Румынію, а ў наступным годзе з Турцыі эміграваў ў ЗША [5, с. 44].

На далучаных тэрыторыях РПЦ імкнулася як мага хутчэй падпарадкаваць сабе большасць прыходаў, якія раней належалі ПАПЦ. Так, адразу ж пасля ад'езду з Гродна епіскапа Савы восенню 1939 г. архіепіскап Панцеляймон Ражноўскі, на той момант знаходзячыся на пакоі ў Жыровіцкім манастыры, паведаміў святарам Гродзенскай епархіі аб тым, што ён прымае на сябе кіраванне епархіяй. Гэты крок з боку Маскоўскай патрыярхіі не дазволіў епіскапу Астрожскаму Сымону Іваноўскаму заняць гродзенскую кафедру, бо ён адмовіўся ад прыезду ў мясцовую кансісторыю. Паўнамоцтвы архіепіскапа Панцеляймона падцвердзіў мітрапаліт Маскоўскі і Каломенскі Сергій Страгародскі, які надаў яму тытул Экзарха Патрыярхіі і ўзнагародзіў яго каштоўным крыжам на клобук.

Вясной 1940 г. РПЦ адправіла ў заходнія вобласці БССР дэлегацыю, якая складалася з ацалелых ад рэпрэсій кіруючых архіерэяў – архіепіскапаў Мікалая Ярушэвіча і Сергія Васкрасенскага. Першы быў прызначаны часовым кіраўніком Экзархіі, а ўладыка Сергій у пачатку 1941 г. нават атрымаў тытул мітрапаліта Літоўскага і Віленскага, а ў сакавіку таго ж года ён стаў Экзархам Літвы і Эстоніі. Гэтыя прызначэнні таксама спрыялі пераходу многіх епіскапаў у РПЦ [5, с. 45].

У больш складаным становішчы на заходнебеларускіх землях пасля верасня 1939 г. знаходзілася каталіцкае святарства. Каталіцкая царква канчаткова страціла статус адзінай дзяржаўнай рэлігіі, які раней забяспечваў ёй польскі ўрад, і па сутнасці аказалася па-за законам. Ксяндзы першапачаткова трапілі пад агентурны нагляд збоку НКУС, бо лічыліся інфарматарамі для польскага антысавецкага падполля (і не беспадстаўна) і агентамі нямецкай разведкі.

У адносінах да каталіцкіх святароў і вернікаў савецкае кіраўніцтва прымала як адміністрацыйныя захады, так і выкарыстоўвала рэпрэсіі і палітычны пераслед. Адміністрацыйныя меры ў дадзеным выпадку абмяжоўваліся, напрыклад, ліквідацыяй як фактычнай, так і юрыдычнай рэлігійных школ, канфіскацыяй царкоўнай маёмасці, зямельных надзелаў і інш. Арышты ж ксяндзоў адбываліся даволі часта. Яны абвінавачваліся ў сувязях з польскімі паліцэйскімі структурамі, шпіянажы на карысць замежных спецслужбаў. Служыцелі рэлігійных культаў тут называліся не інакш, як «варожыя, патрыятычна настроеныя контррэвалюцыйныя элементы», якія распаўсюджвалі ілжывыя чуткі сярод мясцовага насельніцтва і праводзілі антысавецкую агітацыю [6, с. 59].

Аднак па меры ўзмацнення наступу на рэлігійныя вераванні каталіцкія святары сталі выступаць у абарону хрысціянскіх духоўных каштоўнасцей, актыўней праводзіць пастырскую працу сярод вернікаў. У сваіх казаннях ксяндзы заклікалі захоўваць веру, прытрымлівацца царкоўных канонаў і традыцый у паўсядзённым жыцці, вучыць дзяцей рэлігіі, не слухаць атэістычную прапаганду і змагацца з савецкім ладам усімі магчымымі сродкамі [5, с. 43].

Падчас антырэлігійнай кампаніі 1939–1941 гг. значна скарацілася колькасць вернікаў у яўрэйскіх рэлігійных грамадах. Савецкае заканадаўства абмежавала дабрачынную дзейнасць іўдаістаў, пазбавіўшы іх права мець вучэбныя ўстановы як рэлігійнага, так і свецкага характару. Таксама забаранялася праводзіць абрады за межамі сінагог, што прыносіла вялікую шкоду фінансавай бяспецы грамад, прымушаючы іх існаваць толькі за кошт ахвяраванняў [7].

Яўрэйскія клерыкалы неаднаразова становіліся ахвярамі сталінскіх рэпрэсій, калі з восені 1939 г. пачаўся працэс па закрыццю яўрэйскіх культавых будынкаў. Органы НКУС пачалі абвінавачваць клерыкалаў ў сувязях з замежнымі міжнароднымі яўрэйскімі арганізацыямі, у шпіянажы на карысць ЗША [Там жа].

Неабходна падкрэсліць, што ў 1939–1941 гг. антысавецкая дзейнасць у Заходняй Беларусі не здолела дасягнуць значных памераў, сфарміраваць сур'ёзны супраціў савецкай уладзе.

У апошнія перадваенныя гады ў заходніх рэгіёнах БССР адбыліся буйныя пераўтварэнні ў жыцці розных канфесій. Антырэлігійная палітыка савецкага ўрада паказала сваю эфектыўнасць на практыцы, карэнна змяніўшы сацыяльнае аблічча грамадства. Атэістычная прапаганда прывяла да закрыцця многіх храмаў, скарачэння колькасці святароў, а работа царкоўных прыходаў у краі была паралізавана ці цалкам прыпынена.

ЛІТАРАТУРА

1. Докладные записки и сообщения ЦК и обкомов КП(б)Б о деятельности церковных организаций и религиозных сект и состоянии антирелигиозной пропаганды в западных областях БССР, работе Брестского областного комитета Общества Красного Креста, ходе набора курсантов в аэроклубы и др.: 13 сентября 1940 г. – апрель 1941 г. // НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 16930. Арк. 1–44.
2. *Бракель, А.* Пад чырвонай зоркай і свастыкай: Баранавіччына ў 1939–1944 гг. / А. Бракель ; пер. з ням. мовы У. Папковіча ; навук. рэд. М. Кароль. – Смаленск : Інбелкульт, 2018. – 486 с.
3. *Латышонак, А.* Гісторыя Беларусі з сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонак, Я. Мірановіч ; навук. рэд. А. Пашкевіч. – Вільня–Беласток : Ін-т беларусістыкі, Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 368 с.
4. *Харченко, О.* Организация церковной жизни в Западной Беларуси (сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г.) / О. Харченко // Беларус. гіст. зборнік. – 2010. – № 33. – С. 142–145.
5. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. : в 2 кн. / НАН Беларуси, Ин-т истории / редкол. : А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Кн. 2. – 335 с.
6. *Ярмусик, Э. С.* Католический Костёл в Белоруссии в годы второй мировой войны (1939–1945) / Э. С. Ярмусик. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 240 с.

7. Розенблат, Е. С. «Еврейские клерикалы» и советская власть в западных областях Белоруссии (1939–1941 гг.) / Е. С. Розенблат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vostslavia.narod.ru/conference/1939/Rosenblat1939.htm. – Дата доступа: 25.03.2023 г.

А. Г. Цымбал

ДРУГАЯ СУСВЕТНАЯ ВАЙНА Ў ГЕРМАНСКИМ ВЕКТАРЫ ПОЛЬСКОЙ ГІСТАРЫЧНАЙ ПАЛІТЫКІ (1991–2023)

Складаныя адносіны паміж Польшчай і Германіяй шмат у чым вызначаюцца няпростай гісторыяй гэтых дзвюх краін, у прыватнасці траўматычнай спадчынай Другой сусветнай вайны. Пасля 1989 г. і посткамуністычнага транзіту кіраванне гістарычнай памяццю і дасягненне прымірэння з Германіяй сталі надзённымі праблемамі. Палітыка мінулага стала цэнтральным фактарам у пераасэнсаванні польска-германскіх адносін¹.

У пачатку 1990-х гг. Польшча праводзіла палітыку актыўнага прымірэння з Германіяй, якое разглядалася як найважнейшая ўмова інтэграцыі з Захадам. Гэты перыяд характарызаваўся інтэнсіўным дыялогам, сімвалічнымі жэстамі і арыентацыяй на пераадоленне гістарычнага цяжару. Аднак да канца 1990-х гг. у Польшчы ўсё часцей гучалі заклікі да Германіі ўзяць на сябе больш поўную адказнасць за злачынствы Другой сусветнай вайны, якія суправаджаліся патрабаваннямі па выплаце грашовых кампенсацый. Па меры эскалацыі палітычнай напружанасці ў 2000–2010-х гг. нявырашаныя праблемы, звязаныя з кампенсацыяй шкоды, прычыненай вайной, і прызнаннем польскай віктымнасці, сталі дамінаваць у адносінах Польшчы і Германіі.

У дадзеным артыкуле аналізуецца эвалюцыя ролі Нямецчыны ў польскай палітыцы памяці з 1991 г., даследуюцца фактары, якія абумоўліваюць спрэчкі вакол інтэрпрэтацыі мінулага. Прасочваецца, як пазітыўная палітыка прымірэння стала адыходзіць на другі план у сувязі з абвінавачаннямі Германіі ў недастатковасці намаганняў па супакаенню ран, нанесеных Польшчы Другой сусветнай вайной. Палітыка памяці застаецца крыніцай дыпламатычных рознагалоссяў і перашкодай для нармалізацыі партнёрскіх адносін.

Дыскусіі аб гісторыі і мадэлях памяці ў Польшчы і Германіі служаць прыкладам таго, што канфрантацыя з мінулым з'яўляецца непераходзячай сілай у сучаснай цэнтральнаеўрапейскай палітыцы. Мэта дадзенага артыкула – адлюстраванне дынаміку гістарычнай памяці, якая ўскладняе польска-германскія адносіны, нягледзячы на неаднаразовыя спробы прымірэння. У ім ацэньваюцца праблемы, якія захоўваюцца ў вырашэнні рознагалоссяў наконт адказнасці і ўвекавечвання памяці аб балючай агульнай гісторыі, у першую чаргу Другой сусветнай вайны.

¹ Даследаванне выканана пры падтрымцы БРФФД у рамках праекта № Г23ИП-021.

Адносіны паміж Польшчай і Заходняй Германіяй былі складанымі: абедзве краіны не падтрымлівалі дыпламатычных адносін, а рыторыка часоў халоднай вайны, якую выкарыстоўвалі іх лідары, не спрыяла перамовам. Першым сур'ёзным жэстам да прымірэння стаў ліст польскіх біскупаў да нямецкіх біскупаў ад 1965 г., у якім былі вядомыя словы: «Даруем і просім прабачэння». Гэты ліст быў сустрэты бурнай рэакцыяй польскіх камуністычных уладаў, але ён распачаў працяглы працэс дыялогу паміж хрысціянскімі коламі абодвух народаў.

Польска-заходненямецкія адносіны пацяплелі, калі да ўлады ў Германіі прыйшла сацыял-дэмакратычна-ліберальная кааліцыя SPD/FDP і Вілі Брандт заняў пасаду канцлера. Сімвалам змены нямецкай палітыкі стаў візіт Брандта ў Варшаву, падчас якога ён усклаў кветкі да Магілы Невядомага Салдата і ўкленчыў перад Помнікам Героям гета.

7 снежня 1970 года кіраўнікі ўрадаў ПНР і ФРГ падпісалі пагадненне аб нармалізацыі ўзаемаадносін, у якім заходняй мяжой Польшчы прызнавалася лінія мяжы па рэках Одэр і Нейсэ.

У першы посткамуністычны перыяд Польшча рабіла прыярытэтам прымірэнне з Германіяй у якасці краевугольнага каменя сваёй знешняй палітыкі. Усё яшчэ знаходзячыся пад моцным уплывам памяці аб Другой сусветнай вайне, польскае грамадства мела глыбокую варожасць да свайго заходняга суседа. Аднак дэмакратычны ўрад Т. Мазавецкага лічыў, што супрацоўніцтва і інтэграцыя з Германіяй служаць польскім нацыянальным інтарэсам. Гэта было часткова матывавана спадзяваннямі на эканамічную дапамогу і ўступленне ў НАТА і ЕС, што ў значнай ступені залежала ад падтрымкі Германіі. Нямецкі ўрад Гельмута Коля адказаў узаемнасцю, прызнаўшы адказнасць за шкоду падчас Другой сусветнай вайны.

Асноўныя жэсты прымірэння ўключалі гучныя публічныя выказванні прызнання адказнасці з боку нямецкіх лідараў, акрамя таго, праводзіліся культурныя мерапрыемствы, якія падкрэслівалі польска-германскае сяброўства. У 1989 г. годзе канцлер Х. Коль і прэм'ер Т. Мазавецкі наведалі набажэнства прымірэння ў Кшыжове, якое разглядаецца як пачатак польска-германскага прымірэння. Візіт Коля пачаўся 9 лістапада ў дзень падзення берлінскай сцяны. На перамовах уздымаліся пытанні мяжы на Одэры і Нейсэ, праблема кампенсацыі страт, панесеных Польшчай у Другой сусветнай вайне, і становішча нацыянальных меншасцей [1]. У чэрвені 1990 г. недатыкальнасць заходняй мяжы Польшчы прызналі парламенты ГДР і ФРГ. Дамова, якая канчаткова ўрэгулявала гэтае пытанне, была падпісана 14 лістапада 1990 года міністрам замежных спраў Рэспублікі Польшча Кшыштафам Скубішэўскім і міністрам замежных спраў цяпер аб'яднанай Германіі Гансам-Дзітрыхам Геншэрам.

17 чэрвеня 1991 г. у Боне прэм'ер-міністр Рэспублікі Польшча Ян К. Бялецкі і канцлер ФРГ Гельмут Коль падпісалі «Дагавор аб добрасуседстве і дружалюбным супрацоўніцтве». Разам з дамовай аб мяжы па Одэры–Нейсэ, парафіраванай з двух бакоў, адкрылася новая старонка ў адносінах паміж дзвюма краінамі [2].

Крыўды мінулага не забываліся, але ж у палітыцы прымірэння Польшчы адзначаўся беспрэцэдэнтны зрух у бок супрацоўніцтва і суіснавання. Гэта кантраставала з інструментальным выкарыстаннем антынямецкіх настрояў польскім камуністычным рэжымам. Нягледзячы на тое, што спрэчкі вакол гісторыі працягваліся, у пачатку 1990-х гадоў назіраўся значны прагрэс у польска-нямецкім збліжэнні.

Адным з кірункаў гістарычнага дыялогу было стварэнне яшчэ ў 1972 г. спецыяльнай змешанай польска-германскай камісіі па падручніках. Яе мэтай з’яўляецца навуковы і дыдактычны абмен у галіне гісторыі, геаграфіі і дыдактыкі. Праца камісіі грунтуецца ў асноўным на аналізе школьных падручнікаў абедзвюх краін, вынікі гэтага аналізу падлягаюць канструктыўнай ацэнцы падчас навуковых канферэнцый і выданнях пад эгідай камісіі. Адной з цэнтральных задач на дадзены момант з’яўляецца вывучэнне гістарычнага наратыву ў падручніках па гісторыі абедзвюх краін і актывізацыя дыялогу паміж двума народамі.

У 2008 годзе кіраўнікі МЗС Польшчы і Германіі даручылі камісіі распрацаваць агульны падручнік гісторыі. Праектная група сумесна з выдавецтвамі стварыла канцэпцыю зборніка кніг «Еўропа – наша гісторыя», які ў тым жа годзе прэзентавалі Франк-Вальтэр Штайнмаер і Вітольд Вашчыкоўскі. У 2020 годзе праект быў завершаны выданнем чатырох тамоў падручніка на польскай і нямецкай мовах [3]. Падручнік быў створаны на аснове інавацыйных канцэпцый навучання, якія сталі вынікам польска-германскага дыялогу, у тым ліку адкрытага бачання гісторыі, яе супярэчлівасці і шматпланавасці. Гэты падручнік не паўтарае ні польскую, ні нямецкую традыцыю выкладання, дэманструе новы спосаб напісання еўрапейскіх гісторый.

Цягам апошніх трыццаці гадоў палякі працягвалі займацца гістарызацыяй польска-нямецкіх адносін. Гісторыя заставалася істотным фактарам германскай знешняй палітыкі Польшчы. Падзеі ўзаемных дачыненняў па-ранейшаму разглядаюцца праз прызму гісторыі. Напрыклад, будова газаводу Nord Stream у польскім публічным дыскурсе атрымала характарыстыку «новага» пакту Рыбентропа-Молатава.

Згаданая раней сустрэча прэм’ер-міністраў Т. Мазавецкага і Х. Коля ў Кшыжове параўноўваецца з пацісканнем рук Конрада Адэнаўэра і Шарля дэ Голя ў 1963 г. перад саборам у Рэймсе.

Падчас святкавання чарговых угодкаў падпісання Дамовы аб добрасуседстве і сяброўскім супрацоўніцтве ад 17 чэрвеня 1991 г. польскія палітыкі падкрэслівалі, што 17 чэрвеня таксама з’яўляецца днём выбуху паўстання рабочых у 1953 г. у ГДР. Яно было падаўлена ўсходнямецкай народнай паліцыяй, арміяй пры дапамозе Савецкай арміі.

Абавязковымі з’яўляюцца сімвалічныя акцыі. Напрыклад, падчас візітаў афіцыйных нямецкіх палітыкаў у Польшчу, незалежна ад мэта, ладзяцца абавязковыя наведванні і ўскладанні кветак на мемарыялах музея Аўшвіц-Біркенаў, пад Помнік Героям гэта ў Варшаве, або адбываецца наведванне Музея Варшаўскага паўстання.

Польскія ўлады не спяшаліся выдаць агрэман новаму паслу ФРГ у Польшчы. Калі нямецкі пасол Рольф Нікель завяршыў сваю дыпламатычную

місію ў Варшаве і на яго месца з нямецкага боку была прапанавана кандыдатура вядомага ў дыпламатычных колах палітыка Арндта Фрэйтаг фон Лорынгховена, выдача згоды на кандыдатуру апошняга зацягнулася на тры месяцы. Прычынай стала мінулае бацькі пасла – афіцэра вермахта часоў Другой сусветнай вайны, які сярод іншых служыў у бункеры Гітлера [4].

У польскім публічным дыскурсе часта гучыць наступны лозунг: «гісторыя ўсё яшчэ раздзяляе палякаў і немцаў». Палякі абвінавачваюць немцаў у сур'ёзным дэфіцыце ведаў пра нацысцкі перыяд, у прыватнасці пра злачынствы, учыненыя ў Польшчы падчас Другой сусветнай вайны, у тым ліку, напрыклад, гаворка ідзе пра перасяленне польскага насельніцтва ў 1939 годзе або паўстанні, якія адбыліся падчас акупацыі Польскай дзяржавы. У гэтым кантэксце згадваецца заява былога прэзідэнта Германіі Рамана Герцага. Да святкавання 50-годдзя выбуху Варшаўскага паўстання у 1994 годзе ў інтэрв'ю нямецкім СМІ ён пераблытаў яго з паўстаннем у Варшаўскім гета ў красавіку 1943 г.

Розным з'яўляецца і падыход да гісторыі. У Польшчы мінулае ўспрымаецца з перспектывы паказу лёса ўсяго народу – ахвяры, у той час як ў Германіі праз прызму лёсаў асобных людзей, у тым ліку выселеных з заходніх і паўночных зямель.

На працягу апошніх трыццаці гадоў у польскай палітыцы адносна Германіі дамінаваў тэзіс “разліку і ўпарадкавання” стаўлення да мінулага. Большасць палякаў па-ранейшаму лічаць, што галоўнай праблемай у польска-нямецкіх адносінах застаюцца гістарычныя пытанні і без іх вырашэння немагчыма будаваць будучыню. У свядомасці значнай часткі польскага грамадства застаецца стэрэатып пра нямецкага нацыста, а немцы і нямецкая дзяржава па-ранейшаму разглядаюцца скрозь прызму атрыманай траўмы вайны. Антынямецкія стэрэатыпы яшчэ жывыя, іх інструменталізацыя стала адной з рыс цяперашняй польскай гістарычнай палітыкі, хоць узаемаадносіны паміж палякамі і немцамі пагоршыліся.

У Германіі раней існаваў прапагандысцкі лозунг «polnische Wirtschaft», пад якім мелася на ўвазе безгаспадарчасць, адсутнасць планавання і манер, але на сённяшні дзень некарысны вобраз Польшчы ў Германіі сышоў у мінулае.

Напружанне ў польска-германскіх адносінах выклікала дзейнасць Саюза выгнаннікаў, нашчадкаў немцаў, выселеных з тэрыторый, перададзеных Польшчы па выніках Другой сусветнай вайны. Саюз планаваў будаўніцтва Цэнтра супраць выгнання ў Берліне. Адназначна крытычную пазіцыю да гэтага праекту заняла Польшча. Акрамя таго, нямецкія арганізацыі выгнаннікаў патрабавалі ад Польшчы кампенсацыі за пакінутую на яе тэрыторыі маёмасць.

Адначасова працягваліся перамовы аб кампенсацыях ахвярам фашысцкіх лагераў і прымусовым работнікам. Вызначаныя памеры выплат у Польшчы называлі сімвалічнымі. У 2001–2006 гг. «Польска-германскае прымірэнне» выплаціла 483 тысячам асоб каля 1 млрд еўра.

10 верасня 2004 г. Сейм Рэспублікі Польшча прыняў пастанову, у якой заклікаў польскі ўрад звярнуцца з патрабаваннямі атрымання ад Германіі

рэпарацый за шкоду, прычыненую падчас Другой сусветнай вайны. Маёмасныя прэтэнзіі нямецкіх арганізацый да Польшчы і польскіх грамадзян называліся беспадстаўнымі.

Адным з важных пытанняў, якія былі ў той час у цэнтры ўвагі, з'яўляўся статус польскай абшчыны ў Германіі. Размова ішла пра атрыманне правоў нацыянальнай меншасці. У гэтым кантэксте гучалі спасылкі на дэкрэт Германа Гёрынга ад 27 лютага 1940 г. Тады Саюз палякаў у Германіі быў забаронены, а яго маёмасць канфіскавана. 27 кастрычніка 2017 г. Сейм Польшчы прыняў пастанову аб ушанаванні памяці з нагоды 95-й гадавіны стварэння Саюзу палякаў у Германіі.

У сярэдзіне лістапада 2017 г. група з больш чым 80 нямецкіх дзеячаў выступіла з ідэяй пабудаваць помнік забітым польскім грамадзянам у цэнтры Берліна. Быў накіраваны зварот у новы Бундэстаг [5], зараз ідзе абмеркаванне гэтай тэмы. У дыскусіі, што пачалася, СМІ нагадвалі, што з'явілася іншая ініцыятыва па ўшанаванні памяці ахвяр нацысцкай акупацыі на Усходзе, што помнік ахвярам Халакосту павінен уключаць таксама значную частку польскіх ахвяраў [6].

У верасні 2017 г. па ініцыятыве партыі «Права і справядлівасць» была створана Парламенцкая група для ацэнкі сумы кампенсацыі Польшчы ад Германіі за шкоду, прычыненую падчас Другой сусветнай вайны. Старшынёй гэтай групы быў дэпутат Аркадзіюш Мулярчык. Паводле разлікаў, агульная сума кампенсацый складала прыкладна 880 млрд даляраў.

18 красавіка 1923 г. польскі ўрад прыняў пастанову аб неабходнасці ўрэгулявання пытанняў рэпарацый і кампенсацый у польска-нямецкіх адносінах у сувязі з нападам Германіі на Польшчу ў 1939 г. і наступнай нямецкай акупацыяй. «Пастанова Рады міністраў фармальна пацвярджае, што ні ў часы Польскай Народнай Рэспублікі, ні пасля аднаўлення суверэнітэту ў 1989 годзе пытанне рэпарацый, кампенсацый і іншых формаў выплат за шкоды, нанесенай Польшчы і палякам падчас Другой сусветнай вайны, не вырашалася» [7].

Польскі ўрад, каб задаволіць сацыяльныя патрэбы і ўлагодніць пачуцці палякаў аб несправядлівых адносінах з Германіяй, 1 верасня 2022 г. апублікаваў “Даклад аб стратах, панесеных Польшчай у выніку нямецкай агрэсіі і акупацыі падчас Другой сусветнай вайны 1939–1945 гг.”.

У дакладзе удакладняецца сума польскіх страт, якія ахопліваюць усе аспекты: чалавечыя, фінансавыя, матэрыяльныя, страты культурнай спадчыны і страты ад вайны. Агульны кошт страт ацэньваецца ў 6,22 трлн злотых, гэта значыць у эквіваленце 1,53 трлн даляраў па курсе на 31 снежня 2021 г.

У дыскусіі аб рэпарацыях узгадваецца дэкларацыя ўрада ПНР ад 23 жніўня 1953 г., паводле якой кіраўнік ураду Баляслаў Берут заяўляў аб адмове ад германскіх выплат. Нагадаем, што тагачасныя ўлады ПНР выдалі яе пад ціскам СССР, што было звязана з новым палітычным курсам Савецкага Саюза ў дачыненні да ГДР.

Такім чынам, супярэчлівасці ва ўспрыняцці памяці аб Другой сусветнай вайне ў Польшчы і Германіі аказалі вялізарны ўплыў на іх адносіны

пасля падзення камунізму. Ранняя палітыка прымірэння Польшчы дасягнула пэўнага прагрэсу ў прызнанні ўзаемных пакут і пераадоленні працяглай варожасці. Аднак у наступныя дзесяцігоддзі аднавіліся рознагалосці наконт ваенных страт, інтэрпрэтацый ахвяр і патрабаванняў гістарычнай справядлівасці.

У той час як станоўчыя ініцыятывы накіраваны на сумесных гістарычных камісій прывялі да больш адкрытага дыялогу, часта ўзнікала напружанне, калі польскія нарратывы траўмы сутыкаліся з выбарчай памяццю Германіі. Вынікае, што нявырашанасць праблемы з выплатай рэпарацый і нежаданне прызнаць значна большымі маштабы польскіх ахвяр у перыяд Другой сусветнай вайны выявілі перашкоды на шляху да прымірэння ў дачыненні да фундаментальнага рознагалосся адносна двухбаковай адказнасці. Да таго ж рознагалосці вакол тэрміналогіі Халакоста, мемарыялаў і памежжа яшчэ больш дэманстравалі нявырашаныя крыўды. Пошук палітычных рашэнняў па кіраванні складаным гістарычным мінулым застаецца адным з галоўных момантаў у пераасэнсаванні гісторыі польска-нямецкіх сувязяў.

ЛІТАРАТУРА

1. Mija 27 lat od polsko-niemieckiej Mszy Pojednania w Krzyżowej // Dzieje.pl [Electronic resource]. – 2023. – Mode of access: <https://dzieje.pl/aktualnosci/rocznica-polsko-niemieckiej-mszy-pojednania-w-krzyzowej>. – Date of access: 29.09.2023.
2. 25. rocznica polsko-niemieckiego traktatu o dobrym sąsiedztwie i przyjaznej współpracy // Dzieje.pl [Electronic resource]. – 2023. – Mode of access: <https://dzieje.pl/aktualnosci/25-rocznica-polsko-niemieckiego-traktatu-o-dobrym-sasiedztwie-i-przyjaznej-wspolpracy>. – Date of access: 29.09.2023.
3. Europa Nasza Historia // Europa Nasza Historia [Electronic resource]. – 2023. – Mode of access: <https://europa-nasza-historia.org/>. – Date of access: 29.09.2023.
4. *Trzecińska-Polus, A.* Trzydzieści lat stosunków polsko-niemieckich w cieniu historii (1990–2020) / *A. Trzecińska-Polus* // *Krakowskie Studia Międzynarodowe*. – 2020. – № 2. – P. 113–127.
5. *Wieliński, B.T.* Niemcy chcą postawić pomnik Polakom zamordowanym podczas drugiej wojny światowej // *B. T. Wieliński* // *Gazeta Wyborcza* [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <http://wyborcza.pl/7,75399,22612024,niemcy-chca-postawic-pomnik-polakom-zamordowanym-podczas-drugiej.html>. – Date of access: 29.09.2023.
6. *Ruchniewicz, K.* Yet Another Memorial in Berlin? // *K. Ruchniewicz* // *Gazeta Wyborcza* [Electronic resource]. – 2023. – Mode of access: <https://public-history-weekly.degruyter.com/6-2018-20/polish-victims-memorial-in-berlin/>. – Date of access: 29.09.2023.
7. Reparacje od Niemiec. Rząd przyjął uchwałę // *Gazeta Prawna* [Electronic resource]. – 2023. – Mode of access: <https://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/kraj/artykuly/8701231,reparacje-od-niemiec-rzad-przyjal-uchwale.html>. – Date of access: 29.09.2023.

АЎТАРЫ ДАКЛАДАЎ І ПАВЕДАМЛЕННЯЎ

Агеенка Таццяна Мікалаеўна – навуковы супрацоўнік Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Баранаў Мікалай Паўлавіч – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Бараноўскі Андрэй Леанідавіч – галоўны бібліёграф навукова-даследчага аддзела бібліяграфіі Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі (г. Мінск)

Благуш Ірына Сяргеёўна – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканамічных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Брыгадзіна Вольга Васільеўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Васілеўскі Валерый Барысавіч – кандыдат ваенных навук, дацэнт кафедры дзяржаўнага і ваеннага кіраўніцтва факультэта Генеральнага штаба Узброеных Сіл Ваеннай акадэміі Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Вуглік Ігар Рыгоравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін і менеджменту, Інстытут сучасных ведаў імя А. М. Шырокава (г. Мінск)

Гарматны Віталь Пятровіч – кандыдат гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік аддзела навейшай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Грабянчук Ігар Васільевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Грэбень Яўген Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта

Гуцько Вольга Леанідаўна – кандыдат культуралогіі, дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Далгоўскі Аляксандр Яўгеньевіч – доктар гісторыі PhD (кандыдат гістарычных навук), намеснік кіраўніка Гістарычнай майстэрні імя Леаніда Левіна (г. Мінск)

Здановіч Уладзімір Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Канцавы Пётр Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры педагогікі і псіхалогіі Магілёўскага дзяржаўнага абласнога інстытута развіцця адукацыі

Крыварот Анатоць Аляксеевіч – кандыдат гістарычных навук, вядучы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Кузняцова-Ціманавя Аляксандра Уладзіміраўна – вядучы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч – кандыдат гістарычных навук, загадчык аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Кушнярэвіч Аляксандр Мікалаевіч – доктар мастацтвазнаўства, прафесар, прафесар кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Літвін Аляксей Міхайлавіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Лушчынская Вольга Уладзіміраўна – доктар філалагічных навук, прарэктар па навуковай працы Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Лютко Сяргей Рыгоравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Майбарада Дзмітрый Уладзіміравіч – кандыдат філосафскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Мазец Валянцін Генрыхавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела навейшай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Мох Алена Мікалаеўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык лабараторыі гісторыка-грамадазнаўчай і сацыякультурнай адукацыі, НМУ “Нацыянальны інстытут адукацыі” (г. Мінск)

Надтачаеў Валерый Мікалаевіч – навуковы супрацоўнік цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Наумава Вікторыя Віктараўна – старшы выкладчык кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Новікаў Сяргей Яўгенавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Плаксіцкі Юры Мікалаевіч – слухач кафедры дзяржаўнага і ваеннага кіраўніцтва факультэта Генеральнага штаба Узброеных Сіл Ваеннай акадэміі Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Папоў Іван Дзмітрыевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Паўночнага (Арктычнага) федэральнага ўніверсітэта (г. Архангельск)

Паўлава Алена Якаўлеўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыка-культурнай спадчыны Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў (г. Мінск)

Сасонкіна Валянціна Фёдараўна – вядучы прывізар-інспектар арганізацыйна-фармацэўтычнага аддзела РУП «Белфармацыя», старшыня клуба гісторыі фармацыі пры Рэспубліканскім грамадскім аб'яднанні фармацэўтычных работнікаў «Фармабел», даследчык (г. Мінск)

Смальнянінаў Міхаіл Мітрафанавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Стралец Міхаіл Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры гуманітарных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Хадасевіч Ганна Сяргееўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі гістарычнага факультэта БДУ (г. Мінск)

Харавец Сяргей Аляксандравіч – старшы выкладчык кафедры дзяржаўнага і ваеннага кіравання факультэта Генеральнага штаба Узброеных Сіл Ваеннай акадэміі Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Хісамутдзінаў Дзінар Рамаліевіч – аспірант кафедры гісторыі Расіі Арэнбургскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта (Расія)

Цымбал Аляксандр Георгіевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Швед Аляксандр Анатольевіч – загадчык установы аховы здароўя “Браслаўская ЦРБ”, урач, даследчык (г. Браслаў)

Шацько Вячаслаў Іванавіч – кандыдат ваенных навук, прафесар, прафесар кафедры ваеннай стратэгіі факультэта Генеральнага штаба Узброеных Сіл Ваеннай акадэміі Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Прывітальнае слова прарэктара ўніверсітэта па навуковай працы Вольгі Уладзіміраўны Лушчынскай	3
--	---

БЕЛАРУСЬ У ПАЧАТКУ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ: ДАКУМЕНТАЛЬНЫ НАРАТЫЎ І ДАСЛЕДЧЫЦКІЯ ПАДЫХОДЫ

<i>Здановіч У. В.</i> Гістарыяграфічнае вывучэнне гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны ў 1990-я – пачатку 2000-х гг: дасягненні і перспектывы	4
<i>Литвин А. М.</i> Участие белорусов в обороне Сталинграда и сталинградцев в партизанском движении в Беларуси (1942–1944)	9
<i>Долговский А. Е.</i> Холокост на Вилейщине: транснациональное юридическое расследование «необычно крупного дела» и локальная культура памяти	30
<i>Новікаў С. Я.</i> Хатынская трагедыя ў наратывах гісторыі, навукі і памяці	33
<i>Паўлава А. Я.</i> Адлюстраванне падзей Вялікай Айчыннай вайны ў матэрыялах фондаў БДАМЛМ (асабістыя фонды паэта А. Куляшова і крытыка А. Кучара).....	49
<i>Попов И. Д.</i> Херренхимзейский конвент как предварительный этап подготовки основного закона ФРГ	56
<i>Хисамутдинов Д. Р.</i> Молодые рабочие – выпускники училищ и школ фабрично-заводского обучения системы государственных трудовых резервов на предприятиях Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период	63
<i>Цымбал А. Г.</i> Працоўныя рэсурсы беларускай вёскі ў перыяд нацысцкай акупацыі паводле трафейных дакументаў НАРБ.....	68

ВЯЛІКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА: ЛЮДЗІ – ПАДЗЕІ – ФАКТЫ

<i>Агеенка Т. М.</i> Дакументы сельскіх, раённых і валасных упраў як біяграфічныя крыніцы.....	77
<i>Барановский А. Л.</i> Великая Отечественная война в судьбах сотрудников Национальной библиотеки Беларуси 1922–1944 годов.....	82
<i>Гребень Е. А.</i> Одно интервью – два информанта (воспоминания жителей Беларуси о германской оккупации 1941–1944 гг.)	91
<i>Гуцько В. Л.</i> Габітус беларусаў у гады Вялікай Айчыннай вайны: агульнае і прыватнае	94
<i>Кулинок С. В.</i> Немецкие разведывательно-диверсионные учебные центры в местах принудительного содержания гражданского населения на территории Беларуси (1942–1944)	98
<i>Крыварот А. А.</i> Дакументы фонду 1450 НАРБ як крыніца даследавання ўдзелу падпольных органаў КП(б)Б і партызан у разлажэнні падраздзяленняў 2-й славацкай ахоўнай (пяхотнай) дывізіі.....	103

<i>Лютко С. Г.</i> Материально-техническое обеспечение партизан Беларуси в годы Великой Отечественной войны	110
<i>Мазея В. Г.</i> Уклад дэпутатаў Вярхоўнага Савета БССР першага склікання ў перамогу ў Вялікай Айчыннай вайне	115
<i>Мох Е. Н., Швед А. А.</i> Учтенные и неучтенные воинские захоронения Городского лагеря (Ролльбан) Шталага 352	124
<i>Надточаев В. Н.</i> Борьба органов госбезопасности с агентурой германских спецслужб на освобожденной территории Беларуси 1944 г.	134
<i>Плакшицкий Ю. Н., Шатко В. И., Хоровец С. А., Василевский В. Б.</i> Использование печатных средств в целях информационно-психологического воздействия на противника (по опыту битвы под Курском)	142
<i>Сосонкина В. Ф.</i> Деятельность фармацевтов еврейской национальности в период оккупации Беларуси (1941–1944)	149
<i>Швед А. А., Мох Е. Н.</i> Лазарет «Пушкинские казармы» лагеря военнопленных Ролльбан Шталага 352	159
<i>Гарматный В. П.</i> Деятельность Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников в Дрогичинском районе Пинской области в 1944 году	169
<i>Стралец М. В.</i> Аб жыцці і дзейнасці П. К. Панамарэнкі – без рэтушы	176

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ВЯКІ ГІСТОРЫІ, КУЛЬТУРЫ І НАВУКІ

<i>Баранов Н. П.</i> Философия Гегеля и современность	182
<i>Благуш И. С.</i> Экономика Германии в условиях санкционных шоков	189
<i>Бригадина О. В.</i> Социально-исторический феномен российского зарубежья в советской и постсоветской историографии	196
<i>Вуглік І. Р.</i> Беларуска-германскія паралелі ў каляндарнай абраднасці летняга цыклу.....	202
<i>Грабянчук І. В.</i> Аднаўленне эканамічнай і сацыяльнай інфраструктуры Бабруйскай вобласці ў 1944–1945 гг.	206
<i>Концевой П. А.</i> Возникновение и развитие железнодорожного транспорта на белорусских землях в период с 1862 по 1913 год	212
<i>Кузнецова-Тимонова А. В.</i> Ветераны Великой Отечественной войны – участники локальных военных конфликтов 2-й половины XX века (на примере представителей Беларуси)	217
<i>Кушнярэвіч А. М., Наумава В. В.</i> Рэйнская кераміка і яе распаўсюджванне ў матэрыяльнай культуры Беларусі	223
<i>Майборода Д. В.</i> Диалогизм в современной интеллектуальной культуре Германии и Беларуси.....	229
<i>Смольянинов М. М.</i> Дружины государственного ополчения белорусских губерний в годы Первой мировой войны.....	234
<i>Хадасевіч Г. С.</i> Да пытання аб антырэлігійнай барацьбе ў 1939–1941 гг. у Заходняй Беларусі	243
<i>Цымбал А. Г.</i> Другая сусветная вайна ў германскім вектары польскай гістарычнай палітыкі (1991–2023)	247
Аўтары дакладаў і паведамленняў	253

INHALT

Grußwort des Prorektors der Universität für die wissenschaftliche Arbeit von Olga Uladzimirovna Luschtschynskaja	3
---	---

BELARUS ZU ANFANG DES GROSSEN VATERLÄNDISCHEN KRIEGES: DOKUMENTARISCHE NARRATIVE UND FORSCHUNGSANSÄTZE

<i>Zdanovich U. V.</i> Historiographische Studie zur Geschichte Weißrusslands während des Großen Vaterländischen Krieges in den 1990er und frühen 2000er Jahren: Erfolge und Perspektiven	4
<i>Litvin A. M.</i> Beteiligung der Weißrussen an der Verteidigung Stalingrads und der Einwohner Stalingrads in der Partisanenbewegung in Weißrussland (1942–1944)	9
<i>Dolgovsky A. E.</i> Der Holocaust in der Wilejka-Region: eine transnationale juristische Untersuchung eines „ungewöhnlich großen Falles“ und lokale Erinnerungskultur	30
<i>Novikau S. Ja.</i> Die Tragödie von Chatyn in den Narrativen von Geschichte, Wissenschaft und Erinnerung	33
<i>Paulava A. Ja.</i> Reflexion der Ereignisse des Großen Vaterländischen Krieges in den Materialien der BDAMLM-Bestand (persönliche Mittel des Dichters A. Kuljaschou und des Kritikers A. Kutschar)	49
<i>Popov I. D.</i> Herrenchiemseer Abkommen als Vorstufe zur Ausarbeitung des Grundgesetzes der Bundesrepublik Deutschland	56
<i>Khisamutdinov D. R.</i> Junge Arbeiter – Absolventen von Schulen und Schulen der Fabrikusbildung des Systems der staatlichen Arbeitskräfte reserven in Unternehmen der Region Chkalov während des Großen Vaterländischen Krieges und der Nachkriegszeit	63
<i>Tsybal A. G.</i> Arbeitsressourcen des belarussischen Dorfes während der Zeit der Nazi-Besatzung auf den Grundlage der Trophäendokumenten von NARB	68

DER GROSSE VATERLÄNDISCHEN KRIEG: MENSCHEN – EREIGNISSE – FAKTEN

<i>Ageenka T. M.</i> Dokumente von Land-, Kreis- und Dorfverwaltungen als biografische Quellen	77
<i>Baranovsky A. L.</i> Der Große Vaterländische Krieg im Schicksal der Mitarbeiter der Nationalbibliothek (1922–1944)	82
<i>Hreben Y. A.</i> Ein Interview – zwei Informanten (Erinnerungen der Einwohner von Belarus an die deutsche Besatzung 1941–1944)	91
<i>Gutko V. L.</i> Gewohnheiten der Weißrussen während des Großen Vaterländischen Krieges: allgemein und privat	94
<i>Kulinok S. V.</i> Deutsche Aufklärungs- und Sabotage-Ausbildungszentren an Orten der Zwangsverhaftung der Zivilbevölkerung auf dem Territorium Weißrusslands (1942–1944)	98
<i>Krivarot A. A.</i> Dokumente des NARB-Fonds 1450 als Forschungsquelle über die Beteiligung von Untergrundorganen der KP(b)W und Partisanen an der Auflösung von Einheiten der 2. Slowakischen Garde-(Infanterie)-Division	103

<i>Lyutko S. G.</i> Materieell-technische Versorgung der Partisanen von Belarus während des Großen Vaterländischen Krieges	110
<i>Mazets V. G.</i> Beitrag der Abgeordneten des Obersten Rates der BSSR der ersten Einberufung zum Sieg im Großen Vaterländischen Krieg	115
<i>Mokh E. N., Shved A. A.</i> Erfasste und nicht erfasste Militärgräber des Stadtlagers (Rollbahn) des Stalag 352	124
<i>Nadtochaev V. N.</i> Der Kampf gegen Agenten der deutschen Sonderdienste im befreiten Gebiet der Weißrussischen SSR im Jahr 1944	134
<i>Plaksitsky Yu. N., Shatko V. I., Khorovets S. A., Vasilevsky V. B.</i> Die Nutzung gedruckter Medien zur Information und psychologischen Beeinflussung des Feindes (basierend auf den Erfahrungen der Schlacht von Kursk)	142
<i>Sosonkina V. F.</i> Aktivitäten jüdischer Apotheker während der Besetzung Weißrusslands (1941–1944)	149
<i>Shved A. A., Mokh E. N.</i> Krankenrevue „Puschkin-Kaserne“ Kriegsgefangenenlager Rollbahn des Stalag 352.....	159
<i>Garmatny V. P.</i> Aktivitäten der Außerordentlichen Staatskommission zur Feststellung und Untersuchung der Gräueltaten der Nazi-Invasoren und ihrer Komplizen im Bezirk Drogichinsky der Region Pinsk im Jahr 1944	169
<i>Strelets M. V.</i> Über das Leben und Wirken von P. K. Ponomarenka – ohne Retusche	176

WEISSRUSSLAND UND DEUTSCHLAND: JAHRHUNDERTE GESCHICHTE, KULTUR UND WISSENSCHAFT

<i>Baranov N. P.</i> Hegels Philosophie und Moderne	182
<i>Blagush I. S.</i> Die deutsche Wirtschaft im Kontext der Sanktionsschocks	189
<i>Brigadina O. V.</i> Soziohistorisches Phänomen der russischen Diaspora in der sowjetischen und postsowjetischen Geschichtsschreibung	196
<i>Wuglik I. R.</i> Belarussisch-deutsche Parallelen im Kalenderritualismus des Sommerzyklus	202
<i>Grabjantschuk I. V.</i> Wiederherstellung der wirtschaftlichen und sozialen Infrastruktur der Region Bobrujsk (1944–1945)	206
<i>Kontsevoy P. A.</i> Die Entstehung und Entwicklung des Eisenbahnverkehrs auf belarussischen Gebieten im Zeitraum von 1862 bis 1913	212
<i>Kuznetsova-Timonova A. V.</i> Veteranen des Großen Vaterländischen Krieges – Teilnehmer an lokalen militärischen Konflikten der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts (am Beispiel von Vertretern Weißrusslands).....	217
<i>Kushnyarevich A. M., Naumova V.V.</i> Strahlenkeramik und ihre Verbreitung in der materiellen Kultur Weißrusslands	223
<i>Mayboroda D. V.</i> Dialogismus als Grundlage moderner Geisteskultur in Deutschland und Weißrussland	229
<i>Smolyaninov M. M.</i> Staatliche Miliztruppen der belarussischen Provinzen während des Ersten Weltkriegs	234
<i>Khadasevich H. S.</i> Zur Frage des antireligiösen Kampfes 1939–1941 in West-Weißrussland.....	243
<i>Tsymbal A. G.</i> Der Zweite Weltkrieg im deutschen Vektor der polnischen Geschichtspolitik (1991–2023)	247
Verfasser der Beiträge und Berichte	253

Навуковае выданне

**БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ:
ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ**

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі

Мінск, 7 красавіка 2023 г.

В ы п у с к 2 2

Адказны за выпуск *С. Я. Новікаў*

Рэдактары: *В. М. Васілеўская, В. С. Забродская, К. І. Кавалёва*

Ст. карэктар *С. А. Іванова*

Праўка камп'ютарнага набору *С. Я. Новікава*

Камп'ютарная вёрстка *Т. С. Салаўёвай*

Падпісана ў друк 27.03.2024. Фармат 60×84 ¹/₁₆. Папера афсетная. Гарнітура Times New Roman. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 15,11. Ул. выд. арк. 17,92. Тыраж 100 экз. Заказ 9.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: установа адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт». Пасведчанне пра дзяржаўную рэгістрацыю выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў ад 02.06.2014 г. №1/337. ЛП № 38200000064344 ад 10.07.2020 г.

Адрас: вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск.